

ЮЖ ЦОЕ СИЯ ПИЕ

Одесский литературно-художественный журнал

1(37)'2021

Главный редактор Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор Сергей ГЛАВАЦКИЙ

> **Отдел поэзии** Людмила ШАРГА

Отдел прозы Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения Евгений ДЕМЕНОК

Отдел литературной критики Александр КАРПЕНКО

Общественный совет:

Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев), Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск), Вера Зубарева (Филадельфия), Андрей Костинский (Харьков), Марина Матвеева (Симферополь), Юрий Работин (Одесса), Олеся Рудягина (Кишинёв), Анна Стреминская (Одесса).

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г. Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

> E-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru Интернет-версия журнала: ursp.org

> > © «Южное Сияние», 2021

	RNEEOH
Одесса: Александр Хинт. Свинцовое море сродни неподвижной погоде. Стихотвор	ения 4
Одесса: Ирина Дубровская. За откровенье в голосе поющих. Стихотворения	9
Одесса: Людмила Шарга. Строю свой Аркаим. Стихотворения	
	ПРОЗА
Одесса – Торонто: Алёна Жукова. По дороге в Таиланд. Повесть	
· 1 / · · · 1	
	RNEGOLI
Харьков: Андрей Костинский. Засохший воздух гербария. Стихотворения	
Мытищи: Елена Севрюгина. Твой безупречный эфемир. Стихотворения	
Борнмут: Борис Фабрикант. Туман, как стёртый старый лист. Стихотворения	
Dopinayi. Dopine & aopinami. 1 y man, kak etepibin etapbin knet. Omaxomoopouun	J1
	ПРОЗА
Одесса: Вероника Коваль. Ночь на Паучьем острове. Рассказ	
Черноморск: Светлана Полинина. Встреча с Эдгаром По. Рассказ	
черноморск. Светлана полинина. встреча с одгаром 110. гаилаз	09
	RNEGOII
O T A F	
Одесса: Тина Арсеньева. Баллады	
Одесса – Германия: Лев Либолев. Лёгкий флёр морфеевых проказ. Стихотворения	
Одесса: Татьяна Партина. Кто доживёт до весны? Стихотворения	85
	א זיבור או אין
	ДРАМАТУРГИЯ
Москва: Александр Карпенко. Любовь сызнова. О фильме Романа Михеенкова «Страсти	
по пьесе Н. Гринберг «Ровесники – ровесницы»	
Майами: Наталья Гринберг. Ровесники – ровесницы. Три истории о любви	92
	RNEEOH
Москва: Михаил Синельников. Смешливый этот город южный. Стихотворения	
Киппинёв: Татьяна Некрасова. Свет расходится кругами. Стихотворения	
Единцы: Сергей Пагын. Инородным над землёй. Стихотворения	114
	СЦЕНАРИЙ
Одесса: Виктория Колтунова. Шкаф. Сценарий короткометражного фильма	118
	ПЕРЕВОДЫ
Аунза Глюк. Поэзия. В переводах с английского Сергея Батонова	
, 1	
	ПРОЗА
Одесса: Евгений Деменок. Хорошо. Путевая проза. Начало	
	17.(1
	120
Черноморск: Ирина Василенко. Стихотворения (с предисловиями Людмилы Шарга и Леони	«ФОНОГРАФ»

	«OKOEM»
«Молясь своей единственной мадонне».	152
Стихи финалистов конкурса Ежегодной Международной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» 2020 года (Юрий Татаренко, Алина Серёгина, Елена Уварова, Сергей Кривонос, Юрий Клавдия Смирягина, Светлана Пешкова, Евгений Иваницкий, Людмила Баневич, Марк Шехтман,	Макашёв,
Дмитрий Курилов, Михаил Четыркин)	153
	133
« (	СЕТЧАТКА»
Москва: Станислав Айдинян. Анатолий Корнелиевич Виноградов – судьба и творчество п	исателя 161
Москва: Станислав Айдинян. Стендалевская линия в романах А.К. Виноградова	164
«Λ	.итмузей»
Одесса: Евгений Деменок. Давид Бурлюк. Сувениры.	
Стихи из альбома в парчовом переплёте. Продолжение	176
Давид Бурлюк. Стихотворения	180
Уфа: Янина Свице. Кумысные вирши Саши Чёрного	191
Саша Чёрный. Кумысные вирши	195
Феодосия: Владимир Спиртус. Арсений Тарковский – стихия чуда. Эме	200
«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНЫ СЕВ	РЮГИНОЙ
Слова, которые внутри. О книге Натальи Хмелёвой «Ген любопытства»	205
Пробел между строками. О книге Бахтияра Амини «Вкус отражения»	
Лицом к лицу со злом. О книге Дмитрия Воронина «Душевные пляски»	
Так идут во внутренние поля О книге Елены Пестеревой «В мелких подробностях»	
«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА I	КАРПЕНКО
Верофилософия Константина Кедрова.	
О двухтомнике Константина Кедрова и Елены Кацюбы «Восьмигласие мироздания»	215
Иновиденье Александра Спарбера. О книге «Жизнь засекомых»	218
«Изнуряя дух и плоть». О книге Светы Литвак «Агынстр»	220
Двое на качелях. О книге Олега Бажанова «Не кончается синее море»	
Пирамида, упавшая на колени. О книге Олега Никофа «Кардиограмма молитвы»	
«Обыденность преображая в слово». О книге Ирины Денисовой «Стихопричастное»	226
«Увидеть в подлиннике Россию». О книге Валерия Прокошина «Тяжелей чернозёма»	228

АЛЕКСАНДРІХИНТ

СВИНЦОВОЕ МОРЕ СРОДНИ НЕПОДВИЖНОЙ ПОГОДЕ

SIDE A

Море лечит глазницу, меняется берегами, ворожит на границе забвений и недомоганий. Лунной пылью рецепты запишутся, мелким кеглем. Что потеряно на огне – то найдётся в пепле,

побелеет, как новое лето, войдя в привычку, в обиходную речь параллелей и меридианов. На соседнем карнизе, о чём молчит эта птичка? Что недавно летала над армией Чингиз-хана.

Это время сжимается, кровь превращая в лечо, деформирует звёздные камни — но море лечит. Разливается Нил. В Кордильерах живёт секвойя, древо старше Иисуса, и старше кириллицы — вдвое

***

Когда всё известно, занесено на целлюлозу имеющий уши – развесит имеющий тени – отбросит и через плечо трижды сплюнет настойчивый рот если есть ещё плечи на торсе

К концу кругосвета не помнишь строение бухты в порту назначения, бакены, нежные губки и, чувствуя землю, цветёт-распускается грот приземляя матроса на булки

Здесь надо заметить: порой сухопутные рожи уродливей черепа, и над волной чёрный Роджер милей упырей на имперских гербах те в грехах закоснели потверже

А трюмы полны, чудесами и просто мешками тельцами племён, ароматами сверх ожиданий там весело бредят мускаты, анис, кардамон аллергены разочарований

Табак и бочонок ямайского – чем не награда цена за подробности ада, за месть Эльдорадо веревку на рее, и призрак цинги что весной уволок полкоманды

Но есть и покруче дары для родимых заливов изгрызенный крысой маис создаёт перспективу чумы, или прочей заразы — и, выйдя на рейд, держи 40 дней карантина

Хотя веселей 40 лет: в океанской пустыне уходишь от рабской земли – прямо в рабство гордыни по схеме Улисса освоить пути забавы богов и святыни

И воды смыкаются, годы становятся днями и звёздная манна включается, Эльма огнями вдали – и, преследуя даль, корабли напевы сирен оттоняют

А, значит – добычу за борт! – не зевать на штурвале кричать «поворот», буде только «земля» прокричали и это предлог, повернуться для плоской Земли лицевой стороною медали

Так было и ранее, до испытания Ноя один капитан, неживое задев за живое подобно Голландцу являясь во тьме носился, как дух над водой

SIDE B

Ветра нет у листвы итальянская забастовка паутина июля летает повсюду где тонко мошкару добирая до сотни — но нажатье планшета отпускает жертву

Виртуальное лето плодит виртуальную стужу если вымолишь дождь приготовься ходить по лужам а у ветра – которого нет – что сегодня ни спросят изо рта только осень

Только танго, сменившее лик по причине COVID-а на невидимый танец из церкви Святого Витта роковой, но лишённый сомнения и сантиментов потому что нет ветра

И свинцовое море сродни неподвижной погоде там, на руку надетый, игрушечный теплоходик по спине горизонта выгуливает машину уплывая над ширмой

***

Розенкранц и Гильденстерн мастера учтивых фраз комментатор и эстет, Гильденстерн и Розенкранц листопады без листвы, мизансцены облаков повторяют, что мертвы дураки из дураков

В Эльсиноре лишь игра избавляет от хлопот замечает Розенкранц, восходя на эшафот за неразличимость лиц Гильденстерны всей страны добираясь до кулис делу Гамлета верны

«Это древняя игра», – намекает Розенкранц «Это розы на кресте», – отвечает Гильденстерн

Но высокие кресты заменили шестернёй краны гильдии пусты, розы поросли стернёй и тяжёлы жернова для сонаты Крейцера ибо гильден-стерново то, что розен-крейцево

Роль с начала разыграть выпадает не для всех замечает Розенкранц – но спасибо, Гильденстерн! а, вернее, голова, что докатится на плац говорит слова, слова но спасибо, Розенкранц

SIDE C

Бабье лето, аврал, косметолог шифрует морщины ларинголог обходит палату: что слышно вообще? офтальмолог твердит, я на ощупь не вижу причины надо глубже дышать, соблюдать рацион овощей

Бабье лето в ударе, всё те же горячие ткани снова охра и сурик, вчерашние слёзы травы только мяч устарел окончательно, наша Таня или в реку скатился, а там не утонешь, увы

Это песня конвейера, Лета, железная лента репетирует хор, отдавая воде голоса по касательной падает лист, что не станет легендой но окажется греческим мифом спустя полчаса

Но окажется – времени нет кроме времени года и, дотла продолжая гореть мириадами рощ с безупречной спиной удаляется в склеп Антигона на пороге зимы разрешая назойливый дождь

58 x 10

1.

Опять зима, сбежавшие с картин сугробы, вёрсты и косые сажени. Вселенский карантин для тарантин закачивает нефть назад, по скважинам, по капле хронология огня ушедший мир переливает в завтра. Теперь уже ясней, день ото дня, как вымирала тётка динозавра

2.

Природа начеку. Столы на свадьбе украшены телами братьев меньших, их жёнами и слугами, их знатью, от проигравших и до потерпевших. Нальём за выживание! До дна я, по просьбе окружающих и прочих. Подарки, конфетти — держи, родная, кольцо, на тонкой пищевой цепочке

3.

Как аргонавты отданы Палладе, до дна — так, измеряя каждый день итог температуры по палате, непросто выйти за её предел, за семь дорог и двадцать две молвы, и три молитвы на исходе лета. Малевич был дальтоником, увы, квадратный вирус ультрафиолетов

4

Качается за окнами каштан, в июне закрывает этажи. Дыхание неизлечимый штамм, период инкубации вся жизнь, но мало кислорода и вакцин, и трубка пережата бечевой. Вот лейкоциты, вот эритроцит. И более об этом – ничего

5.

Детектор отзывается огнями, призывом, отвечать пока зелён: зачем к ненастоящему склоняли продолженное неопределённое? И это не шаги Калипсо, не сон, который можно переждать. Наотмашь по щекам бросая листья, оно не закрывает свой гештальт

6.

Герой есть обещание потери, и сам себе отращивает Брута на черный понедельник — будто пленник освободился из темницы, будто свобода это патина на меди, грехи, шероховатые сюрпризы. Порою у Асклепия аппендикс важнее остального организма

7.

Аюбые деньги, чтобы не растить личинки изменений. Эволюция несовместима с разрешеньем петь, любые, даже ангельские терции – имущество своих эпох. В кургане лежат обломки упований, но кувшин и чаша всеми черепками впитали левантийское вино

8

Гортанный звук опережает руки Дездемоны, но неразрывна связь, и даром, что в традиции кабуки любой Шекспир слегка однообразен и полон эстетических иллюзий. Нанайский хор рыдает по Гомеру. История, как медленная люстра, что иногда срывается в партер.

9.

Ещё немного, горькой карамелью, шуршания листвы над головой. Мы долго выходили из «Шинели», теперь бери её, пошли домой, там пыль играет бежевым лучом, цветные занавески и герани. Кто умирал от жажды над ручьем способен всё забыть, не умирая

Побочное движение, стрекоза, стеклянная от света хризантема зависла, как намеренье сказать на языке невысказанной темы. Она плывёт по комнате, едва, свивая траекторию живую, и знает от рождения слова, которых до сих пор не существует

ИРИНА ДУБРОВСКАЯ

ЗА ОТКРОВЕНЬЕ В ГОЛОСЕ ПОЮЩИХ

ИМЯ

Меня хотели назвать Татьяной. Меня хотели назвать Мариной. У папы с мамой менялись планы В тот год далёкий, почти старинный.

Дочурке месяц, уж срок немалый, Но шли дебаты у них негладко. И даже Зоей я чуть не стала – Оригинально, свежо и кратко.

Но тут бабуля вмешалась резко:

– Довольно спорить, уймитесь, дети! – Как старший в доме сказала веско. – Быть ей Ириной. И я в ответе

За это имя – в нём мир и благо. Как оказалось, в нём трепет лирный, Порою робость, порой отвага, И червь сомненья, совсем не мирный.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Всё в прошлом уже, за туманом, за дымом, — Как будто привиделось мне, И рядом стоят нелюбимый с любимым, И оба теперь наравне.

Когда говорили: «Проходит и это», Поверить никак не могла. А вот ведь прошло, будто не было лета – Того, где себя стерегла

От собственной воли рвануться к окошку В ответ на любовную блажь И – вниз, по-кошачьи, ведь женщина – кошка, Подумаешь, пятый этаж...

Одно лишь меня удержать и сумело: Не жизнь я хотела прожить, А самое главное женское дело В ней выполнить — сына родить. $@@ \infty \infty$

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

И всё получилось, и всё состоялось, И стало почти как у всех. И я стихотворной строкой расписалась За свой несодеянный грех.

Откуда стих? Из внутренних глубин. Он так же с существом моим един, Как слух и голос, сердце и душа. Растёт в утробе, впитывать спеша Всю гамму чувств, всю мыслей кутерьму. И верю и не верю я ему. Он кровь моя, а в ней обмана нет. Но день пройдёт, дневной погаснет свет. За ним другой, неведомый пока. Вот так и стих – лишь гость издалека. А что за дичь у гостя на уме, То тайна есть, сокрытая во тьме.

***

Я всё же за мелодию стиха, Не терпит слово звяканья и лязга. Как нежность настоящая тиха, Так ритм строки – не дьявольская пляска,

А отзвук той гармонии, что есть, Что теплится ещё в небесных кущах. Я всё же за божественную весть, За откровенье в голосе поющих,

За ясный ум, за сердца детский пыл, Объятого томительною дрожью. И как бы жар потухший ни чадил, Я всё же за неё, за искру Божью.

***

Не верьте поэту, не верьте, Когда, подбирая слова, Он будет о жизни и смерти Воздушные ткать кружева.

В своём поэтическом раже Он высших исполнится нег, И вы не заметите даже, Как кончился в нём человек.

Томимый диковинной речью, Дрожащий, как в небе звезда, Он глохнет к беде человечьей, И только к своей – никогда.

Но если он скажет, что смерти Знаком ему голос и вид, Поверьте поэту, поверьте, Он знает, о чём говорит.

***

О нет, не сразу нас засыплет снег, На брег не в одночасье хлынут волны. Когда уходят смыслы, человек Ещё живёт, бессмыслицею полный.

Ещё существованьем занят он И финиша не чувствует, бедняга. Но пустоты глухой тягучий звон Всё громче в нём, и жизненная влага

Уходит прочь. В нём нет уже тепла, Поскольку душу смерть опустошила И в ней, как птица хищная, свила Себе гнездо и яйца отложила.

А он живёт. Он долго может жить Бессмысленной пустою оболочкой. И даже стихотворной может строчкой В пространство пустоту свою излить.

Поклонники вручат ему цветы И не поймут, уже пустые сами, Что больше нет согласья с небесами, Что тьма пришла в обличье пустоты.

***

Ощущение жизни слабеет.

– Отчего? Почему?

– То душа твоя тяжко болеет, Погружаясь во тьму.

Как же вызволить бедную душу,
Чем её исцелить?
Надо жить, чистоты не нарушив,
И кого-то любить.

Хоть кого-то любить без оглядки, Пуще жизни самой, Чтобы душу отдать без остатка, Ибо адскою тьмой

То берётся, что не отдаётся.

– Отдаю, отдаю!

Только смертная ночь подберётся – Ей о жизни пою!

Выхожу на простор многоточий, Исхожу из корней. Только жизнь, ведь она всё короче, Только ночь всё длинней.

***

Отчалить от берега – и в никуда, По зову ничьей трубы. Чтоб только не съела тебя среда, Чтоб общей бежать судьбы.

Как всё изменилось – и берег чужд, И чуждо на нём житьё. – Стареешь, глупеешь и мелешь чушь. А где же житьё – твоё?

Да вот же оно – на семи ветрах,
В седых облаков гряде,
В подземных пещерах и на горах, – Везде оно и нигде.

Но только не там, где стоит вода И зыбка в трясине гать, Где мёртвою хваткой берёт среда, Чтоб душу твою забрать,

Язык твой прикончить и закопать И волю твою сломить. В зловонной воде только смерти ждать, Ан нет, принуждают жить.

***

Не в том беда, что нет своих, А в том, что и свои Едва ль поймут, о чём твой стих, Мучения твои. Ведь даже зная, что к чему, Эпохи чуя смрад, Они привыкнут ко всему, Поскольку жить хотят. И скажут: ладно, что ж теперь... И отойдут ко сну. И только ты один, как зверь, Всё воешь на луну.

***

Пламенный, стань умеренным, Словно под ноль остриженным. Чтобы не быть осмеянным, Чтобы не быть униженным,

Сердце своё горячее Спрячь подо льдом учтивости. Не торопись с отдачею, Толку в твоей ретивости...

Видишь, с кривой усмешкою В Бога плюёт убожество? Встань королём над пешкою, Молча презри ничтожество.

Душу свою нетленную Не выставляй пред варваром. Чтоб уберечь бесценную От бесовского варева,

В мир, что урчит угробою, Выйди по кромке бритвенной, Вооружась не злобою, Но чистотой молитвенной.

***

Нет, жизнь ещё не кончила свой срок, Ещё хрипит, у края бездны бьётся. И с каждого взимается оброк, И каждому по вере воздаётся. И каждый остаётся при своём: Слепец – при слепоте своей куриной, При мерзости – мерзавец и при нём – Весь род его, несметный и старинный. При мудрости – мудрец: ему видней Всё то, что от слепца сокрыто тьмою. А ты, душа, – при свете божьих дней, Отягощённых мукою земною.

***

Пока ещё чувствуень что-то, Пока ещё птицы поют, И солнечный диск за работой, И греет домашний уют, Работай и ты понемногу И веруй в закон бытия, Пока ещё длится дорога, Земная дорога твоя. И радость, и грусть, и заботу Прими, ни о чём не скорбя, Пока ещё любишь кого-то И кто-то, быть может, — тебя.

ЛЮДМИЛАШАРГА

СТРОЮ СВОЙ АРКАИМ

***

Август тайно повенчан с разлукой. От щедрот на прощание наговорит, напоёт, нашепчет на воду, звёзд отсыплет... Перемешает полуденным лучом-стилетом: пей своё лето. Запомни каждое слово из наговора, каждую упавшую звезду, и когда вода сделается холодной и тёмной, как оставленный город, где хозяйничают осенние ветра – пей своё лето до дна горнее и мирское, вечное и сиюминутное, веси земные – хляби небесные... Не верила, что всё это может смешаться? Дорога всегда одна: к морю – или от моря. Пей своё лето до дна. Последний глоток в канун осеннего равноденствия не оставит тебе никаких шансов.

*

Первое чёрное платье – маленькое – счастливое чёрное, напоминающее газелий взгляд Одри и уличного кота, для которого - к сожалению - хоть он и прослыл учёным, цепи не нашлось достойной, златая – а всё ж – не та. Второе чёрное платье – вечерне-синее, летящее воспоминание о театральных ложах, о Верди, Шуберте, Моцарте и Россини – прикосновение сумерек к тонкой прохладной коже. Цвета пепельной розы – третье чёрное платье, выдыхающее по-французски: о, мой Валансьен; вздрагивающее в чьих-то беглых пустых объятиях, повторяющее в забытьи: мadame, monsieur Четвёртое чёрное платье – тончайшего серого шёлка, низка жемчуга Микимото – его божество. Можно выбрасывать всё остальное – или снести на барахолку. Жемчуг – или забвение. Всё – или ничего.

Пятое чёрное – белое, к нему что-то ещё полагалось – то ли пара хрустальных туфелек,

то ли фата,

то ли диадема...

Безвозвратно утраченное, безделица – самая малость, то, без чего это платье я уже никогда не надену.

Мне бы – моё, льняное, с расшитым воротом и рукавами,

чтобы лететь дальше -

над морем,

над миром,

над бездной,

иногда останавливаться,

проливаться дождём и... словами,

удивляясь: вспомнилось всё,

что давно исчезло.

Я искала разгадку любимого чёрного платья,

на рассвете выписывая последнюю

заведомо – лишнюю строфу,

а они перешёптывались:

опять она за своё, пишет и пишет,

может быть, хватит –

пять моих чёрных платьев

в приоткрытом кем-то шкафу.

*

Каждый пишет свою книгу.

Но далеко не каждый сохраняет написанное.

Это делает кто-то неведомый и невидимый.

Иногда он открывает своё имя.

И никогда – лицо.

Человек, повернувшийся к востоку спиной, не удивлён восходом.

Он удивится, если однажды солнце не взойдёт.

Он привык.

Так привыкают к электричеству, называя его светом –

прикосновения к выключателю выкачали всю магию.

Так привыкают к алому парусу.

К любимым.

...привычка слывёт нежнейшей из убийц...

Содержимое перемёта – нехитрое приспособление для рыбарей-лентяев – интересует человека, повернувшегося к востоку спиной, куда больше,

чем восходящее солнце.

Я же удивляюсь всякий раз, когда вижу восход.

Когда смогу равнодушно повернуться к нему спиной – жизнь моя окончится

в ту же секунду.

Жить станет незачем здесь, на Земле.

В Доме Восходящего Солнца.

*

Сила притяжения мест, где был счастлив, равна былому счастью.

Сила притяжения боли мест, где был счастлив, в тысячу раз больше.

Из мест, где был счастлив, выкачан воздух.

Выдышан.

Счастливые дышат глубже.

Их вдох бесконечно долог,

их выдох – целая жизнь,

уместившаяся в день,

в час,

в минуту.

В местах, где был счастлив, время дискретно.

Прерывисто – как дыхание.

Туда можно войти дважды, трижды, четырежды...

Хватило бы только сил.

Из мест, где был счастлив, выкачан воздух.

Выдышан на несколько жизней вперёд.

Встретишь себя и не удивишься –

пройдёшь мимо, уверовав в невозможность происходящего.

 $\Theta \Theta \Theta$

Ветка акации вздрагивает в абсолютном безветрии.

Потаённые сквозняки гуляют в твоей душе.

Не понять, что это, сердце или ветка акации вздрагивает от твоего дыхания.

Ты научился дышать заново.

Ты дышишь.

В месте, где выдышан воздух,

В месте, где был счастлив.

*

Кто-то скажет тысячу слов, летучих и ярких.

Кто-то два-три – не больше, но станет заглядывать в глаза,

пытаясь высмотреть сокровенное –

то, что хранят в зенице ока от чужих, от своих, а пуще всего – от себя.

Кто-то бросит расхожее: как дела, не задумываясь, что

ответ на пустоты один – пустота.

Ходишь по кругу, путаясь в пустотах, словах, вопросах и липких взглядах,

отвечая: всё хорошо у меня, хорошо, и будет лучше,

и в конце концов сам уверуешь в эту простую формулу-завесу, формулу-маску.

Но однажды придёт тот, кто просто возьмёт тебя за руку

и ни о чём не спросит.

На тридцать секунд земная ось изменит угол наклона.

Земной шар замедлит вращение.

Земное притяжение отпустит, тяжёлая вода хлынет на небо.

Кровь станет вином.

Вспыхнет Сверхновая и угаснет.

Взойдёт пепельная луна.

Тонкий серп отразится дважды: в небе и на земле.

Всё случится и вернётся на круги своя через тридцать ударов пульса.

Было ли..

Но, засыпая и просыпаясь в новолуние без привычной тяжести на сердце, поймёшь: было. Есть.

*

На узкой песчаной полоске – у самой воды – строю свой Аркаим.

Детинец – как водится – в центре.

В основании – жертва – парочка крыльев, сброшенных ранней весной.

От детинца идут круги.

Кто-то бросил в пространство Слово.

Круг за кругом – жизнь за жизнью – раковина за раковиной – строю свой Аркаим.

В первом круге – преданные.

В круге втором – предавшие.

В круге третьем – случайные спутники, уши «на час».

Им можно рассказывать всё.

В четвёртом круге – далёкие, и потому – самые близкие.

В круге пятом – ближние и абсолютно чужие.

Их ещё называют кровниками.

С ними лучше молчать.

Строю свой Аркаим на берегу летнего моря.

Три серебристые афалины мелькнули, играя, невдалеке – добрый знак доброго берега.

В городе только одна гора – Покаяния.

Все остальные – в прежних моих Аркаимах.

Помню каждую поимённо: гора Шаманка, гора Видений, гора Любви, гора Счастья, гора Разума.

Каждый раз, восходя, верила, там – на вершине – ждёт жизнь.

Успеть бы к началу – без опозданий, чтобы жизнь моя начиналась со мной. С меня. Ошибалась.

С окончанием подъёма всё заканчивалось.

И жизнь – тоже.

Строю свой Аркаим под перистыми облаками.

Под косматой звездой, которую люди не так давно стали звать Солнцем.

Лунный свет в сумерках станет блуждать по улицам,

где нет кварталов, нет прямых, тупых и острых углов – только круги –

рваные клочья воспоминаний сглажены и окольцованы.

Не поранишься.

Тихо течёт Время – только ему известен вход в круги Аркаима.

Мой Аркаим будет жить до первой высокой волны.

Встанет вода на дыбы – возьмёт своё –

ничего не оставит, кроме маленькой камышовой хижины на морском берегу.

В ней укрылись от суеты влюблённые.

Им суждено написать мир заново.

Первопричиной станет любовь.

Всё вернётся на круги своя –

причиной для действий или бездействий будет только любовь -

как задумано в самом Начале, когда было лишь Слово.

Мир, созданный без любви, обречён.

Строю свой Аркаим, зная, что не придётся в нём жить –

лишь скользить тенью в свете полной луны, круг за кругом,

поднимаясь на главную гору – Покаяния.

Город построен.

Не хватает только боглаза.

Стоило лишь подумать – и он нашёлся – хранитель тайн и желаний.

Время сочится сквозь камень.

Он останется здесь – рядом с крыльями.

На горе Покаяния.

До прихода высокой воды.

*

подкармливаю синиц

кошек и пару знакомых собак:

Марту и Глашу

отпугиваю голубей –

слишком ленивы

Кот мой всегда начеку –

бросок ...и долго будут кружиться пёрышки

в прощальном танце - падении

помочь не смогу -

учусь жить:

плести кашпо,

вязать кашне,

подпевать, подвывая трио «Ромэн»,

эху из прошлого

случайно залетевшему со двора;

почитывать на досуге Басё

проговаривая на разные лады липкое его имя

Мацуо

Мацуо...

Мацуо.

когда-нибудь он не выдержит – приснится чтобы сказать: отвяжись; не получается жизнь-чаша Данилы-мастера. Остаётся лишь даль дальняя — за тридевять земель а лучше — за тридесять где однажды в витрине высмотрела павловопосадскую шаль... или она меня — уже и не вспомнить. Не получается ни так — ни этак выполнить данное тебе обещание: жить не печалуясь не скорбя жить не оглядываясь на прошлое будто не было прежней жизни —

*

Дождь дописывал ненаучный трактат о погоде, запятых избегая, длинных тире и точек; куражился в многоточиях, множился, хороводил в отражениях промокшей насквозь ночи. То под брызги струнной лунности «рио-риты», то под медные капли тихих старинных вальсов, от размеренных вздохов-выдохов, па и ритмов уходил в синкопы, скрывался, молчал, срывался. Заполнял зияющие пустоты парадных, марши чёрных лестниц, молчащих и одиноких, на булыжных улочках – серых листках тетрадных – до утра накрапывал, тут же смывая, строки. А наутро – синкопы, лестницы, рифмы – па... забыты, дождь не то, что время не точит – даже обычный камень. Запятые, точки, тире, акценты – расставлены и размыты. Чёрные лестницы будут молчать веками о том, как распадается небо, изодранное в клочья инверсионными полосами. Они не срастутся в сердце, а в небе истают к вечеру, исподволь – постепенно. В вечной обыденной суете останутся многоточия и утренний дождь, вспоминающий третью часть сонаты для фортепиано Шопена.

*

Моя нерифмованная осень подходит к концу.
В ней каждый сон в руку,
бессонница — в стихи и в ребро.
На каждый десяток масок — по одному лицу,
в каждую ночь проливается слов негромкое серебро.
Забудь о стихах — шепчет осень — прервись на жизнь, сделай глоток,
смотри как светло и тихо, тёплое море, тёплые дни и ночи —
грейся.
Черта, что ты подвела — ещё не итог,
жизнь продолжается, хочешь ты — или не хочешь.
Смотри, молодой виноград заплетает твоё окно,
теперь в нём не только закаты — резные листья горят,
утром и в полдень — сумерки,
пополудни — темно, дым синий — вечерний — рассеивает свет уличного фонаря.

Сделай глоток – и увидишь, как зима добирается в город на перекладных: ветер северный, ветер южный, туманы, дожди и снег.

Тысячи чьих-то желаний,

тьма подарков только одних,

правда, их – конечно, как всегда... не хватит на всех.

Тот, о котором мечтаешь ты – ещё не готов.

Где-то в чертогах Рода прядётся тонкая нить – долевая – свиваясь в узор судьбы, становясь обычным холстом,

серым льняным рядном – ни срезать, ни изменить.

Не бывает так, чтоб жили долго и счастливо, и умерли в один день,

а если случается – то в сказках, и то – далеко не в каждой.

Твоя утлая лодочка ещё плывёт по воде,

не торопи события.

Всё случится однажды.

Случится само собой, а сказки – ложь – ты же помнишь, сказки – только намёк, на то, как могло бы быть – но никогда не будет. Не станет.

Так шептала мне осень, подливая рассветной горечи в остывший чаёк, и листала страницы будущего,

листала,

листала...

АЛЁНА ЖУКОВА

ПО ДОРОГЕ В ТАИЛАНД повесть

Самолёт шёл на посадку со второго круга, тяжело кренясь и проваливаясь в ямы. У Веры вспотели ладони и мутило под ложечкой. Она отвела глаза от иллюминатора, за которым была серая муть без единого проблеска. В голове словно включили сигнальный маячок со словом «беспросветно», к нему прибавилось «неизбежно», а под ними бодрое «с возвращением!» Теперь с этим придётся жить до следующего отпуска. Не так уж долго ждать. Летом будет её законный – учительский. Эта поездка была чем-то вроде подарка в неурочное время в начале зимних каникул. Подарок коллег и друзей к «ягодке опять». Исполнилась давняя мечта о Таиланде. Всего девять часов назад она стояла на берегу, где небо и вода, сливаясь на горизонте, были одинаково голубыми и, странное дело, чувствовала тоску по дому, которая сейчас прошла бесследно.

Наконец пытка приземления закончилась, и колеса шасси спасительно соединились с бетоном посадочной полосы. Вера перевела дыхание и мысленно перекрестилась. Включив телефон, нашла сообщение от Маргариты: «Я тут. Встречаем, ждём». Это означало, что необходимость брать такси отпала. Преданная подруга довезёт до дома, но почему «Ждём»? Неужели Марго притащила кота? Единственное, о чём Вера попросила перед отъездом, забрать Жорика — всего-то неделя с кусочком, но тот, видимо, достал её до печёнок, иначе зачем было тащить его в аэропорт. Наблюдая, как пасть транспортёра выплёвывает чужие чемоданы, почувствовала, что её саму тоже, как будто, пожевали и выплюнули. Вместо лёгкости, которая должна была наступить после отдыха, тянуло в сон. Зря попросила встретить — лучше бы на такси, с Марго не отмолчишься, а хотелось тишины, покоя. В ушах ещё стоял шум прибоя и мелодичный звон колокольчиков.

Марго налетела откуда-то сзади. Стиснув в объятиях, оглушила, заорав над Вериным ухом: «Я же говорила, ну просто другой человек вернулся! Не узнала тебя, клянусь! А глаза-то, глаза какие! Что загар делает с бледнолицыми! Так и носи». Болтая без умолку, она потащила подругу к машине, где не было никакого кота. Удивившись, что Вере могла прийти в голову такая глупость, завела мотор и, проехав метров двести, влетела в пробку. Пока стояли, Марго расспрашивала о путешествии, но не дослушав, перешла на пересказ новостей собственной семейной жизни, которые, впрочем, были похожи, как две капли воды, на прежние, предотъездные: муж и дети бездельники и лодыри, а тот, кто недавно появился на романтическом горизонте, так там и маячит. Одна новость, правда, не касалась Маргошиной семьи: умерла их сокурсница по университету Валерия Войская. Произнеся это, Марго мельком глянула на Веру, но тут же отвела глаза. Было заметно, что лицо Веры, даже под загаром, посерело. На щеках заиграли желваки, а уголки губ поползи вниз. Повисла неловкая пауза.

Первой нарушила молчание Вера:

– Когда похороны? Что Костя? Ты говорила с ним?

Марго покачала головой:

- Это произошло ещё в августе, представляещь? Никто из наших не знал. Костик никому не сказал. Просто кто-то вычислил его на фэйсбуке. Вместо имени ник, а на фото он самый, красавчик твой. Почти не изменился, кстати. Молодится и всё время в поиске, а уж после того, как сообщил фэйсбучной общественности, что овдовел, тут уж бабья налетело! Но какая он, всё же, скотина, ты уж прости меня. Не сказать про Лерку.
  - А ведь у них дочь была, как её имя, не знаешь? Сколько ей теперь?
  - Двадцать пять. Лерка, ведь, как ушла после первого курса, так сразу и родила.

Вера задумалась, что-то прокручивая в голове.

- Слушай, а мать Леры ещё жива? Бойкая тётка была, интересная. В кино работала. Хорошо бы всё же связаться с Костей, может, помощь нужна.
- Наши пробовали, но Костя не отвечает, а по поводу тёщи, говорят, лежала парализованная после Леркиной смерти, а месяц назад умерла в больнице. И самое странное – никто из родственников тело не забрал. Хоронили друзья-киношники и какой-то фонд при Союзе кинематографистов.

- То есть ни внучка, ни зять не явились на похороны?
- Похоже, так.

Вера отвернулась к окну. Растёкшиеся вокруг слякоть и серость опять просигналили в мозг: «беспросветность» и «неизбежность», за ними назойливо лезла «безысходность». Вера решила покончить разом со всеми «без» и «не». Для этого она не знала лучше способа, чем действовать, даже без особого смысла и результата.

- Знаешь, не бывает так, чтобы бесследно исчезли люди, даже если они не явились на похороны. В конце, концов, Костя мог на дух не переносить тёщу, а дочь, к примеру, могла просто уехать из страны и понятия не иметь, что бабушка умерла. Надо узнать, где они жили, расспросить соседей.
  - Зачем тебе это?
  - Узнать, где похоронена Лера.
  - Хочешь сходить к ней на могилку? Надеюсь, не для того, чтобы плюнуть?
  - Марго, ты охренела? Что ты несёшь?

Вера сверлила глазами птичий профиль Марго, которая напряжённо всматривалась в лобовое стекло, хотя для этого не было никакой нужды – пробка стояла без движения. Наконец, стукнув по рулю, Марго развернулась в раздражении:

- Ты упивалась страданием из-за того, что Лерка увела твоего Костика. Всю жизнь себе испоганила. Все, кто не был похож на Костика, тебя не устраивали. Нет, конечно, я понимаю, заплатила ты по полной, но ведь это было только твоё решение: назло Костику аборт и никакой свадьбы, а Лерочка наша, мышь белая, господи прости, цап и в норку. Мы тогда на вас, на полоумных, смотрели и ничего поделать не могли, весь курс был на ушах. Две приличные девчонки превратились в мегер, честное слово. Из-за кого, главное? Кроме рожи смазливой, ничего особенного позёр, папенькин сынок.
  - Успокойся, прошептала Вера и расстегнула пальто. Тошно, зачем вспоминать?
- Да потому что ты никогда этого не забывала! И мужья твои отваливали по той же самой причине: они хотели жить с тобой, а не с жертвой Костика. Ладно, прости. Ты не досказала про Таиланд. Понравилось? Вера молчала, обидевшись. Марго уже сожалела, что не сдержалась и попыталась разрядить обстановку.
- Понимаю, как может не понравиться? Отдыхать везде хорошо, трудно возвращаться в нашу серость.
   Ничего, сейчас ёлку соорудим, разноцветные огоньки повесим. Я красивые фонарики купила, вроде китайских, с колокольчиками.
- У меня до сих пор в ушах звенит. Там колокольчики на каждом шагу. Я бы сейчас завалилась в зимнюю спячку со снами про Тай.
- Жорка твой не даст в спячку. Ох и настырный! Тоже на твою голову. Наглый сукин сын, чистый кобель, хоть и котяра.

Через два часа они наконец выгрузились у подъезда. Марго чмокнула в щёку и напомнила, что завтра созвон по поводу празднования Нового года. Когда машина отъехала, Вера с облегчением выдохнула и, запрокинув голову к тяжёлому серому небу, чуть не навернулась на оледеневшей дорожке. Боковым зрением отметила, что в глубине двора, на пустой детской площадке, качается на качелях некто неопределённого пола и возраста, но явно не ребёнок, скорее подросток, но очень странно одетый. Яркое жёлтое пятно капюшона, скрывающего голову, торчало из оранжевой попоны, какие обычно носят работники дорожных служб, а на ногах у этого жёлто-оранжевого конуса болтались грязно-голубые ботинки-дутики. Присмотревшись, Вера поняла, на кого похож этот клоунский персонаж: где-то за неделю до отъезда В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ НЕДАЛЕКО ОТ ДОМА ОНА ЗАМЕТИЛА СТРАННУЮ ПОПРОШАЙКУ С ЯРКО ПОДВЕДЁННЫМИ ГЛАЗАМИ и пирсингом на бровях и в носу. На ней и тогда были эти дурацкие голубые ботинки. Вера улыбнулась своим мыслям: «Ну вот, наконец, яркое пятно на фоне вылинявшего пейзажа. Вполне себе экзотично...». Она уже была готова нырнуть в подъезд, как со стороны площадки послышался мелодичный звон, точно такой, как преследовал её в Таиланде. Замерев на полпути, удивилась прозрачности звука и обернулась. Попрошайка стояла за спиной и тянула к ней руки, увешанные дешёвыми браслетами с колокольчиками, трясла ими, словно танцуя, прихлопывая и подвывая в такт. Её губы, изрядно посиневшие, растянулись в улыбке, обнажившей бледную десну и крупные зубы с щербинкой. Вера достала из кошелька денежку. Бродяжка тут же рванула с руки браслет и протянула его Вере. Стараясь вежливо уклониться от её щедрости и мямля что-то вроде: «Зачем? Он тебе идёт, у меня уже есть такой...», замолчала, заметив, что та вот-вот расплачется. Не желая огорчать несчастную, Вера надела на руку подарок, сложив ладошки лодочкой, и поклонилась на восточный манер. Бродяжка обрадовалась, громко захохотала, расправила полы оранжевой куртки как крылья и, кружась в диком танце, начала отступать, а потом побежала, сломя голову. Капюшон слетел, обнажив плохо выбритую лысую голову с татуировкой пятиконечной звезды на темечке. Вера, мысленно прозвав бомжиху Звездой, брезгливо попыталась стянуть браслет, но от холода он впился в руку намертво.

Ничего, под горячей струёй с мылом сам соскользнет, – подумала она и зашла в подъезд.

Жорка встретил неприветливо, даже не мяукнув, даже не встав с дивана, демонстрируя всем своим видом, что не фиг сдавать его чужим людям, пока шляешься по курортам. Он теперь заменил Вере всех, кого прошлый год выкосил под корень: сначала ушла мама, а затем гражданский муж. Только маму уже не вернёшь, а муж сам не вернётся. Были бы дети – другое дело, но так, значит, суждено: вместо собственных – чужие. Хотя, какие чужие? Просто не свои.

Вера помнила почти всех своих учеников по именам. За годы преподавания литературы в лицее с пятого по одиннадцатый классы этих имен набралось много сотен. Родители детей признавались: «У вас, Вера Александровна, нервы железные, как вы их всех выдерживаете? Тут с одним не справиться...». А как справишься, если разговоры по душам в семьях ушли в прошлое? Каждый о своём по телефону, скайпу, интернету, а глаза в глаза не получается, разве что когда ссорятся. Ей удаётся разговорить ученика, помочь. Последний случай – Валя из девятого с попыткой уйти из дома из-за маминого нового романа. Вполне обеспеченная и благополучная семья. В лицее, где она работает, только таким место, других администрация отсеивает с порога, но ситуация от этого ничуть не лучше, даже опаснее. Нет у деток социального иммунитета: живут, как на отдельной планете, где всё к их услугам – заботливые родители, красивые вещи, вкусная еда, удобства. И, не дай бог, вдруг что-то меняется, рушится. Так и с Валей случилось: отец оставил семью, но не обделил – жене и дочери перепал солидный куш после развода. У девочки ничего внешне не поменялось, кроме одного, самого главного – собственной матери. Эта сорокалетняя дура пустилась молодость догонять. Сначала себя решила перекроить по гламурным лекалам, а потом и молоденьким любовником обзавелась. Он поселился в их квартире, а Валя задумала сбежать к отцу, но тому было не до неё: с бизнесом проблемы и новая жена на сносях, вот Валя и решила, никому ничего не говоря, просто уйти куда глаза глядят. Сначала эти самые глаза были постоянно «на мокром месте», а потом и того хуже – смотрели в пустоту. В её сочинении, которое писали на тему о вечных скитальцах, вдруг оказалось, что Пер Гюнт – любимый герой, а эпитафия Григория Сковороды «Мир ловил меня, но не поймал» понимается ею буквально. Пришлось вызвать на разговор, потом ещё много чего сотворить, например, уговорить Марго, руководившую школьным театральным кружком, взять Валю в коллектив под неусыпный контроль, и это помогло. Постоянную зацикленность на маминой жизни вытеснил внезапный интерес к себе самой, плюс – тщеславная цель стать актрисой и всем вокруг доказать, что она о-го-го. В общем, Валентина никуда не убежала, а начала репетировать роль, а потом и ещё одну. Расцвела, прекрасно отыграла спектакли, влюбилась в мальчишку партнёра, двое других влюбились в неё, а её мама вскоре рассталась с любовником и загордилась дочкой.

Все попытки стянуть, разомкнуть или хоть как-то сдвинуть браслет оказались бесплодными. Под струёй тёплой мыльной воды звенящая штуковина только отмылась, заблестела, но не снималась с руки. Вера пошла в кладовку за кусачками, надеясь покончить с украшением зверским способом. После нескольких попыток перекусить металлический ободок поняла, что он не поддаётся, но упорствовала, уже не соображая, зачем ей так важно избавиться от дурацкой побрякушки. Острые лезвия кусачек притупились, не оставив на его поверхности ни следа. Теперь браслет выглядел нарядно, вот только колокольчики при всяком движении назойливо звенели. Хотя, если не придираться, звон их был мелодичным и даже успокаивающим. Почувствовав дикую усталость, плюнула и вернулась в ванную. Расслабившись в пенной, тёплой воде, не заметила, как заснула. Очнулась от сильного звона в ушах и невозможности вздохнуть под водой. Рука зацепилась за край ванны, колокольчики на браслете непрерывно звенели, к их звону прибавился ещё один – требовательный и резкий звонок телефона. Кашляя и выплевывая воду, выскочила из воды. Звонила Марго, узнать, всё ли в порядке, как настроение и не находит ли Вера, что Жорка зажрался и надо его посадить на диету. Вера прервала её.

- Марго, а какого чёрта ты звонишь на домашний? Я мокрая стою, ты меня из ванной вызвонила.
- Так мобильный твой молчит. Проверь.

Вера поплелась назад. Она помнила, что положила его рядом на полочку. Там телефона не оказалось. В рассеявшихся по воде пенных ошмётках появились прогалины. В одной из них просвечивало дно и тёмный прямоугольник затонувшего телефона.

- Марго, я утопила телефон!
- Хорошо, что только его. От тебя всего можно ожидать.

Вера выловила телефон, потрясла. Он был мёртв, а колокольчики на браслете опять зазвенели. Разглядывая руку, окольцованную странной вещицей, она замерла от нелепой мысли: а если это браслет, если это колокольчики на нём разбудили и не дали захлебнуться?

- Маргоша, ты веришь в чудеса? спросила устало Вера.
- Как для себя нет, а для чайников вроде тебя вполне.

Встреча Нового года проходила, как всегда, в традиционно скучном, но уже родном кругу Маргошиной семьи и общих друзей. После боя курантов и шампанского хозяйка предложила гостям вспомнить самые странные события года минувшего, случившиеся с каждым из них. Когда дошла очередь до Веры, она продемонстрировала свой браслет, поведав о его странностях. У всех тут же возникло желание доказать, что браслет снимается запросто, и нет никакого чуда, всё дело в трении, сопротивлении, расширении, просто надо знать секрет. Марго рассматривала в лупу браслет, и никак не могла взять в толк, как при таком зазоре между кожей и внутренней поверхностью, его невозможно снять. Гарик, муж Марго, предложил поставить на кон бутылку шампанского: кто снимет с Верки браслет, тот победитель. После многих попыток и советов стало понятно, что легче отрезать Вере руку.

Марго отвела подругу в сторону и, выкатив свои прекрасные тёмно-карие, всегда немного грустные армянские глаза, начала допрос по поводу контактов во время путешествия, а именно – не ходила ли Вера к таиландским колдунам; не они ли надели на неё этот браслет? Что, если бомжиха ей просто привиделась? Тогда Вера предложила сходить в переход, где обитала так называемая Звезда. Правда, не факт, что они её там застанут.

Выбрались из дому только на второй день празднований. Звезды в переходе не оказалось. Продавцы киосков на вопрос о лысой бродяжке пожимали плечами. Полицейский, который дежурил неподалёку, тоже не понимал, о ком идёт речь, но поинтересовался, в чём проблема, не совершала ли та, кого ищут, что-то противозаконное. Подруги прошлись несколько раз по подземному переходу, пробежались по соседним улочкам, заглянули на детскую площадку. Марго эта история быстро надоела и она, запрыгнув в машину, послала Вере на прощание воздушный поцелуй. За суетой как-то вылетело у Веры из головы, что Жорику надо купить еду. Она поплелась в магазин и на обратном пути, спустившись в переход, заметила, что полицейский грубо подталкивает к выходу ту самую Звезду. Раздумывая, стоит ли сейчас вмешаться, Вера наблюдала за безобразной сценой. Полицейский чертыхался, держа женщину за шиворот разодранной куртки, а она хохотала, как вдруг, повернув голову, заметила Веру и приветливо помахала рукой. Вера сделала вид, что торопится, что всё это не имеет к ней никакого отношения и поспешила уйти. Выйдя на воздух, и отметив про себя, что как-то невероятно быстро стемнело и серый ландшафт уже заштрихован чернильными тенями, она направилась к дому. Собираясь перебежать ещё одну неширокую улочку, остановилась, услышав поблизости звон колокольчиков. Звезда стояла рядом. Вера, протянув окольцованную браслетом руку, спросила:

– А как он снимается?

Бродяжка снова расхохоталась и, сняв с руки, протянула ей ещё один серебристый обруч.

– Ну уж нет, спасибо, – возразила Вера, – Мне бы от этого отделаться. Откуда они у тебя? Что за ерунда? Не согнуть, не разрезать...

Неожиданно Звезда затихла, собираясь, похоже, опять всплакнуть. Теперь пришла очередь улыбнуться Вере: очень уж забавно гримасничала эта несчастная. Даже в сумерках Вере удалось разглядеть, что женщина молода, меньше тридцати, а раньше казалась старухой из-за худобы и мешков под глазами.

-Ты говорить-то умеешь? – спросила Вера, вглядываясь в её осунувшееся лицо.

Девушка утвердительно кивнула.

Почему тогда молчишь?

В ответ она высунула странной формы короткий язык. Изобразив пальцами режущие ножницы, вздохнула.

– Ужас какой! Кто тебя так?

Неопределённый жест рукой дал понять, что где-то, кто-то, когда-то, но это смешно, потому как опять засмеялась.

— Знаешь что, — сообразила Вера, — Давай ты возьмёшь назад свой подарок, браслет этот. Ведь ты точно знаешь, как он снимается. Сняла же ещё один со своей руки. Может, в каком-то из колокольчиков застежка, а я её не заметила? Я тебе за это дам поесть, вещей хороших вынесу... А хочешь денег? Много, конечно, не смогу. Тебе же нужны деньги?

Девушка затрясла головой. Это она сделала как-то очень знакомо, слегка наклонив голову, словно набычившись, словно на лбу у неё рожки. Потом подняла глаза, обесцвеченные сумерками, и улыбнулась, обнажив широкую щель между передними зубами. «Совсем как Костя улыбается и головой мотает», – подумала Вера и замерла, вспомнив упрёки Марго: ладно мужиков, а теперь вот и эту девку больную с ним сравниваю! Права Марго – с этим надо что-то делать...

Вера сунула руку чуть ли не к самому носу Звезды.

Пожалуйста, сними. Я обещаю, что буду надевать его тогда, когда мне самой захочется, хорошо?

Та, тяжело вздохнув, нажала на браслет, и он, легко отщёлкнувшись, упал в грязный снег. Пока Вера искала его, девушка успела выбежать на дорогу, ведущую к переходу. Из-за угла на дикой скорости вылетел старый минивэн, располосовав темноту светом одиночной фары. Глухой звук удара, скрежет и жалобный крик заставили Веру броситься на помощь. Звезда лежала неподвижно, раскинув руки. Автомобиль дал задний ход и, рванув с места, объехал жертву, скрывшись за поворотом. Вера кричала ему вслед, грозила, но без толку. Конечно же, не запомнила номер, да и не могла бы толком объяснить, что за марка маши-

ны – всё произошло очень быстро. Склонившись над телом, она облегчённо вздохнула: девушка была жива. Вера набрала номер скорой.

До Марго она дозвонилась уже из больницы. После глубокомысленного замечания подруги, что лучше иногда потерять, чем найти на свою голову, что вечно она создает проблемы на пустом месте, приготовилась ждать, зная, с кем имеет дело. Уже через полчаса Марго стояла рядом с Верой в приёмном покое.

В целом травмы были небольшие: пара сломанных рёбер и никаких внутренних повреждений. Конечно же, документов у Звезды не оказалось. Докторам и полиции надо было установить личность потерпевшей. Говорить пациентка не могла; ей протянули бумагу. Вместо того, чтобы написать свои имя и фамилию, она принялась что-то чиркать, закрашивать, и через несколько минут показала картинку. Вера охнула – она узнала это место. Неделю назад в Таиланде своими глазами видела и ходила вокруг храма Ват Арун, рассматривая его ажурную облицовку из фарфоровых тарелочек. Рисунок был сделан талантливо и невероятно быстро. Шепнув на ухо Марго, что девушка, скорее всего, побывала там, откуда Вера недавно приехала, предложила выйти.

Они стояли на улице. Под фонарём роились белые снежные мухи, и, не долетая до земли, превращались в мокрое ничто. Марго втянула носом влажный холодный воздух и резко выдохнула:

- Ты совсем сошла с ума или притворяешься? Что значит «забираешь её к себе»? Ты даже не имеешь понятия, кто она такая! А то, что психованная, не видно? А запах, вши – ты проверяла? Это опасно, Вера! И потом ещё не факт, что она к тебе захочет. Врачи сказали, что удерживать её не будут. Ей, правда, лежать надо – на ребра гипс не поставишь.

Втянув голову в плечи, Марго демонстративно отвернулась, продолжая бухтеть: «Совсем охренела ты, Верка! Мать Тереза нашлась, твою мать...».

- Подожди ты, не кипятись. Неужели не понятно, что не подзаборная она, что жила как человек, даже, вот, в Таиланде побывала. Ты видела этот рисунок? Её точно этому учили. Ты так можешь? И я не смогу. Надо с ней поговорить без врачей. Я уверена, она нам скажет, кто и откуда.
  - И что это тебе даст? Ну, узнаешь...
  - А может, разыщем её родню. Она потерянная, а не конченая это большая разница.
- Ладно, пошли. Только обещай, что сначала с врачами обсудишь, опасно или нет, в смысле заразы. Пусть хотя бы ночь подержат, продезинфицируют...

Кровать Звезды была засыпана кусочками бумаги разной величины. Она старательно разрывала её на всё более мелкие части и на каждой пыталась что-то изобразить. Где позволял размер – улочки и дома, а на тех, что поменьше – просто цветок, либо какие-то знаки и загогулины. Марго удивлённо перевела взгляд с картинок на девушку:

– Ну ты даёшь, художница, где ж ты так научилась? Талант!

Опять у Веры защемило сердце, когда разглядела щербатую улыбку, которой одарила их девушка. Неужели Марго не заметит? Ну, ведь, точь-в-точь рот как у Костика. Теперь Вера буквально приклеилась взглядом к вспотевшей лысой голове, к покрасневшим векам вокруг синих, как у Кости, глаз. Марго продолжала выспращивать со свойственным ей артистизмом и вкрадчивой мягкостью. Умела влезть в душу, когда хотела.

– Это Таиланд, правда?

Звезда кивнула.

– А ты там давно была?

В ответ неопределённый жест плечами.

Сама ездила или с друзьями?

Неожиданно Звезда произнесла: «ама», что, конечно же, означало: «сама».

Подруги переглянулись. Это было её первое слово и, к тому же, вполне осмысленное. Окрылённые успехом, пошли дальше.

– Меня зовут Марго, это Вера. А тебя как?

– И-а.

Марго переспросила

Ира?

Девушка отрицательно мотнула головой.

Опять мимо. Все перечисленные имена, начинающиеся на «И», были отвергнуты, но ей нравилось игра и было видно, что она готова это делать до бесконечности. Марго вовремя подсунула лист бумаги. Девушка написала на нём «Лина» и расхохоталась.

- Ничего себе, ты нас запутала, подыграла хитрая Марго и, прищурив глаз, сказала:
- –А вот фамилию угадывать не буду, никогда не отгадаю.

Но Лина уже завелась. Радостно подпрыгивая на кровати, дала понять, что умоляет продолжить. Надув щёки, вытолкнула из себя:

- My-и-а...
- Мухина, что ли?

Лина удивлённо посмотрела на Марго, утвердительно качнув головой. Вере стало дурно. Это была Костика фамилия, которая могла стать и её тоже, если бы за неделю до свадьбы не произошло то, что произошло, если бы не Лерка...

Марго никак не отреагировала, даже не посмотрела в сторону Веры, скорее всего, не представляя того, что творилось у той в душе. Она бодренько понеслась дальше, пытаясь узнать, откуда у Лины эти удивительные браслеты с секретом, и добавила – уж не волшебные ли они? Она смешно рассказывала, как пытались их снять с Вериной руки, как ничто их не брало, как глупые женщины не нашли застёжку, и вдруг вроде, невзначай, поинтересовалась:

– А что ты маме на Новый год подарила? Тоже, небось, такой браслет? Я бы не отказалась.

То, что произошло вслед за этим, вынудило срочно вызвать врача: Лина рыдала, заламывая руки, билась головой о стену, начались судороги. Врач вкатил ей успокаивающее и снотворное, попросив оставить сейчас пациентку в покое. Он пообещал, что присмотрят за ней до утра, а потом можно забирать, если не сбежит, конечно.

Уже сидя в машине, Марго, наконец, заметила, что Вера подавлена и ведёт себя странно. Она истолковала это по-своему:

– Я же тебе говорила. А представляещь, если бы с ней такое началось у тебя дома?

Не поворачивая головы, Вера едва различимо прошептала:

- Она Костина дочь.

Машина, которая уже начала медленно отъезжать, резко остановилась.

- Совсем, что ли, трёхнулась? заорала Марго. С чего это вдруг? Только потому, что она Мухина? А я вот точно знаю, да и ты тоже, что их дочь назвали в честь Костиной мамы Полиной. При чём тут Лина?
  - Она могла сама себя так называть. Тем более, что это имя знаковое.
- Блин, знаковое! Да уж, конечно, не поспоришь с несостоявшимся кандидатом наук по языкознанию. Что ни скажи, всё какие-то символы, значения. То ли дело мы простые училки. И как тебя ученики терпят с таким багажом знаний, а главное занудством? И что говорит твоя ономастика про Лину?
- В переводе с греческого Лина «скорбная весть», с латинского «сирена». Но в данном случае это, скорее всего, сокращение. Так часто бывает. Как самостоятельное, Лина не числится ни в православных, ни в католических святцах. Обычно за Линами скрываются Эвелины, Алины и, представь себе, Полины. Но неужели ты не заметила, как она похожа на Костю? У неё абсолютно его рот, улыбка, щербинка между зубов и манера качать головой...

Марго задумалась, повернула ключ зажигания. Внезапно перед глазами, визгливо скребя по стеклу, замелькали дворники. Подруги вздрогнули.

Что-то жалобно-зловещее было в этом звуке. Марго неожиданно вспомнила:

А где тот браслет, ты его не потеряла?

Вера порылась в кармане, нащупав холодную дугу.

- Почему спрашиваешь? Думаешь, надо?
- Конечно. Колокольчики оттоняют злых духов. Кто из нас был в Таиланде? Вперёд!

Вера послушно просунула руку в кольцо браслета, ещё раз отметив странность его конструкции: надевается легко, без всяких застежек, а вот снять невозможно. Вот и сейчас не уверена, что сумеет найти застёжку.

Весь путь домой они гадали, сопоставляя факты, может ли эта девушка быть дочерью Кости и Леры, а значит и внучкой Нины Игнатьевны, на похороны которой никто из родственников не пришёл. Было решено с утра приехать в больницу и поговорить со Звездой по-другому: предложить помощь, крышу над головой, рассказать о том, что в молодости дружили с её родителями.

Всю ночь Вера, как ни старалась, не могла уснуть. Как только закрывала глаза, так попадала в круговерть воспоминаний. Они были такими яркими, словно вчера наступило первое сентября – последнее для их выпускного класса. Запахи мастики и свежей побелки, букеты, сваленные на учительском столе, от них горький дух ненавистных астр, дурацкий белый передник со спадающей шлейкой и кружевная стойка-воротничок, немилосердно натирающая загоревшую шею. Завуч заводит в класс высокого русоволосого парня. Даже с пятой парты у окна, где сидят неразлучные подруги Вера Лебедева и Маргарита Погосян, видно, что у новенького глаза какого-то невероятно синего цвета. Парня зовут Константин Мухин. Его усаживают на галёрку. Это временно – скоро он сам будет выбирать, где и с кем сидеть, а учителя терпеть его выходки и натягивать отметки, чтобы не дай бог, министерский сынок не остался без медали. Вера тоже шла на медаль, но если бы кто-то тогда сказал: «Отдай медаль Мухину», отдала бы не задумываясь, даже не спрашивая, за что. Как только Мухин пересел за парту перед Вериным носом,

уроки для неё превратились в навязчивое разглядывание его спины, шеи, волос. Марго постоянно шипела на ухо: «Прекрати выпадать в осадок!», но Вера влюбилась смертельно, без всякой надежды на взаимность. И вдруг – о чудо! Костя выбрал из всего класса именно Веру – любимицу учительского коллектива и вечную круглую отличницу. Сначала, как водится, она стала объектом задираний и колкостей, потом провожаний до дома, танцев на школьных вечеринках и, наконец, тайных свиданий. Почему смазливый баловень судьбы вдруг увлёкся далеко не первой красавицей, было загадкой для всех, а печальнее всего, что и для Веры тоже. Она воспринимала их отношения как подарок, которого недостойна: стеснялась своих прыщиков на лбу; обкусанных ногтей; маленького роста и большой груди. Костя никогда не говорил, что Вера красивая, просто однажды признался, что любит, вот и всё. Что именно в ней любит, не объяснил, а знать так хотелось! Уже на вступительных экзаменах в университет стало ясно, что Вера беременна. Костя спокойно, даже с некоторой мужской гордостью воспринял новость и предложил расписаться. Поспешность, с которой ребята собирались оформить отношения, не понравилась Костиному отцу – он почти не сомневался в истинных причинах такого «пожарного» решения, хотя против Веры ничего не имел: хорошая девочка, золотая медалистка, не то что сын – даже до серебра не дотянул, хоть все вокруг старались. Ещё ему не нравилось, что Костя собирался на филологический в МГУ вслед за Верой. Ну что это за специальность для мужика?

Заявление в ЗАГС было подано втайне от всех. Их должны были расписать в сентябре. Неожиданно Костю зачислили на вечерний журфака, о котором он даже мечтать не мог с его оценками и сумасшедшим конкурсом. Кроме журфака добрый папочка организовал ещё и две путёвки в Варну в летний студенческий лагерь. Вторая путёвка предназначалась не для Веры, а для дочки папиной любовницы. Костю попросили «присмотреть» в лагере за юной красавицей, актрисой, а теперь студенткой университета. Так появилась Лера. Она действительно в детстве снялась в небольшой второстепенной роли. На съёмочную площадку попала с маминой подачи. Директору киногруппы Нине Игнатьевне Войской хотелось сэкономить. Чего раздувать смету за счёт несовершеннолетней актрисы, которой полагается воспитатель? Она предложила попробовать на роль собственную дочь. Оказалось, что Лера вполне органична, и режиссёр остался доволен. Больше сниматься в кино Леру не приглашали, но окончив школу, она вдруг решила поступать во ВГИК. Там, на первом же экзамене, провалилась – никакие связи не помогли. Пришлось согласиться «перекантоваться» годик в университете на филфаке, где был надёжный блат у маминого любовника, а потом опять поступать на актёрский всё равно куда, либо во ВГИК, либо в театральное. Лера была принята на филфак, а потом умотала с Костиком, сыном того самого любовника, на Золотые Пески.

Из Болгарии Костя вернулся загорелым, весёлым, счастливым. Нащёлкал уйму фотографий с морскими пейзажами. На некоторых фото рядом с ним позировала белокурая красотка в сомбреро. На Верин вопрос: «Кто такая?», отмахнулся, сказал, что «подшефная» – дочь одной папиной знакомой. Вере захотелось уточнить, в чём заключалось Костино шефство над ней, на что получила в ответ: «Только не надо этого. Не вздумай ревновать. Тебе вредно». Он всё время прикладывался ухом к её животу и балдел от мысли, что там живёт кто-то, похожий на него, а главное – им сделанный. О предстоящей свадьбе помалкивал, но и жениться не отказывался. Начались занятия в университете, и оказалось, что они обе – Лера и Вера, будут учиться в одной группе.

То, что Лера и Костя переспали, Вере донесли сразу. Рассказывая сокурсницам о классно проведённом лете, о клёвом парне Косте Мухине с журфака, с которым провела «горячий» месяц на Золотых Песках, Лера обмолвилась, что родители теперь хотят их поженить, что Костя не против, но вот она сама не уверена, стоит ли. Её мечта стать актрисой, а семейная жизнь – тоска, да ещё, не дай бог, дети...

Марго тогда взбесилась, не веря ни одному её слову, и заставила Веру объясниться с Костей, который повёл себя странно: вину не признавал, но и не отказывался, шутил, прикалывался. Его забавляла вся эта «Санта Барбара». Если предстоящее бракосочетание Кости и Веры так и оставалось для всех тайной, то беременность скрыть не удалось - Марго сразу заподозрила неладное, заметив, как выворачивает наизнанку подругу от запаха жареной рыбы в студенческом буфете, испугавшись при этом так, как если бы узнала, что у подруги не беременность, а чума. Услышав, что Костя этому рад, не поверила ни одному слову, но Вера была абсолютно спокойна, что обнадёживало, но только до того момента, пока не закрутилась вся эта «мыльная опера» с Лерочкой Войской. Чтобы спасти подругу, Марго готова была пойти на крайние меры: обнародовать правду, проучить Лерку, написать письмо родителям Костика, да много чего ещё, только Вера не позволила. Она решила, что свадьбы не будет, а главное – не будет ребёнка. Ничего никому не сказав, за день до бракосочетания, сделала аборт. Почему? А просто Костику назло. Это «назло» едва не стоило ей жизни.

Даже сейчас, когда уже всё отболело и нет в живых Леры, её мамы, Костиного отца, эти воспоминания вызывают тошноту и стыд. Невероятный, чудовищный стыд.

Вера села на кровати, подобрав под себя ноги и набросив одеяло. Колокольчики на браслете уныло звякнули. Она поёжилась, её знобило. Кот недовольно спрыгнул на пол, так и не примостившись на ночь возле беспокойной хозяйки. За окном завывал ветер, похожий на тот, что слышала в больничной палате гинекологического отделения двадцать с лишним лет назад. Ей пришлось пролежать там почти неделю. Во время аборта произошла перфорация стенки матки, началось внутреннее кровотечение. Удалось вовремя подключить хирургов. Жизнь спасли, но вынашивание детей стало невозможным. Вера больше всего на свете боялась огорчить маму, а получилось, что стала причиной её болезни. От слёз, переживаний, от непонимания, почему всегда такая правильная и послушная дочка такое натворила, она слегла с сердечным приступом, а Костя так и не понял, зачем Вере всё это понадобилось. В тот день он был в ЗАГСе и даже кольца купил... Когда узнал, что на самом деле произошло, обозвал Веру убийцей. Ушёл, хлопнув дверью. Не пожалел, не утешил, просто выбежал из больничной палаты. С той минуты она взвалила на себя всю вину за несостоявшуюся семейную жизнь, неродившегося ребёнка, загубленную любовь, вот и тащит этот груз уже столько лет. А что Лера? Она ведь не врала про Болгарию, просто о связи Кости и Веры была, что называется, ни сном ни духом. Потом, конечно, пошли слухи, и её вечно круглые, как у куклы, глаза, ещё сильнее округлялись при виде Веры.

Окончив первый курс филологического, Лера поступила во ВГИК и вышла замуж за Костю. Правда, актрисой она так и не стала. Кто-то рассказывал, что она чудовищно растолстела после родов, кто-то утверждал, что причина была в болезнях ребёнка, из-за которых пришлось бросить институт, но больше никогда Вера её не видела ни в жизни, ни на экране, да и не хотелось. А вот Костю иногда удавалось высмотреть в толпе студентов, а потом на фотографиях в газете, куда его устроили работать корреспон-

дентом, и всё ждала...

К утру навалился сон – пустой, тяжёлый, без сновидений и отдыха. Вера выскочила из него одуревшая, как после пьянки. Под ухом жужжал новый мобильный, на котором ещё с вечера был отключен звук. Марго уже подъезжала, успев позвонить в больницу, где ей сказали, что никакой Мухиной у них нет. Она возмущалась – ведь вчера сообщили врачу имя и фамилию, да ещё и сунули денег санитарке. Может, новая смена и они не в курсе...

Действительно, никакой Мухиной в больнице не оказалось. На кровати, где она ночевала, не было одеяла, не было и казенного больничного халата, в который её, как утверждала санитарка, обрядили после купания.

– Сбежала, паршивка, – сокрушалась она. – Как проскочила мимо охранника, ума не приложу? Спала тихонько, сама видела, а под утро сбежала. Вот рюкзачок с её барахлом. Вам отдать, или сразу на помойку? Воняет страшно.

Вера стояла в ступоре, не говоря ни слова, а Марго, махнув рукой, распорядилась:

- Выбрасывайте, конечно.

Но вдруг Вера ожила и ухватила мешок:

- Нет, отдайте мне, надо всё пересмотреть, вдруг найдём зацепку, где её искать. Не могла же она далеко уйти в халате. Мороз на дворе. Как же это?
- Так одеялом прикрылась, ворчала санитарка, Стибрила, между прочим, больничное имущество.
   А кто платить будет?

Вера без разговоров сунула ей деньги и подхватила вонючий мешок. Марго приказала бросить его в багажник, пояснив, что игры в Шерлока Холмса, пожалуйста, без неё. К этому дерьму она не прикоснётся.

Дома, вытряхнув из рюкзака содержимое, Вера пересмотрела каждую тряпочку. Их было немного: несколько засаленных маек, спортивные рейтузы, дырявый свитер. Никаких наводящих предметов вроде ключей, записок, тем более, телефона... В одном из отделений нашла сплющенный леденец, одноразовую бритву с прилипшими волосками, огрызок косметического карандаша и странный диск на цепочке, напоминающий брелок. Может, когда-то к нему и был пристегнут ключ от дома, которого эта девушка лишилась. Брелок был липкий, грязный, в пол-ладони. На одной, слегка вогнутой стороне, виднелся рисунок, напоминающий цветок с красным камешком по центру, а с другой стороны – круг с иероглифами и двумя сдвигающимися рычажками, которые залипли намертво. Вера намочила салфетку и попыталась оттереть изображение. В том, что этот диск тоже привезен из Таиланда, она уже не сомневалась – он очень напоминал по форме и рисунку фарфоровые блюдца, которыми был отделан храм Ват Арун. Процедуру оттирания и обмывания пришлось повторить несколько раз, и в одну из попыток красный камешек внутри цветка ожил, утопившись под нажимом пальца. Это была кнопка, которая запускает механизм внутри диска, но если бы только механизм! Красная кнопка неожиданно запустила жизнь Веры по абсолютно другой траектории.

Едва усмирив дрожь в руках, Вера схватилась за телефон. На язвительный вопрос Марго, как обстоит дело с дедуктивным анализом кучи дерьма, Вера завыла. Ничего не говоря, она поднесла к трубке телефона тот самый «брелою». Эта штука оказалась диктофоном с записью Лериного голоса. Марго затихла, а через минуту уже орала, чтобы Вера не смела ничего без неё трогать, а то вдруг сотрёт всё к чёртовой матери, знает она её технический идиотизм! Ещё Марго успела прокричать, что уже садится в машину и скоро будет...

Вера с испугу нажала красную кнопку.

Первым делом Марго внимательно изучила устройство брелка. Ей удалось открыть заднюю панель. Надежда, что найдётся флэшка, которую можно установить в компьютер, не оправдалась, зато был найден регулятор громкости. Странно, но отсутствовала опция перемотки: это означало, что придётся слушать всё подряд. Удивительным было то, что батарея не умерла, из чего можно было сделать вывод: записи не больше полугода и штуковину редко включали. Возможно, записано прямо перед Лериной смертью.

Ну что, попробуем? Готова?

Вера присела на диван и замотала головой:

- Знаешь, как страшно было! Нажала, а оттуда она, с хрипотцой, но еле-еле выговаривая: «Привет всем...». Этот голос не перепутаешь, ты же помнишь. Сама маленькая, худющая, а говорит, как поёт – из груди звук идёт: глубокий, бархатный. Всегда мне в голову приходило дурацкое сравнение с мультяшным мышонком, которого озвучивает львица...
- Да ладно, львица! Лерка ржала, как лошадь, и мужикам это нравилось. В ней было то, от чего у них крышу сносит: сумасшедшая сексуальная энергетика в каждом жесте. Это я тебе как режиссёр по второму образованию говорю. Она просто могла сидеть, качая на большом пальце спадавший туфель, а глаз было не отвести. Я сама на это попадалась, представляя, как запросто мужская ладонь обхватывает её тонкую щиколотку, и всё прикидывала – а я смогу обхватить? Что ты на меня так смотришь? Про тебя такого в голову не приходило. Ты ведь ничего, кроме соперницы, в ней не видела. Слушай, а помнишь того кубинца, который за Леркой увивался? Он к нам в студенческий клуб ходил. Педро, кажется, звали? Она его Печкиным называла, прикалывалась. А если честно, от них такой разряд шёл, стоять рядом страшно было: «Не подходи, убьет!». Зуб даю, она с ним спала, а на Костика нацелилась замуж...
- Хватит, давай слушать, раздражённо перебила Вера, Страшно конечно, но может быть, поймём, как её дочь оказалась на помойке, да ещё с отрезанным языком...

Марго нажала красную кнопку.

«Привет всем», – произнёс хриплый тихий голос. Потом тяжёлый кашель, через паузу продолжение: «Вот, например, самоубийцы пишут предсмертные записки, в которых успевают признаться в любви всему миру и попросить у него же прощения за то, что оказались тут лишними, а безнадёжные больные вроде меня медлят, сомневаются, цепляются за каждую соломинку. Как вдруг – бах, и уже не до писем – только бы не возвращаться в сознание, не чувствовать боль. Тогда и жалеешь, что вовремя не успела сказать: прошу никого не винить в моей смерти...».

Голос затих, но запись, похоже, не остановилась. Кроме тяжёлого дыхания никаких других звуков не было слышно. Марго ёрзала на диване, сдвинув рычажок громкости на максимум. Следующая фраза резко ударила по ушам: «Кого винить, если болезнь неизлечима?». Тут же быстро убрала звук:

«Но они стоят рядом и чувствуют, постоянно чувствуют свою вину, словно чего-то не так сделали, чего-то недодали... Семья, дорогая, всё нормально. Теперь нормально. Что было раньше – не считается. Мы жили так, словно бессмертны. А как по-другому? Бессмертные уверены в себе, в завтрашнем дне, в разумности мироустройства. Они знают, что завтра для них опять взойдёт солнце, и нет оснований в этом усомниться. Я тоже когда-то была бессмертной. А теперь не исключено, что в процессе наговаривания могу забыть, что, собственно, собиралась сказать: теряю смысл и цель любого, даже самого простого действия. Доктор говорит, что это из-за метастазов. Они перебрались из груди в позвоночник, потом в шею, а теперь микроскопическими спорами отравляют мозг. Наверное, правильнее было бы сказать: «Дорогие мои, поздравляю вас со своей кончиной, отдыхайте». Только вот врачи не дают. Тянут резину, хотя уже точно знают: оперировать нельзя, а химия не работает. Слышала, а может, показалось, как вы шептались у кровати: «Врач сказал, что до конца месяца... и всё... надо готовиться...». И слёзы, слёзы... Родные мои, отпустите! На самом деле, мне всё легче и радостней. Соседку по палате прикатили после уколов в позвоночник. она стонет в забытьи...».

Марго, не останавливая записи, согнала на пол вскочившего на колени кота. Он недовольно мявкнул и, заметив, что никто не обращает на него внимания, истошно заорал.

– Вот зараза, – шикнула на него Марго, – Уймись ради бога! Из-за тебя пропустили кусок. О чём она говорила? Блин, перемотки ведь нет. Давай остановим.

Она нажала кнопку на диске, а потом запустила опять. Оттуда послышалось:

«Привет всем».

Марго замахала руками:

- Нет, только не это! Опять сначала. Что делать? Мы даже не знаем сколько часов придётся слушать.
  - Уймись, пожалуйста, попросила Вера. Хочешь, заткни уши.
  - Ещё чего.

Голос Леры был глухим, тяжёлым. Она часто кашляла и задыхалась. Слушать повторно всё это было невыносимо. Наконец они дошли до места, на котором остановились:

«Соседка улыбается во сне — милая пожилая женщина, совсем одинокая. Ей легче — никто не удерживает. Вот бы так с улыбкой умереть. Мысли путаются опять. На бумаге не становятся яснее. Хорошо, что Полинка вернулась из командировки и привезла эту штуковину, похожую на блюдце. Теперь можно не писать, а наговаривать. До чего прогресс дошёл: маленькая такая пластиночка, а ты, хоть сутки не умолкай, всё поместится. А главное — от вас, моя дорогая семья, ни слова наперекор».

У Марго зазвонил телефон; дочь по какому-то пустячному поводу, но ясно было – это надолго. Пришлось опять остановить запись. Вера нервничала, начала обкусывать ногти, чего давно не делала, сумев однажды избавиться от дурацкой привычки. Наконец Марго закончила разговор. «Так на чём мы остановились?» – спросила она почти равнодушно. Вера с удивлением на неё посмотрела. Марго поймала недовольство в её взгляде.

– Успокойся, я сочувствую. Просто быстро переключаюсь и сбрасываю ненужную информацию и негатив. Врубай.

Вера нажала кнопку, но запись опять началась сначала.

- Ох, забыла! завопила Марго, Не хочу! Мы так головой поедем. Давай отложим до завтра.
   Мне домой надо.
  - Или.
- Я придумала! Надо сделать дубль записи на айфоне. Ты сиди слушай, или даже не слушай, а просто включи рекордер на телефоне. Получится дубль, которым сможем оперировать, ненужное проматывать, а важное несколько раз повторять.
  - Для меня всё важно, поджала губы Вера. Завтра созвонимся.

Вера выключила свет, легла на диван, укуталась пледом. Её знобило. В третий раз всё началось сначала: «Всем привет!». Вера зарыдала. Из другого времени и реальности доносились слова:

«Фотографировались. На этой или как скажут потом "на последней фотографии" семья стоит стеной, тесно прижавшись друг к другу, вокруг умирающей именинницы. Сплотились, подтянулись: "Все на борьбу с болезнью!". На самом деле, дорогая семья, вас объединил страх. Каждый из вас задаёт себе похожие вопросы: "Лерка тут с нами, или уже нет? А потом, когда уйдёт, что будет?". Вам очень не хочется менять свои привычки, мысли, планы, оказавшись один на один друг с другом. Каждый из вас любил меня для себя и не любил для другого. Мама, ты не уставала повторять: "Куда твои глаза глядели? Твой Костя полное ничтожество!". Последнее слово ты всегда произносила с эдаким змеиным шипением. Костик, ты тоже прав: "Твоя мама – хроническая идиотка. Не понимаю, как ты умудрилась вырасти нормальным человеком?". Доченька, и ты, конечно же, имеешь право с нами не разговаривать. Сегодня 20 августа. Этот день можно проехать, хотя когда-то, во времена бессмертия, он считался важным – день рождения. Полинка подарила браслет с колокольчиками, они так чудно звенят, и сама такая звонкая, радостная, как серебряный колокольчик. Показывала наброски тайских орнаментов для ресторана. Чудо! Доченька моя, прости нашу глухоту и тупость. Никто не подозревал, что это болезнь, а не плохой характер. Так были воспитаны: "Пионер – всем ребятам пример. Будь готов – всегда готов! Утро красит нежным светом...". А ты задёргивала наглухо шторы, натягивала на голову капюшон и не могла встать с постели раньше полудня. Ночами не спала, маялась, курила до одури, подвывая и качаясь, как еврей на молитве, воткнув в уши наушники с бесконечным, тупым рэпом. Потом ушла из дому, выбросила мобильник, сумку со всеми документами и кошельком. Искали тебя долго. Нашли у бомжей – полуголую, грязную, ничего не соображающую. Врачи поставили диагноз: острый психоз на фоне клинической депрессии. Прости, нет сил об этом... Сейчас передохну».

Запись остановилась. Вера ждала. Прошло минут пять гробовой типпины, потом десять. Вера заволновалась, потрогала диск – он был горячим. Решила ждать, сколько понадобится. Прошёл час, другой – типпина. Неожиданно для себя уснула. Спала до утра глубоко, без сновидений, как в чёрную дыру провалилась.

На рассвете тяжело пробудилась, голова трещала. Диск молчал, а телефон полностью разрядился. Еле передвигая ноги, она пошла в ванную, по дороге поставив телефон на зарядку. Сквозь шум воды вскоре услышала злобное мяуканье. Кот сидел на столе, пытаясь сбить лапой болтавшийся на шнуре зарядки айфон. Вера наорала на паршивца. Жорик огрызнулся, зашипев в ответ. На индикаторе телефона значилось, что на нём пять часов записи. Вера как-то вдруг почувствовала дикую усталость, словно не спала всю ночь. Надо было звонить Марго. Больше оставаться один на один с чужим горем она не могла.

Теперь запись можно было слушать с любого места и, если надо, по многу раз.

– Молодец, что телефон не выключила, – похвалила Марго с порога, – Давай, включай.

Голос Леры на этот раз зазвучал мягко, с теплом и любовью:

«Полиночка, ты толком ничего не помнишь, и это твоё спасение. В твоём сознании всё, что происходило, предстало как яркое приключение. Ты несла восхитительную чушь про время, которым могла управлять, про космические дыры в твоей голове. Сидя на больничной койке, ты не выпускала карандаш из рук, нашупывая в темноте путь, хорошо знакомый великими художникам: то ли лестницу в небо, то ли ступеньки в ад. Лечили тебя долго. Оказалось, что достались тебе по наследству паршивые дедушкины гены. Кто знал, что алкоголизм Костиного отца следствие психической болезни. Твой дед Василий Петрович Мухин, сначала запил, а потом не справился с тяжелейшей депрессией, когда бабушка Нина выкинула его. Она любила уточнять: «Под зад коленом», а он выстрелил себе в рот из охотничьего ружья. Не будь его воли, не завертелась бы наша с папой семейная жизнь. Это он придумал отправить нас в Болгарию, чтобы не допустить свадьбы с Верой Лебедевой – моей сокурсницей. Хорошей девушкой, отличницей, но, как тебе сказать...».

Вера дёрнулась, потянулась к телефону. Марго шлёпнула по руке.

«...скучная она и слишком принципиальная. Какое-то идиотское подростковое упрямство и самоотверженность. Костя сам от неё убежал, уводить не пришлось. Правда, как-то по пьяни вдруг признался, что любил Веру, что она ждала ребёнка, но из-за меня аборт сделала. Не знаю, правда ли это или просто хотел боль причинить. Даже если это так, нет моей вины. Знала бы, послала бы его к чёрту, и тебе не пришлось бы мучиться с гнилыми генами. Полиночка, доченька моя, ты молодец. Совсем как барон Мюнхгаузен, сама себя за волосы вытянула из пропасти, в которой нет дна — всю жизнь можно падать. Ты вернулась к жизни, а я уже нет. Наверное, тогда и завертелось по новой колесо самоуничтожения: опять на том же месте опухоль, а дальше только страх, выжигающий всё живое внутри. Страх не за себя, за тебя, моя родная. В какой-то момент я поняла, что умирать не страшно: страшно жить».

На голос наложился какой-то посторонний звук вроде разбившегося стакана, потом недолгая тишина, шорохи, хлопнувшая дверь, чей-то визгливый окрик: «...зачем стакан брала? Доктора..., позовите доктора...».

Запись остановилась. Долгая пауза – и опять с того же места:

«...Страшно жить. Мама, сегодня ты приходила. Плакала тихонько, но я услышала. Крепко ты сдала за мою болезнь, совсем старенькая стала. Даже после гибели твоего Васи так много не плакала. Глупая у тебя дочь. Всю жизнь считала себя нелюбимым ребёнком. А потом не могла тебе простить, как ты, поджимая губы, сквозь зубы цедила ядовитые упрёки в адрес Полинки, повторяя, что "яблоко от яблони", что внучка наркоманка и проститутка, а Костя конченый алкоголик. А ведь он тогда ещё держался, ещё не запил, не ушёл в сторону. Попросту спрятался. Ходил рядом, сидел рядом невидимкой – бессловесный, непроницаемый, отстранённый. Сработала самозащита. У вас сработала, а моя сломалась. Вы не виноваты. Это я сама. Вот вспомнила почти мистическую историю, которая приключилась со мной перед тем, как свалилась окончательно. Два года назад нам пришлось разъехаться. Мама, ты заявила, что больше не можешь с нами жить и перебралась в квартиру-кормилицу, которую тебе завещал дед Вася. Ты сначала там жить не хотела, решила сдавать, а потом взбрыкнула и переехала, но жить на одну пенсию у тебя не получалось, но речь не об этом. Позволь мне выговориться. Этого практически не случалось в диалогах с тобой. Слушать ты не умеешь не потому, что бессердечная – нетерпеливая. Мысль улавливаешь сразу и мгновенно реагируешь, не давая закончить фразу. Так было всегда: мы умолкали, ты говорила. Неудивительно, что груз недоговорённого, даже, скорее, не выговоренного, кажется причиной моей сильной одышки и невозможности набрать в грудь достаточно воздуха. Комок в горле, дыхательный спазм и глаза на мокром месте – это у меня с детства. От беззащитности или, правильнее сказать, от незащищённости. Синдром двоечницы, неудачницы-дочки перед супермамой. Ты сама много раз говорила, что ждала сына – хотелось по молодости угодить отцу. Потом желание делать хоть чтонибудь не для себя прошло навсегда. Рожала не ребёнка, а подарок любимому. Подарок не получился, но отцу понравилась его копия: сероглазая, с белёсыми тонкими волосиками – полная противоположность твоей смугло-чернявой породе. Отца почти не помню, ты ушла от него к другому мужчине, когда мне было всего три года, решив, что будет лучше для всех, если ребёнок забудет своего "кобеля-папашу". Он завёл шашни с молодой ассистенткой в долгой киноэкспедиции на Урале. Добрые люди донесли, ты накатала письмо парторгу киностудии. Отца уволили: на одного фотографа меньше, делов-то, зато никто в твою сторону косо не посмотрел – такого, как ты, директора фильма, теперь это называется продюсер, надо было ещё поискать. Все режиссеры выстраивались к тебе в очередь. Победил самый сильный, далеко не молодой, но зато крепко заслуженный. Он позвал тебя замуж, и с тех пор, вплоть до его смерти, которая случилась достаточно быстро, ты почти ни с кем больше не работала. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь с отцом, но за отчима тебе благодарна. Эдуард заменил мне всех, даже друзей, с которыми было не так интересно, как с ним. Удивительно, что мы оба робели перед твоей красотой. Помню, как вдвоём стоим перед зеркалом растерянные, неуклюжие и стараемся освоиться в новой нарядной одежде, которую ты приказала надеть на премьеру фильма. Эдуард в светло-сером замшевом пиджаке напоминает беременного слона, а я – кремовую куклу в оборчатом бледно-розовом платье. И вдруг за нашими спинами вспыхивает пламя. Это ты, наша красавица, затянутая во что-то кроваво-алое с золотыми искрами, стараешься справиться с копной смоляных волос, никак не желающих укладываться в ракушку на затылке. Мы теряем дар речи, боясь обернуться. Я первой выхожу из ступора и бросаюсь обнимать твои колени – выше не дотягиваюсь, мне нет и шести. Ты вскрикиваешь и отгоняешь меня, чтобы не помяла платье, зовёшь на подмогу бабушку. Бабуля уводит меня на кухню и наливает чашку киселя, приказав немедленно выпить, если хочу пойти в кино. Давлюсь крахмальной слизью, выплёвывая косточки, как вдруг одна вишенка падает с ложки на платье. Зная, что накажут за неряшество, стряхиваю её с оборки, как тут же разливаю на колени горячий чай. Бабушка быстро запечатывает мой рот ладонью и шепчет: "Не смей реветь, маму сейчас нельзя беспокоить", но я рыдаю от невыносимой боли. На коленях вспухают пузыри, и холодная вода не помогает. До премьеры остаётся каких-то полчаса. Ты швыряешь в угол сумочку и в отчаянии произносишь: "Вот так всегда! Если куда-то собрались, значит, Лерка всё испортит!". Эдуард вызывает "скорую" и напрочь забывает про такси, которое приехало за нами, чтобы везти в Дом кино. Он усаживает тебя в машину, успокоив, что обязательно подъедет к окончанию фильма, а мы едем в больницу. Потом наступает утро вашего отъезда в Ялту, потом такие же утра, дни, вечера перед командировками в Киев, Ленинград, Москву. В квартире ещё долго пахнет твоими духами, и я вывожу потным пальцем слово "мама" на запорошенной пудрой столешнице трельяжа. Бабушка всю жизнь, как попугай, повторяет: "Маму нельзя беспокоить". Мои детсадовские болезни и успеваемость в школе расстраивают тебя. Бабуля лживо рапортует в письмах и телеграммах, летящих в разные уголки страны, о стопроцентном здоровье дочки, о хороших оценках, вкладывая в конверты фотографии беззубой девочки с букетом и бантом, потом угловатого подростка, а потом... В мои неполные пятнадцать уходят из жизни сначала бабушка, а потом Эдуард. Наконец я становлюсь твоей дочерью, но вовремя не усвоив законов игры в дочки-матери, мы обе начинаем их нарушать. Это потом, через два года, появится Василий Петрович Мухин – Костин отец как завершающий, но самый мощный аккорд твоей женской биографии. Твой необычайный дар блистательной стервозности расцветёт с ним на полную катушку, а я получу от вас в подарок мужа Костю, а от Кости – дочку Полину... Что-то я далеко ушла от истории, которую собиралась рассказать. Для этого надо выпрыгнуть из детства и прибавить лет тридцать, приблизившись к своему "ягодному" юбилею. Прервусь ненадолго, передохну».

Вместе с наступившей тишиной комната наполнилась серым сумрачным светом зимнего дня. На часах был полдень, а за окном полумгла приближающегося снегопада. Вера включила настольную лампу. Свет под ней растёкся аккуратным кольцом, похожим на тарелку. Тени стали ещё гуще, а голос зазвучал ярче, словно сфокусировав последнюю энергию.

«Мама, после смерти твоего любовника и переезда пришлось чуть ли не каждый день тебя навещать: то давление подскочило, то упала на ровном месте, восьмой десяток – не шутка. И вот всякий раз, как я заезжала во двор твоего дома, мне на глаза попадалась симпатичная пожилая парочка. Она – сухонькая старушка в белом вязаном берете, он – седой, согнутый пополам старик на кривых ногах с палкой в трясущихся руках. Ступают осторожно, глядя под ноги, и курлычут что-то на ухо друг другу. Я сразу мысленно обозвала их "голубками". Удивительным казалось то, что в какое время суток к тебе ни заезжала, они всегда выходили из дому. Однажды, в августе, перед днём рождения, заехав к тебе, припарковалась в очень неудобном месте – напротив детской площадки. Пробыла у тебя недолго, быстро растеряв остатки хорошего настроения. Выйдя из подъезда, мысленно продолжала спорить с тобой. Сама не заметила как села в машину, как завела её и резко дала задний ход. В последний момент ударила по тормозам, завидев в заднем стекле моих "голубков" чуть ли не в метре от багажника. Выскочив из машины, окаменела. "Голубков" не было, зато под задними колесам лежал помятый скутер, а его хозяин, мальчишка лет двенадцати, стоял рядом. Если бы не затормозила, то, он, летевший с соседней горки, угодил бы прямо под машину. Опомнившись, стала искать глазами моих спасителей, мелькнувших в заднем стекле так вовремя, но мальчишка тупо повторял, что никаких стариков тут не было. Помнишь, мам, как я вернулась тогда к тебе и попросила помочь найти эту милую пару, но получила в ответ закатанные глаза и зловещий шепот: "С ума сошла? Ты про Шишкиных, что ли? На кладбище они оба давно. Не к добру это, слышишь, Лерка. Срочно к врачу иди... Проверяйся... Покойники просто так знаки не подают. У Шишкиной вот тоже рак был. Но не твой, тяжелей. Она уже и не вставала, а Шишкин отказался её в хоспис сдать. Мучились оба страшно. Не знаю, правда или нет, но говорят, что он её придушил, а потом сам отравился... Может, враки, но странно как-то – чуть ли ни в один день умерли". Проверяться тогда не побежала, даже думать не хотела. Всего год прошёл после операции. Чувствовала себя нормально. Какого-то разумного объяснения этой странной встречи с потусторонним миром в лице усопших Шишкиных у меня не нашлось. Но совсем недавно ты, Костя, опять напомнил мне историю этой семьи, принеся в дом диск нашумевшего фильма австрийского режиссера под названием "Любовь". Я, посмотрев его, сразу вспомнила моих "голубков" и в тот момент безоговорочно поверила слухам про их совместный уход. Конечно, Шишкин, бесконечно любя свою жену, помог ей уйти, и неважно, как ушёл сам. Просто ушёл... В тот вечер после я спросила тебя, Костя, а мог бы ты, как Шишкин, меня спасти? Ты не понял моего фильма

вопроса и посмотрел как на слегка поехавшую головой: "Какой Шишкин? От чего спасать?". Тогда я решилась попросить о помощи, ну, например, как в кино – подушку на лицо, и всё... Что ты ответил? Ты отшутился, что желание меня придушить у тебя возникает каждый день из-за моих глупостей и я никогда не вылечусь, если не буду верить врачам, которые назначили ещё одну "химию", и вообще, что скоро человечество обязательно найдёт способ, как с этим бороться. В этот момент я поняла: ты меня не любишь. И про желание придушить – не шутка, но шуткой останется навсегда, и помощи от тебя не дождусь. Всё, как всегда, должна сделать сама, даже уколы. Ты боишься шприцов, крови и покойников.

Костя, а помнишь, как мы отметили нашу серебряную свадьбу? Невеста была лысой и бледной. Но, если честно, я себе тогда нравилась – стильно выглядела. Обнажившаяся черепушка оказалась идеальной формы, глаза выкатились на пол-лица, а кожа приобрела алебастровую прозрачность на лбу и ушах. Готика просто, но тебе, конечно, нравилась другая Лерка, в которую влюбился двадцать пять лет назад – сексуально неудовлетворённая, очень чувственная, недавно оставленная своим первым возлюбленным. Тому, первому, досталась незавидная роль репетитора семейной жизни. Ученица оказалась тупой, трусливой и бесхарактерной. Он быстро сбежал, поскандалив с потенциальной тещей, а я не бросилась догонять. И за тобой особо не хотелось бегать, просто удивляло, что после бурных болгарских каникул ты ушёл в "несознанку". Вёл себя очень странно. Если правда про Веру, то понятно почему».

Вера опять попыталась остановить запись, но Марго стукнула её по руке:

– Не смей, держи себя в руках. Пора уже посмотреть правде в глаза и успокоиться.

«Когда ты впервые зашёл в дом с охапкой разноцветных, ненавистных мне астр, и театрально бросил их к ногам, мама в тебя влюбилась, произнеся сакраментальное: "яблоко от яблони...", но тогда это в этой фразе заключался совсем другой, позитивный смысл. Вы с твоим отцом были в её вкусе: цветы – корзинами, шампанское – рекой, клубника – вёдрами. Умели пустить пыль в глаза. Было чем: красавцы, острые на язык. Папа – большой партийный начальник, сын – будущий журналист, денежки водятся. Про гнилую наследственность стало понятно потом, когда попёрли твоего отца со всех постов за беспробудную пьянку. Поначалу у тебя к спиртному тяги не было, был кураж: гитару в руки, девчонки в глаза заглядывают, ну как не выпить, и поехало... Еле дотянул до диплома, пошёл работать в третьесортную газету, полысел и накачал пивной живот. Очень скоро в материнских глазах появилось презрение. Она перестала кокетничать с тобой, а потом разговаривать. Семью спасло от разрушения появление на свет нашей Полинки. Все сбавили обороты и продолжили жить ради ребёнка, напоминая друг другу об этом, когда уже никаких доводов не находилось. Так и дожили до серебряного юбилея. Тебе захотелось отметить это как-то необычно. Придумал поездку на Кубу. Онколог предупредил, что после перенесённой болезни мне вредны буквально все радости, за которыми туда едут: солнце, алкоголь, кофе и сигарный дым. Я согласилась с его доводами, но не стала объяснять, что человеку важно опять всё это попробовать просто для того, чтобы захотеть жить.

То, что случилось с мной на Кубе, не объяснишь никому. Ты, который был рядом, всё видел, слышал, так ничего и не понял. Правда, однажды спросил: "Так у тебя что-то было с тем кубинцем, который топчаны по пляжу таскал? Вы же в одном университете учились?". Ох, Костенька, было, и как! Да и, прости меня, повторилось прямо у тебя под носом, пока ты убегал на "кубинский массаж"».

Марго аж подпрыгнула:

- Ты слышала? Кубинец, тот самый, помнишь? Красавец. Я же говорила, что она с ним спала. Ну Лерка, ну зараза, так их всех.
  - Да тихо ты, возмутилась Вера, дай послушать!

«Звали его Педро. Дурацкое имя, словно из какой-то мыльной оперы, даже стыдно было произносить его вслух в окружении сокурсников. Очень быстро придумала ему прозвище Печкин за то, что был жаркий до умопомрачения и чёрный, как сковородка. Печкин любил всё русское: математику, шахматы и меня. Познакомилась я с ним ещё когда в школе училась, а потом оказались в одном институте. Не ты лишил меня девственности, но и не Печкин. Это был репетитор, которого мама наняла подтянуть меня по истории. Он вполне тянул на роль потенциального жениха, но ни о чём другом, как о контрацепции, не заботился. Зачем нужен секс и что в нём хорошего, так и не поняла. Не поняла и с тобой в Болгарии, уж прости меня. Открытие произошло с Печкиным, но его забрал Фидель. Печкин звал с собой, умолял расписаться. Я представила лицо мамы и отказалась. Рыдала в подушку, бегала на почту за письмами до востребования и обцеловывала их сверху донизу. Он писал, что больше так не может, что приедет жениться: места у них в семье всем хватит, и для мамы тоже. Работу в кино он, конечно, ей не обещает, но и без этого можно прожить. Этого я боялась больше всего. Представить его разговор с мамой было выше моих сил. Помнишь, как на лестнице Центрального телеграфа мы с тобой, дорогой Костя, столкну-

лись лбами, когда оба пыталась налечь на тугую, тяжёлую дверь? Это я бежала звонить любимому Педро, но так и не позвонила в тот день. Наверное, удар о твой железный лоб был такой силы, что я потеряла разум. Шёл сильный дождь, ты распахнул зонтик и нежно подул на мою шишку, взбухшую под прядью мокрых волос. Теперь уже почти не помню, как всё было, но осталось ощущение, что ты шёл по пятам. Ты сказал, что не можешь забыть всего, что произошло между нами в Болгарии, а я, забыв об этом капитально, вдруг вспомнила, рассмотрев под дождём, твои синие глаза, твою смешную улыбку с щербинкой. Разговор с Педро я заказала почему-то на завтра, а ты ждал у входа и проводил меня к парадной моего дома, а потом и к двери квартиры. О чём говорили, не помню. На следующий день ты появился с букетом астр и бросил под ноги. До Педро я дозвонилась и, как мне тогда казалось, наврала, что встретила другого человека, что не надо ни его Кубы, ни звонков, ни писем. Это всё случилось больше четверти века назад. Все эти годы я вспоминала о Печкине только во время супружеского секса, чтобы дойти до оргазма или для того, чтобы себя ублажить, когда ты превратился в импотента. Кто мог подумать, что судьба вдруг решит побаловать меня под конец?

Печкин почти не изменился, только ещё больше почернел, а вот меня не узнал, хотя всматривался, но не решался спросить. Я тоже сомневалась, он ли. Ведь не может так быть, чтобы умница, почти гений, чемпион, отличник и медалист перетаскивал с места на место топчаны на пляже в надежде получить лишний песо. Отворачиваясь от прилипавшего на жаре взгляда странного кубинца, я заходила в бирюзовую воду, скармливая прожорливым рыбкам банановую мякоть. Потом плыла, ныряла, лежала на воде, подставив лицо небу и солнцу. С каждой минутой ко мне возвращалась жизнь. Наконец решилась подойти к этому похожему на Педро кубинцу и спросила на русском, забыв, что нахожусь на Кубе: "Вас не Педро зовут?". Он схватился за голову.

- Лера, это ты! Я почувствовал это сразу! Не сразу узнал, но потом, когда ты провела рукой по волосам... Сколько лет тебя ждал...
- Печкин, ты совсем не изменился. А что ты тут делаешь? Почему этот пляж, топчаны? Ты же был легендой физмата!

Мы сели с ним рядом на песок, и жаркий кубинский воздух стал раскалённым до невозможности.

 - Лерочка, это правда жизни: надо кормить семью, у меня двое детей. Видишь эту гору? Там пионерский лагерь. Туда не так просто попасть, но я смог их устроить. Эта работа – спасение. А ты-то как?

– Печкин, ты офигительно говоришь по-русски. Совсем без акцента.

- У меня жена русская Катя. Она из-под Воронежа. Очень хорошая. Плохая давно бы уехала. Трудно ей тут. А твоему мужу, вижу, не сидится на месте. Ты счастлива?
- Знаешь, Печкин, ещё пару лет назад я бы сказала, что нет, но теперь знаю нечто, превращающее каждый обычный день в счастливый.
  - Это любовь?
  - Ну, загнул. Как был романтиком, так и остался. Нет, не любовь, а болезнь, вернее победа над ней.
  - Ты победила?
  - Не знаю, похоже.
  - А я до сих пор не излечился...

Он прорыл в песке тропинку к моей ноге, и я поняла, что ждёт нас в оставшиеся шесть дней. Потом были ночные вылазки по окрестностям на древнем розовом кабриолете, пыльная и роскошная в своём разрушении Гавана, катания на катамаране, лодке, лошадях и много любви. Где был ты, Костя, в это время, не помню. Знаю, что не скучал, получив в недельное пользование симпатичную кубинскую девчонку за небольшую плату. Наш серебряный юбилей мы отметили весело и необременительно друг для друга. Тогда было самое время умереть. Всего лишь занырнуть поглубже. Умирать надо вовремя, счастливой и любимой, если не получается так жить.

Вот теперь опять вовремя: боль затихла. Рукой могу шевельнуть. Колокольчик звякнул так жалобно, а надо бы весело. Вот, попробую ещё. Слышно? Уже веселее. Танцуем... Печкина вспомнила, жаркий пляж, сальса... Океан за окном шумит, а может, это ветер налетел и срывает последнюю листву с деревьев? Рано вроде ещё... ведь только август...».

Наступила тишина. Ни слова, ни вздоха. Мёртвая тишина. Вера и Марго молчали, боясь её нарушить, не в силах пошевелиться. Вывел их из состояния ступора кот, который тяжело запрыгнув на стол, перевернул чашку. Марго выругалась и запустила в него тапком. Потом надолго ушла в ванную, вернулась деловая и сосредоточенная.

– Так, хватит киснуть. Надо проанализировать. Ты уж прости, но первое, что приходит в голову: тебе сказочно повезло, подруга, что такой подарок, как Костя, достался Лере. А второе – ещё в августе Полина была нормальной. Нигде ни слова про её историю с языком, значит всё это произошло после Леркиной смерти. Похоже, не помирилась семейка, как Лере хотелось, а пошла вразнос: Костя спрятался, бабка наехала на внучку, та с диагнозом... В общем, кошмар. Нам надо искать Полину и Костю. Кого сначала, да как получится. Когда ты, говоришь, первый раз заметила её в переходе?

Казалось, что Вера не слышит, теребит браслет на руке и о чём-то думает.

- Марго, - она подняла испуганное лицо, - ты слышала на записи звон колокольчиков? Это звенел браслет на Лериной руке. Точь-в-точь как этот. Звук один в один, а вдруг он тот самый, что был на ней, когда умирала? Господи, только не это!

Марго оторопела, не находя слов, но уже через минуту принялась доказывать, что браслетов у Полины было несколько, что все они звенят одинаково, и не надо нагонять страхов, их и так предостаточно. Вера её не слышала, плаксиво бормоча под нос: «Это Лерин, я чувствую... не снимается... все колокольчики одинаковые, какой-то из них застёжка... Как же это работает?».

- Перестань ныть и прекрати теребить эту железку, строго скомандовала Марго. Лучше вспомни, были браслеты на Полине в больнице или нет? Сколько?
- Были, но только на одной руке, а когда в первый раз её встретила, на обеих, а сколько не помню. Какое это имеет значение?
- А такое, что я хочу знать, она только тебе их подсовывала или всем. Если только тебе, то тогда действительно всё не случайно.
  - То есть ты хочешь сказать, что она узнала про нашу связь с Костей и нашла меня. Зачем?
- Не знаю, не думаю, что знала, но что-то её к тебе привело. Слишком много случайных совпадений, так не бывает.
  - Надо её найти. Бедная девочка, как же это? Ещё полгода назад она была в порядке.
- Во всём виноват твой Костя, уверена! Ему плевать на дочь, на её беду. Он неизвестно куда удрал и пишет в соцсетях про своё горе и одиночество. Будем действовать на два фронта: ты займёшься поисками Полинки, а я попытаюсь найти этого козла, уж прости. Говоришь, что видела её в переходе, значит надо туда регулярно наведываться, а ещё ходить по помойкам, ловить бомжей, задабривать и пытаться разговорить. Наверняка кто-то где-то её видел и запомнил. У неё внешность яркая – лысина, татуировки... и, наконец, эти браслеты. В конце концов, обратимся в полицию. Имя и фамилию знаем, даже год рождения. Если жива, найдём. А я раскину свою сеть в интернете, поставлю фальшак с чужой фоткой помоложе, буду склонять этого дурака Костика к знакомству и встрече. Ребята наши знают его ник, подловим гада. Браслет не снимай, тем более если думаешь, что он Леркин. Может, она с того света нам сигнал подаёт – дочку спасите. Поняла?

Вера кивнула и сквозь слезы опять забормотала: «Я-то всю жизнь ей завидовала: у неё Костик, ребёнок, а у меня фига. Кто же знал, как оно на самом деле. Так рано умерла, несправедливо, а я всё думала, что это со мной несправедливо, вот ведь дура...».

Пока Вера рефлексировала вслух, Марго направилась к рюкзаку, чтобы удостовериться, нет ли там ещё каких-нибудь «наводящих моментов». Зажимая нос, она опять всё перетряхнула и нащупала в самом уголке кармана слежавшийся до плотности камня комочек бумаги. Осторожно развернув его, обнаружила, что это рецепт. На нём даже можно было рассмотреть адрес поликлиники и фамилию врача: зацепка!

Доктор Майская была психиатром с большим стажем. На её лице с тяжёлым неженским подбородком, ртом подковкой вниз и слезящимися глазами сидела маска недовольства и смертельной усталости. Да, Полину Мухину она помнила, вела её много лет. Тот факт, что пациентка больше полугода не появлялась, абсолютно не удивил: обычное дело при таких диагнозах. Половина больных бросает пить лекарства, многие уходят в алкоголизм и наркоманию, бродяжничают, кончают жизнь самоубийством. Спасает только самоотверженность членов семьи, готовых положить свою жизнь на борьбу с тяжёлой болезнью. Узнав от Веры и Марго о ситуации, в которой оказалась Полина, она преобразилась, сменив пренебрежительно профессиональный тон на человеческий, заодно скинув маску.

Последний раз Полина была на приёме прошлым летом. Состояние её не вызывало тревоги, многолетняя ремиссия после первого психоза давала надежду, что острое состояние не повторится. У доктора сохранились короткие записи их беседы. В них значилось, что пациентка нашла дизайнерскую работу. Оформляет ресторан в азиатском стиле. Ей предстоит командировка в Таиланд. Негативной оценки будущего нет. Из отрицательных моментов: сильные переживания по поводу болезни матери, тревожность и плохой аппетит, но в целом состояние стабильное. Признаки депрессии или мании отсутствуют. Как всегда ей были выписаны лекарства, стабилизирующие настроение.

– Очень сожалею, что Валерия Витальевна умерла, – сказала доктор, стараясь скрыть слёзы. Из всей семьи мне довелось общаться только с ней. Поверьте, это чудовищное испытание для матери, когда с ребёнком такое происходит. И ведь никто не виноват – просто генетический сбой в биохимии головного мозга. Воспитание, социальная среда, атмосфера в семье, конечно, могут сыграть свою роль, но не определяющую. Девочка родилась с этим. По линии отца есть отягчающие факторы.

Доктор запнулась и замолчала, испугавшись, что перешла порог конфиденциальности.

– Мы в курсе, – успокоила её Марго. – Учились с Лерой, то есть с Валерией Витальевной, на одном курсе, а с Костей, Полининым отцом, ещё со школы знакомы.

- Тогда вы, наверное, должны знать бабушку Полины. Вы не проверяли? Возможно, девочка у неё, хотя маловероятно. У них были очень напряжённые отношения. Плохо получилось: с отцом нет понимания, с бабушкой на ножах, а мать умерла. Полина всегда мечтала заработать достаточно денег, чтобы жить отдельно от родителей.
  - Бабушка тоже умерла, выдавила из себя Вера.

Доктор, покачав головой, закрыла журнал с записями.

- Подождите, взмолилась Марго, А нет ли у вас хоть каких-то имён, адресов или хотя бы название ресторана, где собиралась работать Полина?
- К сожалению, ничего конкретного, ответила доктор, но, вспомнив что-то, опять открыла журнал. Вот адрес, по которому Полина проживала с родителями, можете расспросить соседей, вдруг кто-то видел её возле дома после смерти матери... Правда, есть ещё имя Павел. Оно как-то связано с её работой. Вот всё, чем могу помочь пока. А почему, когда вы рассказывали о ней, то называли немой?
- У неё кончик языка отрезан, и она почти не выговаривает согласные, ответила Марго, почему-то показав врачу свой язык и добавив, что это совсем небольшой кусочек.

Доктор разволновалась. Было видно, что она потрясена:

— Тут два варианта — либо она угодила в плохую историю и её наказали, либо сама себе нанесла увечье. Причина? Да какая угодно, даже элементарный скандал в семье, после которого наступило обострение. Ей нужна помощь. Держите меня в курсе ваших поисков. Подключите полицию. Если найдёте, то сразу звоните мне и прямиком в больницу. Я приеду, поговорю с врачами, знаю точно, какие ей лекарства подходят. Отца, конечно, тоже стоит поискать, но поможет ли это Полине? Хотя всякое бывает, может и сойдутся. Его эскапизм тоже сродни бегству в никуда.

За то время, что они провели в кабинете доктора, погода испортилась окончательно. Повалил густой снег – беда автомобилиста и радость праздного пешехода. Летящий со всех сторон белый пух преображал до неузнаваемости скучный пейзаж, в котором постепенно не оставалось ни одного тёмного пятна. Марго принялась расчищать стёкла машины, а Вера блаженно подставила лицо и руки под колючие снежинки. Вдруг, вспомнив о чём-то, нахмурилась, вытерла рукой лоб и щеки.

- Марго, представляешь каково ей сейчас? Бедная девочка, раздетая, перепуганная, больная. Господи, как же её найти?
- Не переживай, она уже не первый день в такой жопе. Наверняка где-то отлёживается. Обычно это городские коллекторы. У них, у этих бродяг, есть тёплые места. Вопрос в другом, насколько она адекватна, может ли понимать что опасно, а что нет. Завтра начнём искать. Заявление в полицию тоже не будет лишним.
- Нет, Марго, я сегодня пойду. Пройдусь по переходам, помойкам, поспрашиваю. Не смогу сидеть в тепле, пока она на улице.
- Во, Верка, накрыл тебя материнский инстинкт по полной! Понимаю. Знаешь, чего подумала... а давай-ка прямо сейчас заедем в дом, где Лерка и Костик жили, поговорим с соседями, может, чего узнаем.
  - Спасибо, Маргоша.
  - Да я сама та ещё «аидишэ мама». Прыгай в машину!

Марго пришла в голову идея раздобыть ещё один адресок квартиры бабушки Нины. И тут Веру осенило:

- Помнишь, Лера на записи говорила, что Нина Игнатьевна съехала в ту квартиру, которую ей Костин отец завещал. Когда-то Костя меня туда приводил знакомиться с родителями. Мать Кости умерла рано, а отец покончил с собой, но свою любовницу Нину обеспечил жильём.
- Богатенький Костик получается, процедила сквозь зубы Марго, Обе квартиры в центре. Вряд ли, конечно, от Нины Игнатьевны ему что-то перепало, но кто знает, может, он тоже по закону права имел. Но знаешь, не могу понять, как допустил, что его родная дочь оказалась на улице без крыши над головой.
  - Да, клубочек ещё тот. Проверим оба адреса.

Припарковав машину, Марго уверенно направилась к подъезду, даже не глянув на бумажку с адресом. Вера еле поспевала, бубня ей в спину: «Мы не знаем кода. Как войдём? А если войдём, что будет, если Костя откроет?».

Та не отвечала и вдруг остановилась как вкопанная, посмотрела на адрес и пошла в другом направлении к угловой части дома.

- Тут ошибка, я помню, что окна выходили туда, она махнула рукой в пространство и добавила, Не удивляйся, я пару раз к Лере заходила, пока ты в больнице отлеживалась после аборта. Даже не так тут её подстерегла. Мы мило побеседовали.
  - Ты мне никогда об этом не говорила! Зачем ты это делала? взвизгнула Вера.
  - Хотела восстановить справедливость... Стоп, смотри. Это не он?

36

Вера всмотрелась в силуэт мужчины, выходящего из подъезда: модное пальто с пижонистым ярким шарфом, замотанным высоко вокруг шеи, перекрывающим пол лица. Человек был высокого роста, подтянутый и быстрый в движении. Действительно, его можно было принять за бывшего возлюбленного, но Вера знала, что Костя давно уже так не выглядит. Пару лет назад она случайно столкнулась с ним на улице. Он её не узнал, или сделал вид, что не узнает, а вот она тогда признала его с трудом – располневшего, обрюзгшего, почти лысого.

– Нет, о чём ты? Костя совсем другой.

– А ты откуда знаешь? Ладно, пошли. Видишь, дверь не захлопнулась. Быстрее!

Они проскользнули в парадное, поднялись на нужный этаж и остановились отдышаться у двери Лериной квартиры. Вере захотелось в ту же минуту, развернуться и сбежать. Почувствовав это и не дав опомниться, Марго нажала кнопку звонка. Резкий звук, похожий на свисток, ударил по нервам. За дверью была тишина. Марго собиралась ещё раз надавить на кнопку, как неожиданно дверь приоткрылась, удерживаемая цепочкой. В просвете показались два мутных глаза, которые принадлежали пожилой женщине, прикрывающей краем платка, повязанного на восточный манер, нижнюю часть лица. Марго сориентировалась на месте мгновенно:

- Ассалам алейкум.
- Алейкум ассалам, ответила женщина и добавила, Вы к Динаре? Она ушла на рынок, тут рядом, но вечером будет. Можете мне передать, что хотели.
- Простите, смутилась Вера, Мы к Константину Николаевичу Мухину. Он тут живёт, или жил. Знаете такого?

Женщина опустила край платка. Лицо её, с искривленным ртом и дряблыми смуглыми щеками, выражало недоумение и смущение.

- Вы, наверное, бывшего хозяина квартиры разыскиваете? осторожно поинтересовалась она. Да, жил тут один, у него вся семья умерла. Он всех похоронил, а нам квартиру продал.
  - Как похоронил? возмутилась Марго. Дочь-то его жива. А не знаете, где он сам?

Женщина недоверчиво оглядела подруг:

– Ничего не знаю: всех, так всех. А вы откуда? Из ЖЭКа, что ли?

Марго, глазом не моргнув, соврала:

– Мы из органов опеки. Хоть его дочь и совершеннолетняя, но нуждается в медицинской помощи. Вполне возможно, что продажа квартиры произведена с нарушением закона при живой дочери и без её согласия, надо разбираться.

Хозяйка квартиры опять натянула на лицо платок, пробормотала что-то невнятное и резко захлопнула дверь.

Попытки ещё раз достучаться не дали результатов.

- Подождём дочь, как её..? задумалась Марго.
- Динара, ответила Вера, Чего ждать? Тут рынок за углом, можем пойти, поспрашивать. Бабка сказала: «К вечеру будет», значит, не за покупками пошла, она там работает.
  - Логично, согласилась Марго, погнали!

Найти Динару в рыночном хаосе, казалось, будет непросто, но первый же попавшийся на глаза грузчик подробно объяснил как пройти в бухгалтерию к Динаре Петровне.

- Петровна, надо же, прокомментировала Марго, это значит у старухи Гюльчатай муж Петя, а личико тогда чего прячет? Хотя такое, может, и стоит прятать...
- Думаю, вдова она, а Динара, наверняка, до смерти отца звалась Диной Петровной. Теперь, может, свою восточную половинку реализовывает под мамкиным влиянием, – размышляла вслух Вера.
  - Я тебя умоляю! Под мамкиным, как же! Тут «шерше» мужика, да ещё правоверного.

Марго постучалась в дверь кабинета бухгалтерии и тут же, не дождавшись ответа, потянула ручку. Кабинет был заперт. Потоптавшись недолго у двери, подруги собрались уходить, как услышали шаги на лестнице и звонкий женский голос. Стройная черноволосая женщина стремительно взлетала по ступенькам. Она, не отнимая от уха телефона, быстро говорила на непонятном им языке. Женщина была стильно одета, голову и плечи покрывал шарф от Louis Vuitton в тон сумке того же бренда, в которой она пыталась что-то нащупать, не заглядывая внутрь. Заметив посетителей, резко прервала разговор по телефону и растерянно улыбнулась. Марго и Вера невольно ответили на улыбку.

- Динара Петровна? спросила Марго, явно не ожидая увидеть перед собой такую красавицу. В голове у Веры пронеслось: «Если её матери за семьдесят, то ей не меньше сорока, а по виду не скажешь, тридцатник, не больше...».
  - Да, Динара, ответила она опять с улыбкой, Чем обязана?
- Мы от Мухина Константина Николаевича, взяла быка за рога Марго, Мы подруги его жены Леры, царство ей небесное. Хотим с вами поговорить, если не возражаете и если на это есть у вас пару минут.

- Конечно, надеюсь, с Константином Николаевичем всё в порядке. Давно ничего от него не было слышно.
- А когда в последний раз было слышно? коряво сформулировала Вера, и, смутившись, продолжила, Где он? Жив ли? Мы волнуемся, тут такое дело...

Но Марго не дала договорить.

– Динара Петровна, – строго сказала она, – вы в курсе, что у Мухина есть дочь Полина, что она нездорова, что живёт на помойке из-за того, что отец лишил её крыши над головой?

Динара погрустнела, вынула из сумки связку ключей и пригласила Веру и Марго зайти в кабинет.

Разговор начался с того, что Динара открыла сейф и вынула копию договора о покупке квартиры, а вместе с договором расписку Полины Константиновны Мухиной с отказом имущественных притязаний, связанных с продажей квартиры, в которой была прописана. Динара протянула подругам документы и с неподдельной тревогой спросила:

- Что с ней? Вы её нашли? Я пыталась, поверьте, не получилось, Динара удручённо покачала головой и продолжила, Когда покупала квартиру, ничего не знала, а потом соседи рассказали, что прямо во время поминок внучка повздорила с бабушкой, которая приказала заткнуться и пригрозила отрезать Полине её гнусный язык. Полина вспылила и, схватив со стола нож, бросилась на бабушку, еле оттащили. Потом девушка убежала. Найти её так и не смогли. Бабушку разбил инсульт, она вскоре умерла. Константин Николаевич похоронил жену, а на похороны тещи не пришёл, и Полина тоже. Эту расписку она написала, видимо, ещё до своего бегства, это нотариально заверено. Полина не хотела жить с отцом, отказывалась от его помощи, но соседи знают, что дарственная на бабушкину квартиру оформлена на Полину, это можно проверить. То есть, Полина не бездомная.
  - А куда делся Костя? не выдержала Вера и опять смутилась, Константин Николаевич?
     Динара пожала плечами:
- Кто-то говорил, что он уехал. Куда никто не знает. Говорят, что вообще в другую страну. Но, если честно, мне так не кажется. Он сильно выпивал, это было видно. Мы с трудом оформили сделку: забывал, не приходил, не отвечал на звонки. Последний контакт был в день передачи ключей и документов. Ужасная история. Но вы ведь нашли девочку, слава Аллаху!
- Да, нашли, но опять потеряли, грустно ответила Марго, Зима на дворе, она убежала из больницы,
   в чём была, только одеяло прихватила.
- Всем, чем могу, помогу. Можете на меня рассчитывать. Мне в этой квартире как-то неспокойно живётся, призналась Динара. Не подумайте, что я ку-ку, но всё время ощущение, что кто-то плачет по ночам, даже мама слышит. Из-за этого она совсем расклеилась возраст, нервы. Молится постоянно, то одному Богу, то другому. Мама из мусульманской семьи, но всю жизнь прожила с мужем атеистом. Папа был добрейший человек, учитель, каких поискать. От церкви был далёк, но перед смертью попросил батюшку привести, исповедаться. Мы обе тогда как пришибленные были, никогда ни о чём таком божественном не думали, а теперь мама читает всё подряд и Коран, и Библию. Носит и хиджаб, и крестик.

Марго улыбнулась:

- Вы уж простите, что вашу маму побеспокоили. Она говорила, что Костя всех похоронил, почему?
   Динара усмехнулась:
- Ей так легче жить, а то ведь всё время мысли: вот мы тут живём в достатке и тепле, а ребёнок, который тут бегал, ел кашу, сладко спал, рос и радовался, теперь на улице. Хоть и не мы в этом виноваты, а всё же. Надо найти Полину, иначе и нам в этой квартире никак. Стены тоже имеют память.

Домой ехали молча, каждая думала о своём, но главная общая мысль выражалась высматриванием на улицах и в переулках знакомого силуэта. Смешно было искать лысую голову, когда на всех головах были шапки, а на шапках ещё одни снежные шапки, но глаза то и дело останавливались на девушках, которые были похожи в своих моднячих шмотках на обитательниц трущоб: разорванные джинсы, обвисшие свитера, выглядывающие из рукавов потёртых курток, растянутые шарфы и мешки вместо сумок. Прощаясь, решили завтра продолжить поиски, наведаться по второму адресу — в бывшую квартиру бабушки Нины, может, чего и удастся разузнать.

Вера зашла домой и чуть не наступила в темноте на лежащего у двери кота. Он с мявканьем отскочил и ринулся в кухню к пустой миске. Не переставая истошно вопить, пока Вера наполняла посудину кормом и подливала молоко, он ходил по кругу, не давая к себе притронуться. Шерсть его стояла торчком, хвост молотил воздух, уши прижимались к голове. Вера попыталась его погладить, но кот с шипением отлетел на полметра, косясь на браслет. Вера чертыхнулась и ушла в комнату. Лёжа на диване, наблюдала с досадой, как он ел, жадно лакал молоко, потом отряхнулся, умылся и направился к горшку. Устало закрыв глаза, подумала, что даже коту она нужна только для кормёжки, а тепла и ласки не дождёшься. Одино-

чество опять примостилось рядом, прямо тут, под боком на диване, растягиваясь во весь рост, оттесняя к краю. Вера подумала, что хорошо бы сейчас заставить себя встать, натянуть пижаму и лечь в кровать, но в темноте звякнул браслет, зацепившись за бахрому на диванной подушке, и она опять вспомнила Полину. Ей вдруг пришло в голову, что Полина непременно опять окажется там, во дворе, на детской площадке, где они впервые встретились, что появилась она там не случайно. Понимая, что глупо на это надеяться, всё равно прилипла носом к тёмному окну, залепленному мокрым снегом, вглядываясь в тёмные очертания скамеек и детской горки. Кроме одного большого сугроба на скамейке ничего не было. Она отошла от окна и направилась в спальную. Мысли, воспоминания и фантазии по кругу хороводили в голове, не давая покоя. Осью этой карусели была Полина, даже не она сама, а тот ребёнок, который мог стать Полиной, тот, который не родился. Вера задумалась: вот врач сказал, что болезнь Полины наследственная, что дедушка был подвержен алкоголизму и депрессии, да и покончил жизнь самоубийством, тогда и Костя тоже в группе риска. А ведь он всегда был со странностями – то носился по городу весёлый, не спал, гулял напропалую, то замыкался и никого видеть не хотел, лежал целыми днями мрачный, только курил одну за другой. Значит, и у них мог ребенок больной родиться. Ну и что? Она бы ещё больше больного любила, ему же помощь нужна, забота... Странно как-то доктор эту болезнь описала, надо бы прогуглить. Куда же Костя делся? А может, как дед? Нет, только не это! Да и Марго сказала, что кто-то недавно вычислил его в сети под странным ником. Хорошо, если так, но представить, что вместо того, чтобы искать дочь, он сам куда-то сбежал, это тоже, знаете ли, не совсем нормально. Вера открыла лэптоп и погрузилась в изучение сайтов, связанных с психиатрией. Очень скоро ей стало реально плохо и показалось, что страшные диагнозы и симптомы – всё про неё саму. С раздражением захлопнув компьютер, решила, что надо действовать по обстоятельствам.

Утро, едва мелькнув бледным солнцем в окне, растопило снег на подоконнике, но не до конца. Снег подтаял, стал похожим на грязную, ноздреватую губку. Вера глянула в окно и удивилась – громадный сугроб во дворе, который ночью украшал скамейку, бесследно исчез. Не могла такая громадина враз растаять. Вдруг это был не сугроб, а одеяло, которым прикрывалась сидящая на скамейке Полина? Вера пыталась прогнать эти мысли, но они не давали покоя. Она накинула пальто и вышла во двор. Возле скамейки было мокро, но не так, как везде. В размокшей грязи отпечатались следы подошв от ботинок большого размера, валялись окурки, несколько фантиков от конфет, грязная жижа из прошлогодних листьев. Так и не ответив на мучавший её вопрос, Вера ушла в дом поджидать Марго, которая задерживалась.

Марго ввалилась в квартиру в расстроенных чувствах и потребовала кофе.

- Нет, ты вообще представляещь, какая пытка растить сегодня детей? Это кровопийцы, лодыри, пофигисты и бездари! Каюсь, это мои дети! – завелась она с порога, – Им ничего не интересно, понимаешь, только трёп в сетях. Там они сбиваются в стаи и на своём птичьем языке заклёвывают кого-то. Машка моя вчера из дому чухнула среди ночи из-за какой-то грызни. Ей-то пятнадцать, а её братик старшенький, господи прости, умом с подростка, вместо того, чтобы удержать, повёз сам, да ещё своих пацанов прихватил, сестру, мол, оскорбили. Мы с Гариком наперерез, а кто нас слушает? Слава богу, все вернулись живыми. Все, надоело, ни копейки не дам. Я с ума сойду, пока они самостоятельными станут. Почти каждая ночь – всенощная, то один где-то гуляет, то другая. Сами не звонят, на звонки не отвечают – вот и ходи по квартире кругами, как загнанный зверь. Я тебе так скажу: без детей, оно, может, и плохо, но с ними быстрее в ящик сыграешь, это точно. Ты чего как рыба снулая? Не спала?
- Марго, я вот всё думаю, что не случайно Полина у моего дома оказалась, мне даже кажется, что она вчера ночью во дворе на скамейке сидела.
- Так, галюники пошли... Давай, собирайся, поедем в бабкину квартиру. Не удивлюсь, если Костик её тоже к рукам прибрал, чтобы дочке не досталась.

Заехав во двор, Вера безошибочно вспомнила подъезд, в который вошла всего лишь один раз в жизни, но запомнила его навсегда: там они с Костей долго целовались перед встречей с его родителями. Она всё боялась, что помнётся платье, что испортится прическа, но как это было сладко, даже всё, что происходило потом в его доме: испытующий взгляд отца, напряжённость Костиной мамы, всё это уже не имело никакого значения.

Из воспоминаний её выдернул голос Марго:

 А помнишь, что Лера на записи рассказывала про бабкиных соседей? Мол, парочка тут бродила, вроде привидений – старик со старухой, она их голубками назвала, а они, оказывается, давно были мёртвыми. Жуть! Глянь, не эти?

Из подъезда вышла пожилая пара. Он сухонький, тщедушный, опираясь на палку, семенил за толстухой-женой, которая всё пыталась удержать на голове пушистую шапку какого-то немыслимо ярко-алого цвета и тяжело переставляла ноги. Старуха была раздражена, покрикивала на отстающего мужа.

- Нет, не те, сказала Вера. У тех была любовь и берет голубой.
- Какой берет? Ты про что? Ладно, нам привидения ни к чему. Пошли.

Квартира была заперта, на звонки не отвечали. Сосед по лестничной площадке оказался немногословен, но подтвердил, что Нина Игнатьевна тут жила, умерла четыре месяца назад. Из родственников за это время никто не появлялся. Полину – внучку Нины Игнатьевны, давно не видел, на похоронах её не было, да и Константина Васильевича тоже. Не по-людски как-то получилось – хоронили соседи и коллеги-кинематографисты, а от семьи никого. Увы, ничем не может помочь, хотя, если так уж надо найти Полину, можно спросить у владельца кафе, тут, неподалёку. Нина Игнатьевна очень гордилась внучкиной работой: дизайн, отделка, всё Полина придумала. Кафе называется «Канонтай» – что-то, вроде, дороги в Таиланд.

Место, о котором рассказал сосед, нашли легко. Ошибиться было невозможно – картинка Ганеши со слоновьей головой украшала фасад ресторанчика, а вход был выложен дисками, похожими на фарфоровые блюдца. Деревянные колонны, покрытые резным орнаментом, напоминали буддийские ступы Таиланда возле которых примостились золочёные драконы-стражники. Интерьер действительно был на высоте – в нём сочеталась экзотика и удобство, ультрасовременные тенденции с азиатской роскошью.

К ним тут же подошла милая девушка и пригласила пройти к столику. Вера и Марго не собирались есть, но уж очень вкусно пахло в ресторане. Почему бы не перекусить, решили они и, пока официантка накрывала стол и рекомендовала кое-что из меню, Марго вертела головой, разглядывая посетителей.

- Дорогая, обратилась она к девушке, а не работает тут человек по имени Павел?
- Вы спрашиваете о Павле Николаевиче, хозяине ресторана? Он бывает, но редко. А сейчас вообще в отъезде.
  - В Таиланде? спросила Вера
  - Нет, почему в Таиланде? В Швейцарии, наверное. Точно не знаю. А почему вы спрашиваете? Марго загадочно улыбнулась и шёпотом произнесла:
- Хотели лично высказать ему своё восхищение и попросить поделиться телефончиком вашего дизайнера. Мы тут задумали с подругой обновить интерьер нашего театра. Нравится нам очень у вас. Хотя, ясное дело, нам нужен несколько другой стиль. А может, вы знаете, кто делал всё это?

Официантка кивнула.

- Конечно, знаю. Это Полина Мухина, я как раз застала её на открытии. Очень талантливый художник, только после этого она никогда тут не появлялась, но, может, Володя, наш менеджер, знает. Он сейчас на месте. Хотите к нему пройти?
  - С удовольствием! Вы принесите нам чего-нибудь на ваш вкус, пока мы с ним поболтаем.
  - Хорошо, только сначала я его спрошу.

Официантка пошла в сторону кухни. Буквально через пару минут появилась в зале не одна. За ней шёл полный, не старый мужчина, лицо которого по цвету и дырчатой пухлости напоминало дрожжевую закваску. Марго мысленно обозвала его Квашнёй. Он подошёл к женщинам и, не представившись, настороженно начал разговор о Полине, поинтересовавшись, кто они, собственно говоря, такие. Вместо ответа, Марго задала вопрос в лоб:

– Так куда вы дели Полину? Извините, как вас..?

Квашня насупился, потоптался на месте, а потом придвинув стул, сел рядом. Он сменил тон, хотя раздражение не прошло.

– Владимир Маркович. А вы?

Подруги представились. Володя кивнул и с нажимом продолжил:

- Мне тоже хотелось бы знать, где она. Шеф с ног сбился в поисках. Четыре месяца ни слуху ни духу, а работа стоит. Она новую точку оформляла и вдруг пропала.
- А вы знаете, что у неё и мать и бабушка умерли одна за другой? не выдержала Вера. Что человек мог оказаться в беде?
- Да знаем, проверяли. Всякое бывает, ясное дело, но позвонить можно? Мы ей аванс большой дали под новую работу как раз для похорон матери, а она не вернула и нас подставила. Так что не советую с ней связываться, а если найдёте, дайте нам знать. Пусть деньги вернёт, зараза.
  - А вам не приходило в голову, что она могла просто погибнуть? опять встряла Вера.
- Нам бы сообщили. Мы полицию и морги просили оповещать, если у них труп окажется с её приметами, а приметы у неё знатные пирсинг, татуировки. Чистый чертяка, и характер не лучше. Павел Николаевич до сих пор в надежде, что вернётся, очень уж талантлива. Взяли сейчас другого дизайнера, а всё не то...

Марго и Вера промолчали. Рассказать этому человеку подробности последних дней значило подставить Полину. Если они её найдут, то башку свернут точно. Сухо попрощавшись, они вышли из ресторана. Заметив за углом нервно курящую официантку, Марго вытащила сигарету и направилась к девушке.

40

Не возражаете, я тоже с вами покурю?

Девушка кивнула и сама завела разговор.

– Только не подумайте, что я ку-ку: тут пару месяцев назад на заднем дворе, куда отходы в баки сбрасываем, заметила бомжиху, она копалась в мусоре. Не поверите, вылитая Полина, но только страшная до ужаса. Решила, буду оставлять тарелку с объедками, может ещё раз появится и я её получше рассмотрю. И, представьте, она пришла, потом стала появляться иногда. Наверное, я сошла с ума, но мне кажется, что это она и есть, только мне никто не поверит. Конечно, это невероятно! Видели бы вы Полину на открытии: стильная, тонкая, суперская. Одета – зашибись! Вся в феньках каких-то блестящих, а лицо какое, глаза! Стрижена под ноль, но ей идёт. Модель!

Марго подозвала, стоящую невдалеке Веру, этот разговор становился интересным.

– А ваш Павел женат? – спросила она зачем-то официантку.

Та опять кивнула и рассказала, что шеф женат давно и надёжно, у него трое детей и кругая жена. Марго не унималась:

– Но ведь это не отменяет романов, правда? Вас как зовут?

– Марина, – ответила официантка.

- Ведь Полина могла быть его любовницей, как думаете, Мариночка? в лоб спросила Марго. Та, обалдев, прошептала:
  - А вы откуда знаете?
  - Догадалась. Ведь они вместе в Таиланд ездили, и все об этом знали. А почему бы нет? Ведь всё для дела.
  - Ну, знали, конечно. Только у Павла дочка почти такого же возраста.
  - Так это ж ещё лучше. А Полина как себя с ним вела? Скрывала роман?
- Как скроешь? Она смотрела на него как собачка на хозяина. Неловко, даже стыдно было как-то за неё: такая молодая, красивая, неужели из-за денег...

Марина докурила и собиралась распрощаться, но Марго опять не сдержалась:

- А вы, случайно не знаете, где Павел живёт?
- Нет, что вы! У него семья тут, а он по миру мотается. Только Володя знает адрес. Он вчера его в аэропорт отвозил.
  - Значит, он тут с вами Новый год встречал?
  - Нет, мы его не видели, он был тут всего пару дней.
- А в эти дни бомжиха, которая на Полину похожа, не появлялась? Может, это как-то связано с его приездами, отъездами?

Официантка задумалась:

- А ведь точно, раньше мне в голову не приходило! Именно, когда Павел Николаевич появляется, она тут как тут. Я на днях заметила её на другой стороне улицы. Вы всё-таки думаете, что это Полина? Марго посмотрела внимательно на девушку:
- Мариночка, думаю, нет. Вам, скорее всего, показалось. Полина Мухина гламурная тусовщица, мы же знаем. Знаменитость. Такого просто не может быть. Но у меня очень большая просьба, если та, похожая на неё, ещё раз появится, позвоните. Вот мой телефон.

И Марго, подмигнув, протянула официантке записку с номером, а потом, загадочно улыбнувшись, дописала: «Маргарита Погосян – продюсер, режиссёр».

Дорога домой превратилась в пытку. Снегопад окончательно парализовал изнывающий от бесконечных пробок громадный мегаполис. Вере и Марго ничего не оставалось делать, как только терпеть и по сотому разу обсуждать услышанное:

- Значит, был роман, который добром не мог кончиться, это ясно как день, констатировала Марго. – Надо взять за вымя этого Пашу и ждать от официантки сигнала. Полина опять там проявится, увидишь. Там у неё пища не только для тела. Но если ребятки её застукают, то своего не упустят.
  - А что с Полинки возьмёшь? Она ведь нищая, напомнила Вера.
- Не забывай, она наследница бабкиной квартиры, как и Костик, впрочем. Эти ресторанные воротилы точно в курсе. Она им задолжала, а если хозяин боится огласки романа, то Полинке вообще крышка. Нам надо перехватить её прежде, чем официантка откроет рот. Она пока в сомнениях, кого на самом деле видела, но кажется, мы сплоховали и навели на мысль...
- Не мы, а ты, расстроилась Вера. Зачем ты завела этот разговор? Придётся дежурить у ресторана днём и ночью.
- Ага, разбежалась. Скоро каникулы закончатся, забыла? А Павел улетел. Раньше, чем отгремят праздники, он вряд ли появится, а значит, и Полинка тоже.
- Слушай, Марго, всполошилась Вера, округлив глаза. А что, если вся ресторанная банда во главе с этим любвеобильным Павлом уже попыталась припугнуть и отрезала ей язык?

– Всё может быть, но я думаю, что тогда бы ею руководил страх. Она бы не прибегала, а убегала. Тут любовь. Павел для нашей девочки – единственное, за что она может зацепиться. Остаётся надеяться, что он не конченый негодяй и не желает её смерти. Паршивая история.

Вера приуныла. Обречённо вглядываясь в белёсую муть за окном, молчала. Марго тоже не хотелось говорить. Она включила радио. Передавали последние новости. Страна пребывала в стойком похмелье рождественских гуляний, праздничных распродаж, суеты и веселья, но где-то в разных местах земного шарика стреляли не только из петард, а бородатые дядьки, не похожие на Дедов Морозов и Санта-Клаусов, отрезали кому-то головы.

– Выруби, пожалуйста, – попросила Вера. – Они даже интонацию не меняют, им всё равно, о чём

трындеть – о распродажах или о террористах. Что с миром происходит?

Марго собиралась выключить радио, но рука застыла. Передавали последние городские новости: «На парковке первого терминала аэропорта найдена молодая женщина с черепно-мозговой травмой в критическом состоянии. Доставлена в отделение скорой помощи. При потерпевшей документов не обнаружено, личность не установлена. Возраст — ориентировочно двадцать пять. Особые приметы: на затылке татуировка в форме звезды. Просят отозваться свидетелей по телефону...».

– Верка, быстро звони! – заорала Марго, – Это она!

Им удалось дозвониться на радиостанцию, а потом в полицию. Там дали адрес больницы, предупредив о предварительной встрече со следователем. Отделение скорой помощи было тем же, из которого позавчера сбежала Полина. Марго приказала Вере: «Следаку ни слова про запись, поняла?».

Равнодушие плохо выбритого, но остро пахнущего одеколоном следователя читалось во всём: в его спазмах зевоты, в нежелании задавать лишние вопросы. Похоже, перед Верой и Марго сидел человек, который давно завершил расследование: эка невидаль – бомжихе проломили череп! Ясное дело – свои. Нашли её на стоянке возле мусорных баков. А где ещё? Видать, нарыла в мусоре лакомый кусочек, да пришлось делиться.

Заявление сидящих перед ним гражданок по поводу того, что жертва нападения ещё недавно имела всё – семью, работу, что они знают её имя и фамилию, на следователя не произвело впечатления. То, что жертва была в розыске, не подтвердилось. Полина Константиновна Мухина в базе данных не значилась. Это казалось странным, ведь Марго и Вера дважды сегодня слышали от незнакомых людей, что Полину давно ищут. Возникало подозрение: вруг все.

Только информация о том, что Полина посещала психиатра, по-настоящему заинтересовала следователя. Он записал имя врача со слов Марго. Вере это не понравилось, она даже незаметно пнула под столом подругу, ведь они могут объявить Полинку невменяемой и быстренько замять дело... После всех формальностей следователь выдал разрешение на посещение, но посоветовал поторопиться — состояние тяжёлое, смерть может наступить в любой момент. Пустят ли к ней — это уже не его дело, а врачей.

Им опять пришлось продираться через пробки и снегопад на другой конец города, теперь уже в больницу. Марго то и дело собачилась с тупым навигатором, который упорно загонял её в пробки; хамила собратьям по рулю, не уступающим дорогу и материла мерзкую погоду, но больше всего кипятилась из-за пофигизма следователя:

- Какой мерзавец! Для него бомж не человек. А знаешь, мне показалась наигранным его напускное равнодушие. И, кстати, неосведомлённость тоже. Сосредоточься, вспомни ты называла Полинку по отчеству? Нет! Вот и я тоже не называла, а он постучал по клавиатуре, глянул в монитор и объявил, что Полины Константиновны Мухиной у них в базе данных нет. Константиновны, сечёшь? Он знал о ком речь. Помнишь, Квашня хвастался, как у них всё схвачено, что оповещена полиция, больницы, морги, чтобы им сразу сообщали, если кого похожего на Полину заметят...
  - Кто такой Квашня? изумилась Вера.
  - Как кто? В ресторане...
  - Владимир, что ли? А почему квашня?
- Зрю в корень потому что... Эх, долго объяснять жертвам сексуального воздержания. Не обижайся.
   Приехали...

В палату к Полине их не пустили. Требовалось разрешение главврача. Они долго слонялись по коридору, топтались у кабинета, почти потеряв надежду поговорить с главным. Наконец он появился – раздражённый, уставший. Сразу предупредил, что спешит и ничего обнадёживающего сказать не может: тяжёлая черепно-мозговая травма, общирная кровопотеря. Пока пациентка в коме, выйдет ли из неё, неизвестно. Ни о каких визитах не может быть и речи.

- Доктор, скажите что надо? Любые лекарства, любые деньги, рыдала Вера.
- А вы ей кто? удивился доктор, Она, похоже, бездомная. Где вы раньше были?

- Раньше у неё были мама, папа, бабушка. Нас-то как раз и не было, - раздражённо ответила Марго, – Мы просто старые друзья её родителей.

Разговор был прерван жалобой медсестры, которая вышла из палаты реанимации:

 $\bigcirc \bigcirc \bigcirc$

– Виктор Сергеевич, их даже кусачки не берут. Не можем снять с руки, всё пробовали. Может, оставить? Они запястье не сдавливают...

Вера поняла, о чём речь:

Вы о Полининых браслетах?

Она протянула руку с серебристым обручем. У меня такой же. В нем секретная застежка. Не уверена, что получится, но давайте попробуем. Иногда они снимаются без проблем.

Медсестра вздохнула с облегчением:

– Конечно, пойдёмте скорее.

Склонившись над неподвижной Полиной, напоминающей скорее надгробие, чем человека, Вера чуть сама не потеряла сознание. Только мигание мониторов и шум аппарата искусственного дыхания сигналили о том, что тут ещё есть жизнь – слабенькая, ускользающая, но жизнь. Браслеты на мертвецки-бледной руке Полины помутнели и потеряли свою нарядность. Вера сжала пальцами ободок и он легко расстегнулся, а за ним другой, третий... Она оторопела: удивительным было всё – то, как легко они снялись и то, что молчат, словно нет на них колокольчиков. Мёртвые, блеклые, беззвучные железки на безжизненной руке. Медсестра затаила дыхание и, когда отстегнулся последний браслет, обняла Веру. После этого подружиться с медсестрой и договориться о визитах к Полине в обход следователя не составило труда.

К середине весны Полина всё ещё оставалась в коме. Казалось, что и природа вместе с ней погрузилась в летаргический сон. Стоял мертвецкий холод без намёка на потепление и оживление. Небо тяжело наваливалось на голые ветки и мокрые крыши, стекая под ноги холодными дождями. Город устал от слякоти и тумана, как и Вера, которая ежедневно навещала безмольную и обездвиженную Полину. Устала, но не собиралась сдаваться. Всякий раз заходя в палату, старалась как можно бодрее поздороваться, тяжело усаживалась рядом, брала Полину за руку и рассказывала как прошёл день. Вглядываясь в алебастровый высокий лоб, впалые щёки и плотно склеенные веки, думала об одном: только бы Полина вернулась, только бы открыла глаза того самого тёмно-василькового цвета, которого ни у кого не встречала, кроме Кости. Она не помнила, какого цвета глаза были у Леры, да и её саму плохо помнила: обида глаза застит. А вот родись такая девочка у них с Костей, то васильковый, скорее всего, потерял бы яркость, растворившись в Верином сереньком. Да и фигура у Полинки была бы не такой стройной – не в кого. Что Костя, что Вера – широкая кость, а у Полинки косточки, как у подростка.

Вера поглаживала Полину, иногда что-то напевала, как маленькой...

Полина вскоре начала дышать сама – это был хороший знак, как и возникавшие иногда импульсивные движения в кистях рук. Медсестры сетовали, что нет рядом никого из родственников – ведь пациент в коматозном состоянии может отреагировать на родной голос, знакомый звук. Вера запомнила это и стала приносить на каждый визит запись с голосом Леры. Браслеты, которые сняла с Полины, тоже приносила и позвякивала колокольчиками возле Полинкиного уха, но ничего не помогало: глаза Полина не открыла. От медсестёр она узнала, что отец пациентки в данный момент находится в Таиланде, когда вернётся, неизвестно, вроде как вообще отказался возвращаться, даже после сообщения о состоянии дочери. В это ни Вера, ни Марго не могли поверить. Каким бы Костя ни был говнюком, вот так, наплевать на дочь - вряд ли.

Мысль о том, что Костю держат в заложниках, возникла в голове у Марго, как только услышала эту

- Костю отправили в Таиланд искать Полину, авторитетно заявила Марго, На него наехали и потребовали расплатиться за дочку, а если не может, пусть ищет, где угодно. Таиланд как раз то самое место, куда у Полинки уже была протоптана дорожка. Она запросто могла туда сбежать. Костя у них в заложниках.
  - У кого? обалдела Вера.
- Не догоняешь? У ресторанной банды. Я знаю, как поступить: надо втереться в доверие Квашне. Если у него мозги и яйца жиром не заплыли, можно попробовать. Давненько я не выходила на тропу войны... Шучу, успокойся. И, если охмурёж прокатит, мы получим доступ к главному телу.
  - Так Володя и раскололся, скривилась Вера, Он в курсе наших поисков и хозяина не подставит.
  - Значит, надо влезть в штаны так, чтобы забыл про всё на свете.
  - Марго, ты забываешь, сколько тебе лет. Нам...
  - Это ты НЕ забываешь, и в этом твоя беда.

План Марго по обольщению Квашни триумфально стартовал и быстро привёл к результатам, которых никто не ожидал – Володя влюбился. Давно разведясь, устал от поисков. Обалдев от темперамента бойкой армянской подруги, вспомнил молодость: задаривал Марго букетами, ходил по пятам и звал уехать в Таиланд, где у него был куплен небольшой домик, в котором предлагал провести остаток жизни. Марго потребовала предъявить фотографии того, ради чего ей предлагалось оставить мужа и семью. Картинка дома в Таиланде с терракотовой треугольной крышей и плещущейся поблизости бирюзовой водой впечатлила, но Марго не подала виду. Она дотошно, словно у риэлтора, выпытывала у Володи подробности: что за место; как добираться; есть ли поблизости кто-то, с кем можно поговорить на родном языке? Володя успокоил, что всё продумано и, кстати, один небезызвестный ей человек пока живёт в этом доме, но скоро купит свой...

– Ну, что я говорила? – с порога завопила Марго, проскакивая мимо Веры на кухню. По ходу она ткнула кнопку электрического чайника, распахнула окно, вытащила сигарету, щёлкнула зажигалкой, затянулась и плюхнулась на стул перед открытым окном. Ветки, дотянувшиеся до третьего этажа, уже покрылись ветрянкой набухших почек. Облачко сигаретного дыма устремилось наружу, но весенний взбалмошный ветер задул его назад — прямо в глаза Марго. По щеке потекла чёрная от туши слеза.

– Блин, все как сговорились! Надо бросать... Чего киваешь? Сама знаю.

Марго погасила сигарету и азартно стукнула ладонью по столу.

– Ну, радуйся, нашла я твоего Костика – он действительно живёт в Таиланде у Квашни в доме. Придётся ехать.

Вера присела на край стула, напряжённо выпрямив спину и задрав подбородок. Вся её поза выражала противоречивость: готовность прямо сейчас отправиться в путь и возмущение: «Ещё чего! Сильно много чести…».

- Слушай, а Гарик тебе по башке не настучит? Как он вообще терпит твоих хахалей? не выдержала Вера самоуверенность подруги, которая явно заигралась.
- Что значит «терпит»? заржала Марго. Убил бы! Кстати, чтоб ты знала: с Володей ни-ни. Играю рефлексию неверной жены, муки совести, сомнения... Но страсть так сильна, что жена то есть я, вотвот упадёт в койку. Как тебе актёрская задачка? Но в Таиланд, конечно, поедешь ты. И об этом никто не должен знать.

В обалдении уставившись на Марго, Вера вспылила:

- Зачем? Ты можешь толком объяснить? Что значит Костя у Володи? В заложниках? Его выкрали, ему угрожают?
- Кому он нужен, кроме тебя? Господи, успокойся. Мы пошли по ложному следу. Я даже за язык Квашню не тянула, он рассказал всё как есть. Его шеф ни при чём. Павел сам пострадавший и, кстати, по уши влюблён в нашу девочку, несмотря на её вывихи. Он её искал, где только мог, после того, как она сама, слышишь, сама язык себе оттяпала. Всё из-за свары с бабушкой на поминках. Полина нагрубила бабке, а Костя ляпнул, что отрежет ей язык, если она будет продолжать хамить и материться...
  - Что значит «сама оттяпала»? округлила глаза Вера.
- Молча. Схватила ножницы, высунула язык и кончик его отрезала, прямо глядя в глаза папаше. Кровища, крики... Володя там был, своими глазами видел. Понимаешь, Полина из-за болезни совсем башкой поехала на стрессе, а Костик масла в огонь подливал. В общем, в тот же день она пропала.

Вера побледнела. Запечатав рот рукой, сморгнула слезу. Марго опять потянулась за сигаретой, закурила, глубоко затянувшись, уже не обращая внимания на дым, и севшим голосом продолжила:

– Ребята искали, особо не афишируя. Привлекали только своих людей. У них связи везде ого-го! А Костя мешал: истерил, пьянствовал, орал, грозился выследить дочурку и прибить. Короче, решили отправить его в Таиланд и поселить в том доме, где Полина с Пашей часто бывали. Появись она там, он бы дал знать. Ребята подозревали, что у неё припрятаны деньги, и в любую минуту она может сорваться вслед за Пашей, который туда часто мотается по бизнесу.

Вода в чайнике закипела, отщёлкнув кнопку. Подруги вздрогнули – показалось, что рядом раздался выстрел. Вера постепенно успокаивалась, слушая Марго:

– Когда случилось нападение, Пашины люди в полиции сразу его позвали на опознание: она, не она... Вот все эти лекарства, уход – всё на его деньги. Ему бы самому хотелось знать, кому она помешала. То, что это не бомжи, про которых следак нам втирал, чтобы мозги запудрить, это точно, иначе бы обчистили до нитки. Когда её нашли с проломленной башкой, в потайном кармане лежали паспорт и приличная сумма денег. Её убивали для другого. Для чего и кто – вот в чём вопрос.

Затушив едва начатую сигарету, Марго наклонилась к Вере и почти шёпотом продолжила:

– Если Полина выйдет из комы и заговорит, тогда есть надежда найти преступника. Пока на видео охраны аэропорта видна машина, стоящая возле парковки – там, где убивали Полину. Знаешь, какая? Красненький «Аудио» жены Павла. Именно жена в тот раз подвозила Павла в аэропорт, потому что по странному стечению обстоятельств служебная машина за ним не приехала, а водитель не отвечал на звонки.

Марго сделала эффектную паузу, ожидая реакции, но Вера туго соображала.

– Не догоняешь? Жена подвозит мужа в аэропорт, хотя никогда этого не делала! Ведь он мог поехать сам или на такси, но она не дала. Знала точно, что выследит там Полину, которая по пятам за мужем ходила. А самое интересное – через пару дней Пашин водитель нашёлся в какой-то гостинице за городом. Он абсолютно не помнил, как там оказался. Об этом, думаю, надо бы расспросить заботливую жену. А ты как думаешь? Следак собирается допросить мадам Муськину. У Павла фамилия – Муськин, но мадам с детьми умотала в Европу и оттуда носа не кажет.

За их спинами послышалось требовательное «мяу». В приоткрытую дверь просочился Жорик. В этот момент сквозняк с треском захлопнул раму на окне и створку двери, прищемив коту хвост. Кот заорал, а Вера, шикнув на него, произнесла:

– А зачем мне ехать в Таиланд? Чтобы что? Костя наверняка в курсе дел с Полиной, от него же ничего не скрывают, а он назад не спешит, значит, ему не хочется возиться с ней. Негодяй.

Марго удовлетворённо хмыкнула:

– Наконец слышу что-то адекватное, кроме вздыханий и страданий. Я грешным делом подумала, что узнав, где он, ты сорвёшься туда и захочешь его вернуть. Чёрт с ним. А помочь Полине не в наших силах, врачи не теряют надежду, что она выйдет из комы, но может остаться инвалидом. Печальная судьба. Единственный человек, которому она была нужна, была её мать.

За окном начало накрапывать. В тишине, которая подвесила разговор на паузу, было слышно, как плюхнулись на подоконник первые тяжёлые капли будущего ливня. Далеко за крышами домов грохотнуло грозовой канонадой. Через минуту дождь поливал как из ведра. Вера шумно захлопнула окно и резко, словно боясь возражений подруги, сказала:

– Я стану ей матерью, если Полина захочет.

- Ну-ну... Нет, конечно, ты можешь помочь, мы можем помочь... Но что значит «матерью»? Она взрослый человек, тем более, психически неполноценный, пошлёт тебя куда подальше, если вообще выкарабкается.
- Потрогай, она протянула Марго руку с браслетом, подаренным Полиной. Чувствуешь? Он слегка вибрирует. До вчерашнего дня этого не было.

– Чувствую, что ты сама вибрируешь. Перестань дрожать!

Вера отдёрнула руку:

Она оживёт, вот увидишь. И не смотри на меня как на сумасшедшую...

Ночью с субботы на воскресенье разыгралась гроза. Темноту нещадно кромсали всполохи молний, выхватывая, как при фотовспышке, детали пейзажа. Вера застыла у окна, не в силах отвести глаз от красоты и мощи взбунтовавшейся природы. Небо раскалывалось с треском, но не страшным, а весёлым, как если бы кто-то раздавил одновременно миллионы воздушных пузырьков полиэтиленовой обёртки. Ей захотелось выйти на улицу, пробежаться по лужам, промокнуть до нитки, как однажды, когда они с Костей засиделись в парке до темноты, а потом убегали от ночной грозы – такой же весёлой и трескучей. Спрятались под деревом, дураки... Молния ударила в соседнее. После того случая всегда боялась грозы, а вот сегодня страх прошёл.

Утром Веру разбудил звонок медсестры. Захлебываясь от радости, она сообщила, что Полина вышла из комы. Её отключили от аппаратов – дышит сама. Врачи не спешат делать прогнозы. Хуже всего то, что у неё пропала чувствительность в нижней части тела. Не исключено, что останется прикованной к постели. Медсестра клятвенно заверила, что как только разрешат посещения, она сообщит. С отцом уже связались, но он не может приехать – болен.

Марго, услышав радостные новости, отменила парикмахера и маникюр и очень скоро нарисовалась на пороге Вериной квартиры.

- Ура! завопила она, тряся над головой бутылкой шампанского, Сейчас поедем в больницу, а потом отметим, но сначала я позвоню этому гаду Володе. Он мстит за моё «динамо». Ни слова про Полинку не сказал.
- Володенька, зайчик мой начала Марго угрожающе-приторно. Почему же ты не позвонил и не сказал, что Полина вышла из комы? Я должна узнавать об этом случайно? А чем, интересно, таким страшным болен твой квартирант, что не может поднять задницу и прилететь?

Ответов Володи Вера не слышала, но по реакции Марго, сменившей гнев на милость, поняла, что тот не в курсе произошедшего, и это казалось странным.

Они собирались выйти из дому, как их остановил звонок Володи.

– Павел прилетел, – с тревогой в голосе начал Володя, – Он уже на пути к Полине, вечером назад. Приказал никого к ней не пускать. Следака унять, а вас остановить. Я еду туда, но вам не надо. Вас всё равно не пустят!

Марго возмутилась:

– С каких это пор твой Павел будет нам указывать, что делать. Пусть своей жене-киллерше приказывает. Думаешь, мы не просекли весь расклад?

Психанув, она отшвырнула телефон, но сбавила обороты:

Он прав, сейчас не поедем. А завтра – самый раз. Володька там будет дежурить. Договоримся.
 Открывай шампанское.

Они невесело и вяло цедили из бокалов колючее вино, а Марго ещё и цедила сквозь зубы горькие слова правды:

– Полина для всех головная боль, даже для якобы влюблённого Паши. Знаешь, чего он прилетел? Думаешь для того, чтобы припасть жарким поцелуем к телу воскресшей возлюбленной? Фигня. Он струсил, что Полина даст показания, как именно её убивали. И это были не бомжи. Павел не зря попросил Володю унять следака, чтобы тот перестал копать. Ежу понятно – ниточка тянется к Пашиной жене. Если будет доказано, что киллера наняла она, безрукого, кстати... Сэкономила, не иначе. Вот и получается – мать его детей надо сажать в тюрьму! А Паша уж точно не готов ради безумной любовницы жертвовать своим семейным благополучием. Вопрос – зачем мадам Муськиной понадобился такой крутой сценарий? На мой взгляд, она ещё больше психованная, чем наша несчастная девочка. Костику твоему тоже пофиг. Всё, что он хочет – быть подальше от всех проблем. Ему в Таиланде благодать: тепло, вкусно, рыбки, птички... Зачем ему этот геморрой с доченькой? Боюсь, Полине светит интернат для умалишённых, а в лучшем случае — одинокая инвалидность, но хотя бы у себя в квартире, которая от бабки досталась. Это в том случае, если Костя не приберёт квартиру к рукам. Кстати, как в этом случае действовать, если Полина окажется недееспособной? Нужен хороший юрист...

Вера слушала Марго, как в полудреме, думая о своём. Внезапно очнувшись, бросилась к шкатулке, в которой хранила бижутерию. Вынула из неё браслеты и, ни слова не говоря, надела. Марго смотрела на неё с любопытством и ждала объяснений. Вера же пристально сверлила взглядом браслеты. Её пальцы подрагивали, словно по руке шёл ток.

– Марго, смотри! Они меняют цвет, нагреваются и блестят.

– Ты руку-то сдвинь в тень, подальше от окна... И не сходи с ума.

Вера ойкнула, словно её ужалили в запястье:

– Может, они и вправду заговорённые! А что, если они спасли Полину при нападении, а потом, когда мы их сняли, она обессилела? Какая я дура! Почему раньше не догадалась? Надо их вернуть. С ними Полина встанет на ноги.

Марго хотела было высмеять идиотку-подругу, но заметив нездоровый блеск в глазах и розовое пятно, как от ожога, на её руке, прикусила язык.

Наливай! – скомандовала она и залпом осущила бокал.

Следующий день дался им тяжело. Все мысли Веры были заняты Полиной. Работать не было сил. Марго была не лучше. Как только закончились уроки, они рванули в больницу.

Володя, как цербер, маячил у палаты Полины. Он был доволен собой: выполнил все поручения шефа – выбил для Полинки шикарную палату; заказал дорогущие препараты для её восстановления; договорился со следователем о закрытии дела; шефа проводил... Вот теперь девочкам можно проведать больную. Володя ждал одобрения от Марго, но вместо доброго слова получил отлуп. Марго обвинила его в помощи бандитам, которых волновало одно – как отмазать убийцу. Добавила, что разочарована и не хочет его знать. Вера испуталась, как бы Володя не стал у них на пути к Полине, но он сник, как то самое дрожжевое тесто, когда его начинают месить.

Палата, в которую перевели Полину, была скорее похожа на номер дорогого отеля. На прикроватной тумбочке красовался букет экзотических цветов. Заметив подруг, Полина растянула губы в кривой улыбке. Вера, смахнув слезу, подошла ближе, улыбнувшись в ответ. Вынув из сумочки браслеты, хотела надеть на Полину, но бдительная медсестра не позволила. После уговоров, путанных объяснений, почему это так важно, разрешила, в конце концов, оставить в палате. Вера тихонько вложила в худенькую ладонь позвякивающие ободки. Сжав их в кулачке, Полина прикрыла веки в знак благодарности. Из-под век, скрывших на мгновение тёмные васильки глаз, полились слёзы. Находиться дольше в палате им не разрешили, но Вера и Марго вышли совершенно спокойные и уверенные в том, что Полина поправится.

В начале лета Полину выписали из больницы. На ноги она так и не встала, но руки и голова работали. Врачи не исключали вариант, что к ногам тоже со временем вернётся чувствительность, только нужна долгая и упорная реабилитация. Вера забрала Полину к себе, поскольку та категорически отказалась от бабушкиного наследства. Полина изменилась, притихла, подобрела. Болезнь и несчастная любовь перестали терзать её мозг и душу. Марго нашла хорошего юриста и помогла Вере оформить опеку. Произошло то, о чём Вера мечтала всю жизнь — у неё появился ребёнок, их с Костей ребёнок... Хотелось верить в то, что судьба неспроста привела Полину к ней. Однажды Вера завела разговор про удивитель-

ные совпадения в жизни. Ведь не появись Полина случайно в их дворе... Полина замотала головой и написала: «Не случайно!».

Вере стало не по себе:

Что значит «не случайно»? Объясни. И про браслеты тоже…

Полина написала ответ. Когда Вера его прочла, то не могла набрать воздуха в грудь и вытолкнуть комок боли, который поднялся к горлу и застрял в нём сдавленным стоном. Она перечитывала эту записку много раз: «Вера, я узнала про тебя от мамы. Умирая, она всё винилась перед какой-то Верой. Про ребёнка убитого говорила, про папу, который её обманул... Бредила. Просила меня найти Веру и попросить прощения. Уже после маминой смерти я послушала запись и поняла, кого искать, а где искать – проще простого. Про браслеты не спрашивай. Если расскажу, они потеряют силу. Скажу только одно – мне надо вернуться в Таиланд, туда, где их получила. Там вылечусь. Хорошо, что тебя нашла. Я тебя люблю».

Зимние каникулы было решено провести в Таиланде. Костя, узнав кто стал опекуном Полины, уговаривал приехать, писал, звонил... Он отказался от своей доли наследства. Всё досталось Полине. Деньги от продажи квартиры пошли на лечение и на инвалидную коляску, а ещё на холсты, кисти и краски.

Полина много писала, но всегда один и тот же сюжет: дорога, уходящая за горизонт. Дороги были широкими, как фривеи; узкими, как лесные тропинки; булыжными мостовыми или просёлочными с размокшей глиной. Никто по ним не шёл и не ехал, только бледные тени людей виднелись на обочинах. Самая первая картина была написана ещё в реабилитационном центре: дорога, похожая на русло высохшей реки, петляла по рыжим пескам пустыни. Она поднималась к лилово-синему небу, на котором в облаках проступали миражи буддистских храмов. Вот только она обрывалась на полпути, а человеческие тени на ней были уродливы и почти неразличимы.

АНДРЕЙ КОСТИНСКИЙ

ЗАСОХШИЙ ВОЗДУХ ГЕРБАРИЯ

***

жизнь как пластинка до середины которой доходит игла а та всё не знает что круги её сужаются

/24

Когда все пространства украдут все времена, И то, что под, встанет надности на, И Тот, Кто всегда 7/24, Ощутит одиночество триединства в мире, – Всё спасёт любовь.

Когда вернутся вперёд пророчества и черновики, И встанут правые ноги с лёгкой левой ноги, А Тот, Кто часто 6/24, Проставит в скрижалях на заповедях запятые, — Спасёт любовь.

Когда превратятся в займы себе ссуды другим, И зданья на камне станут легче предутренней зги, Тот, Кто порою 5/16, Узрит, как спасёт и Его, посаженная на цепь Любовь.

КЛЯП

сегодня завтра вчера станет

и был вечер и было

 $\Theta \Theta \Theta$

утром встречая себя не помнил мир вчерашний и потому создавал новый

это как сон непереходящий

в избе из белого света только чёрный квадрат темноты расплющенный потолком в многоугольник

из зеркала тычет «ты?» за зеркалом течёт чёт в нечет и умничает «кольми паче» а далее крыть-то нечем

обухом да под выдыхом так чтобы не признали забитый солнцем дымоход в луже оставлен светила луч сломанный палец

завтра вчера сегодня выиграть шарманку неба до предпоследней мелодии

а там где следов не станет мелодия-тишина из дымохода вытолкнет солнца вчера кляп

КАФЕ

на след пересечённых наших окликов слетелись дни где не были вдвоём

а мы сидели под окном за столиком и наблюдали как без нас живём

ВОСХОД ЗАКАТА

на краю моря крошечная оранжевая линза (его глаз?) некто пьёт море пока полностью не покажется днище света

***

В окропленьи окна первым дождиком осени ранней – дворик в три деревца, можжевёловый куст и беседка. А на полке в три скуки – и ЖэЗэЛ, и бойцовский Паланик, и история где-то от Тимура до Баязета.

Греет руки и душу не по правилам сваренный кофе. То ли ночь в пять угра, то ли угро в полпятого ночи. Никуда не спешить — это позднее счастье людское. И себя окликать, откликаться... заочно...

***

мой крик не долетает к тебе он оплывает к твоим ногам будто половины холстины рассечённой в воздухе мечом уставшей стали

новым криком сшиваю предыдущий и сам выстилаю их перед тобой

ты становишься босая на все половинки и крик летит тебя на себе дальше выше тише

сделав круг он находит моё безмолие

он находит твой крик прошитый тишинервом

***

Выговори меня, как молитву перед сном. Ангел-хранитель претворился вода вином. День присел на подоконник, смотрит закат. И то, что хотел, но так и не смог сказать,

В новом сне новому персонажу Обязательно скажут. Все слова, что сможешь произнести, Поместятся легко в умытой ливнем горсти, — Все вопросы соберутся сенатом в ней, И решатся, покуда утро вечера мудреней. А пока за окнами города гул Готовит ночной променад-прогул, Выговори меня и улетай в окно Голой душой туда, где светло темно.

 $\Theta \Theta \Theta$

***

под землёй там где кончаются лучи самых глубоких корней вижу тень свою

в небе там где заканчивается мой взгляд вижу свой образ чья тень там под землёй

здесь где должен быть я меня находят даже окликают трогают целуют пронзают

но тени не больно а образ восходит так высоко что тени не видно

ТЕНЬ ДВЕРЬ

я будто заново родился и погиб и нет меня и не -такого- было и на странице на моей загиб оставил тот кто выкурил в затылок

на пепельнице неба столько звёзд неужто волновался на прицеле? кто никогда не покидает пост на нём и не стоит на самом деле

и вот смотрю на тень свою – на дверь и понимаю что осознаванье приходит: мол, когда открою тень – открою значит дверь туда где нае

туда где стать наедине с собой открыта тень а значит сзади света нет больше и светильная монета припудрена невидимой рукой

вот так меж нами¹ двери=тень всегда я прошлое дверь настоящее я будущее и собиранье следа по следам равно что время никуда идущее открыта дверь изнаночный сквозняк слиянье двух времён рожденье третьего

и вот я тень из двух себей рождён для этого

***

Луна – выбитый из бокала круг льда замороженных чувств

впадает в детство ручей зрелости

день плавит предыдущий день в слиток новой ночи

крик совы распадается на тысячи слухов и возвращается тишиной докрика

докричаться бы до/так чтобы идти пешком без навигатора навстречу дотыку-касанию своего плеча

Обернись Догоняй Пей, пока не луна Э х 0

***

крылья бабочки — весь альбом: засохший воздух гербария взлёта

¹ меж нами – между мной-настоящим и мной-будущим.

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА

ТВОЙ БЕЗУПРЕЧНЫЙ ЭФЕМИР

***

взглядом ласкай утомлённое тело реки падая в космос особого строя строки нынче простые слова от тебя далеки словно зима аризоны то что порхало на рунах пророческих рук вспыхнуло светом ушло за невидимый круг за горизонтом

нынче ветра не ветра – и не встретишь ветров нынче гора не гора – или ты нездоров что за нора если норов не норов а ров глядя на солнце-лицо не сетью а мыслью лови соловьиную трель и проливай на прохожих прохладный апрель цвета мацони

где ты теперь запредельных порогов игрок где ты оставил свой город и голод и грог золотом звуков взорвав безответность дорог будто бы просишь прощенья в том что земным измереньем ни вздоха не жил если твой космос внутри — значит ты заслужил невозвращенье

ПРИХОДИТ С СЕВЕРА ВОЙНА...

приходит с севера война а ты шагал на юг и гулко падает стена на голову твою а ты не падаешь ты ждёшь что будет вслед за тем и нескончаемая ложь вползает в щели стен и стонут стены и трещат древесною корой а ты идёшь в навечный чат неузнанный герой туда где ты уже не ты охотник птицелов что ловит бабочку мечты сачком удачных слов

богеймер признанный кумир нелепых травести твой безупречный эфемир у каждого в чести создатель грёз убийца гроз за лесом мегабит безумным кажется вопрос to be or not to be но ты устал и пьедестал до времени пустой терзает сонную гортань словесный сухостой и не сгибается спина и литеры болят а где-то рушится стена о чей-то твёрдый взгляд

***

я шагал по земле – или нет, я – Шагал на земле, одинокий под утро – весьма многолюдный под вечер я приюта искал в отдалённых шагах человечьих я тебя ожидал в занавешенном сном феврале

а в далёкой стране за пределами ночи и дня ты навстречу мне шла, и в глазах расцветала вальгалла замирала трава, понимая – ты ищешь Шагала я к траве приникал, понимая – ты ищешь меня

и деревья меня провожали глазами икон и словами заветов молились мне вслед перекрёстки ты пришла – и на небо взлетели седые подростки, притяженьем своим разорвав притяженья закон

ПОСЛЕДНЯЯ СТРОКА

последняя строка была горька звенела стрекозиными ростками она пришла ко мне издалека она взошла ко мне изглубока из голубых колодцев мураками

она плыла по девственной реке и как дитя восторженно гулила а я её держала на руке а я её звала на языке который и сама давно забыла

и что-то было в мире в этот миг особенное высшее помимо привычных фраз и света умных книг венков вьюнков и ликов повилик земной души простая пантомима

струна к струне потом к волне волна так для вещей отыщутся названья всего одна строка и я одна и бесконечно длится тишина и бесконечно длится тишина чтоб не мешать моменту узнаванья

$\Theta \Theta \Theta$

СЛОВА

Благословляю Вас на все четыре стороны... Марина Цветаева

слова живые вронские каренины медово забродившие на дне летите же на все четыре времени на все четыре племени во мне

до глубины распахнутого облака и до длины последнего стежка на все четыре образа и облика ничем ещё не связанных пока

пускайтесь ввысь нестройно и рассеянно тяните песню хрупкую свою сплетая сеть от сервера до севера а может быть от севера на юг

слова мои затейливые запонки к манжетам неопознанных листов скрепляйте сны до завтрака на западе а к ночи пусть срастается восток

опавший день отцом ли братом деверем глядит сквозь стебли выцветшей травы а я молчу я вера верность дерево и в чьё-то горло впившийся ковыль

***

Хорошо начинается август — вот беседки расплывчатый абрис и взъерошенных звёзд витражи, вот, заложники вечери тайной, мы на старых качелях болтаем — так под небом качается жизнь, я прошу — обо всём расскажи...

пьётся пиво, дымит сигарета мы остывшие к ночи секреты выпускаем на волю, как птиц, и, спокойствием странным ведома, в этот миг ощущаю — я дома, продлевается листьями лиц августовский восторг без границ

пять утра. к изумленью соседа дотлевает окурком беседа, он бурчит «дураки – дураки», только память спешит удержаться там, где лето должно продолжаться до бессрочной сентябрьской тоски – это лето собой нареки

хорошо продолжается август...

МАЛЕНЬКИЙ СНЕГ

маленький снег выпадает под вечер маленький снег оседает на плечи пахнет свечами и водкой дешёвой он без сомнения легче большого снег обнажается в памяти веток снег продолжается вместе со светом робким случайным почти светляковым снег пустяковый и свет пустяковый

болью пробрав от лица до лодыжек что-то под сердцем прерывисто дышит что-то качает невидимый ветер в маленьком снеге и маленьком свете робкий секрет запирая ключами город тоски своей не замечает сотней полынных историй настоян думать не стоит и плакать не стоит

но поплывут прошлогодние лица тёмные фраки гвоздики в петлицах в чёрные льды потаённые речи чтобы внезапно сорваться на плечи и поразить ненадолго но сразу не отболевшей душевной проказой снова теряясь в слепых интервалах малых снегов оглушительно малых

***

всё станет явью через час всё станет болью через снег живёт внутри не зная нас забытый нами человек и ловит ртом строку реки вдоль опустевшей тишины как продолжение руки и завершение войны ему убежище мало он как таможенный транзит и между ним и нашей мглой непонимание сквозит ему бы дельный дать совет что можно выбраться на свет но человека просто нет он просто homo точка net но там где малый свет горит он с нами тихо говорит и в этот час в себя взглянув мы молча молимся окну и прорастает пустота молитвой в град ершалаим прости что нами он не стал прости что мы не стали им... 56

***

 $\Theta \Theta \Theta$

лебедь бьётся вдоль пруда и на чудо уповает солона его вода солонее не бывает если спрятать облака небо станет ли синее лебединая тоска есть ли что тебя сильнее убаюкал под крылом миллионы дерзких пруссий а вокруг-то как назло куры куры гуси гуси им-то господи зачем слишком важные фигуры им что сени что мечеть гуси гуси куры куры разбиваясь о стекло словно главного не стало лебединое крыло опускается устало точка точка два тире а могло бы все иначе гусь гогочет во дворе рядом курица кудахчет

***

рвём лучшее – пустырник зверобой не засоряем чакру сорняками слова пушком над девичьей губой щекочут наши чувства вразнобой летят как ласточки над нами

когда б вы знали из какого со... со-звучия рождается планета вот белка закрутила колесо вот светят луны полуночных сов а где-то где-то

вот ты вот я вот иволги пестрят горчично-жёлтым в парке по субботам у входа в мир томится звукоряд и надо научиться доверять его длиннотам

не так легко гореть в немом огне нащупывать холодные покровы чужой земли – но ты уже под ней и учишься дышать на глубине вселенской ямы оркестровой

БОРИСФАБРИКАНТ

ТУМАН, КАК СТАРЫЙ СТЁРТЫЙ ЛИСТ

***

Находясь меж небом и землёй, Дышим мы привычно, неприметно. Но испуг, обещанный водой, О себе напомнит непременно. Потому, плывя между волнами, Называем небо небесами. Между небесами и водой По-другому дышим мы с тобой. Бездна, мы одной воды и соли! Между нами тонкая плева. Мир иной волной изрыт, как поле, Где никак не вырастет трава. Тёплые объятья океана – Руки акушерки у плода. Словно мы, кто поздно, а кто рано, Уходя, рождаемся туда

***

Над городом летали души, И нас они не замечали. Они не нам принадлежали, И мы не им принадлежали. Они держались за мизинчики И улыбались так счастливо, Как будто утренние блинчики Им дали в блюдечке красивом. Как будто и не моросило, Воротников не поднимали. Нас ни о чём не попросили, Мы ничего не пожелали. Над ними зажигалось облако, Как канделябр в концертном зале. Они бы довели до обморока, Случись, что мы их увидали. А мы дышали с ними вместе И тем же воздухом, всё те же. Но не летали, много чести, Всю жизнь всё там же и всё те же.

Ах, души, леденцы прозрачные, Сквозь них мигали светофоры. А мы густые и невзрачные, Трамваи, сумки, снег, заборы. Был зимний вечер, между прочим, И фонари включили к ночи, И тени улетели стаями. Нам не спалось в домашнем сумраке. На город опускались сумерки. Но свет прозрачный не истаивал

***

Словно я в этом городе снова живу, Но уже без поросших корнями забот. Старый город мой рядом со мной наяву, Чуть касаясь плечом, переулком идёт.

Облетели черты, покрошились дома, Изменился заполнивший город народ. Проступает действительность, то есть сума Очень яркого цвета, и песни поёт.

Позабыто гремит устарелый трамвай, Мостовая разбита под талой водой. Ну, давай же, маршруты мои узнавай, Старый город, а ты не бывал молодой.

Эти трещины и облезающий снег, Как дрянной маскхалат, на тряпьё разорви. Ты живой, ты, мой старый, ты нравишься мне. Ты семья моя и не стесняйся любви.

И названия улиц меня не собьют, Хоть и прежние тоже уже позабыл. Я души твоей малый весёлый лоскут, Ты души моей след на себе сохранил.

Я узнаю подъезд, проходные дворы. Я с тебя календарные путы сорву. Ни конца ни начала не вижу игры, В то, что я в этом городе снова живу

***

Приехало прошлое с тёмным налётом от гари И запахом сена подстилки в троянском коне. И с воем сирены, как будто наряд на пожаре Секретно пехоту везёт погибать на войне.

И громко звучит, как звонок на большой перемене, Наивный балет с лебедями про чёрную месть. Ах, музыка эта – к предательству и перемене. Что было, что будет и как разобраться, что есть?

А время раскатано шлангами блёклого цвета, Они протекают, как мальчик по малой нужде, И серые лебеди в форме уводят Одетту, Она не одета, поскольку врасплох и в беде. В пруду западня, и за длинным оврагом засада. А в желтых кустах то капкан, то силок и ружьё. Крик: «Врёшь, не уйдёшь!», и зачем было прошлому надо, Вот так обложить это прошлое счастье моё

***

В разбитом трамвае задев куртизанку в халате и не обернувшись на тихое слышишь касатик в немытые окна не глядя и звуков не слыша средь криков и скрипа и стонов и вони и гула спит римский солдатик сменивший три дня караула почётного там наверху у распятий с просохшим копьём сладким сном про недавнюю Ривку домой на побывку где к небу пологий подъём и долго живёшь на закате

***

Заблудился мальчишка, свобода нелёгкая ссуда. Шёл со всеми оттуда. Шаг в сторону, в сторону, ведь там рождённая только что бабочка вверх из-под спуда всё пыталась, пыталась взлететь. Непросохшие крылья слипались, как пластырь, слипались. Не оставь её, Пастырь! Она всё качалась слепая. Мёрзла бабочка, дымка уснувшее солнце скрывала, разноцветный клочок неизвестного нам одеяла. Как упала, взлетела и, будто спасаясь от пули, полетела зигзагом на лёгких воздушных ходулях. За спиною защёлкнулось море под небом пустым. Мальчик молвил: «Будь славен, о Боже, будь славен, о Боже!» и за бабочкой вышел к своим. Ну, а пуля и дым, ну, а пуля и дым уже позже догнали его, уже позже

***

Спотыкается, но поднимает ноги, поднимается в небо покойный убогий. Он явился туда, пожилой оборванец, за спиной не по возрасту маленький ранец. Собирался всю жизнь, приготовил бумаги. Так когда-то отец, в пионерский лагерь отправляя его малышом и впервые без отца и без матери, и на кривые раскладушки горбатые с рваным брезентом, где вожатый, его называющий кентом,

издевался над ним, тыча в мокрый матрас каждый раз, каждый раз, каждый раз, каждый раз. Как он плакал в кустах, как он маму просил, как он маму молил, как он плакал тогда, в день воскресный родительский, что было сил. чтоб забрали его от стыда навсегда. Так и прожил промокшую тухлую жизнь, ждал мгновения, щёлк! – он и рыцарь и джинн! И на жёлтом песке от воды вдалеке он с принцессой гуляет рукою к руке. Так и жил он красивою жизнью в ночах, а с утра каждый день - как лоток кирпича, без ладошки в руке, без царя в голове, и без Бога в башке и туза в рукаве. Он кривым и разбитым путём первый раз шёл до места, где облако мокрый матрас. Он пришёл в день воскресный родительский день, «Я ведь рыцарь и джинн?» – он спросил навсегда. И коснулась его материнская тень, и принцесса по вызову вышла сюда. Там привыкли, что в тучах засохла вода и горбатого лепит каждый двадцатый. С водяными на гербовой знаками «ДА!» Справку выдали, чтобы увидел вожатый

***

Город – улица, парки, кафе и метро, сквозь толпу пробираются дни в турникет, в переходе стоят автоматы ситро, дни берут годовой пенсионный билет.

Шаг по плиткам – и танго, и шахматный блиц. Нас прессуют в кирпич, транспортируют в створ. Ты выходишь? Да, нет! Вот и весь разговор в этом лагере перемещаемых лиц.

Ты выходишь? Вдвоём! День за утром вдогон. И сложили ладони, как высохший зонт. Эскалатор стекал, полз улиткой на склон И на солнце унёс за крутой горизонт

ОДЕССКАЯ ОБЛ. БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКИЙ Р-Н

Село Курортное с горячею землёй морщинистой, как старческие лица, и плоскою, как поле с кавунами большущими, у сторожа за рубль их за бутылку можно унести.

Обрыв у моря в глиняных ступенях под ветром, вечно дующим вдоль склона, песок холмистый, как большая карта, и мы на ней прокладывали путь, как будто создавали государство.

А вечером вино – бурда с махрою, и каждой ночью счёты сводят звёзды, как игроками брошенные кости. По ним дорогу можно не найти, и потому трескучий кукурузник

в час утреннего молока парного садится у забора бабы Нины в густую деревенскую ботву. Собрав арбуз, вино, песок и звёзды, мы улетаем в следующий год

***

Там тополиный пух клубится — Туман, как старый стёртый лист, Крылами вверх листают птицы, Крылами вниз, крылами вниз.

И пролетают между строчек, И крики пробуют на счёт. Их азбука из многоточий И с буквами не совпадёт.

А всё туман... Ползёт за ветром, Как шляпа сбитая дождём, Захватывая метр за метром Надел, которым награждён.

Клубится, над водою тает И подражает облакам. Во сне душа его простая Идёт за солнцем по лугам.

Не посудачинь по-соседски, В тумане не видны слова. Весь этот мир какой-то детский, Его и различинь едва.

Так песня изменяет лица У коллективов хоровых. Тумана маленьким частицам, Как лего, не соединиться В набор из капель дождевых

***

Сугробом, надгробьем лежащая и муравейником, Сметённая ветром смятенная груда листвы Всё места себе не находит, кружась, как за веником, И прячется прочь от судьбы, и сумы, и молвы.

Взлетает столбом, уползает коврами корявыми И ржавчину прячет, и сбоку крадётся, как тать. Как смотрим в глаза, когда смотрим в глаза, врём дырявыми, Как листья, словами, которыми надо молчать.

Разбита колода, и листья упали рубашками. Волшба-ворожба, наступает глухая пора. И не угадать, что нагрянет. Жуками-букашками Все карты краплёны, поэтов зовут в шулера.

А на зиму небо верхушками сосен расчалено, И лупит по сетке, по клетке, начав новый сет, Нам свет застилая, бъёт солнце, летает отчаянно И прячет под веки свой ярко-оранжевый след.

И луч паутинкой сшивает закаты с травою На нитку живую и штопает небо дождём. И надобно верить, что с нашей душою живою, Мы здесь не напрасно, мы здесь не напрасно живём

ВЕРОНИКА КОВАЛЬ

НОЧЬ НА ПАУЧЬЕМ ОСТРОВЕ рассказ

В тот день я, как обычно, наведался в свою мастерскую. Там над доставленными в ремонт двумя автомобилями колдовали Николай Иванович и Сашко. Обсудив с ними насущные вопросы, я уже собрался уйти, как вдруг ввалился Димон.

- Игорь, я к тебе с классной новостью! заявил он и плюхнулся в моё старое, но уютное кресло, словно значимость известия дала ему такое право. А за это для гонца стаканчик доброго винца!
  - Обойдёшься! умерил я его пыл. Выкладывай!
  - Виталий хочет дать твоей мастерской большой заказ.
  - С какого перепуту?
- Видишь ли, он из своего посёлка городского типа хочет через тебя выйти на областной центр. А тебе две выгоды: солидный заказ первая. Вторая: поскольку его предприятие филиал столичной фирмы, ты через него выйдешь на столицу. И все довольны! Только ты не забудь: это я ему про тебя все уши прожужжал!

Я смотрел на довольного приятеля и соображал, как отнестись к этой новости: не разыгрывает ли. Но тот прямо и честно глядел на меня.

Димон не раз рассказывал мне о друге детства Виталии, который жил в соседнем доме, в ПГТ Калиновск. Он был на десяток лет старше Димона и опекал его, не давал в обиду дворовым пацанам. Потом родители Димона переехали в областной центр, чтобы сын поступил в университет. Но он – не знаю, почему – бросил его. В родовом доме осталась старшая сестра отца, баба Таня. Димон часто наезжал в Калиновск, и, по его словам, дружба с Виталием не утасала.

- Чего конкретно хочет Виталий?
- Ты же знаешь, у него есть мини-завод. При нём небольшой автопарк. Он предлагает, чтобы машины ремонтировались и вообще обслуживались в твоей мастерской.
- Допустим, не без колебания сказал я. Но ты ж не за мои красивые глаза хлопочешь. Что ты с этого поимеешь?

Димон даже не задумался:

– С Виталия два процента от сделки и с тебя столько же. Устраивает?

Вместо ответа я достал из шкафчика початую бутылку коньяка. Выпив, Димон упражнялся в красноречии, а я осмысливал предложение. Конечно, выгодней иметь постоянных клиентов, чем случайных. Но почему Виталию выгоднее ремонтировать автомобили не на месте, а в областном центре? Может, там мастеров хороших не найти?

С Димоном я раньше не имел никаких общих дел. Он прибился ко мне на чьей-то свадьбе. Блондинистый, сероглазый, этот парень располагал к себе. Меня он поразил способностью вписаться в любую компанию. Он умел слушать – редкое качество. Правда, меня несколько напрягало, что он смотрит в глаза собеседнику, словно взвешивая его на своих внутренних весах, – а вдруг тот пригодится.

Димон всячески демонстрировал дружеское ко мне расположение. Частенько забегал в мастерскую, даже иной раз домой наведывался. Работал он управляющим базы книготорговли, которая к тому же снабжала библиотеки всё редеющим потоком литературы.

Словом, мы приятельствовали. Только однажды между нами пробежала чёрная кошка. Мне показалось, что Димон подкатывает к моей жене. Я ему прямо сказал, что, если что замечу – урою.

- Ты что, офигел? набросился на меня Димон. Чтобы я другу подлянку подбросил? Настя тут ни при чём. Меня тянет в ваш семейный уют. Мне-то всё тёлки попадаются у них только копейка в глазу!
  - За выпивкой я решил, что Димону всё-таки можно доверять.
  - По рукам! Пусть Виталий присылает документы!
  - Смеёшься? Кто же кота в мешке покупает?

Я и сам, конечно, по опыту знал, что когда «глаза в глаза», это надёжней. Бывало, что мои намерения после встречи с деловыми партнёрами резко изменялись. Но здесь-то ситуация иная: все вроде свои.

Димон убеждал меня:

- Надо смотаться в Калиновск на пару дней. Виталий ждёт.
- Ты что! Как я процесс без контроля оставлю?
- Ничего не случится! Ты сам говорил, что Николай и Сашко мужики надёжные.

По дороге в Калиновск я получил подробную информацию о Виталии. Димон рассказывал о старшем друге чуть ли не с благоговением. В советское время в посёлке действовал большой военный завод. На нём трудилось почти всё население. Отец Виталия был замдиректора завода. В период приватизации, когда всё пошло вразнос, завод сошёл на нет. Но отцу Виталия удалось отжать один из корпусов. Сын к этому времени подрос и проявил недюжинную хватку. Он сумел оседлать волну. Каким-то образом (Димон не знал, каким) он расширил производство, установил современное оборудование. Продукция, которую выпускал его цех, пользовалась спросом. Подхватившая его столичная компания-монополист добавила Виталию прибыли и престижа. Теперь он в Калиновске царь и бог. Всё под ним – и власть, и полиция. Виталий не жадничает. Много сделал для городка. Отремонтировал главную дорогу, дал деньги на ремонт школы и церкви, не говоря уже о том, что создал рабочие места хотя бы для части жителей.

Уже в конце пути я спросил Димона, что он сам-то собирается делать. Не век же на базе сидеть?

- Конечно, у меня есть планы. Только они упираются в отсутствие стартового капитала.
- Что же твой друг тебе не поможет?

Я искоса взглянул на него и понял, что застал его врасплох. Он смутился, даже закашлялся:

– Ну, сам знаешь – дружба дружбой, а денежки... Нет, мои расчёты на дом. Я у родителей один, у бабы Тани наследников нет, так что я, единственный племянник, получу весь дом. И, как бы цинично это не звучало, я жду, когда она помрёт. Дом тогда продам. А куда инвестирую? О, это будет бомба на рынке IT!

Мне почему-то стало не по себе.

А Димон перевёл стрелку на меня:

– Ты-то, учитель истории, по какой причине в бизнес подался?

Что я мог ответить? Отговорился общими фразами. На самом деле я ушёл из профессии, потому что понял, какие горы лжи преподносят нам как историю. Где ни копни, необъективность и мистификация в угоду амбициям политиков. Надоело враньё! К тому же, Настя вынашивала второго ребёнка. Я по случаю купил задёшево приличную мастерскую и превратился в типичного предпринимателя, измученного налогами и бессмысленными проверками.

Выехали мы позже, чем планировали, поэтому в Калиновск приехали около четырёх. Солидный кирпичный дом стоял на окраине посёлка. За просёлочной дорогой виднелась стена леса. Не могу сказать, что баба Таня оказалась гостеприимной. Она молча накрыла стол, даже не взглянув на любимого племянничка. Мне даже закралась в голову мыслишка: уж не боится ли бабуся, что он поможет ей уйти в мир иной?

Димон, нимало не смущаясь, болтал о том, о сём. Потом позвонил Виталию. Я был настроен на то, чтобы мы сразу отправились на переговоры. Но тот назначил нам на завтра днём. Досадно!

После обеда мы пошли прогуляться по посёлку. Он был невелик, но с прямыми, как в городе, улицами. Первое, что меня удивило и рассмешило: всё население, от дошколят до стариков, было на велосипедах.

– Автобусов и маршруток тут нет, а расстояния приличные, – пояснил Димон.

А когда мимо нас промчалась выехавшая из леса забавная кавалькада пожилых женщин в юбках и платочках – я развеселился и решил относиться ко всему с юмором.

 - За черникой катались, - сказал Димон. - Потом пойдут грибы. На дарах леса да овощах с огородов зимовать будут.

Однако моя весёлость быстро улетучивалась. Чем больше мы ходили по посёлку, тем сильнее меня охватывало чувство, что я попал в сбывшуюся антиутопию какого-то фантаста. Маленький промышленный городок на глазах превращался в село. Вот что стоит за красивым словом «деиндустриализация». И так ведь повсеместно. Идёт к тому, что вся страна превратится в большое село!

Димон рассказывал, да я и сам видел: лишившиеся работы и вынужденные выживать горожане принялись расширять свои огороды, захватывать землю за посёлком под картошку, завели коз и кроликов (коров не прокормить). Работоспособные мужчины подались на заработки. Из посёлка убрали поликлинику. На клубе, запертом на амбарный замок, болталась старая афиша фильма, написанная горе-грамотеем: «Не хныч белочка». Неухоженность, разбитые дороги...

Димон привёл меня к умершему военному заводу. Признаки жизни наблюдались только в корпусе, принадлежащем Виталию. Остальные здания разграблены, разрушены. Печальное зрелище! Рельсы узкоколейки с территории завода уходили в лес. Мы пошли по шпалам. Дошли до зарослей малинника. Там рельсы исчезли. Я невольно вспомнил: в «Золотом телёнке» описано, как фотосимволом строительства железной дороги в Средней Азии стал верблюд, нюхающий рельсы. А символом нашего времени стали рельсы, ведущие в никуда. Интересно, что напишут об этом периоде историки?

Рано утром я проснулся... от соловьиных трелей! Да, они наперебой щёлкали и свистали в лесу за дорогой. Я умылся, вышел за ворота. Солнце вставало из-за ставка, где утка, крякая, собирала непослушных детей. Розовое зарево окрасило белёные дома в идиллически нежные тона. Воздух был до того плотной свежести, что хоть режь его на куски, как масло. Тишина, какая-то звонкая, радостная, умиротворяла мою застывшую душу. Эх, хоть недельку побыть бы здесь с Настей и мальчишками!

Я думал, что Виталий примет нас в своём офисе, но Димон сказал, что мы едем за город:

Там у Виталия хатынка.

И загадочно улыбнулся. Странно!

Маршрут был довольно запутанным, но Димон хорошо работал навигатором. По всему, не раз тут бывал. Через полчаса он велел остановить машину на небольшой возвышенности. Мы вышли. Димон молчал с торжественным видом.

И снова мне показалось, что я попал в другое измерение, но уже в жанре фэнтези. Перед нами расстилалось округлое озеро. Молодые ясени опоясали его, ограждая от чужаков. Посреди озера из воды выступал слегка вытянутый остров. С берегом его соединял пешеходный мост. На острове возвышался... если не средневековый замок, то его двухэтажное подобие. Мощные стены красного кирпича, башенка с зубцами, стрельчатые окна...

Не дав мне опомниться, Димон пошёл по добротным доскам моста. Я за ним. Разглядел пристроенную летнюю кухню и навес, под которым стоял покрытый цветным пластиком длинный стол с лавками.

- Как это понимать? - придя в себя, спросил я.

– Это база отдыха столичной фирмы, партнёров Виталия. Он здесь хозяйствует, обеспечивает беззаботный уик-энд. В основном, рыбалку. Бывают и корпоративы по случаю юбилеев и прочего. Для этого на лето набирают обслугу.

И точно – будто из-под земли выросла бойкая молодящаяся женщина в короткой юбке с оборками. «Не по возрасту ей мини», – невольно отметил я.

– Кто это? – спросил я Димона.

– Жена кого-то из работников. За порядком следит и кухней ведает.

 Добро пожаловать на Паучий остров, – сладко пропела она. – Я Галя. Виталий Алексеевич только что звонил, сказал, что несколько задерживается, и чтобы вы располагались. Пойдёмте, я покажу вашу комнату на втором этаже.

Мне известие совсем не понравилось. Я надеялся на короткую деловую беседу и хотел сегодня же вернуться домой. Теперь уж точно не получится!

Галя провела нас в просторную гостиную. Ворсистое серо-голубое покрытие на полу. Кожаные диваны. Стеклянный журнальный столик, стильные светильники. Да, нехило живут хозяева жизни! На стенах – фотографии весёлых компаний – то с уловом, то на пирушке. В центре портрет очень серьёзного мужчины с раскосыми глазами.

– Это владелец фирмы, господин Раззаков.

«Внук Чингиз-хана», мысленно обозвал я его. И, странно, в какой бы части комнаты я ни находился, везде меня преследовал его напряжённый взгляд.

Часа два мы пили кофе, бродили, сидели, опять пили кофе.

Почему такое название – Паучий остров? – поинтересовался я.

 Он был заброшенный. Когда решили его благоустроить, обнаружили, что кусты и трава затянуты сплошной сеткой, а пауков – видимо-невидимо. Кусты убрали, траву выкосили. Пауки, видно, сбежали.

Моё терпение кончалось. Я решил, что хватит с меня такого гостеприимства и нужно отсюда сматываться.

В ту же минуту к воде подкатили два джипа. «Ну, сейчас будет явление Христа народу», – усмехнулся я про себя. Виталий ступил на мост и размашистым шагом пошёл. За ним семенил человечек в футболке цветов государственного флага, чуть поотстал от них молодой священник в чёрной рясе, по комплекции – тяжелоатлет. На его груди вспыхивал в лучах солнца массивный золочёный крест. За ним выступала величественно, словно шла по подиуму, длинноногая блондинка в белой джинсовой юбчонке. «Наверняка – Анжела или Кристина! Очень уж типична», – решил я. Шествие замыкал охранник с потным и плоским, как масляный блин, лицом. Он тащил огромную картонную коробку, откуда выглядывал пучок зелёного лука и ананас.

После высадки всей команды и перетаскивания провизии охранник и Димон подняли пролёт моста, примыкающий к острову, и закрепили цепи. Теперь никто не проникнет в святая святых!

Нет, на Христа Виталий не смахивал. Скорее он напомнил мне картину «Пётр Первый на верфях» – так уверенно, пружинистой походкой шёл царь и бог посёлка Калиновск. Широкоплечий, по-мужски красивый, с кудрявым чубом. Белоснежная рубашка подчёркивала ранний загар. Правда, когда он подошёл знакомиться, я разглядел сетку красных сосудов в глазах и на щеках и некоторую одутловатость, что выдавало пристрастие к алкоголю. И сейчас от него слегка попахивало коньяком.

Его лицо было мне знакомо. Только где мы встречались? Я мучительно вспоминал. И вспомнил! На выставке, куда меня затащил приятель, художник. Помню, с каким почтением встречали гостя!

Кто бы мог подумать, что провинциальный бизнесмен любит живопись?

Я напомнил Виталию о той встрече.

- Да, рассмеялся он. Меня дочка, жемчужинка моя, на искусство подсадила. Я её вожу в район в художественную школу. У неё талант! – Он сказал это с такой нежностью, что я его сразу зауважал.
- Я собрал небольшую коллекцию, продолжал Виталий. У меня даже Скаржинский есть! «Немудрено, – подумал я, что тебя художники чуть ли не на руках носят. Кто сейчас картины покупает? Молодец! Или выгодно вкладывает капитал?».
  - Когда мы можем обсудить наши дела? напомнил я.
  - Да вот перекусим…

С Димоном он обнялся. Видно, и вправду тут дружба!

Виталий отошёл и крикнул в проём кухни:

– Галя!

Она тут же выскочила – разрумяненная, улыбчивая.

– Пойдём, покажень мне моё спальное место!

Она с готовностью, будто ждала этого, взбежала на высокое крыльцо. Оборки на её платье трепетали. Виталий вошёл в дом следом за ней.

Они не появлялись пять минут, десять, двадцать. И тут до меня дошло! Я чуть не задохнулся. Вот так, внаглую, на глазах у всех! Моя симпатия к хозяину мигом улетучилась.

А компания, рассевшаяся по лавкам, делала вид, что ничего не происходит. Тщедушный, с кружком лысины на темени человечек, как я понял – депутат, листал какие-то бумаги. Здоровяк батюшка шарил в телефоне. Анжела (я угадал!) сидела молча. У неё были такие бесцветные глаза, что казалось – их нет вовсе. Димон начал к ней подкатывать, а она только неопределённо хмыкала.

Наконец Галина выпорхнула из дома и скрылась в кухне. Вскоре вышел невозмутимый Виталий и сел во главе стола.

– Что есть в печи, на стол мечи? – крикнул он, и, как по мановению палочки фокусника, появились тарелки, миски, хрустальные салатницы с закусками. Я, глотая слюнки, смотрел на голубчики в пелёнках из виноградных листьев, заливную рыбу, прозрачный холодец, ассорти из окорока и всевозможных колбас, розовое сало. Запечённый поросёнок возлежал на украшенном розами из моркови блюде. Разномастные бутылки с самогоном, водкой, коньяком и дорогими винами выстроились шеренгой в середине стола. И это называется «перекус»? Галя внесла огромную кастрюлю с борщом. От него шёл такой аппетитный дух, что я забыл про всё на свете...

Виталий коротко приветствовал нас, и все выпили.

Первым встал с бокалом в руке батюшка, отец Филипп. Он осенил стол крестом и начал торжественно, словно молитву читал:

- Благодетель наш, Виталий Алексеевич! Наши прихожане молятся за вас и за вашу семью! Только благодаря вашей помощи церква в Калиновске воскресла. Низкий вам поклон и великое спасибо! Храни вас Господь! Многая лета!

Нестройным хором мы подхватили батюшкин тост и опрокинули по второй. Виталий снисходительно кивнул.

Затем вдруг выскочил Димон:

- Уважаемый Виталий Алексеевич! Молодёжь посёлка выражает вам благодарность за то, что вы по субботам оплачиваете аренду клуба и проведение дискотеки!
  - Не всё же вам на улицах в карты резаться! благодушно заметил Виталий.

Мы выпили и заговорили враз. Я внимательно наблюдал за хозяином. Он поспорил с депутатом о повестке дня сессии. Батюшке пообещал вскоре подарить церкви икону Николая Чудотворца. Мне он почему-то рассказал, что сегодня уволил горничную, за то, что она оставила заломы при глажении рубашки. Я недоумевал, что он хотел этим донести до меня...

Потом всё смешалось, загудело. Молчала только Анжела, которую Виталий представил в шутку: «"Мисс Ноги" Калиновска». Она только время от времени протягивала стопку и говорила: «Коньяк!». Я с утра не ел, поэтому набросился на вкусности. И выпил изрядно, даже более того.

Стемнело, и включились разноцветные лампочки под навесом. Зелёные, красные, жёлтые огни превратили застолье в фантасмагорическую картину. У меня в глазах всё расплывалось...

Собрав остатки здравого смысла, я вырвался из гудящего круга. У самой воды сел на камень. Голова шла кругом. Вдруг рядом со мной оказался депутат. Он нёс две стопки водки. Мы выпили и молчали, и смотрели, как серебряная дорожка от восходящей полной луны набегает на берег. Неожиданно он тихо сказал:

Если вы намерены подписывать какие-то документы, изучите не просто каждый пункт – каждую букву.

999 67

И тут же, шёпотом:

– Я вам ничего не говорил!

И растворился в темноте.

Меня как холодной водой окатили. Чтобы это значило? Надо быть настороже!

Я с трудом одолел лестницу на второй этаж. Димон ещё не явился. Меня опять разморило. Проклятье! Зачем я так напился? Меня вдруг неудержимо потянуло на сон. Я тут же провалился в тяжёлое забытьё...

Не знаю, сколько времени прошло, когда меня разбудил жуткий вопль. Спросонья мне показалось, что воет собака. Но собаки на острове нет! Опять этот вопль... Я, натянув треники, скатился по лестнице во двор и увидел страшную картину. В лучах разноцветных огней по земле катался Виталий. Он корчился, метался, вопил, сыпал проклятия. У него было лицо мертвеца. Рядом бессмысленно суетилась Галина. Отец Филипп упал на колени и мелко-мелко крестился. В дверях подсобки показались почти голые Димон и Анжела.

Депутат кричал в телефон, объясняя «Скорой», как добраться.

– Что с ним? – спросил я.

Поджелудочная. Приступы иногда бывали, но такого кошмара – никогда.

Я ужаснулся. Моя мать умерла во время такого приступа.

Виталия то попускало, то опять прихватывало. Чуть придя в себя, он прохрипел:

– Батюшка, отпусти мне грехи! Не хочу умирать непрощённым! Грешен я, батюшка, грешен!

Отец Филипп, крестясь, склонился над ним.

В один из моментов облегчения взгляд Виталия упал на меня. Он, задыхаясь, выдавил:

И ты... прости! Каюсь... хотели мы для Димона... у тебя мастерскую отжать. Вот меня... Господь...
 и наказал! Димон, и ты кайся!

Димона трясло. Он скорчился, и под красной лампочкой был весь багровый, как монстр из фильма ужасов.

Я стоял, застыв, как соляной столб. До меня ещё не доходило, что это – не страшный сон.

Противно завизжала с берега «скорая». Люди в белых халатах, с носилками, побежали по мосту. Но охранник никак не мог в одиночку разобраться с цепями, чтобы соединить пролёты! А Димон как сквозь землю провалился. Врачи кричали, что дорога каждая минута. Виталий хватал пальцами землю и стонал. Его белая рубашка превратилась в грязные отрепья. Галина и Анжела визжали от страха.

Я очнулся, бросился на подмогу охраннику, и цепи удалось распутать. Виталий уже терял сознание. Санитары понесли его на носилках к машине. Все ринулись на берег, я тоже бросился к своей «Тойоте». «Скорая» рванула, я за ней. Несколько минут мы мчались по ночной дороге, потом я отстал, поехал спокойно. К горлу подступала тошнота от злости на себя, клюнувшего на приманку, на предателя. «Чтоб вы оба сдохли!» – мелькнуло в сознании, но я тут же оборвал себя.

Дрожь не проходила. Перед глазами плясали чёрные бабочки. Руки налились свинцом. Новый приступ злости и отчаяния охватил меня, я дёрнулся, неожиданно руль пошёл вправо. Неуправляемую машину повело и бросило в кювет. Она как-то боком скользила по глинистому склону. Всё произошло так быстро, что я не успел испугаться. Страшно мне стало, когда я увидел, что машина застыла в неустойчивом положении. Я боялся шевельнуться. Но надо было что-то делать! Я медленно стал пробираться к правой дверце, которая оказалась внизу. Слава богу, её не заклинило. Я вывалился из машины и покатился на дно кювета.

Еле-еле я вскарабкался по склону и вылез на обочину. Сел на мокрую от росы траву. Как ни странно, я посмотрел на ситуацию с юмором. Да, видок у меня! Ночью я выскочил во двор в майке и трениках. Глина, зелёные следы от травы превратили их во вполне бомжовский прикид.

Телефона и бумажника, ясно, не было. А мне любой ценой нужно было добраться до техпомощи. Выход один – ждать какую-то машину. Но откуда она возьмётся в этот предрассветный час на просёлочной дороге?

Злости уже не было. Просто – пустота. Только шевелилась в мозгу какая-то мыслишка. Неприятная. Я старался её отогнать, но она была, как приставучая муха. Наконец она чётко обозначилась. Всплыла, как наяву, ситуация, когда я решил купить авторемонтную мастерскую. Её продавал пожилой мужчина, которому почему-то нужно срочно покинуть город. Для меня это была возможность начать свой бизнес, о чём я давно задумывался. Но с трудом скопленных денег не хватало, на эту сумму продавец не соглашался. Просил вдвое больше, и это была реальная цена. Я не спал ночами, боялся, что кто-то меня обскачет. А мужчине я не говорил ни «да», ни «нет». Мне надо было дотянуть до того дня, когда для него срочный отъезд станет позарез необходим. И я дождался... Он скрипел зубами, лицо исказилось, но он согласился на мою цену.

– Ты меня без ножа зарезал, мужик! – сказал он, и губы его дрожали.

И странно: мне не было его жаль! Меня захлестнула радость, оттого что я наконец встану на ноги! Квартира и образование для детей – вот что принесёт мне бизнес.

А сейчас я подумал: чем же я отличаюсь от моих друзей-врагов? Да ничем! Просто я – мелкая сошка! Что ж, я получил от судьбы «ответку». Но почему, чтобы твоя семья жила достойно, нужно идти на сделки с совестью, на обман?

Я уже ничего не соображал. Вскинув глаза, я увидел, как рассеивается туман, как первые лучи солнца золотят верхушки деревьев. Роса на придорожной траве засверкала бриллиантами.

Жизнь продолжается.

Так я сидел, пока из-за поворота не показалась первая машина.

СВЕТЛАНА ПОЛИНИНА

ВСТРЕЧА С ЭДГАРОМ ПО рассказ

Утро. Муж бреется в ванной, я завариваю чай и кричу через всю квартиру:

- Серёженька, сегодня мне понадобится «Масяня».

Так ласково мы зовём нашу крохотную семейную «Дэу Матиз», её и машиной-то не назовёшь, до того она маленькая.

Будь добр, ключи не уволоки. «Паустовцы» пригласили меня на день рождения Эдгара По.

Муж разразился хохотом.

- Какое вы имеете отношение к Эдгару По? Или он тоже на букву «П» начинается? Тогда валяйте, отмечайте, я не против. Святое дело выпить за старину Эдгара По. Он, насколько я знаю, тоже был не дурак выпить.
- Зря ты так, Серёжа, Эдгар По мистик, новатор в поэзии. Это удивительный писатель. Возьми хотя бы его «Ворона» в переводе Бальмонта.
- Солнышко, не надо так нервничать. Я же не против. Пожалуйста, встречайтесь, отмечайте. Я только переживаю, как вы потянете всю мировую классику
- Серёжа, не трогай мировую классику. Эдгар По это особый случай. Только сорок лет мужик прожил, какой он тебе старина?

И, наливая мужу чай, намазывая маслом хлеб, провожу лёгкий экскурс:

- Эдгар По, Серёжа, это сплошные загадки. Судьба была к нему очень несправедлива. При жизни его журналисты прозвали авантюристом, развратником и пьяницей, а после смерти душеприказчик Грисуолд подтасовал факты биографии и облил грязью так, что потомки сто лет ещё бедному кости перемывали. Зато великий Бернард Шоу называл его «аристократом литературы».
- Светуля, это меняет дело, я не знал, что мужик так пострадал, тогда конечно, поезжай. Вот тебе ключи от машины.
  - Кстати, у меня с Эдгаром По связана одна история.
  - С этим авантюристом, развратником и пьяницей? Так, с этого места прошу поподробнее.
- Ну, помнишь, в Москве в мастерской художника Рубена Варшамова я видела манекен Эдгара По? Я когда-то уже рассказывала, но если хочешь, могу повторить.
- Шучу. Я всё отлично помню. Езжай к своим «паустовцам», только аккуратнее за рулем. Не пей спиртного, не гони и возвращайся засветло.

Дверь за мужем закрылась, а я припомнила историю во всех подробностях.

Случилось это 10 лет назад, когда моя детская книжка «Город Алфавит» ещё не была издана, и я отправилась в очередной раз в Москву, чтобы предложить её детским издательствам. Все попытки оказывались безрезультатными. Редакторы сочувствовали моему авторскому горю, признавали, что книжка талантливая, обещали перезвонить при первой возможности, но никто не перезванивал. Думаю, что забывали про меня, как только я выходила за дверь.

Оставалось три дня до отъезда. В состоянии полной безнадёги поехала в Центральный дом художника на Крымском валу, на выставку работ Михаила Шемякина. Выставка откровенно разочаровала. Чего я ожидала от этого бывшего русского, а ныне успешного американского художника, я не знаю, но его длинноносые тролли в невероятном количестве в красивых дорогих рамах и паспарту ничем не напоминали художника советского андеграунда. На всём постсоветском пространстве бушевала перестройка. Наконец-то можно говорить, во весь голос. Пошла распродажа былых ценностей с молотка. Попёрла из всех щелей субкультура. Вот и Шемякин ранний был совсем другой. Ранние его работы были с душой. Полистав ещё и его альбомы, и убедившись, что мне от них ни холодно ни жарко, я подошла к книге отзывов и честно об этом написала. При этом, наверное, тихонько ворчала себе под нос. Рядом откуда-то возник добрый, слегка подвыпивший мужичок. Без лишних предисловий он вдруг сказал:

- Хотите, покажу настоящую живопись?
- Хочу, а Вы кто?
- Художник.
- Всё правильно, в Центральном доме художника кругом должны быть одни художники.
- А Вы, такая симпатичная, кто и откуда будете?
- Просто Светлана. На сегодняшний день никто. Книжки изданной у меня нет, кассеты с авторскими песнями тоже. В общем, самое настоящее никто. Приехала из Одессы, и, слава богу, послезавтра уезжаю.
- О, Одесса-мама, жемчужина у моря! Ну, давайте познакомимся: Рубен Варшамов, главный редактор журнала «Весёлые картинки».

Мне не хотелось в это верить, но мужчина достал из нагрудного кармана и протянул визитку с изображением танцующих человечков. Журнал «Весёлые картинки» был знаком мне с детства. Его читали от корки до корки все школьники бывшего Советского Союза. Когда-то в стране были только два детских журнала — «Мурзилка» и «Весёлые картинки». От неожиданности я слегка оторопела.

- Вот так так!.. Ведь я специально приехала в Москву, чтобы издать свою первую детскую книжку.
- Идёмте, Светочка, покажу Вам очень добрую, искреннюю живопись, а на Шемякина не обижайтесь. Конъюнктура требует от него такого искусства. Живя в Америке, по-другому, наверное, нельзя.

Покорно иду следом в один из залов галереи. Смотрим совсем другое. Художник-примитивист, тоже из эмигрантов, имени его не помню, но ощущение искренности, правдивости чувств осталось со мной навсегла.

Сюжеты картин незамысловатые, взятые из самой жизни. Вот собрались вокруг стола художник и его друзья в мастерской, заваленной чем попало. Сам в обнимку с необъятной красавицей женой и голопузыми детишками, а вот летает он над спящим городом с возлюбленной своей. Рисунки, словно написанные детской рукой, искренние, пропитанные подлинными чувствами, милыми подробностями из нашей жизни.

 – Да, Рубен Артёмович, этот художник мне гораздо симпатичнее. Бог с ним с Шемякиным. «Каждый пишет, как он дышит».

Идём в следующий зал, где готовится к показу юбилейная выставка журнала «Весёлые картинки». Там я узнаю, что мой новоявленный гид в должности главного редактора известного на всю страну детского журнала трудится уже 30 лет. Сейчас журнал переживает не лучшие свои времена, но всё ещё продолжает выходить.

 Света, приходите завтра ко мне в мастерскую, посмотрите мои работы и приносите свою детскую книжку. Может быть, я смогу Вам чем-нибудь помочь.

Варшамов нарисовал на обратной стороне визитки схематически, как доехать к его мастерской. Встретиться условились в двенадцать у станции метро «Лубянка».

Назавтра, волнуясь от радостного предвкушения, что судьба моей многострадальной детской книжки скоро решится, приехала в точно назначенное время на Лубянку. Не рассчитала только, что у каждой станции метро есть два выхода, и я, конечно же, их перепутала. Носилась, как бешеная белка. То в одну сторону пойду, то в другую, а когда запуталась окончательно, ничего лучшего не придумала, как позвонить Варшамову домой, чтобы уточнить, где же находится его мастерская. А вышло совсем плохо. Трубку взяла, вероятно, жена. У неё был приятный неторопливый голос. Она очень внимательно выслушала меня, и без особой радости сказала, что Рубен Артемович уже полчаса, как ушёл.

Если хорошенько подумать, чему она должна была обрадоваться? Тому, что её шестидесятилетний муж художник пригласил в мастерскую молодую тридцатилетнюю поэтессу? Я ведь от волнения всё ей выболтала, и теперь чувствовала себя ужасно. Вышла на ватных ногах из подземки и тут же увидела сияющего Варшамова с хрустящим пакетом в руках. Я вам не сказала, что на дворе стояла ранняя осень? Тёплая ранняя осень. Что-то юношеское озорное было в фигуре художника. Ветер трепал его светлые волосы, голубые глаза по-детски сияли.

– Идёмте, Светлана, я покажу вам свою Москву.

Мы шли по Мясницкой и музыкой звучали для моего слуха названия «Маросейка», «Чистые Пруды». Здесь родился и вырос художник Варшамов. Воспитывался он без отца, поэтому мать, боясь вредного влияния улицы, определила его в Суворовское училище. Стал военным, но тяга к живописи переборола. Потом был полиграфический институт, много счастливых лет, когда пришлось иллюстрировать книги Рабле, Сервантеса, Франсуа Вийона, Уитмена, Бодлера, Эдгара По. Можете себе представить, какой интересный человек, увлечённый рассказчик, шёл со мной рядом?

Вошли в красивое здание в Армянском переулке, где традиционно находились мастерские выдающихся художников. Прошли мимо охранника, поздоровались. Я мысленно вся сжалась. Интересно, что про меня подумал охранник?

«Опять хорошенькая блондинка в гости к знаменитому художнику. Ну-ну...».

Поднялись в мансарду, вошли в мастерскую, которая выходила окнами на Лубянку. Первое, что бросилось мне в глаза и даже испугало: у стены в старом плетёном кресле, словно живой, сидит господин в высоком цилиндре и фраке. – Знакомьтесь, Светлана, это – Эдгар По.

Он действительно был как живой, и только вблизи становилось понятно, что это папье-маше. Белоснежная сорочка, фрак, цилиндр и лакированные ботинки были настоящими. Взгляд у этого господина был пронзительный, но добрый. Вокруг на полу и на стеллажах размещалось огромное количество живописи, офортов и литографий.

Пока я изучала творчество художника Варшамова, Эдгар По, как мне казалось, пристально изучал меня, а Рубен Артёмович неторопливо расставлял на низеньком столике содержимое своего пакета: сыр, вино и крупный розовый виноград.

Переворачивая один за другим листы с его великолепной графикой, о чём я думала?

Не о тех великих поэтах, которых он иллюстрировал, будучи одним из лучших российских художников-графиков. Думала я о себе-дурочке, которая зачем-то оказалась этой ранней осенью здесь. О том, что всегда мечтала стать своей на одной из московских кухонь, где бородатые учёные, поэты и художники читают стихи, пьют водку, курят и все друг с другом на «ты». Но как можно стать своей для них, если ты никто и живёшь в маленьком портовом городке? Может, соврать, что живу в Одессе на Дерибасовской угол Малой Арнаутской? Всё равно он не знает, что это две параллельные улицы.

Эдгар По впился в меня взглядом, и я услышала, как внутренний голос, явно посланный от него, очень внятно сказал:

– Ложь не бывает маленькая или большая. Ложь – это ложь.

Я повернулась лицом к Варшамову. Он, улыбаясь, протягивал мне бокал с красным вином:

- Светочка, предлагаю выпить за знакомство, только про Вас я пока ничего не знаю.
- Мой послужной список довольно скромный. Живу в маленьком портовом городке в тридцати километрах от Одессы. Правда, весь город на берегу моря, можно сказать, море из каждого окна видно.
  - Что вы говорите, какие вы там счастливые!
- Играла на скрипке, потом на гитаре, занималась в театральной студии при Одесской киностудии, писала стихи, песни, и, неожиданно для самой себя, поступила в Одесский институт инженеров морского флота, да ещё и на кораблестроительный факультет. И даже успешно окончила его, только зачем, не знаю. Корабли, не строю, а вернулась к литературе и музыке.
- Светочка, Вы меня порядочно удивили. Знаете, какая моя самая большая страсть в жизни? Парусники. Парусный спорт. Перед вами яхтсмен с многолетним стажем. Вот возьму и приеду к Вам на Чёрное море. Ну, как, приглашаете?
  - Конечно, Рубен Артёмович, приезжайте, буду рада.

Что-то с правой стороны впилось мне в щеку. Я провела по щеке и, повернув голову в пол-оборота, увидела неодобрительный взгляд усатого господина в цилиндре.

- Рубен Артёмович, только я забыла Вам сказать, что у меня есть муж и маленькая дочка. Но всё равно приезжайте.
- Муж это прекрасно! Предлагаю вам, Светочка, выпить этот бокал за содружество поэтов и художников на брудершафт.

И он с истинно восточным радушием заново наполнил бокал.

Я приняла бокал вместе с ничего хорошего не предвещающим предложением, и тут раздался грохот. Это свалился картонный цилиндр Эдгара По.

– Ах ты, боже мой, сквозняк, что ли?

Я поняла, что это был не сквозняк, просто американский классик не хотел допускать моего грехопадения. Он по-отечески меня опекал.

Мы подняли цилиндр, водрузили его на место и на время забыли про вино.

- Света, Вы читали Эдгара По? Стихи почитайте, особенно лирику. Почитайте о его трагической судьбе. Он изобрёл жанр фантастики. Я мог бы о нём говорить долго, но лучше почитайте сами.
  - А зачем Вам манекен?
- Когда иллюстрировал его, он сам меня об этом попросил, и я сделал. Теперь дружим. Понимаете, Светлана, художник существует в замкнутом пространстве. Любого туда не пустишь. Я говорю не о мастерской, а о внутреннем мире. А с манекеном можно замечательно поговорить, можно помолчать, можно запросто тяпнуть по рюмашке. Отличный собеседник, а как образован! Правда, иногда превращается в занудного моралиста. Например, как сегодня. Вы не заметили?

И Варшамов хитро улыбнулся.

- Заметила.
- Дай-ка я тебе, девочка, на память свой каталог подпишу, неожиданно перешёл он на «ты», а на брудершафт мы с тобой как-нибудь в следующий раз выпьем.
  - Рубен Артёмович, Вы же так и не посмотрели мою детскую книжку.

А про себя подумала:

На кой чёрт ему моя книжка? И зачем я только сюда пришла?

И вдруг снова слышу голос изнутри, но понимаю, что принадлежит он манекену этого загадочного Эдгара По:

- Не зря пришла. Найди в каталоге работу «Гибель Орфея» Смотри, разве это не про тебя?

Я нашла эту работу. Она стояла одной из первых.

«Может, про меня – может, не про меня. Она про всех», – отвечаю мысленно манекену.

 $\odot \odot \odot$

И слышу такой ответ:

– Правильно. Умница. Запомни:

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД – ЭТО ВСЕГДА НАЧАЛО.

Всё, больше я от него ни слова не услышала. Варшамов похвалил мою азбуку в стихах. Сказал, что издавать её нужно отдельным изданием, а не в журнале. Посоветовал продолжать писать для детей, непременно писать детские стихи, ибо этот редкий дар даётся не каждому. Проводил до станции метро, и мы расстались.

Прошло два года. На собственные средства была издана моя первая детская книжка «Город Алфавит». Появились и другие стихи для детей.

Приехав в очередной раз в Москву, я вспомнила о Рубене Варшамове и его журнале «Весёлые картинки». Решила показать ему свои новые детские стихи. Звоню по старому телефону.

Снова, как два года назад, трубку подняла женщина с приятным спокойным голосом, но при упоминании о Рубене Артёмовиче на несколько секунд замолчала. Потом, словно набрав воздух, сказала, что Рубен Артемович умер год назад. У него был рак. Тогда, два года назад он уже знал о своей болезни, поэтому жена следила, чтобы он себе лишнего не позволял, но Рубен Артёмович был непослушным, как ребёнок. Жизнелюбие у него всегда брало верх над рассудком.

– В «Весёлых картинках» теперь главный редактор – женщина. Можете к ней точно так же обратиться. Вот телефон редакции.

И я обратилась.

Лечу по лестнице издательства, словно на крыльях. Жду самых восторженных отзывов о моих детских стихах, ведь это уже подтвердили сотни зрителей на авторских концертах. Быть может, скоро буду держать в руках свою новую детскую книжку. Я назову её «Понарошку и всерьёз». Отличное название.

Комната редакторов выглядит обшарпано и тоскливо. Мебель изрядно поизносилась, но меня умиляет здесь всё, а особенно затрапезная бабулька, старейший редактор. За окном всё тот же разгул перестройки. Все старые советские журналы держатся из последних сил. Многие закрываются, а «Весёлые картинки» всё ещё держатся, но судя по меблировке издательства, дела у журнала невесёлые.

Унылая бабулька берёт мои листочки со стихами, минуты две-три смотрит, и неожиданно изрекает:

– Садитесь, эт-само.

Поначалу подумала, что мне послышалось. Такого речевого оборота мне ещё ни в одной глухой деревне слышать не приходилось. Что бы это значило? На сердце стало тоскливо.

Затем последовал вопрос, приукрашенный всё тем же оборотом:

– Вы запятые, эт-само, вообще не ставите?

Я засуетилась:

- Простите, я очень спешила, не знаю, не подумала, сейчас всё расставлю. Давайте, я сама Вам стихи свои прочту? Хотите?
  - Не хочу.

Потом тишина и глядя куда-то вбок:

– Эт-само..., деточка, Ваши баюшки и кисоньки, эт-само, сегодня никому не нужны.

Я же, стараясь заглянуть ей в глаза:

– А какие, какие нужны сейчас стихи детям? Скажите мне! Какие? Я понимаю, что в детской литературе наступала золотая пора для разукрашек про мажорную жизнь куклы Барби и Телепузиков, а тут я со своей невостребованной искренностью.

Доказывать, что твои стихи хорошие – пустое, бессмысленное, занятие, но и отступать тоже не хотелось. Я сгребла листки с баюшками и кисоньками и, очень взбудораженная, ввалилась в соседний кабинет, копошащийся в важных и нужных бумагах, желая апеллировать к мнению другого редактора, но там меня резко остудили:

– Женщина, не мешайте нам работать, мы – бухгалтерия, а редактор у нас одна, она опытная и её мнением журнал дорожит.

Судьба в очередной раз дала оплеуху, открыла дверь и выставила на ветер.

Я пересекла бурлящий проспект. Мимо неслась жизнь огромного равнодушного города.

Стояла серая слякотная московская осень.

Неподалёку был знаменитый магазин «Аккорд». Я в каждый свой приезд покупала здесь гитарные струны. Почему-то вспомнилась картина Рубена Варшамова «Гибель Орфея». Там Любовь, Музыка, Гармония – всё разлетается на куски.

– Да пошло оно всё к чертовой матери, – подумала я, чуть не плача.

Вошла в магазин и попросила у продавца комплект хороших струн для скрипки. Приеду домой, достану свою позабытую скрипку, натяну новые струны и снова начну играть.

Я ведь очень хорошо запомнила слова, сказанные мне Эдгаром По: «КРУШЕНИЕ НАДЕЖД – ЭТО ВСЕГДА НАЧАЛО».

ТИНА АРСЕНЬЕВА

БАЛЛАДЫ

СОЧЕЛЬНИК

1.

Клянусь Вам твердью гробовой доски, Что страсть моя – шить бисером по шёлку, Что ту же робость кажут угольки, Зардевшись сквозь каминную решётку.

Гашу их, бросив вымокший венок, В знак чести, что к любви однажды вхожа. Клянусь, та шкура, что у Ваших ног, Честней престола и вернее ложа.

Покинутое зеркало, и скрип Ночных дерев, и тление сандала... А днём лицо моё, как манускрипт, Который ночью на столе видала.

Чуть свет войду я в спящий городок; Соборный шпиль покажется мне сирым. Но ангел мне шепнёт латынью строк, Что он с моим беседовал вампиром.

2

А когда я тебе прискучу Простотою своею – так Отягчает снежинка тучу, А слепца веселит пятак, –

Ты не дашь рокового знака, Пребывая в горних мирах Древних книг твоих, – и, однако, Я в ладонях почую прах,

В сердце – страх. Поспешу к собору, Осторожно сниму засов, Оттоняя молитвой свору Чёрных мыслей – голодных псов,

Слыша в воздухе рёвы боен, — Гляну: там, где восход горит, Отрешённый крылатый воин С занесённым мечом парит.

3.

Сегодня сговорились бесы, И тьма настала до поры; Паломники под звуки мессы Зажгли тревожные костры.

Почти у самого портала Остановили Вы коня; Из драгоценного металла Была возложена броня

На образ Девы: преклоненья Пред чистотой – роскошный дар. А я, сквозь пелену волненья, Сквозь трепет огоньков и жар

Костров – гляжу: там в сене жёсток Настил; там бесконечна ночь; Там, в зябкой лжи небесных блёсток, Родит Спасителя подросток – И впредь ничем ей не помочь.

4.

Как быть с упорной ученицей, Прилипчивой и злой: Опять заложена страница Эротовой стрелой!..

Виском к виску, – в час сокровенный, Срываясь, как в галоп, Над книгой боговдохновенной Всё норовит – лоб в лоб!

И беспокойными глазами Всё рыщет между строк, Вдруг вдохновенными низами Вещая, как пророк.

И взор, исполненный горенья, О чём-то молит вновь... Как быть, когда в ней нет смиренья, А есть – одна любовь?..

5.

Глядит зима сквозь мокрые ресницы На царствие своё: Как на останках осени-царицы Пирует вороньё.

А я линялой шалью грею плечи В ознобе Рождества, И в комнатах моих трепещут свечи, Как жёлтая листва.

Но в сумраке глаза мои дичинкой Пусть не пугают Вас: Пирог румяный с яблочной начинкой Любой отводит сглаз.

 $00 \infty \infty$

Дарить сегодня – Божье повеленье! Итак – вина глоток, – Гранатовые чётки: наставленье Молитве, – и платок.

Намёк – на счастье уроните чашу! – Под стать хоть королю. Вот Вам обет: свой грех и слабость Вашу Прилежно замолю.

Да что подарки, – суета мужская, – И где Вам знать, мудрец, Что маленькая ведьма городская Упрячет в свой ларец.

6.

Ах, душа моя ныне, Как огонь, весела, Чтоб нетленной святыне Догореть в ней дотла!

По сосновому лесу На седьмую версту Выйду, сдёрну завесу И впущу пустоту

В сердце. Небо просторно – Может быть, на беду. На четыре на стороны Я поклоны кладу.

На полынную, тминную Землю – горсткой монет – Ссыплю горстку каминную: Дом, где нас уже нет.

Помяните же крестницу, Эта память легка: По верёвочной лестнице – Босиком – в облака!

7.

Должно быть, полночь; ибо ветер смолк, И твёрже стали губы, очи суще, И стало слышно, как витают души, Взыскующие с мира давний долг.

Мне прошлой ночью слышалось: «Пора!», – А там, где, как вещали небылицы, Пылает сердце, – там сквозит дыра; Порою сквозь неё летают птицы.

Так не сумеют яд или кинжал. Итак, на зов последовать готова. Мне, слава Богу, мир не задолжал – Ни злого, ни смешного, ни святого.

Дай мир душе. Мир. То есть – города И веси; лики, лица и личины. Опять взойдёт над городом звезда... Вот только б не заплакать без причины.

РЕТРО-НОКТЮРНЫ

1.

Пронзительных стрижей скользящий крылопад И чей-то смех внизу на остановке. В синеющем окне воздушный акробат Качается на тоненькой страховке:

Снуёт циркач-урод, тяжёлый крестовик, Заткав окно страховочною сеткой. Почтовый ящик пуст. Чернея, вечер сник. В нём желтизны прямоугольник едкий,

Где, намертво вцепившись в свой канат, Застыл неутомимый акробат.

2.

И тусклая тоска огней в слепом тумане За шторою ночной. И прямо у виска, в мятущейся мембране, Далёкий голос твой:

Всплывёт – и пропадёт, – и загудит пространство, – И вновь слышны едва – Какой-то главной лжи лоскутное убранство – Весёлые слова.

Свидетель-небосвод внимает суесловью, Стеля версту к версте. Ты, любящий меня неназванной любовью, Смолкаешь в пустоте.

Мы добрые друзья, и всё у нас в порядке. Вновь тихо и темно. Сокрывшись в пустоте, вдвоём играем в прятки, Но с чем, сказать грешно.

3.

В ночной квартире, в тихом свете бра, Под фотокопией цветаевской улыбки, Старинный спор – о сути зла, добра; Как на ладони, ближнего ошибки Ясны разумному в уютном свете бра.

И всевозможных классиков гора, Которую премудрый одолеет; И мысль неуспокоенная реет, Как на одной струне, исчадье скрипки, Пассаж, толпу разящий наповал. $00 \infty \infty$

Она: «Трагизм», – а я ей: «Карнавал». Ох, поздно. Мне домой идти пора. Она запрёт за мной входные двери И кран откроет, тишине не веря, И звякнет ложка ноткой серебра...

День кончен, перевёрнута страница. И будет мысль о стены долго биться В ночной квартире, в тихом свете бра.

4.

Став с разбегу, вслушайся скорей, Горожанин, – вот твоё спасенье: Белое крещендо фонарей В горьковатом сумраке осеннем.

Рухнула незримая стена, В пустоту обвалом убегая; Над раскрытой бездною луна Взмыла, ослепительно нагая.

Башенки в прозрачной пустоте Замерли в почётном карауле; Фонари-соперники, и те Перед ней стальные шеи гнули.

И в такую оторопь ввела, И такой беспамятно-нетленной Предстоит луна, белым-бела, Настежь распахнувшейся Вселенной.

В средоточье лунного огня Мир всё чище, проще, невесомей. Я стою и вижу: нет меня, — Сквозь меня к луне уходят сонмы.

ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ЛЁГКИЙ ФЛЁР МОРФЕЕВЫХ ПРОКАЗ

НЕЗДЕШНИЙ ПЕЙЗАЖ

Это космос. Нездешний пейзаж. Неземная картина – остановка и церковь, притихшая без прихожан. Вроде, правда, звонили, но как-то бездушно, рутинно, и звонарь наверху – космонавт, потерявший свой шанс тут остаться зимой, задержаться в холодной кабине. Ранним утром – на старт, целит маковка в небо крестом, потихоньку сползает с общивки подтаявший иней, хороводятся сизые ангелы на золотом это голуби здешние, головы чинно склоняя, вопрошают – ну как, улетать, задержаться пока? Неземная картина, а, может быть, очень земная – остановка трамвайная, церковь, над ней облака. Смотришь, думаешь – может быть, всё не настолько абсурдно – этот мир, эта жизнь, эта вера с огромным трудом, и заходишь в намоленный храм, как в небесное судно, покидающее неприветливый аэродром.

ЗАПОЗДАЛОЕ

Запоздалое яблоко падает с ветки в листву. Всё последнее манит – пойду, подберу, отогрею. Очень холодно, кажется, можно летать наяву, наступая на иней – так будет немного быстрее. Долетаешь на выдохе, паданец паром обдав, улетаешь на вдохе в накинутой наспех куртяшке, и на кухне сидишь, выполняя квартирный устав, и приходишь в себя неожиданно долго и тяжко. А потом улыбаешься – яблоко пахнет, оно неподвластно морозам, бессоннице, птичьим скандалам. Вот надкусишь его – и неделями смотришь в окно, размышляя о чём-то несбыточном и запоздалом.

CTPAX

Все боятся, и часто уйти по уму не дано никому, и тюрьму, и суму перенёс в этой жизни не всякий. И откуда берётся прилипчивый страх, нам не слишком понятно на первых порах, что на паперти, что в автозаке, что в постели больничной, когда медсестра ту же песню заводит, а песня стара — все там будем, родимый, не бойся.

Не цепляйся, журавль, потерявший свой клин, так стираются в памяти звуки былин и колёсная песня обоза. Что ещё? Лагеря, пересылки, суды, отпечаток на плёнке морозной слюды – по этапу и без переписки. Пайка хлеба по карточке и кипяток, да изба почернела, и срок не истёк, и поля без мышиного писка – нет ни колоса. Что же ты, милый, ревёшь, если в жизни не ведал тифозную вошь, и минут не считал до расстрела. Если ты никого ещё не хоронил, и не видел за оттиском синих чернил мать, что за ночь одну постарела. Так не жалуйся и не буди миражи, не держи этот страх за душой, не дрожи, это жизнь, это радость и счастье, это поле, где мышь колосок пронесёт или каплями мёд из ячеистых сот, и до Бога легко докричаться, даже если в больничное смотришь окно. Ты не думай, что всё это предрешено – и тюрьма, и сума, и спиртное здесь оно и лекарство, а может, и яд, здесь на всенощных люди спокойно стоят, перед Богом о болях не ноя. Не стыдись, что поделаешь, все мы грешны от бомжа возле церкви до целой страны, без греха как нам выдержать это. То, что в генах у каждого – страх и тоска, и предательство близких, и ствол у виска, и душа, заплутавшая где-то.

ЕЩЁ ОДНО КУ-КУ

Деревья в ряд. Сквозь лиственный урон всё лучше видно станцию, перрон, не знающую очереди кассу кассир считал до вечера ворон. Людей считал бы − не было оказий. Провинция, здесь я в стопервый раз куплю билет у сонного вампира, который в этой будочке погряз. Пронзает небо ржавая рапира – железный шпиль над зданием суда. Какого чёрта еду я сюда, где в рупоре живёт, рождая эхо, то - «что же нам осталось, господа», то – полупольским напевает Пьеха. Хозяйский дом с наличником резным, упырь хозяин платит раз в неделю, а я по выходным торгуюсь с ним, ворчу, что мне поездки надоели в такую даль. Осенний листопад, весь день синицы внаглую вопят мне слышится в их крике – любо, любо! Девицы в юбках аж до самых пят и вечерами драки возле клуба.

Какие заповедные места, раздолье отдыхающей природы. Но так охота броситься с моста, забыв про все сады и огороды, да речка по колено. И камыш. Мелькиёт сосредоточенная мышь, добытый колосок утащит в норку. Ах, сердце, ну зачем ты так шумишь? Зачем тебе темно и одиноко в раёшной сказке пыльных пустырей, лешачьих грёз, русалочьего смеха. Я здесь – приставший к брючине репей, залётный, бесполезный неумеха. Кассир в окошке спросит огоньку, блеснув клыком... Но я-то начеку. кукушка мне, как старому соседу, куёт в лесу ещё одно ку-ку, ведь знает – я опять сюда приеду.

ЭТА ОСЕНЬ ПРЕКРАСНА

Темнота раскрывается чёрным зонтом, со щелчком - это звук автомата. И уходишь из дома, подумав о том, что постель до утра не измята. Не сказать бы, что рано – соседи дымят на балконах, чинарики пряча – сверху капает – и, не решаясь на мат, уползают в квартиры по-рачьи, то есть пятясь, зонты между делом сложив, под халатами плечи сутуля. Эта осень прекрасна, и дворик мой жив, вот промокшие столик и стулья со вчера – доминошники били козла и стучали камнями под лампой. И дочурка соседа была весела, и промокший её косолапый – мишка плюшевый, каждый мечтал о таком деньрожденьческом, необходимом. Пусть безглазом, пропахшем насквозь табаком, папиросным отравленным дымом. Я в киоск и обратно, за осень приму – чуть поправлюсь, и с девочкой рядом стану пасхи лепить, сообразно уму, безразличный к деньгам и наградам. В деревянном квадрате сырого песка, вместе с ней и медведем из плюша. Как прекрасно... Не нужно глядеть свысока, я не помню чего-нибудь лучше, чем лепить эти пасочки... Рядом лежат и совок, и ведёрко. И даже тот единственный, лучший из всех медвежат на осенней моей распродаже. А девчушка... Я зонтик раскрою над ней, защищая от целого света. Что за осень! Я знаю – не будет нежней. И не будет прекрасней, чем эта.

МОРФЕЕВЫ ПРОКАЗЫ

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Назавтра высплюсь. Пятничная тишь развешана Морфеем по углам. Не спишь, а в неизвестное летишь сквозь будничные скуку и бедлам. К порядку дней воскресных, к тишине совсем другой, без лишней суеты, когда рисует тенью на стене луч света силуэты, ну а ты пытаешься узнать – а это кто? А это? Вроде, чем-то мне знаком. Вон драповое куцее пальто и острый профиль над воротником. Вон девочка, вон мама рядом с ней – размывка тушью, простенький эскиз. Но если спать захочется сильней, то сам себе скажи – поберегись. Тут грань, тут понимание того, что лёгкий флёр Морфеевых проказ несёт за шелупонью листовой ушедших дней негромкий пересказ. Как фото чёрно-белые вразброс, в альбоме, что пора перелистать там едкий чад отцовских папирос и маминых ладоней благодать. Там тихо, словно в пятницу, когда ложимся позже – утром не вставать, звонки не обрывают провода и держит цепко тёплая кровать. И тихо, и Морфей до выходных тебе оставил зыбкий силуэт, один из тех, что больше не видны на фоне тех, давно забытых лет. Ах, пятница, придёт, коснётся щёк – и вздрогнешь, и покажется, что вдруг ты гнутый довоенный пятачок нашарил невзначай в кармане брюк.

НА РАЗВАЛИНАХ НЕБЕС

Нет, мир спасёт не красота, увы, мой свет, увы, и если бог придёт сюда – не сносит головы. Хотя как знать, и меч красив, и яд на вкус хорош. И кто-то врёт, глаза скосив на мелкий медный грош. И я во всю щенячью мочь кричу – не угодишь. Мой бог, а чем я мог помочь читающим Кадиш. Когда и ты ничем не смог, а, может, не хотел. Ты помнишь, как взлетал дымок над кучей мёртвых тел?

А ты, родная, помнишь ли египетскую тьму, когда с тобою вместе шли не к богу моему, а к тем заоблачным дворцам, придуманным вотще... Их нет, я это понял сам, их нету вообще. Их нет, а есть лишь меч и яд, они сбивают с ног. Я жмусь к тебе сто лет подряд, как маленький щенок. Душа, прошедшая ликбез исчезнувших планет, на тех развалинах небес, гле бога тоже нет.

***

Человек человеку никто, сослуживец, сожитель, сокто-то. Как на вешалке чьё-то пальто или чьи-то у вешалки боты. Запах чьих-то духов, чей-то взгляд с фотографии, временем стёртой. Сотоварищ больничных палат, совладелец болезной аорты. И никто ничего никому здесь не должен, все карты открыты сострадать, но всегда по уму, нет ни Мастера, ни Маргариты в этой старой квартире внаём, где пальтишко, и боты, и фото. Где никто и никто, но вдвоём, как тут выживешь без никого-то.

***

Если завтра отъезд, хорошо бы узнать – куда, погулять напоследок, заметив, что города очень разные, и неизвестно, где жить потом, под каким небосклоном, под крышей и под листом. Словно мелкий жучок, или ящерка, или ёж в долгой спячке, пока там снаружи снега метут. Это всё впереди, вот приедешь, тогда уснёшь, а проснёшься и вспомнишь всё то, что случилось тут. Эту жизнь, эти сборы, прогулку осенним днём, всё, что мы потеряем и больше уж не вернём. Да оно и не надо, прогулка в последний раз, без приветов от встреченных и без прощальных фраз – приезжай хоть когда-то, не впавший в анабиоз, погуляем компанией, вспомним житьё-бытьё, по которому ты на югах заскучал небось, и по улице брошенной, вспомнишь ли ты её? Да не знаю, пока что ни разу не уезжал, вот на доме табличка, похожая на скрижаль – называется улица... Как бишь её... Забудь.

Собирай чемоданы, прощайся – и с Богом, в путь. И потянутся длинной цепочкой дворы, дворы, перекрёстки, деревья и спины чужих людей, словно карта из детства настольной смешной игры бросишь кубики, выпадет нужное – и владей этой улицей, домом, умом и стыдом родных и двумя чемоданами – как же ты жил без них. С этой спячкой, которую хочешь отдать врагу, этой жизнью, прекрасной по самое не могу, этой женщиной, что провожая, дрожит в слезах, и друзьями, что не дотронулись до вина, и словами, висящими в воздухе - так нельзя, и звонком телефонным – уехал, а тут война. Не войнушка, которая в детстве, кто наш – тот жив, мы всегда победим, перемирие предложив кто не наш, тот сдаётся – мы добрые, не убьём. Всё иначе, и время колотится в стену лбом – прогулялся? Пакуй барахло и сочти за честь превратиться в жучка или ящерицу, ежа... Нужно только собраться, решиться и в поезд сесть, говоря себе – всё, попрощался и уезжай.

***

Похоже, все мы вымерли, как вид, ненужный человеческому роду. Один тебя ославить норовит, другой кричит – лови его, уродуй, чтоб даже не узнали, если он, отдавший в детстве должное ангинам, опять захочет бабушкин бульон, который мог сравниться с анальгином. Ну что ж, рудиментарные мои – талант, немного совести, манера вносить в слова шипение змеи, лаская впечатлительные нервы читателя, которому подай чуть-чуть любви, немного ностальгии. Не вымерший мороженый минтай доели за меня уже другие и плавно переходят на угря. Забыты Жигули, вокруг Роллс-Ройсы. Ангина, братец, ей благодаря, приди в себя и в памяти поройся. Мы живы там, где варится бульон из тощей синей птицы магазинной, где каждый был хотя бы раз влюблён, где ёлки, Новый год и мандарины. Мы там, полузабыты и тихи, в том давнем, неоправданно далёком, сегодня пишем скучные стихи, подобные посмертным некрологам. А после, разругавшись в пух и прах со всем занудным, правильным и прочим, любить и пить спешим на всех парах и звание писателя порочим.

ТАТЬЯНАІПАРТИНА

КТО ДОЖИВЁТ ДО ЗИМЫ?

ABTO

Машинка – лучший подарок мальчишке. Вот К тебе с погремушкой первый приходит стресс В виде «бибики». Но уже через год Везёшь на бечёвке первый свой Мерседес. А вскоре – подругу лет таких же и зим, В детомобиле, слышишь: «Впейод смотйи», И не мечтаешь – знаешь, что будет твоим Лучшее в мире авто с Машенькой И.

Одна секунда, и твой любимый Ниссан Уже у входа в автомобильный рай С наклейкой модной «очень крутой пацан», С игрушкой клёвой типа шалтай-болтай, С коробкой пирожных к ужину крем-брюле И со следами грязных кошачьих лап На чистом капоте и лобовом стекле, Со взглядом злым своих ксеноновых ламп. С оттюнингованным корпусом и золотой Оправой, чуть опошлившей фонари, С дочуркиной люлькой, к счастью, в тот миг пустой, С мягким салоном, с кровью твоей внутри.

Механик Петров – кудесник, но редкий хам, И не такое видел, он хмур и строг. Запишет в журнале: «Прибыл разбитый в хлам. Не подлежит ремонту». И подпись – Бог.

БОГ

Вот времена настали – кругом хаос, Что же налажено чётко – так диалог. Некто в Живом Журнале ведёт опрос, На тему – ни много, ни мало – что есть Бог?

– Может быть, Бог гуляет в своём саду, Яблоки пересчитывает, старый жмот, Кормит синиц, поругивает какаду, Всё, что в саду находит – в карман кладёт. Старый секатор, лезвие топора, Птицы-певуньи платиновое перо – Сунет в карман находку, а там – дыра!.. Вот и летит на головы наши сор. Как повезёт – в соседа попал топор, Банковский счёт в кого-то, в меня – ведро...

– Нет у Него ни имени, ни судьбы, Нет у Него ни сада, ни прочих дел. Он – пустота, Он только одно лишь «бы» – Всё, что ты смог бы, если бы захотел. В каждом Он слове слышен, что ты изрёк, В каждой твоей строке Он оставил след. Если ладонью закроешь ты слово «Бог» – Из-под ладони пробъётся свет.

Представь на миг, что жизнь – утекающий свет,
 Огарок свечи, расплавленный парафин...
 Бог не романтик, не старец и не поэт,
 Когда тебя поддерживает лишь морфин.

Жизнь подаёт больному надежды нить. Нитка гнилая, рвётся – и весь итог. Но можно тянуть минуты, секунды длить, Когда ты знаешь и веришь, что Время – Бог.

ВРЕМЯ

Когда тебе девятнадцать, время – прекрасная дама. Она добра к тебе, как родная мама: Улыбается, дарит бонусные минуты, Терпит твоё безразличие – яд цикуты... И постепенно превращается в гаденького старика – Примерно к годам сорока.

Он тебя ненавидит за жизнь, потраченную впустую. Даже если ты посадил дерево – клён или тую, Вырастил сына, построил дом, целый город домов, Он передвигает стрелки часов, Обманывает тебя без труда, В минуты превращает года.

ГОДЫ

Мария Петровна одета в мохнатые боты, В пальто из шотландки со склада «Привет, неликвиды!». Она осторожно (ну что тут поделаешь, годы), Идёт через улицу, тоже видавшую виды. Навстречу ей мчится склеротик на старой «копейке». Он с гордостью носит за сбитых старушек медали, Он дальше капота не видит, так пусть ротозейки Мечтают о том, чтобы он не попутал педали. О, сколько мы знаем опасностей при переходе! С годами уходят и прыткость, и сила смекалки... Но пусть наша дама одета слегка не по моде – Она ведь старушка ещё довоенной закалки. Она не из тех, кто сдаётся, моя дорогая. И вот уже визг тормозов, и «копейка» виляет, И Марья Петровна сидит на капоте живая, И даже дыру на колготках уже зашивает.

ДЫРА

 $9.9 \sim \infty$

В кармане моём завелась мировая дыра. Она поглощает монеты, ключи et setera По длинному списку условно полезных вещей, Которые носят обычно в карманах плащей. Но, кажется мне, исчезают не только они, А более ценные вещи в отдельные дни. В дыру провалились профессии (кажется, три) И два языка иностранных (adieu, mon Paris) Пропала несносная спутница брака – свекровь, Любовные письма и собственно с ними любовь... И надо зашить бы дыру в подходящий момент, Но был в ней утерян и швейный, увы, инструмент. Растаяли нитка с иголкой, как лёд на жаре И, может быть, скоро сама я исчезну в дыре: Уйду сквозь неё безвозвратно в другие миры Туда, ёлки-палки, где точно не будет дыры.

ЁЛКИ-ПАЛКИ

В густом лесу стоит огромная ель. Баба Яга одиноко грустит под ней И курит коктейль Из еловых шишек, грибов и сушёных змей. Яга ворчит: всё меньше елей в лесу. Зайцы сбежали в поля, давно не сидит Комар на носу, Змеи вышли к людям, им лечат радикулит. – Помню, здесь ругался залётный ямщик, Орал «ёлки-палки» и много обсценных слов, Что значат «кирдык» Всем потерявшимся в царстве еловых лесов. Да не ступит сюда живая нога! Не лезь, человек, в этот медвежий угол! Не знает Яга Ещё, что ель её сфотографировал Гугл. Скоро к старейшей ели в этих лесах Поедут люди, пройдёт через лес шоссе И будет в кустах Делать мази из жаб Яга, торговать, как все.

ЖАБА

Жаба степенно прыгает вдоль пруда.
Видит хохочущих девушек с лилиями в волосах.
Жаба грустит: «Я ведь ещё молода».
Думает: «Надо худеть». «Надо худеть!» — стучит у неё в висках.
Трудно быть милой, если талии нет,
Рядом с такими дивами, что здесь затоптали сныть.
Никто в честь тебя не напишет сонет,
Никто не полюбит такую — захочет лишь раздавить.
Но тут, приметив её, запел самец,
Что твой Каррерас, качаясь на ниточках лап.
Толстый, смешной... Какой ни есть, но купец.
А золото — самая толстая жаба из жаб.

88

30ЛОТО

 $\Theta \Theta \Theta$

Мальчик Конрад играет возле ручья. Жёлтый камень сверкает в прозрачной воде. У сына фермера нет никакого чутья Пока на богатство, живущее в этой среде. И ты обещаешь подружке своей: – Вырасту, купим колечко, как у Марго. Золото, Конрад, само выбирает людей И любит смеяться над теми, кто ищет его. Двери амбара хлопают в темноте. Камень! – лучшей подпорки тебе не найти. Три кэгэ золота во всей своей простоте Три года лежат под ногами у всех на пути. Потом придут другие, будут искать То, что кому-то досталось само собой. Но фортуна приласкает не всю эту рать. В империи золота не каждый солдат – герой.

ИМПЕРИЯ

В империи – многих разных устоев Важнее войска и военная мощь... Почётно, значит, растить героев, Но лучше воспитывать дочь.

Но у каждой империи Есть провинция Та, что у моря, смотрит в щёлку двери и Мечтает порвать с метрополией из принципа.

Она вознеслась над крутым обрывом, Считает суда, стережёт горизонт. Видит – вот ветер резким порывом В море чей-то уносит зонт. У берега тьма полезных ионов, Фитоницидов и прочих щедрот. Море вдыхает запахи склонов, Взамен выдыхает йод.

Обрастая маслинами, Заборчиками, Склон пахнет маслами, древними винами, И кивают морю синие колокольчики.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

По ком звонят колокольчики В регулярных парках, садах и лугах, Качаясь на тонких ногах, Растопырив лепестков голубые кончики? Звонят и бренчат, как тоскливый дутар По эльфам, уснувшим в чаше цветка алтея, По двум муравьям, тянувшим травинку, потея, По бойкой пчеле, несущей в улей нектар.

Кто из них доживёт до зимы, до преклонных дней? Их жизнь короче самой короткой малости. Буддистский монах подметает тропинку из жалости К муравьям; но он не один, кто пройдёт по ней. Мотылёк на пламя зажигалки/костра летит, Пчела не вытащит жало из чьей-то пятки... Небо не рухнет на землю, и мир в порядке, Но колокольчик в саду надрывается и звенит По всем, кто меньше пальца твоей руки. Девчушка сорвала цветок, делает селфи... Осиротевшая королева эльфов Смахивает ладошкой слезинку с щеки.

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

ЛЮБОВЬ СЫЗНОВА

(Роман Михеенков, Страсти-мордасти. Три истории о любви. По оригинальной пьесе Натальи Гринберг. Фильм. – ROMMIPRODUCTION, 2021)

Я уже писал раньше о пьесах Натальи Гринберг – и, помнится, пожелал автору, чтобы её драматургические творения поскорее были поставлены на сцене, ибо они этого заслуживают. Получилось даже лучше: кинорежиссёр Роман Михеенков, известный ещё и как превосходный прозаик, экранизировал, пожалуй, самую смешную и забавную пьесу Натальи – «Ровесники – Ровесницы». А «вторым режиссёром» этого фильма, который получил название «Страсти-мордасти», оказалась жизнь.

В самом начале съёмок разразилась пандемия ковида, затруднившая передвижение съёмочной группы. И тогда режиссёр Михеенков принял неординарное решение: он перенёс действие картины в ситуацию пандемии и самоизоляции. Герои фильма общаются между собой не в кафе и не в гостях у друзей, а... по интернету. Хотели правду жизни? Получите! Пандемия помогла режиссёру сделать из театральной пьесы киносценарий и снять по нему достаточно бюджетный фильм, лишний раз подтвердив, что абсолютного зла в мире не существует.

У Михеенкова получился своего рода гибрид театра и кино. «Закрытые» сцены перебиваются роскошной природой Флориды и морского побережья. А Роман Михеенков выступил ещё и в роли... композитора картины, снабдив её чувственной музыкальной лирикой. Эта музыка напоминает мне Дебюсси с элементами джаза. А ещё фильм Михеенкова воскрешает полузабытую традицию мировой киноновеллистики. Вспоминается в этой связи знаменитая картина «Три шага в бреду», где три новеллы Эдгара По снимали три разных режиссёра — Роже Вадим, Луи Маль и Федерико Феллини. А вот Роман Михеенков управился один. Да ещё и музыку сочинил.

Любви все возрасты покорны. Удлинение продолжительности жизни привело к тому, что у людей появилась возможность начать жить заново в преклонном возрасте. Пойти в школу, влюбиться и т.д. То есть происходит, в сущности, возвращение юности, романтика поисков партнёра, «любовь сызнова». Потребность во внимании и любви непреходяща! В фильме задействованы выдающиеся российские артисты старшего поколения. Некоторых из них мы помним по таким гремевшим в своё время кинолентам, как «Кавказская пленница», «Три мушкетёра» и др. Наталья Варлей, Валерий Гаркалин, Владимир Долинский, Алёна Яковлева, Ольга Прокофьева, Валентин Смирницкий, Ольга Хохлова с удовольствием сыграли влюблённых. Сценическая жизнь в стиле «головы профессора Доуэля» потребовала от актёров несколько иной игры, чем обычно. Требовалось обратить особое внимание на мимику и выразительность голоса. Думаю, актёрам тоже был интересен такой необычный опыт.

Наталья Гринберг – драматург большого эмоционального диапазона. Она пишет и «умные» пьесы, и весёлые, и грустные, и экзистенциальные. А чаще всего всё это присутствует у неё «в одном флаконе». Что и демонстрирует нам фильм «Страсти-мордасти».

Ловелас Виктор настолько уверен в своей мужской неотразимости, что предлагает женщине стать его «пятницей». Он, конечно, не «Робинзон» – женщины на другие дни недели у него уже есть. Подобное предложение обидно для любой женщины: его достаточно, чтобы любовь естественным образом трансформировалась в ненависть. Гринберг поднимает здесь проблемы философии любовь. Любовь – высокое чувство, однако оно – собственническое. Попытка марксистов привнести в государство свободную любовь с треском провалилась. И хорошо. Любовь человека к человеку стала островком идеализма в материалистичном мире. Любовь стала богом. Современный человек не готов разделить любимого человека с другими. Замечу, исключительно в области интимных отношений. Хотя многие супруги закрывают глаза на шалости своей второй половины. Но идеалисты, а их — большинство, даже саму возможность измены встречают в штыки. Это представляется любящему «оскорблением бога».

Хорошая драматургия – это, прежде всего изменения состояния героев. Только что тебе было хорошо – а спустя мгновение уже плохо. А ещё через мгновение опять может быть хорошо. Наталья Варлей и Владимир Долинский замечательно ведут линии своих героев. Искренне веришь в то, что Виктор, герой

Долинского – отпетый развратник. Зритель сочувствует, как мне кажется, женскому взгляду на любовь. Хотя, в сущности, здесь транслируется мужская мечта о полигамных отношениях. И, как гром среди ясного неба, в финале этой истории звучит сообщение подруги главной героини фильма (Алёна Яковлева) о том, что у Виктора была совсем другая, неожиданная причина для любовной бравады.

Наталья Гринберг использует здесь хорошо известный (например, по «Мышеловке» в «Гамлете») приём «театра в театре». То, что это был театр, выясняется только постфактум. И женщина, только что проклинавшая неверного возлюбленного, видит свои отношения с Виктором в новом свете. Такие «американские горки» эмоций устроили нам драматург и режиссёр. Надо сказать, что фильм плотно придерживается авторского текста Натальи Гринберг. Пожалуй, единственная «вольность», которую позволил себе режиссёр – он поменял последовательность новелл Натальи.

Изначально жанр пьесы – «три истории любви». Триада приводит к симфоническому звучанию этой вечной темы. Сюжеты Натальи Гринберг порой анекдотичны. Невозможно без смеха слушать, как женщина в возрасте рассказывает подруге о своей девственности. Автор рассказывает интимные подробности из жизни героев с целомудренной улыбкой. Девственность, импотенция – всё это ещё не приговор любви. Вторая новелла («Одна на тысячу») стоит особняком по части интимных подробностей из жизни героев, которые они сообщают зрителям. Герои превозмогают невзгоды. И название фильма – «Страсти-мордасти» – взято Романом Михеенковым именно из этой новеллы. Сам текст Натальи Гринберг настолько хорош, что позволяет снимать кино в минималистской манере.

Интересна и загадочна финальная фраза этой одноактной пьесы. Мужчина и женщина (Валерий Гаркалин и Ольга Прокофьева) разгадывают кроссворд. Складывается впечатление, что они же — и авторы этого кроссворда. И финальным аккордом звучит «риторическая» русская пословица, не требующая ответа разгадыванием: «Как бедному жениться, так ночь коротка». Вечно человеку чего-то не хватает для счастья, но иногда нужно просто изменить ракурс, и, казалось бы, непреодолимые препятствия оказываются неважными, если люди любят друг друга.

Любовь человека к человеку многогранна. Иногда это высокое чувство. А порой – смешное и курьёзное. Чем её наполнишь – такой она и будет. Крупный план, которым снята значительная часть фильма, помогает лучше понять чувства героев. Всё написано у актёров на лице.

Из трёх новелл Натальи Гринберг настоящим хэппи-эндом заканчивается только одна и именно её режиссёр поставил последней. Всё должно закончиться победой любви! Но у кинорежиссёра — и другие задачи. Во-первых, ему, конечно, хотелось, чтобы в заключительной новелле снова появились сквозные персонажи из первых двух новелл. Во-вторых, счастье так редко встречается в реальной жизни. Реалистичнее, если оно со всех сторон окружено любовными неудачами. Тем более что неудача в любви — вещь относительная. Это просто несинхронность чувств.

Если нет гармонии между мужчиной и женщиной – лучше искусственно её не насаждать. Одиночество тоже может быть хэшпи-эндом, если альтернатива ему – непонимание и конфликты. «Быть или не быть» в любви часто звучит как «простить или не прощать?». Кто-то из героев овдовел, а кто-то просто одинок, и все они ищут себе пару. Самая «обидная» помеха счастью – тараканы в собственной голове.

Драматурга интересует жизнь во всех её проявлениях. Интерес и любовь к жизни питают её творчество. Язык автора богат и афористичен. Вот яркие примеры такой словесной изобретательности. «Время разбрасывать камни, а время их выбрасывать». «Вот ты и доблюла себя до шестидесяти пяти годков». «Первопроходец должен тараном прочистить путь к женскому сокровищу».

Хочется ещё сказать о том, что Наталья Гринберг блестяще воссоздает атмосферу и быт эмигрантской жизни в Америке. Русские эмигрантские сообщества десантировали за границу советские традиции и обычаи и, конечно, главные праздники: Новый год, День Победы. Такие сообщества по интересам – важная часть эмигрантской жизни. Сквозные персонажи Натальи Гринберг, кочующие из новеллы в новеллу, символизируют единство этого культурного пространства.

От редакции: Когда номер «НОС» уже ушёл в вёрстку, американский телеканал RTN любезно открыл доступ к фильму «Страсти-мордасти» на youtube:

https://youtu.be/RqY43AQYu2A

Альтернативная ссылка для просмотра фильма:

https://youtu.be/YHLmTWs0mhA

A прочесть пьесу мы предлагаем прямо в нашем журнале.

НАТАЛЬЯГРИНБЕРГ

РОВЕСНИКИ – РОВЕСНИЦЫ Три истории о любви

Действие происходит в наши дни в курортном городке Санни-Айлс-Бич штата Флорида, в районе большого Майами. Все действующие лица, кроме валета — иммигранты пенсионного возраста, уехавшие из бывшего СССР около сорока лет назад.

Бит (beat) — короткая пауза.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БЕЛЛА: состоятельная вдова, 65-70 лет. Коллекционирует современную живопись. Иммигрантка из Белоруссии. «Г» выучилась произносить по-московски.

ЛЕНА: её подруга и ровесница, вдова из Украины, практикующий семейный врач.

ШУРИК: вдовец, иммигрант из маленького белорусского городка, мягко произносящий букву «г». Не красавец и не урод, одет обычно.

ИЛЬЯ: вдовец, иммигрант из Петербурга. Бывший инженер. Молодящийся стиляга.

ВИКТОР: бывший инженер-электрик, одинокий симпатичный мужчина, полный энергии.

ГЕРМАН: жизнерадостный пенсионер.

НИНА: одинокая женщина.

ИРОЧКА: вдова из Одессы. Любит бравировать одесским акцентом, особенно «шо».

САНЯ: вдовец.

ГАЛЯ: одинокая женщина, никогда не бывшая замужем, лет на десять его моложе.

ГОСТЬ 1 и ГОСТЬ 2: Немолодые люди любого пола.

ГОСТИ: иммигранты обоих полов и любого возраста. Количество – по усмотрению режиссера.

РАБОТНИК БИБЛИОТЕКИ.

СЛУШАТЕЛИ В БИБЛИОТЕКЕ: больше женщин, чем мужчин. Количество – по выбору режиссёра.

ВАЛЕТ: обслуживающий персонал здания. Крепко сложенный мужчина лет 30-40.

ХРИЗАНТЕМЫ В САДУ

Действие происходит 9 Мая, в День Победы, в одной из квартир многоэтажного дома на самом берегу моря. Сцена разделена ширмой. В левой части — комната с празднично накрытым столом. В правой — кухня со столом продолговатой формы.

CHEHA I

На кухне.

Зажигается свет на кухне. Входит Белла, берёт со стола передник и не спеша начинает его надевать, напевая арию «Сердце красавицы склонно к измене» из оперы Верди «Риголетто». Входит Лена, с большой хозяйственной сумкой.

БЕЛЛА. Ну, ты даёшь! Начну приглашать на полчаса раньше, чтобы, может быть, пришла вовремя. (Смотрит на сумку.) Все уже сели за стол, слюнки текут, а главной закуски нет. Что нашим салат с креветками! Что им другие берега! Наш адрес не дом и не улица, наш адрес – салат «Оливье»! (Заговорщицки). Сегодня несколько новеньких, но он (бит) – большой любитель «Оливье».

ΛΕΗΑ (Достаёт из сумки и ставит на стол большой пластиковый контейнер). Надеюсь, хватит. В какую салатницу? БΕΛΛΑ. Сейчас подберу самую-самую.

ЛЕНА. Так у тебя всё самое-самое.

БЕЛЛА. Сегодня должно быть «самее». Хочу, чтобы он настроился на правильную волну. (Выбирает одну из трёх стоящих на столе салатниц и любуется ею).

АЕНА (Пытается снять пластиковую крышку с контейнера). Да брось! Ты как будто тащишь кобылу к жеребцу на случку. Я думала, ты шутишь. А чем он тебе самой не приглянулся?

БЕЛЛА. Он обожает медведей Шишкина.

АЕНА. А мне, значит, любитель Шишкина сойдёт?

БЕЛЛА. Не дури мне голову! Шишкин — тоже хороший художник. Для многих. (Бит). Дай сюда. (Забирает контейнер и перекладывает содержимое контейнера в салатницу). Моё дело — честь предложить, а твоё... Заперлась в своём тереме и плачешь в тряпочку. Я тебе сочувствую, но Горыныча с того света не вернёшь. Ты ведь пока ещё ничего, есть ещё порох в пороховницах, а засидишься в девках-вдовушках — так и помрёшь одна; некому будет и воды подать.

ЛЕНА *(Силится закрыть пустой контейнер).* Да что ты заладила: некому воды подать, некому воды подать. Найму подавальщицу, а ещё лучше − подавальщика. Он мне не только воду подаст. *(Крышка, наконец-то, захлопывается к радости Лены).*

БЕЛЛА. Ага, а потом ещё обдерёт, как липку. Будет обхаживать, а когда совсем крыша поедет, напишет новое завещание, по которому он – наследник, и ты всё подпишешь. Да, конечно, подпишешь! Мы ж все к этому моменту соображать перестаём. И ты перестанешь, и, как миленькая, подпишешь. И де-ню-ж-ки тю-тю.

АЕНА. И подпишу. Ну и что? Зачем мне деньги после смерти, а у детей и так всё есть. (Ёрничая) Зато подавальщик мне улыбаться будет и, может быть, делать ещё кое-что, кроме улыбки...

БЕЛЛА (Вытирая руки о передник). Боже, да кому мы, старые кобылы, нужны.

АЕНА. Вот и договорились. (Берёт со стола ложку и активно жестикулирует его во время разговора). И совсем я не пороховница с порохом, а старая кобыла. И никому я не нужна, и поэтому твой любитель «Оливье» пусть катится в тартарары...

(Белла следит за траекторией ложки, от которой время от времени отлетает прилипший салат).

АЕНА. Да не беспокойся ты так. Буду вести себя прилично, но знакомиться для хм... Ну, ты меня понимаешь... Знакомится для «финтифлятва» не буду. За-вя-за-ла. Завязала. Есть время разбрасывать камни, и есть время их выбрасывать. Есть время собирать знакомых, и есть время выбирать из них. (Бит). Как тебе мой библейский стиль? (Усмехается, потом, нарочито скромно) А здесь я просто твоя подруга. Просто пришла отметить День Победы, и просто принесла свой скромный «Оливье». (Нормальным голосам) И вообще, поставь блюдо на стол и не говори, кто его сделал. Подумаешь, «Оливье»!

БЕЛЛА (Выбирает, куда воткнуть ложку в салат). Подумаешь... Это вам не просто «Оливье», твоё «Оливье» оливьее всех других «Оливье». Какой-то там секретный ингредиент, свежий огурец, что ли? (Пристально смотрит на ложку) Слишком ты какая-то никакая, ну, прям, наш Шурик! (Отбрасывает её на стол, как неподходящую).

ЛЕНА. Зачем ты так... Он же наш! Не всем же стихи писать.

Белла спохватывается, что сказала лишнего и начинает перебирать серебряные сервировочные ложки и вилки, лежащие на столе.

АЕНА (*Ехидно*). Надо быть проще, как американцы. Положить на стол скромный сухарик, зубы сломаешь, счастье дантиста, и кофе в бумажном стаканчике...

Белла, которая к этому моменту уже сделала выбор, застывает с занесенной над салатом ложкой.

ΛЕНА. Да шучу я**,** шучу.

IIз столовой доносится лёгкая джазовая музыка и голоса гостей. «Передай», «да, да», «вот тот», «синенький» и т.д. Белла снимает передник, несёт салатницу с «Оливье» в столовую. Лена следует за ней.

СЦЕНА II

В столовой.

Свет на кухне гаснет, а в столовой зажигается. Войдя в столовую, Лена застывает при виде сидящего за столом Ильи. Он бросает на неё взгляд, отвлекаясь на церемонию водружения на стол салата «Оливье». Его взгляд скользит по гостям и опять попадает на Лену. Он морщит лоб, припоминая, и озадаченно смотрит на неё.

 Λ ена садится возле Шурика и, манипулируя салфеткой, подглядывает за IIльёй.

ШІУРИК (Встаёт, поднимает бокал вина, мямлит что-то, откашливается. Все гости тоже поднимают бокалы). Так вот, я скажу. Не хотят наши дети, а о внуках и правнуках уже и не говорю, да что там... Внуки, да они даже... Американские рабы, и рабство их интересует больше, чем... Вот моя жена покойная, пусть земля ей будет пухом, например, во время войны... Или я, вот тоже...

ГОСТЬ 1. Шурик, ближе к теме, а то рука бойца колоть устала. (Смотрит на свой поднятый бокал).

ЛЕНА. Да дай ты ему высказаться. Он, в конце концов, всегда доходит до кульминации.

ГОСТЬ 2. А с чем эту кульминацию кушают?

ИЛЬЯ (Наставительно). Не кушают, а едят.

ГОСТЬ 2. Опять ты начал!

ИЛЬЯ. Не начал, а начал.

ГОСТЬ 2. Сразу видно, из столиц. Они покушать без поправок не дадут!

ИЛЬЯ (Раздражённо). Поесть!

 Λ ена бъёт вилкой по бокалу, пытаясь прекратить препирательства и обратить внимание на $\coprod$ урика.

ШУРИК. Я вот что хочу сказать. В эвакуации мама приносила для меня пшёнку с завода в кармане. Ей на обед был положен суп с пшёнкой. Юшку съедала, а пшёнку прятала для меня. Вот как. А теперь, посмотрите... Новое поколение...

Некоторые гости ставят свои бокалы на стол. Кто-то демонстративно кладёт локти на стол, хватается за голову... Гости шумят. «Ну, как всегда», «Это на полчаса, поверь мне!», «Я выйду покурить», «Так ты ж не куришь», «По такому поводу — закуришь!».

АЕНА. Да дайте человеку слово сказать! Совесть имейте! (Шум чуть стихает, но не прекращается. Лена кладёт закуску в тарелку, пробует и ищет что-то на столе. Обращается к Белле). Ой, соль надо поставить. БЕЛЛА. Я сейчас...

ЛЕНА. Ты и так устала. Сиди, сиди. Я схожу.

Шурик всё ещё стоит со своим тостом, но кто-то из гостей уже пробует вино, кто-то накладывает еду, кто-то начал есть. Лена встаёт и пробирается на кухню. Через мгновение Илья встаёт без объяснений и направляется за Леной.

СЦЕНА III

На кухне.

Свет в столовой гаснет, а в кухне зажигается. Музыка из столовой еле слышна.

АЕНА (Стоит, наклонившись над столом в поисках солонки, и напевает несколько строк из арии «Сердце красавицы склонно к измене». Обрывает пение на середине слова и выпрямляет спину). Чёрт, и что это за липучее сердце красавицы? И кто эта красавица? Кто красавица, я вас спрашиваю! И что осталось от её измученного сердца? А как насчёт мозгов? Оставит ли она их включёнными, или они вырубятся сразу, как по команде? И понесёт её, и понесёт... Как всегда. Женщина предполагает, а мужчина распола... У умных — песнь песней, а у меня — дура дурой. (Сгибается над столом).

ИЛЬЯ (Входит неслышно и секунду наблюдает за Леной, потом подкрадывается и проводит пальцем по её шее. Задорным голосом). А я всё думаю, ты или не ты? Вроде бы ты, да?

АЕНА (Не поворачиваясь, копирует его тон). А я всё думаю, это ты мне сейчас комплимент сказал или оскорбление? Вроде бы комплимент, да?

ИЛЬЯ. Опять ты за своё. Тридцать лет...

ЛЕНА (Разворачивается к Илье, Лицо каменное). Тридцать три...

ИЛЬЯ. Ну кто считает?

АЕНА. Я считаю. Каждый год считаю. Их было три, а потом будто и не было тридцать три. Вот так, вроде жила, а, вроде только ждала. Вот и дождалась... (Пмитируя Плью). А я всё думаю, ты это или не ты? ИЛЬЯ. Но ты же понимала, на что шла. Ну, перевели меня в Чикаго, а что мне было делать? Жену, детей и любовницу с мужем и детьми перевозить?

ЛЕНА. Да я не об этом сейчас и не о тебе.

ИЛЬЯ (Протягивает к ней руки. Нежно). Иди ко мне.

 Λ ена не меняет выражения лица и позы.

ИЛЬЯ *(Сжимает её плечо).* Да ладно, что ты, что ты? Что хорохоришься? Иди ко мне. Ну... Вот я. Ты ведь этого хотела? Не ври только себе. Не изображай недотрогу? А... Это же я. Иди сюда. Иди сюда. Ко мне. Леночка. Кисик, ну...

ЛЕНА (У Лены как будто вынули стержень из спины. Лицо её приобретает мягкость и нежность). Да ещё увидит кто-нибудь и настучит.

ИЛЬЯ. Не увидит. Трусиха ты моя. Иди сюда. (Обнимаются).

ИЛЬЯ. А, ты думаешь, я не скучал? Как жизнь меня за глотку схватит, так я всегда думаю о хорошем, как мы с тобой в первый раз... Помнишь? Ты зашла к нам, а Лины не было, а у тебя в халатике... Помнишь тот халатик? Мягкий такой, фланелевый, что ли?

ЛЕНА. Угу. Голубенький.

ИЛЬЯ. Голубенький. И путовица на груди почти отрывалась и в пространстве... Я как взглянул, батюшки...

ЛЕНА (Напевает детскую песенку, задорно). А пуговка не наша, сказали все ребята.

ИЛЬЯ. Наша пуговка, наша. Всегда наша. Моя пуговка. А ты-то как? Постоянно здесь или с твоим... перелётные птицы?

ЛЕНА. Корнями вросла – и ураган не выкорчует. Квартира у меня прямо через дорогу от пляжа.

ИЛЬЯ. О-ля-ля. А халатик есть?

ЛЕНА. А как же. И пуговка почти отрывается.

ИЛЬЯ. Ой, Лена, Лена да что ж ты со мной делаешь! Как же я до конца вечеринки досижу? (Спохватывается. Бит). А Горыныч! Он же...

АЕНА *(С горечью).* Горыныч? А может это я была Горынычем, а он – невинным козлёнком?

ИЛЬЯ. Да брось ты! Такого мудака ещё поискать надо. Как он тебя: «Ленка, сюда! Ленка, туда! Ленка, подай! Ленка, убери!».

АЕНА. Тебя послушаень, так я Фигаро работала по совместительству.

ИЛЬЯ. А я кем?

АЕНА. Керубино, конечно. Хорошенький, молоденький такой, невинный, а в последней пьесе трилогии это невинное создание графиню всё-таки трахнуло.

ИЛЬЯ. А если глаза закроешь, я всё ещё Керубино?

АЕНА. Посмотрим на твоё поведение. (Выскальзывает из объятия, поворачивается к столу и, после секундного поиска, поднимает вверх солонку).

БЕЛЛА (Голос из столовой). Да что ты там возишься? Нашла солонку? У тебя время растекается, как на часах Дали. (Заходит в кухню. Оценивает ситуацию). Вот и прекрасно. Не торопись. Возись, сколько хочешь. И вообще, соль вредна. (Разворачивается, чтобы уйти.)

 Λ ЕНА (к $II_{Лье}$). Ой, совсем забыла, я Беллочке должна помочь нарезать помидоры, а ты – ты вот, возьми солонку, а то там народ бунт поднимет. Иди, иди, мы придём через минуту.

ИЛЬЯ (Нарочито кланяется). Слушаюсь и повинуюсь. (Уходит).

БЕЛЛА (Жестом в сторону ушедшего Ильи). «Ты»?

ЛЕНА. Что «ты»?

БЕЛЛА. Да ты своих знакомых годами на вы называешь, а здесь сразу «ты». Как он тебе?

ЛЕНА (Берёт со стола полотенце и вытирает свои сухие руки, не глядя на Беллу). Илюша?

БЕЛЛА. Вот так просто, запанибрата – Илюша. На секунду оставила двоих... А ты говорила, кобылу к жеребцу на случку тянуть. Здесь не тянуть, а оттягивать скоро надо будет.

АЕНА. Так это он! Вдовец? *(Отбрасывает полотенце на стол.)* Как же это я два и два не сложила! Песнь песней, а я... Боже мой, боже мой.

БЕЛЛА. Птичку жалко? Конечно, вдовец, а иначе, зачем бы я вас знакомить задумала.

ЛЕНА. Так это с ним! Значит, Лиза умерла! Бедная женщина. Знала бы ты, какая она была чудесная. Красавица, умница, чистюля. И пир горой приготовит, и детям сочинение проверит. Мой рецепт «Оливье» – её. Боже, как ты меня расстроила. А когда и от чего?

БЕЛЛА. Года четыре назад. А от чего...

АЕНА (Хватает со стола полотение и энергично вытирает руки, не глядя на Беллу. Вскрикивает). Четыре? Целых четыре года! Четыре года!

БЕЛЛА (Выбирает из вазы помидор и аккуратно нарезает). А он всё распродал в Чикаго и сюда перебрался. Теперь жених. Одним потеря – тебе находка.

 Λ ена отбрасывает полотение на стол, и край попадает на нарезанный помидор.

БЕЛЛА (Пзображает строгость). Ты мне здесь дизайн не порть! Смотри, куда бросаешь. Сплошная антисанитария. (Выбрасывает ломтики помидора в мусорный ящик). Что ж теперь делать? Да, она была замечательная. Да. Была. Была – в прошедшем времени. А ты есть, в настоящем. Когда чудесные уходят, они оставляют место пустым. Это место для тебя. Ты тоже чудесная.

ЛЕНА. Не-е-ет.

БЕЛЛА. Что нет! Что нет! Не нравится он тебе? Минуту назад почти финтифлялись, а сейчас «не-е-ет». Две ноги, две руки есть? Ставь птицу. Волосы на голове ещё кой-где торчат? Птица. «Кушать» от «есть»

отличает? Ещё одна птица. Книжки читает, на тротуар не плюет. Смотри, сколько птиц! Что ещё надо в нашем возрасте? В чём проблема? Он же вдовец и только-только траур закончил.

ЛЕНА (Замирает). Только-только! Четыре года – только-только? Четыре года! Невероятно. Не один, не два, и даже не три... Четыре! (В сторону, себе) А я его жду и жду... Полжизни жду. Вхожу в положение: жена, дети, семья, устой, привычки, скатёрки, этот чёртовый салат «Оливье» ... Какие песни он мне раньше пел: ах, если бы я был одинок, ах, если бы я встретил тебя первой, ах, если бы... Так вот, «если бы» случилось. Четыре года назад случилось. Давно могли бы быть вместе, но... Песнь песней, а Керубино... Предатель! (Обращается к Белле) И что: он четыре года туда-сюда, по бабам бегал, а теперь мне на грабли наступать? Четыре года! Американский колледж заканчивают за четыре года!

БЕЛЛА (Вытирает запачканные руки помидором). Прекрати! О чём ты? Кого он предал? Какие бабы? Брось. Порядочный и интеллигентный мужчина. Какой предатель? Какие грабли? Он вдовец, ты вдова. Живые должны жить. Начинайте! Смотри, как ты ему понравилась. Уже и слушается тебя. Идеальная пара.

ЛЕНА. Идеальная пара? (Начинает нервно ходить) Идеальная пара! (Останавливается возле Беллы) Да брось ты эти помидоры. Брось! Всё! Баста! Я себе другую идеальную пару сделаю. Идём в столовую, а то Шурика заклюют до конца тоста.

БЕЛЛА. Да козёл он, наш Шурик! И что ты с ним всегда возишься и защищаешь. Двух слов связать не может. Мееее, бееее.

ЛЕНА (Пауза. Глубоко дышит). А я с ним молчать буду. И ходить по набережной в тишине. Я теперь честное молчание керубинству предпочитаю. И вообще, почему козёл хуже жеребца? Самец он и есть самец. А Шурик – не козёл.

БЕЛЛА. Не козёл?

ЛЕНА. Козлик он. Бедный козлик. Хлебнул водицы из лужицы – и в козлика превратился.

Из столовой доносится романс «Отувели уж давно хризантемы в саду».

ЛЕНА (Решительно). Ох, уж мне эти хризантемы! Да не отцвели они, не отцвели ещё. А что? Почему бы и нет! Пойду их с козликом есть и кушать, кушать и есть, обгладывать, общинывать, разрывать, обрезать и взрывать... Короче, чтобы и отцветать на фиг нечему было.

Белла усмехается. Они переходят в столовую. Свет в кухне гаснет, а в столовой включается, и шум говорящих гостей усиливается. Λ ена дотрагивается до плеча Шурика. Он оборачивается, и оба с удивлением и нежностью смотрят друг на друга.

ЛЕНА. Хватит грустных песен! Наполняйте бокалы! У меня тост!

Все разливают напитки по рюмкам и бокалам.

ИЛЬЯ. Ждём с нетерпением!

АЕНА. Мы празднуем День Победы. Нашей большой общей победы. А у меня ещё сегодня день моей маленькой, но очень большой победы. Огромной!

Илья улыбается.

АЕНА. Сегодня я поняла, что такое счастье. Это не успехи в карьере, не взаимная любовь. Для счастья достаточно, чтобы тебя просто не предавали. Предательство отравляет душу. Предательство разрушает личность. Последние тридцать три года я жила в предательстве, а сегодня стала свободной. Это моя победа! Выпьем!

Илья хмурится. Все выпивают. Белла усмехается.

БЕЛЛА. Вау, дорогая!

САНЯ. Не знаю, о чём ты, но ура!

ШУРИК. Ура! Ура! Ураааа!

АЕНА. Шурик, я смотрю, у тебя «Оливье» закончился. (Кладёт ему ложку салата в тарелку.)

ШУРИК. Спасибо, Леночка!

I Ілья становится совсем мрачным, поднимается со стула и, пытаясь понять своё неожиданное поражение, переводит вопросительный взгляд с Λ ены на Шурика, потом опять на Λ ену и замирает.

Свет в столовой гаснет и играет советская песня военных лет по выбору режиссёра, возможно «Гадам нет пощады» (Музыка А. Островского, слова И. Финка и М. Червинского, 1942).

ВЕНЕРА НА ПЯТНИЦУ

СЦЕНА І

В зале библиотеки. Объявление на сцене: «Встреча с писательницей Людмилой Штерн». К сидящей на стуле Белле подходит Виктор.

ВИКТОР (Указывает на место рядом). Свободно? БЕЛЛА. Да, да.

Виктор усаживается и осматривает пришедших зрителей, кивая знакомым, потом поворачивается к Белле.

ВИКТОР. Вот не суди – и не судим будешь.

БЕЛЛА. А?

ВИКТОР. Это я так, про своё бормотал. Любят некоторые косточки перебрать знакомым, особенно тем, кому завидуют. Я это хребтом чувствую, а потом целый день хожу на взводе. Им что? Легче станет жить, если мне будет плохо? Извините, не представился. Меня Виктор зовут.

БЕЛЛА. Как я вас прекрасно понимаю! Завистник – это как комар в комнате, когда лёг спать. Жужжит, кружится и всё ищет, где бы укусить, а ты укрываешься с головой и надеешься, что он или улетит, или через одеяло тебя не достанет, но потом...

ВИКТОР. Но потом под одеялом становится жарко, ты его откидываешь и только начинаешь наслаждаться тишиной и воздухом, а комар уже из тебя кровь сосёт.

БЕЛЛА. Victor – победитель значит. Виктор...

ВИКТОР. Виктор Иосифович, если полностью, но для своих – просто Витя. Новенькая здесь?

БЕЛЛА. В этой библиотеке? Да. А как вы догадались?

ВИКТОР. Вот такой я смекалистый. Не обращайте внимания, это у меня с детства. И потом, вас трудно не заметить. Такая милая и приятная дама. А как вас зовут?

БЕЛЛА. Изабелла Борисовна.

ВИКТОР. Красивое имя. Вам очень подходит. (Пауза) У вас кресло – раскладное какое-то, твёрдое на вид. Пойду поищу для вас что-нибудь помягче. У меня здесь заначка есть.

БЕЛЛА. Да что вы, что вы!

Виктор уходит искать кресло. Шум собравшихся людей усиливается.

ВИКТОР (Приходит через 10 секунд без кресла). Всё разобрали или перепрятали. Ничего. Вот вам моё мягкое, а я на вашем. Мне приятно будет, что вам комфортно, Беллочка.

БЕЛЛА. Ну что вы, что вы, я не хочу вас затруднять.

ВИКТОР. Никаких возражений. Вы же дама. Я по-другому не могу; не так воспитан. (Подаёт Белле руку, помогает ей пересесть на своё кресло, а сам садится на её стул). Вот теперь всё правильно. Вы здесь с кем-то?

БЕЛЛА. Подруга в последний момент отказалась. Сказала, что давление поднялось. Может, и поднялось. ВИКТОР. Оно и к лучшему. Это судьба нас посадила рядом. Вот мы и разговорились. (Достаёт из сумки бутылку воды и протягивает Белле). У меня ещё одна бутылка есть.

БЕЛЛА. Спасибо. (Берёт бутылку). Ах... Вы так внимательны (подсмеивается). А вы Фолкнера читали? ВИКТОР. И Штерн тоже.

В зал заходит несколько немолодых женщин. Среди них Нина.

НИНА. Привет, Витенька! Рада тебя видеть. (Наклоняет голову в бок, осматривает Беллу, но не приближается. Улыбается, подмигивает Вите и садится с группой женщин, с которой пришла).

Белла и Виктор тихо разговаривают, но зрителям не слышно, о чём. Приходит ещё несколько человек. Среди них Ирочка. Она подходит к Виктору.

ИРОЧКА. Ой, Витёк! (Наклоняется и целует Виктора в щёку). Ты же наше сокровище! Ах, как приятно видеть тебя сегодня. (Слово «сегодня» произносит значительно. Молчит секунду, потом вздыхает). Ай... не буду тебе мешать. Ты сиди, сиди, разговаривай, общайся. Получай удовольствие. (Машет ему до свиданья и садится в другой ряд). БЕЛЛА. Виктор Иосифович, так вы прямо первый парень на деревне!

ВИКТОР. Этого у меня не отнимешь. Скажу по секрету, у меня вообще ничего не отнимешь. Живу здесь

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

давно. Очень рад, что вы в наш полк прибыли. Мы живём здесь, как в пионерском лагере, но проказничаем ещё больше. Скучать не будете. Слово даю. А вы проказница?

БЕЛЛА. Смотря что вы называете проказами, но скучать не люблю.

На подиум выходит работник библиотеки и откашливается.

ВИКТОР. Мы после лекции поговорим и, если не возражаете, я вас домой провожу.

БЕЛЛА. Я на машине приехала.

ВИКТОР. Тогда до машины, и будем считать, что в условиях загнивающего капитализма «проводил до машины» приравнивается к «проводил домой».

Белла улыбается и кивает.

СЦЕНА ІІ

B квартире Беллы. Стены завешены картинами советских художников-нонконформистов.

БЕЛЛА. Нет, я же не наивная молоденькая дурочка.

ЛЕНА. Конечно, нет. Ты − наивная старая дура. И я − тоже.

БЕЛЛА. И опять ты со своей ложкой дёгтя. Да откуда он знает, сколько у меня миллионов. Он вообще думает, что я скромная пенсионерка из Гомеля, недавно переехавшая во Флориду, которой богатая подружка разрешила пожить в своей шикарной квартире. Зачем мужчину пугать? Если у них на доллар меньше, чем у тебя, они сразу чувствуют, как будто ты их жестоко и с пристрастием кастрировал.

ЛЕНА. Люди о нём поговаривают. Знаменит он в Санни-Айлс, как лис в курятнике. Ох, любит он за юбками волочиться.

БЕЛЛА. Лучше было бы, если б он за брюками волочился?

ЛЕНА. А может, он в те же игры играет, что и ты, а сам богатый плейбой.

БЕЛЛА. Не-е. Да что ты. Он обеспеченный, но скромный инженер-электрик на пенсии. Ничего более. Во-первых, сумка у него была из искусственной кожи, а, во-вторых, подкатывал бы богатый плейбой, даже за семьдесят, к своей ровеснице? У них каждый миллион уменьшает возраст подруги, по меньшей мере, лет на десять. Я бы бабушкой ему показалась, а не желанной женщиной.

АЕНА. Так уж и желанной. Может быть, он такой обходительный со всеми, просто хорошо воспитан. БЕЛЛА. Ты бы видела, как он на меня смотрит. Его глаза лучатся... Он долго взгляд не отводит. Возраст всё-таки. А он смотрит с радостью, и ты вдруг понимаешь, что там внутри у тебя всё прекрасно, и он купается в этой твоей скрытой внутренней красоте. И от этого в груди у тебя распускается бутон, каждый листик расправляется в его сторону, как к солнцу... Понимаешь? Это абсолютно необыкновенное чувство. АЕНА. Бутон, листик... Так ты и поэтом скоро станешь на этой почве. Да ладно, портить настроение тебе не буду. Поживём – увидим. А покупку показывать-то будешь? Где же ты её, бедненькая моя, повесишь? Со стеноместом у тебя напряжёнка. Можно, конечно, любить искусство, но так! Если не шляешься по галереям, так уставишься в компьютер, как охотник в лесу, и выслеживаешь добычу. Вешать уже некуда! БЕЛЛА. Ну, надоедает мне смотреть на одну и ту же картину. Это ж скука. Жуть! Надо их менять время от времени, чтобы глаз не уставал. Даже любимую картину уберёшь на время, а потом вынешь из запасника, и сердце от нежности и восторга замирает. Вот Шемякина, например, отправлю в запасник. Смотрю – и не вижу уже его цирк и гротеск, а как будто это обои, не заслуживающие второго взгляда. А новую – повещу вместо Шемякина.

Белла уходит в другую комнату и приносит большую картину в покрывале. Ставит к стене и раскрывает.

АЕНА (грамко и медленно). Oh, myGod! Так это ж Василий Ситников! Тот Ситников! Которого мы с тобой... Как же ты это сокровище смогла заполучить? Это ж, наверное, целое состояние теперь стоит.

БЕЛЛА. Положим, не целое, но и не три копейки – это уж точно. Знаешь, почему я это картину так люблю? ΛΕΗΑ. Hy?

БЕЛЛА. Это Ситников так свою учительницу математики видел. Обнажённой, в голубой дымке. Венера в тумане. Представляешь, стою я в Гомеле на уроке перед своим десятым классом в школе номер 15, а глаза моих учеников-мальчишек задумчивые такие, задумчивые, а они, оказывается, чертята, не над уравнением размышляют, а училку, меня, мысленно раздевают и любуются запретным яблоком. Это (показывает на картину) – памятник нашим молодым годам и мечтам. В голубой дымке.

СЦЕНА III

В квартире Беллы.

Белла и Виктор рассматривают громадный художественный альбом «Советское нонконформистское искусство», сидя на диване. Белла в тапочках с пушистыми помпонами.

БЕЛЛА. Это в арт-центре Форт-Лодердейла или Майами?

ВИКТОР. В Майами.

БЕЛЛА. Тогда мы должны выехать через десять минут, не позже, а то опоздаем, и Шуберта начнут без нас. ВИКТОР. Не начнут! Они всегда опаздывают. Это ж Флорида. Пляж, песок, пальмы, почти Латинская Америка. Время здесь – дело относительное.

БЕЛЛА. Я сейчас. (Уходит в другую комнату и приходит с несколькими платьями) Какое тебе больше нравится – это или это?

ВИКТОР. Ты это серьёзно?

БЕЛЛА. Только не говори, что ты в этом ничего не понимаешь.

ВИКТОР. Очень даже понимаю. Дай их сюда. (Берёт оба платья в руки. Переводит взгляд с одного на другое) Мой выбор... (Отбрасывает оба платья на кресло. Подходит к Белле и обнимает её) А, может, к чёрту Шуберта с его заунывной музыкой?

БЕЛЛА. Она жизнеутверждающая, и только иногда, как жизнь, печальная. Ты в такие моменты можешь поспать. Я тебя не буду осуждать.

ВИКТОР. Я бедного Шуберта только в личных целях использовал, чтобы дольше с тобой побыть без посторонних. Как же я под Шуберта смогу сделать так? (Кладет ей руку на ягодицы) Или вот так. Ведь все возмущаться начнут или давать советы.

БЕЛЛА. Неужели тебе не хватило того, что только что было?

ВИКТОР. Мне тебя никогда не хватает, даже когда ты рядом. Да ладно, выбирай любое и одевайся, а я пока тебе историю расскажу. Я думаю, ты готова.

БЕЛЛА (Уходит за ширму. Время от времени будет появляться её голова или слышно её «угу».) К чему готова? ВИКТОР. Я несколько лет назад узнал, что после войны мой дед был шнорером. Ты слышала когданибудь такое слово?

БЕЛЛА. Шнорер? Никогда.

ВИКТОР. Вот и я не слышал, а после его смерти одна знакомая как-то мне говорит: «Твой дед, как с войны вернулся, настоящим шнорером был». Это такие нищие, но аристократы среди нищих. Они на улице с протянутой рукой не стоят. У них другая тактика. Она рассказала, что дед мой всегда был чисто выбрит и одет в белую рубашку. К ним он ходил по пятницам, на шабат, а в другие семьи – по другим дням. Все чин чинарём, по расписанию, чтобы всем удобно было, чтобы готовились и его ждали. Так он им давал возможность выполнить мицву помощи бедным, соединиться с Богом, исполнив его заповедь. Разрешал им себя принимать и ухаживать за ним. А он им за это всякие байки рассказывал, на баяне играл, и песни пел. Все любили, когда он приходил. Даже еду и кой-какие деньги с собой давали. Все стороны были довольны. Хозяева чувствовали себя благородными и богобоязненными евреями, а дед мой жил – не тужил. Круговорот заботы и мицвы в природе.

БЕЛЛА (Выходит в новом платье и застёгивает серёжку в ухе. Подаёт Виктору колье и поворачивается к нему спиной). Интересно... Застегни, победитель ты мой.

ВИКТОР (Возится с застёжкой). Как тебе пятница?

БЕЛЛА. Хороший день. А что?

ВИКТОР. Я к тебе со следующей недели по пятницам буду приходить. (Пауза. Дышит ей в шею) Будем предаваться страсти и делать всё, что ты захочень. Буду твоим бойфрендом по пятницам. (Застёгивает застёжку и поворачивает Беллу к себе)

БЕЛЛА. Что ты такое говоришь? Это шутки у тебя такие? Прекрати немедленно! Тоже мне шнорер нашёлся

ВИКТОР. Беллочка, ласточка моя, не шучу я вовсе. Сумочку не забудь.

БЕЛЛА. Ты мне зубы не заговаривай. Что ты имеешь в виду, «по пятницам буду приходить и делать всё, что ты хочешь»? Обожди, обожди. (Садится в кресло) А чем ты в другие дни будешь занят? Ты же не работаешь, вдовец, живёшь один. А что, если я захочу тебя увидеть во вторник или четверг? А что если ты... если мы... Я что, не так тебя поняла? Мне казалось, очень даже сильно казалось, что ты чуть ли не влюбился в меня и страсть тебя переполняет так, что ты и дня без меня прожить не можешь? Это что было? Реклама? Ты что? Хочешь, чтобы я тебе платила по пятницам? Ты проститут?

ВИКТОР. Да что ты, Беллочка, говоришь! Какие деньги? Какой платёж? Мне нужна ты, твоя женственность, твоя мудрость, твоё обаяние. Я люблю твою силу и женские слабости.

БЕЛЛА (Вскакивает с кресла). Я, наверное, сошла с ума. Тогда при чём здесь пятница?

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

ВИКТОР. О, это самый лучший день недели, и я его для тебя приберёг. Он твой! (Делает жест, как будто передает ей шар).

БЕЛЛА. Такое впечатление, что ты мне сокровище подарил, а это пустой воздух в виде шара. У тебя что? Жена, может, где-то есть?

ВИКТОР. Уже тепло...

БЕЛЛА. Тепло? Бывшая жена?

ВИКТОР. Чуть прохладнее.

БЕЛЛА. Ты двоеженец?

ВИКТОР. Теплее.

БЕЛЛА (Отшатывается от него). Троеженец?

ВИКТОР. Теплее. Продолжай.

БЕЛЛА. Зачем продолжать? Так тоже достаточно.

ВИКТОР. Для кого достаточно? Беллочка, ласточка моя, здесь такая ситуация в нашем пионерском лагере, что мало кто поймёт, кто не в нашем отряде. Будут судить, не поняв, не вникнув. Ты только не волнуйся. Я люблю тебя, люблю. Присядь на секунду. (Усаживает Беллу в кресло).

ВИКТОР. Помнишь, как мы с тобой встретились, и как ты сказала, что я первый парень на деревне. Это так: первый я парень на деревне, но в деревне один я. Мужики постарше или вымерли, или уже не помнят, зачем женщины существуют. Вот я один практически и остался, и воюю за себя и за того парня. Мне всех одиноких женщин до боли в груди жалко, и я всех вас люблю и каждой уделяю хотя бы день в неделю. Её собственный день. Правда ведь, день — это лучше, чем ничего. А в другие дни у каждой и подружки есть.

БЕЛЛА. И ты, что, спишь со своими Понедельниками и Средами?

ВИКТОР. Это индивидуально, зависит он настроения женщины. Я никого не заставляю, а только служу и люблю. Исполняю любое желание. Бескорыстно, заметь.

БЕЛЛА. Это бред какой-то, бред сивой... сивого кобеля!

ВИКТОР. Беллочка, ну ты, как подросток с первой любовью. Мы же взрослые люди. Даже старше, чем взрослые. Я же тебе не оргию предлагаю. В самом деле. А ты провинциальна, оказывается, хоть и Фолкнера читала. У меня большое сердце, и его хватает на всех. Я ведь хочу всё по-честному, всё в открытую, чтоб без обмана.

БЕЛЛА. Если в открытую, тогда всё кошерно, что ли? Ни за что, никогда. Забудь о пятницах и любвеобильном себе дорогом. (Пауза. Ходит по комнате) Теперь ты присядь. Садись, садись. Кресло мягкое. (Усаживает Виктора в кресло) Я долгую жизнь прожила, чтобы так легко сдаваться, чтобы после первых же трудностей выбрасывать белый флаг. О, нет! (Пауза) Вот моё контрпредложение. Признание на признание. Ты думал, что только у тебя секреты есть? Ан нет. Вот эта шикарная квартира, которая стоит энное количество миллионов — это не квартира моей подруги, в которой я временно живу, как я тебе раньше сказала. Это моя квартира. А ещё у меня есть большая квартира на Парк Авеню в Манхэттене, дача на МартасВиньярд и состояние, чтобы все эти квартиры и дома содержать и разъезжать по всему миру. Мы с тобой встретились случайно, и для меня было ох как важно, что ты полюбил меня не за мои деньги, а просто так, за улыбку. Но ситуация есть ситуация или, как любит говорить мой сын: «Itiswhatitis». Оставь ты свою богадельню с расписанием женского угодника. Я тебе предлагаю настоящую, преданную, единственную любовь без графика и без границ. Мы сможем путешествовать в любой угол земли, и лечиться, если понадобится, у самых знаменитых врачей. Нас будут обслуживать самые квалифицированные дворецкие и повара. Ты будешь жить — не тужить. Но...

ВИКТОР. Но?

БЕЛЛА. Я должна быть твоим понедельником, вторником, средой, четвергом, пятницей, субботой и воскресеньем, Новым Годом, Днём Благодарения, Рош Ашаной и Днём Конституции.

ВИКТОР. Понял. (Встаёт, поворачивается к ней спиной и думает).

БЕЛЛА. Hy?

ВИКТОР. Беллочка, это всё так неожиданно. Я просто не знаю, что и сказать. (Разводит руками) Это как в сказке, только в роли Золушки – я. Но... С другой стороны. Напутешествовался я уже вот как (проводит рукой по горлу), исколесил полмира по командировкам. Повара, дворецкие меня мало интересуют. Обыкновенные врачи меня полностью устраивают и, когда время придёт, хвататься за соломинку не буду. Все эти деньги твои и состояние для меня – что есть, что нет. Для меня важно человеческое тепло, общение, секс, в конце концов. Вот ты платья два вынесла, чтобы я помог тебе выбрать. Почему? Потому что и то, и другое красиво и подходит. А зачем тебе два платья или, наверное, у тебя в шкафу их штук тридцать? Зачем? Ведь все они одну и ту же роль выполняют. Или вот ты хвалилась, что картину новую купила, вот эту, а старую временно твоя подруга, то есть ты, убрала, чтобы глаз отдохнул, а потом с новой силой мог старой картиной наслаждаться. Ты ведь эту концепцию понимаешь?

БЕЛЛА. Концепцию разнообразия картин я понимаю. Картины мне нужны, но я картинам безразлична. Я их чувства не оскорбляю, когда ставлю в запасник. Их сердце не разбивается, когда я их снимаю со стены до пятницы.

ВИКТОР. А ты думаешь, остальным женщинам не будет больно, если я отдам всё своё время только тебе? Думаешь, у них сердца не будут разбиты? Они ведь были со мной до тебя. За что же я их обижу? За то, что они беднее тебя? За то, что у них квартиры на Парк Авеню нет? Они что, не люди? Они что, не женщины? БЕЛЛА (Кричит). Да ну тебя с твоим сексуальным социализмом! В любви, как на войне! Мне всё равно, что будет разбито у других женщин, но мне не всё равно, что разбито у меня. (Принимает формальную позу и делает спокойное лицо. Долго молчит) Что ж, нет так нет, Виктор Иосифович. Было очень приятно с вами познакомиться, но сейчас (деловым, строгим голосом, как будто с малознакомым человеком) извольте выйти вон! Я вас больше не знаю и знать не хочу! Вон!

ВИКТОР. Но, Беллочка, не надо так волноваться. Всё ведь не так безнадёжно. Тебе просто нужно время, чтобы свыкнуться с этой идеей. Это всегда сначала шокирует женщин, а потом они...

БЕЛЛА (Приближается к нему вплотную). Я видела в жизни многое, испытала многое, но ты... (кричит) Но это... Вон! Вон, а то я охране позвоню, чтобы тебя выдворили. Вон!

Виктор ретируется к выходу и закрывает за собой дверь. Белла снимает туфлю с ноги и бросает ему вдогонку.

СЦЕНА IV

В квартире Виктора. Звонит телефон.

ВИКТОР. Мистер Гольдберг слушает. Посылка? Я сейчас спущусь и заберу. Большая? Очень большая? Ну, хорошо, принесите наверх, я подожду.

Садится за стол и печатает на компьютере. Звонок в дверь. Виктор открывает дверь. Валет вносит красиво обёрнутую картину. Виктор даёт чаевые, и Валет уходит. Виктор ходит вокруг картины, не понимая, что это и от кого, пожимает плечами, издаёт нечленораздельные звуки. Одним движением срывает бумагу и застывает перед картиной Ситникова «Венера в тумане». Замечает конверт, приклеенный к задней стороне рамы, и раскрывает его.

ВИКТОР (Читает письмо). Это моя любимая картина. «Венера в тумане» – компаньонка тебе на пятницу, вместо меня. Желаю счастья в семейной жизни. (Виктор ухмыляется) Как странно, что слова преданный и предатель начинаются одинаково. Моя правда такая: лучше одна, чем одна из многих. Твою правду я тоже понимаю: вас много, а я один. Как жалко, что наши правды несовместимы. Прости меня за моё твердолобство, за викторианско-советскую ментальность, за провинциальность. It is what it is. Простии-прощай». It is what it is. (Вздыхает, поднимает голову и смотрит вверх).

Звучат три куплета песни на белорусском языке «Зорка Венера» композитора Семёна Рака-Михайловского на слова Максима Богдановича:

Зорка Венера ўзышла над зямлёю, Светлыя згадкі з сабой прывяла... Помніш, калі я спаткаўся з табою, Зорка Венера ўзышла. З гэтай пары я пачаў углядацца Ў неба начное і зорку шукаў. Ціхім каханнем к табе разгарацца З гэтай пары я пачаў. Але расстацца нам час наступае; Пэўна, ўжо доля такая у нас. Моцна кахаў я цябе, дарагая, Але расстацца нам час.

СЦЕНА V

В квартире Беллы.

Белла уставилась в компьютер. Лена маячит перед ней, пытаясь привлечь её внимание.

ЛЕНА. Бела... Ты знаешь, что Виктор...

БЕЛЛА. Хватит мне про этого Шнорера Дон-Жуановича Казановмана. Подожди. У меня процесс. Я на охоте. .

ЛЕНА. На кого охотишься?

БЕЛЛА. На Ситникова. Узнала, что вторая картина из его голубой серии будет выставлена на аукцион.

ЛЕНА. Жалеень, что первую подарила?

БЕЛЛА. Не подарила, а дала ею пощёчину. Пусть знает наших!

ЛЕНА. А наши это кто?

БЕЛЛА. Наши – это... Лен, не тормози меня сейчас, а то шедевр прозеваю. Я его только по пятницам буду выставлять. Тоже гарем себе по дням недели устрою. Целкова по понедельникам, Шемякина в субботу, Оскара Рабина по средам, а в пятницу – Ситникова. Мою собственную «Голубую Венеру». По слухам – это та же, но вид сзади.

ЛЕНА. Обиделась...

БЕЛЛА. Разозлилась. Могла бы отомстить, но моё кредо: лучшая месть – это хорошая жизнь.

ЛЕНА. Возможно... Белл... Даже и не знаю, как сказать...

БЕЛЛА. Когда не знаешь, начинай с конца.

ЛЕНА. Возможно...

БЕЛЛА. Лен. Ты чего-то не договариваешь.

ΛΕΗA...

БЕЛЛА. А! Поняла. Можешь ничего не говорить. Пошёл он!

ЛЕНА.Белл...

БЕЛЛА. Что?

ЛЕНА. Вчера Виктора...

БЕЛЛА. Лена! Лена! Что случилось?

ЛЕНА. Белла, он умер... Аневризма...

БЕЛЛА. О...

 Π aya.

ЛЕНА. Он знал, врачи ему давно сказали, что в любой момент может...

 Π ауза.

БЕЛЛА. Господи... А я...

3AHABEC

ОДНА НА ТЫСЯЧУ

СЦЕНА І

Балкон двадцатого этажа многоэтажного дома. Вечер, океан, лунная дорожка, шум волн. Плья и Герман курят сигары, сидя за столом. Они смеются и жестикулируют, рассказывая анекдот, неслышный зрителям. Галя стоит спиной к зрителям и любуется океаном. Саня, со стаканом коньяка, аромат которого он время от времени вдыхает, сидит на противоположной стороне стола от Пльи и Германа и наблюдает за Галей.

ИЛЬЯ. А Вовочка и отвечает учительнице...

ГАЛЯ (Перебивает, демонстративно разгоняя рукой дым). Задымили весь пляж. Пойду отдышусь к девочкам!

Саня вскакивает, чтобы следовать за Галей, но она жестами показывает, чтобы он не спешил, а посидел в мужской компании. Оставив Саню в замешательстве, Галя входит в квартиру, шумно задвигая за собой балконную дверь.

ИЛЬЯ (к Сане, головой кивая на место, где стояла Галя). Ну что ты в ней нашёл? Ни сиськи, ни письки.

Саня, от шока и смущения потерявший дар связной речи, падает в кресло и время от времени выкрикивает «как», «но», «обождите, обождите»!

ГЕРМАН. Саньку надо вытащить в люди, а то на безрыбье и Галка – объект.

ИЛЬЯ. Всё, решил. Повезём тебя завтра в мой заветный.

ГЕРМАН. На Бискейне или ближе к аэропорту?

ИЛЬЯ. К аэропорту. Меньше возможности столкнуться с любопытными носами. А девочки там на любой вкус: и беленькие, и черненькие, и... Пальчики оближешь. Женственные (руками в воздухе очерчивает женскую форму). Сань, когда за тобой заехать?

САНЯ. За мной? (Пауза) Меня... М-меня из этой экскурсии вычеркните. Вот не понимаю, что вам нравится в этих девках, фланирующих по сцене. Нет, конечно же, я понимаю – красиво. Видел пару раз, несколько лет назад. Извиваются, как кошки. У меня даже 0-0-0... А дальше-то что? Что с этим делать? Ведь даже и потрогать их толком нельзя. Поход на кондитерскую фабрику для диабетиков. (Смотрит на собеседников, как на сумасшедших).

ИЛЬЯ. А почему потрогать нельзя? Тех, на площадке, нельзя, а вот в газете – ну, в той, что стопками лежит возле почтовых ящиков, – объявление на объявлении. Хочешь – такую, хочешь – другую, а хочешь – две или три вместе. Плати и наслаждайся.

ГЕРМАН. А как узнать, больные они или нет? На вид не всегда понятно, а потом по врачам находишься. Нет уж, извините, смотреть девок можно, а трахать – только своих.

ИЛЬЯ (с ироничной заботой). Своих? А ты справляешься? Помощь не нужна? Или ты между сессиями свой аккумулятор ставишь на год на подзарядку?

ГЕРМАН. Почему на год? А виагра на что?

ИЛЬЯ. На самом деле работает?

ГЕРМАН. Как часы, тикает. Хочешь дам таблеточку на пробу?

ИЛЬЯ. У меня, правда, и натурально иногда получается... А что – давай! Попробую.

САНЯ (обращаясь больше к себе, чем к своим собеседникам). И имя у неё подходящее – Галочка, как у жены моей покойной. И переучиваться не надо.

ИЛЬЯ. Так, если в имени дело, мы тебе дюжину галок найдём и предоставим – трахательный коэффициент на все десять баллов, а не то, что эта – в крайнем случае, три с натяжкой.

САНЯ. (Продолжает, как будто не слышал комментарии Ильи). Вот есть в ней что-то... Что-то неуловимое от моей Галки. Что-то в улыбке, когда она нос морщит. И в повороте головы. И не трещит она без умолку, как другие. И на шею не вешается. Смотрит, улыбается, нос слегка морщит. Приятно.

ИЛЬЯ. Дураки мы мужики, дураки. Баба нос сморщила, а мы уже сидим и мечтаем. (Затягивается сигарой и смотрит в никуда).

САНЯ. А чтоты говорил про три с натяжкой? Ты с ней?...

ИЛЬЯ. Что ты! Да не конкурент я тебе, Санька, не конкурент. (Делает широкий жест сигарой) Дарю её тебе. Трахай, сколько хочешь.

САНЯ. Так если бы!

ГЕРМАН (к Сане). Тоже проблемы?

САНЯ. Да у кого их нет.

ИРОЧКА (раздвигает дверь балкона). Мужики, Галка романсы под гитару петь будет. До хору людей не хватает. Пошли подпевать!

СЦЕНА II

Вечер. Галя с Прочкой гуляют по набережной, обмахиваясь бумажными веерами с изображениями тропической флоры. Звучит лёгкий джаз. Вокруг — витрины магазинчиков, продающих купальные костюмы, сувениры и мороженое. Туристы гуляют, останавливаются поглазеть на витрины, некоторые заходят вовнутрь. Галя и Прочка проходят вдоль сцены и скрываются за кулисами, и через несколько секунд появляются, двигаясь в обратном направлении, увлечённо разговаривая, неслышно для зрителей. Останавливаются.

ИРОЧКА. Вот видишь, кто долго ждёт, тому бог подаёт.

ГАЛЯ. А большинству женщин он подал лет на сорок раньше, да и ждать-то я уже до встречи с Саней давно перестала. Это как стоишь на остановке троллейбуса, ждёшь, ждёшь, а остановку-то давно перенесли. ИРОЧКА. Так и есть, Галя. Мужики как общественный транспорт. Ждёшь нужного номера... А его всё нет. В конце концов, бросаешь это бесполезное занятие и едешь с пересадками. Кстати, понять не могу. Ты ведь, вроде бы, и симпатичная, и приятная. Где глаза у мужиков были?

ГАЛЯ. Это всё я. Моих рук дело. Наверное, я так сжималась внутри от ужаса, что они это чувствовали. ИРОЧКА. От ужаса? О чём ты это? Ты шо? Мужиков боялась?

ГАЛЯ. Не мужчин, а чего-то другого. (Пдёт некоторое время молча, помахивая веером) Это был такой страшный секрет, такой страшный, что даже маме не рассказывала. Носила в себе, как отраву в перстне. Мамы уже давно нет, и у отравы срок годности тоже истёк. (Напевает слова на мотив советской песни «Марш советской

104 00000

авиации») «Секрет – скелет, моих лет запрет». Песню, что ль, сочинить с таким началом? Как тебе такая мелодия?

ИРОЧКА. Скелетов у всех в шкафу есть, что семочек на привозе. Галюся, таки не хошь, не рассказывай. ГАЛЯ *(перебивает)*. Нет – я хочу! Я тебе сейчас мой секрет раскрою, но поклянись, что никому никогда, ни намёком, ни взглядом меня не выдашь.

ИРОЧКА. Ты таки хочешь сделать мне нервы?

ГАЛЯ. Не увиливай. Клянись!

ИРОЧКА. Да шоб я так жила!

ГАЛЯ (Смотрит на Прочку выжидающе).

ИРОЧКА. Да шоб мне врач запретил Бородинский хлеб кушать.

Галя продолжает ждать.

ИРОЧКА. Да шоб мои акции упали и никогда не поднялись! Эта клятва тебя больше впечатляет?

ГАЛЯ. Да, теперь – да. (Бит) Слушай. (Длинная пауза).

ИРОЧКА. Я слушаю, слушаю я. (бит). Гони сюжет.

 $\Gamma A \Lambda Я$. (Выпаливает) Я — девушка.

ИРОЧКА. Ну ты даёшь? И вот за эту новость я своими акциями рисковала? Ясно же, что ты не мальчик.

ГАЛЯ. Ты не поняла. Я «девушка» – девушка. Девушка я.

ИРОЧКА. Девственница, что ли?

Галя кивает.

ИРОЧКА. Ну, ты даёшь! Но, с другой стороны... Конечно... Ты же замужем не была, а тогда мы все себя блюли. Вот ты и доблюлась до шестидесяти пяти годков. И шо, даже бойфренда не было, который бы...

ГАЛЯ. Вот в этом и есть секрет. Когда дело доходило до дела, то я всегда вела себя, как честная девушка. Оказывается, это лучшее средство для отпугивания мужчин.

ИРОЧКА. Это ты всех мужиков отпугала! А своё богатство сберегла? Молодец!

ГАЛЯ. Дело в том, что богатства-то и не было. Или, вернее, путь к нему был полностью заблокирован. ИРОЧКА. Так он у всех девушек сначала заблокирован. Ты шо, не знала? Первопроходец тараном должен путь расчистить. Ты шо, не знала?

ГАЛЯ. Нет, у меня особый случай. Я – неприступная крепость. Взять наскоком невозможно.

ИРОЧКА. А если не наскоком, то как же брать?

ГАЛЯ. Одного тарана мало. У меня слишком крепкие ворота.

ИРОЧКА. А ты не пересаливаены? Галь?

ГАЛЯ. Нет. Таких, как я, один случай на тысячу, а то и реже. Диагноз... Вот посмотри. (Достаёт из сумочки мобильный телефон, печатает на экране и показывает его Прочке). Вот здесь. (читает по слогам) Mi-cro-per-foratehy-men.

ИРОЧКА (Молча читает текст на экране). Бедная ты моя. Это получается, что там взрывать нужно. Динамитом. Или обращаться к профессионалам. Я про врачей. Что ты к врачам-то не обратилась?

ГАЛЯ. В Союзе страшно было. Ещё инфекцию какую занесут. А в эмиграции всё ждала. Всё надеялась. Всё откладывала. Вот думала, встречу достойного человека и, как дело дойдёт до дела, тогда сразу и пойду на операцию. Но, когда была помоложе, всех достойных уже разобрали, а кобелей и придурков не хотела. А теперь у меня с Саней вторая юность. Он робкий, как мальчик из интеллигентной семьи. Дальше поцелуев и поглаживаний ни-ни-ни. Вот для него я и решилась. Сделаю операцию.

ИРОЧКА. А он-то знает о твоей неприступной крепости?

ГАЛЯ. Да что ты! И не узнает никогда. Даже то, что я всё это время девушкой была, не узнает. Это как «на тебе, Боже, что мне негоже».

ИРОЧКА. Во дожили! Раньше перед женихом стыд-позор, если не девственница, а теперь стыд – позор, если девственница. Во мир... С головы на ноги. Или наоборот...

ГАЛЯ. Я тебя об одолжении хочу попросить. Отвезёшь меня в этот четверг в хирургический центр? ИРОЧКА. Ты таки решила себе там взорвать?

ГАЛЯ. Да. Ради Сани я и решилась. Сделаю операцию.

ИРОЧКА. Ой! Галюся! Я тебе даже завидую немного. Первый раз в первый класс!

ГАЛЯ. Это в Норт-Майами, недалеко, а то после наркоза мне самой водить машину сутки нельзя, пока полностью не отойду от анестезии. Сане скажу, что грипп у меня, и ни в коем случае не навещать. Тричетыре дня – и буду я, как новенькая. (Пауза) Вернее, как все. Отвезёшь?

ИРОЧКА. Ну що ты говоришь? Конечно! Такая интрига! Мы с тобой, как два мушкетёра из «Трёх мушкетёров». Да? На абордаж! Возьмём неприступную крепость! Как я люблю приключения на свою

задницу, вернее, на твою... Помолчу... Кстати, я б за грипп не стала врать, шоб не сглазить. А то вдруг кашлянёшь – и швы разойдутся.

ГАЛЯ. Так надёжнее.

ИРОЧКА. Тогда, мушкетёрка, айда ко мне! Выпьем по бокалу бургонского для храбрости.

Обе складывают веера и быстро шагают в противоположные кулисы.

СЦЕНА III

Галя читает книгу, лёжа на диване, укрыв ноги пледом. Звучит дверной звонок.

ГАЛЯ. Открыто!

САНЯ (Входит с набитым пластиковым мешочком из русского магазина). Галчонок, как так можно! А вдруг это был бы какой-нибудь вор или разбойник?

ГАЛЯ (Откладывает книгу, садится, и надевает тапочки). Так консьерж же звонил и сказал, что пришёл ты. У нас же в здание труднее зайти, чем в страну въехать. Дожили.

САНЯ (Ставит мешочек на стол и достаёт из него продукты). Вот, маленькую буханку Бородинского купил, с семечками, как ты любишь. Только испекли, и при мне, ещё теплый, выложили на прилавок. И куриный суп с вермишелью. Слава богу, грипп у тебя закончился, а то я уже измучился, так хотел тебя видеть. Четыре дня, как месяц. Не делай больше так. Кости больше не ломит?

ГАЛЯ. Я просто заразить тебя не хотела. В твоём... В нашем возрасте с этим не шутят.

САНЯ. В нашем возрасте только шутить и остаётся, Галочка. У меня через два месяца день рождения. Не поверишь, при живых и здоровых детях уже лет двадцать справляю его без сына и дочки. Нет, они, конечно, всегда позвонят и подарок пришлют, но без телесного присутствия. Что это за семья? Смех один. И слёзы. Жена моя покойная этот день мне всегда скрашивала, а теперь вот что я надумал. (Разглаживает пластиковый мешочек то в одну, то в другую сторону). С одной стороны, всё просто, но с другой — это просто невозможно. Вот я все доводы перед тобой выложу, как на духу. Всё в твоих руках, Галочка. Как решишь, так и будет. Мне казалось, что когда Галка умерла, жизнь моя закончилась. Вроде дышу и жую, но радости и толку от этого никакого, а когда с тобой встретился, то почувствовал, как будто её душа в тебя переселилась. Как будто она и не умерла. Это чудо — говорю с тобой, как будто с ней, как будто мы с тобой прожили вместе в любви и согласии сорок пять лет. У меня даже камня на душе нет, что я ей как-то изменяю. Понимаешь? Моя душа опять открылась для живого.

ГАЛЯ. И моя.

САНЯ. Но люди – не ангелы. У нас, в отличие от них, не только души, но и тела и болячки. И поэтому решать тебе, если ты согласна жить со мной только душой. Настаивать и обижаться не буду. Всё пойму, Галочка. (Прижимает её руку к своей груди). Слышишь, как бьётся? Как будто я подросток на первом свидании. Вот здесь (закрывает глаза и подносит её руку ко лбу), я молод, а здесь (опускает руки ниже пояса), я уже мёртв.

ГАЛЯ. Санечка, что ты говоришь? Ты для меня везде молод. И душой, и телом. Меня ничего не смутит, не бойся.

САНЯ. Я не боюсь, Галочка. Ты, наверное, не поняла: я просто не могу.

ГАЛЯ. Не можешь что? Встречаться со мной? Жить со мной?

САНЯ. Помолчи секунду. (Кладет её руку себе на лицо и держит двумя руками) Боже, до чего я дожил...

ГАЛЯ. Не пугай меня. Ты умираешь? Ты уезжаешь? Ты неизлечимо болен?

САНЯ. Уже нет. Уже не болен. Вылечили. Операцию сделали и все вырезали, но последствия необратимы. У меня больше... Я больше не могу... Понимаешь? (*Трясёт её руки, потом берёт её за плечи и трясёт*). Понимаешь? Ты понимаешь, что никогда, никогда я не смогу быть мужчиной, которого ты заслужила. ГАЛЯ. Да прекрати меня трясти! Прекрати эти упадочные настроения! Заслужила – не заслужила. Жизнь никому ничего не обязана. Кого одарит, кого пинком пол зад. Но. мы же сильные. Саня! Мы через столько

ГАЛЯ. Да прекрати меня трясти! Прекрати эти упадочные настроения! Заслужила – не заслужила. Жизнь никому ничего не обязана. Кого одарит, кого пинком под зад. Но, мы же сильные, Саня! Мы через столько прошли, нас столько раз пинком, пинком, а мы вставали и опять «вперёд, заре навстречу». Нам теперь только жить и жить, дышать морским воздухом, греться на солнышке, читать друг другу стихи, на пляже йогой заниматься, за руки держаться в кино... И какое-то нестояние меня должно остановить! Оно что, мне дышать помещает или солнце заслонит? Прекрати эти страсти-мордасти!

САНЯ. Страсти... Мордасти...

Галя встаёт и тщательно ищет что-то сначала на полке, потом в остальных предметах мебели, напевая мелодию «Марша советской авиации». Саня то бросается за ней, то застывает с выражением ужаса на лице, пытаясь понять смысл её слов и движений.

ГАЛЯ (Резко останавливается). Не для того я тебя всю жизнь ждала, чтобы какое-то отсутствие присутствия меня испугало. (Находит журнал и два карандаша. Усаживает Саню за стол. Садится напротив и вручает ему карандаш. Открывает журнал) Готов?

 $\odot \odot \odot$

САНЯ. К чему?

ГАЛЯ. К нашей будущей жизни. Учись и привыкай. (Смотрит в журнал) Номер пятнадцатый по горизонтали. «Пианино, спрятанное в кустах».

САНЯ. Кто его туда спрятал? Да что это за формулировка вопроса?

ГАЛЯ. Не увиливай.

САНЯ. Сколько букв?

ГАЛЯ. Пять.

САНЯ (думает несколько секунд, шевеля губами). Рояль.

ГАЛЯ (Пишет ответ в журнале). Точно. Ты у меня молодец. Теперь следующий, опять по горизонтали. «Имя актрисы Быстрицкой».

САНЯ. Это вообще детский лепет. Эвелина... Нет, нет, Элина.

ГАЛЯ (Пишет в журнале). Следующий, номер семь по вертикали. «Как бедному жениться, так ночь коротка». САНЯ. Сколько букв?

ГАЛЯ. Девять. (Хихикает. Саня смотрит на неё и тоже прыскает со смеху. Целует ей руку).

Звучит музыка или песня по выбору режиссёра, возможно «Марш советской авиации», музыка Ю. Хайта, слова П. Германа, 1921.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, Преодолеть пространство и простор, Нам разум дал стальные руки-крылья, А вместо сердца — пламенный мотор.

Припев

Всё выше, и выше, и выше Стремим мы полёт наших птиц, II в каждом пропеллере дышит Спокойствие наших границ.

Бросая ввысь свой аппарат послушный Пли творя невиданный полёт, Мы сознаём, как крепнет флот воздушный, Наш первый в мире пролетарский флот!

Припев

Наш острый взгляд пронзает каждый атом, Наш каждый нерв решимостью одет; II, верьте нам, на каждый ультиматум Воздушный флот сумеет дать ответ.

КОНЕЦ

Халландейл Бич, Флорида, США, 2018

МИХАИЛІСИНЕЛЬНИКОВ

СМЕШЛИВЫЙ ЭТОТ ГОРОД ЮЖНЫЙ

ИЗ ЭПОСА

Через час ничего не осталось от юрт. Понеслись табуны, погоняется гурт. Скачут отроки, чтобы готовить ночлег, И уже началась перекличка с телег. Чинно движется войско в походном строю, Едет хан, озирая державу свою. Нет в широкой степи городов и границ, Только пышные травы склоняются ниц. Долог путь, но закатные дали светлы. Едут женщины, дети, большие котлы. Надо от Енисея дойти до Днестра. Там за русого князя выходит сестра.

***

Не только в быту торговом – На телеэкранах днесь Возник южнорусский говор – Шутливость его и спесь.

Завязнешь, дорогу вызнав Близ лавочек Брайтон-Бич, В певучести одессизмов, Успевших тебя настичь.

Вмешалась не без таланта С развязностью пришлеца В гортанную речь Леванта Знакомая хрипотца.

И в небе, куда с томленьем Взирал богомольный люд, Приказы авиа-звеньям На суржике отдают.

ЮГО-ЗАПАД

Где он, этот Юго-Запад на границе с мамалыгой, Край куркульски-хлебородный меж лиманом и Днепром? На повозке балагулы целый день по степи двигай, Встретит розами Одесса и кефали серебром! 108 **@@** ~ ~ ~

Прогуляенься, привыкнень к детским скринкам и фаготам, К непристойным анекдотам... Вот естественный цветник И поэзии, и прозы, ненавистных патриотам. На торгующем Привозе он из музыки возник.

Всё же долговечны в слове всколыхнувшиеся шторы, Эти зданья и свиданья с нетерпеньем молодым, Эти хоры, свитки Торы и налётчики, и воры, Эти рынки и погромы, превратившиеся в дым.

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Видали вы сверхчеловека. Тысячелетие его Свелось лишь к малой части века, Но столько сделано всего!

А победил дракон бессонный. Зарыт и проклят в беге дней, Сейчас он сделался иконой, И свечи ставят перед ней.

Как сладко надо мною пели, Как нежен был тревожный взгляд, Когда лежал я в колыбели Его бессонницей объят!

***

Вновь скоро осень золотая В Карпатах дальних, в том краю, Где листья желтые, витая, Кружили голову мою.

На родине угрюмых дракул, Златоволосо-юных вил¹ – Средь них Овидий пел и плакал – Я ливный миг остановил.

И вновь владычица чащобы Идёт ко мне из давних дней... Нет, измениться не могло бы, Увы, ничто в судьбе моей.

Да и грядущего не надо, Но пусть выходит в тишине Та женщина из листопада, Всё приближается ко мне.

¹ Вилы – русалки.

99~~

Когда-то в подземелье сером Одесской призрачной пивной Его признали офицером, И он бежал во тьме ночной.

Аншь муза бодрая спасала, И поглядите, что принёс Он из расстрельного подвала В её писательский совхоз!

Но эта связь нерасторжима, В одном словце, в одном рывке – Вся сладость прежнего режима И парус белый вдалеке.

Пожалуй, сяду в эту лодку И вновь из памяти верну Его усмешку и походку, Уклончивость и седину.

И снова – длительность прогулки! Держа преданье в поводу, Катаевские переулки С тоскливой болью обойду.

Звезду прощая золотую, Всё безнадежней и нежней Я этой прозе салютую Из рассыпающихся дней.

***

Смешливый этот город южный, Имперский, воровской, биндюжный, Такой прельстительный весной И невозможный в летний зной. Влекущий к жизням незнакомым Там, где бельём завешен двор, Внезапно веющий погромом, Перетекающим в террор. Горячий от любви и жажды, Бурливый в сумеречный час, Расстрелянный и не однажды, Себя покинувший не раз. Бессмертный в окриках Привоза, Хотя необратим исход – Ушли поэзия и проза, Остался только анекдот. Давно привычный к безобразью Кварталов новых, дорог он Далёким днём, случайной связью, Ещё вторгающейся в сон.

TATЬЯНА НЕКРАСОВА

СВЕТ РАСХОДИТСЯ КРУГАМИ

КТО КОГО

проговаривая пламя (искра, ветка, уголёк), дыма тонкими телами тайный страх во тьме залёг —

видит, слышит, осязает, искру к сердцу поднеся.

заливаешься слезами можно нужно и нельзя

онемел и дышишь часто не от страха — от того, что едва живой от счастья сам пылаешь, сам огонь.

СИНЕМА

сначала кажется что горько потом что мало а потом как рот себе не зажимала хватала воздух жадным ртом а воздух так себе везенье не насыщает а звенит дыханьем барышень кисейных рамен и персей и ланит нет ни вины ни виноватых одно смятение одно спасенье нашатырь и вата на репутации пятно кино вино

ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ

хочу на поезд – с тем, кого люблю, на дальний-дальний допотопный поезд – и средней полосы пейзаж безлюдный течёт, как голос,

в распахнутое летнее окно, куда-то в грудь и глубже, холод зимний, как будто в солнечное полотно плеснули синьки —

и стало всё, как будто никогда быть не могло нас, лишних не бывает. теперь всё это талая вода живая.

теперь согреться, новая волна тепла – титан, заварка, подстаканник, и ложечка звенит, и жизнь полна дыханья.

 $9.9 \sim \infty$

СВЕЧЕНИЕ

ты прекрасен, любимый! – отныне и впредь на тебя мне так вольно и больно смотреть. что за сила стекает от сердца к плечу, знать едва ли хотела – и впредь не хочу –

как стекает она от плеча на ладонь, и легко обращается в свет и огонь, и теперь что ни свет - маяки, маяки неприкаянной тьме вопреки, вопреки.

и первичное «аум» есть радость и свет, если смертного нет – и бессмертного нет. ты струишься рассветом от сердца к плечу, и не страшно ничуть.

CAPMATCKOE MOPE

временем обкатаны холмы сглажены черты до мелкой ряби и кустов рыбацкие челны вспыхивают ягод янтарями

зной качает смазывает мнит распыляет на крупицы света в ненадёжной временной тени больше солнца чем листов и веток

маревом стираются следы смертных и бессмертных их историй не хватает йода и воды белым рифам сгинувшего моря

ПРИВЕТНОЕ

низко-низко серая картонка неба над гудящей головой подмокает рвётся там где тонко стынет жёсткой тряпкой половой

руки леденеют охватить бы сбитых листьев мокрые клочки словно от знакомства до женитьбы ничего и не было почти

словно никогда и не любили не срывались листьями впотьмах проливая слёзы крокодильи сквозь картонки сердца и ума

112 00∞

ПРИВЕТНОЕ 2

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

заземлены но не вещами а чем-то более простым каким-то безобразным счастьем подмигиванием звезды

когда одна за ней другая¹ а мы стоим поражены и свет расходится кругами сиюминутной тишины

ВЕЧЕРНЕЕ

жёлтый как подтаявшее масло свет легко взбегает по стволам и густеет в охряной и красный полыхает вспыхнуло погасло сумерки с тревогой пополам

и цикады громкие как черти провожают как в далёкий путь пилигримов жизни то есть смерти то есть нам ни проводить ни встретить а плечом к плечу и как-нибудь

БЛАГОДАРНОЕ

празднуй, цикада, гаснущий пышный август! скоро сухой одуванчик пойдёт на закусь как тут с весны всё съехало в сикось-накось, так и лежит, даже затишье в тягость.

но есть у нас яблоки наливные, тугие груши, орехи в меду, мятые листья в лужах вечно кому-то нужен боже кому ты нужен между собой и собой разница говорю же

хуже всего, когда ненадолго лучше, а после тихо – да так, что гаснет любая радость, ничем её не нарушить, тишина как лакмус расцвечена звуком празднуй, цикада, гаснущий пыльный август!

ВСЁ БЛИЖЕ

тут ещё ничего, а на холме сдувает первый холодный день, и каштаны градом. как-то особенно ясно: душа живая; хрупкая жизнь бесконечна; смерть, безупречна, рядом.

 $^{^{1}}$ ...если одна, то за ней другая. только так оттуда и можно смотреть сюда... (И. Бродский)

тут ещё ничего, но ветер, ещё недавно ласковый, жаркий, сухой, в грудь ледяной ладонью резко толкнул, грудь распахнул, как ставни — теперь там гулко, светло, ярко, потусторонне.

так ещё ничего, и каштаны звонко, яблоки глухо, айва бесконечно долго падают, сыплются, бьются о барабанные перепонки, и вот уже тыгыдым, тыдым, ту-ту – и волчок улыбается с верхней полки.

ОТСТРАНЁННОЕ

а что тебе такое обо мне известно – я не ведаю и не могу предположить хоть отдалённо, поскольку суета и маята — есть всё, чем я по сути занята: преодолимым, непреодолённым.

и что такое можно бы со мной переживать – и ни с какой иной – не угадать, не выпытать, не вызнать, вот и живу, как будто ни при чём и ни при ком, и мир мой обречён качаться, шаром ёлочным повиснув.

О ЖИЗНИ

да что мы всё о смерти да о смерти? – смотри, какая нега разлита! тут сказочные ангелы и черти, вчера топтались, нынче ни следа,

и можно говорить, что мы – бессмертны, и верить в это – а во что ещё?! – в упругость паруса и в силу ветра, в божественный спасительный просчёт.

и всё-таки, и всё-таки о жизни как будто вовсе нечего сказать, не угадать, не выпытать, не вызнать, а жить и жить и локотки кусать

СЕРГЕЙ ПАГЫН

ИНОРОДНЫМ НАД ЗЕМЛЁЙ

***

Проходит жизнь – остаётся свет, в пыли сутулый сапог и детский синий велосипед в траве по ржавый звонок.

И небом веет в дверную щель, и так тишина тонка, что можно даже услышать трель с пустой дороги звонка.

***

В круговорот гудящей темноты затянуты деревья, небо, крыши, и всё, что в доме, даже ковш воды, вчера текущей по глубинным нишам.

И этой ночи медленная власть живую душу устрашит едва ли, когда и быт, и жизнь — всего лишь часть вращающейся звёздной вертикали.

***

Во времени по голову – в траве высокой и шумящей, придорожной, в дыму осеннем, с детством в голове в сплошном снегу шагая бестревожно,

на мир порою смотришь всё равно из тишины высокой и внезапной в подвижное воздушное окно... И кто ты здесь – жилец ли, соглядатай?

А впрочем – жив, и рад! Метёшь листву, глядишь на птиц и ждёшь большого снега, и трогаешь умершую траву ты с нежностью чудного человека.

***

Большая зима приходит к маленьким людям с охапкой метелей, сутуля по-бабьи плечи, с трещоткой мороза... Они говорят: «Мы любим тепло наших близких и жар раскалённых печек. Окна обили плёнкой от стужи тёмной, впрок напекли вчера золотого хлеба»...

Вровень зиме умерший и нерождённый, дарит она им своё потайное небо, цветущее, нежное...

***

По мотивам картин Эндрю Уайета

Меж бытом и небытием сорняк и мёртвая ворона, в покой вошедшая и в тлен, и дерева сухого крона.

И парень в куртке у ствола – весь ожиданье и тревога, глядит, как мягко сходит мгла на бесконечную дорогу.

Телега в поле грозовом белеет хрупко, тонки спицы её колёс, и грянет гром – она взлетит скрипящей птицей

над безотрадною землёй, где вещи, люди и растенья — не плоть, а музыки живой вне форм печальное движенье.

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ

Соберу много груш золотых под ветвями, входящими в сон. Приготовлю я брагу из них, буду чистый варить самогон

в день субботний – уже в ноябре, будет иней на ветках белеть. Печь лозой разожгу во дворе, а потом стану долго смотреть,

как по ниточке капля течёт, даже пальцем её подхвачу, и легонько язык обожжёт, и отведать ещё захочу...

Будет праздник у нас золотой, будут окна пустые и даль. Выйду в ветер с хмельной головой, и слетать будет с неба печаль,

 $\Theta \Theta \Theta$

то есть снег на метёный порог... Нет любви, чем и жив человек... Но и этого вдосталь и впрок – только снег, только снег, только снег.

***

А мир как прежде – в осени по плечи, неизъясним, высок, на человечий язык всё так же непереводим – как разговор костра с глухонемым.

***

Грядущее лежало перед нами то морем, то дорогой полевой, то дикими волнистыми снегами. Шло ветром инородным над землёй.

У косяков дверных, у рам оконных стояли мы в рубашках и пальто. И будущность казалась нам бездонной, что в результате обрели потом?

Корявый сад, ботву в росе горящей, фасолину, блестящую в руке...

И всё же мы прекрасны в настоящем в простёртой в несказанное тоске.

ПОСЛЕ...

Продышу в темноте золотое окно – в глине, в небе полночном, и будет дано к свету тонкому лбом прислониться... Мне бы только любить, мне бы только любить, и неважно кем в мире открывшемся быть человеком ли, деревом, птицей.

***

Есть картинка странная одна: человек выходит из окна — настежь он распахивает створки... Виден только тёмный силуэт, за которым белый-белый свет или снег качается широкий.

- Что ты видишь, что ты ощутил? - врач в психушке у меня спросил, сунув мне под нос рисунок этот. Хоть подумал я тогда про смерть, на врача стараясь не смотреть, говорил про волю и про лето:

мол, из тъмы он в тёплый день шагнул... Обманул его, не обманул, от прямого взгляда ускользая?

Зной рябится или снег идёт, человек с окна всё не шагнёт – в смерть ли, в свет? И сам уже не знаю.

ВИКТОРИЯ КОЛТУНОВА

ШКАФ сценарий короткометражного фильма

Натура. Сад частного дома. Дорожка ведёт к дому.

Камера проходит внутрь, подходит к дому, на деревянной резной террасе человек, это Богдан. Ему 45 лет, интеллигентного вида, хорошо одетый, с портфелем в руке. Он направляется внутрь.

Внутренний интерьер дома Богдана.

Богдан открывает своим ключом входную дверь и проходит в прихожую. Включает свет. Пытается поставить тяжёлый портфель, набитый бумагами, на подзеркальник трюмо, но портфель выскальзывает из его руки и шлёпается на пол. Богдан поднимает его и водружает снова на подзеркальник. Снимает пальто, вешает на прикрученные к стене ветвистые оленьи рога, служащие в доме вешалкой для одежды. Садится на обитую бархатом банкетку и снимает обувь.

Задерживается на несколько минут, чтобы отдышаться. Обводит глазами прихожую. Всё как много лет назад. Этот частный дом принадлежал ещё его родителям, а до них деду и бабке. Добротный красивый дом. Из квадратной прихожей двери налево ведут в столовую, кабинет и кухню. Двери направо – в гостиную, гардеробную и ванную. Дверь прямо – в спальню.

Богдан сохранил в своём доме дубовую мебель старых времён, даже не столь старую, как старинную, принадлежавшую ещё его прабабке и деду, она была прочна и красива. Ничего не стал менять на современное, модное, из прессованных опилок. Его жена Люба, которую он привёл в дом 15 лет назад, смотрела на Богдана влюблёнными глазами и была согласна на всё. Родом из бедной семьи, она выросла в нужде, в коммуналке на 10 семей, всё в окружении Богдана ей казалось необычным и дорогим.

Вся мебель в доме Богдана должна быть старинной, изысканной, как и предметы интерьера.

Богдан поворачивает ручку двери и входит в спальню. Люба, его жена, красивая женщина 35-ти лет, спит на широкой кровати, украшенной вставками из карельской берёзы на изголовье и изножье.

Богдан любуется её рыжими кудрями, разметавшимися по подушке, белым нежным горлом. Проводит слегка рукой по её лицу. Люба открывает глаза, улыбается.

Люба: Ты не улетел?

Богдан: Нет, рейс отложили на несколько часов. Я три часа просидел в аэропорту, объявили, что откладывается ещё на три. Решил смотаться домой, отдохнуть. В крайнем случае, переоформлю билет на завтра. Я никуда не опаздываю, один день роли не играет.

Люба садится в кровати, натягивая красный халат на колени.

Богдан: Почему ты спишь в синтетике, в халате? У тебя же много спального белья из натурального шёлка.

Люба: Да, так, устала очень, схватила первое, что попало под руку.

Богдан: Как я люблю наш дом, – Богдан присаживается на краешек кровати. – Нашу уютную спальню, – он обводит глазами комнату. – Ты знаешь, вся эта мебель и этажерка с визитницей, и кровать, и стол этот огромный, всё-всё принадлежало ещё моей прабабке, а она была фрейлиной самой Великой Княгини Марии Фёдоровны. Тут много что из подарков царской семьи. Вон та керосиновая лампа с ангелочками, например. Конфетница из богемского стекла. Семейная легенда гласит, что прабабка моя Елизавета была возлюбленной одного из младших братьев царя, интересно какого именно. Я слышал обе версии – то ли Георгия, то ли Михаила. Но это не важно. Здесь дух моей семьи, ты чувствуешь это?

Люба пожимает плечами.

119

Люба: Ты мне это всё рассказывал уже. Ещё когда я только сюда к тебе переехала.

Богдан: Да, да, я помню, но что-то на меня накатила сентиментальность, прости. Одевайся, поедешь со мной в аэропорт.

Люба: Зачем? Поздно уже. Когда я спать лягу?

Богдан: Разве ты не хочешь меня проводить? Посадишь в самолёт и заберешь домой машину. Заведёшь в гараж.

Люба: Но ты же можешь оставить её на платной стоянке. Ты всегда раньше так делал.

Богдан: Раньше я всегда улетал на два дня, не больше. А сейчас не знаю, насколько задержусь. Зачем ей столько на стоянке стоять? И тебе может понадобиться, вдруг захочешь куда-нибудь съездить, к своей маме, например.

Люба: Поеду на маршрутке.

Богдан: Зачем? Переполненная, грязная, люди чихают, зараза в воздухе носится. Проводишь меня в аэропорту и на машине поедешь домой. Это самый рациональный вариант.

Люба явно колеблется. Богдан берёт со спинки стула платье, чулки, бюстгальтер и протягивает жене.

Богдан: Одевайся!

Люба медленно, неохотно, начинает одеваться. Она хмурится и никак не может застегнуть на спине молнию на платье. Богдан подходит и помогает ей.

Богдан: Твоё пальто в гардеробной?

Люба: Нет, в прихожей.

Богдан ещё раз обводит взглядом привычную обстановку в спальне.

Богдан: Почему ты оставляешь ключ в дверце шкафа. Утром придёт эта Дина, убирать, а ты при этом принимаешь душ... Зачем ты так доверяешь чужому человеку? На той неделе я не мог найти свои запонки и до сих пор не нашёл.

Люба: У меня-то из женского ничего не пропало, уж скорее она взяла бы что-то из моих украшений или косметики. Она убирает у нас давно.

Богдан: Чужая душа – потёмки. Не надо рисковать. В этом шкафу много очень дорогих вещей, в левом отделении, в ящиках. В любом случае, ты соблазняешь человека, вводишь в соблазн – это тоже грех.

Богдан подходит к шкафу, большому, как всё в этой комнате, из светлого дуба, с такими же вставками из карельской берёзы, как на кровати. Поворачивает в замочной скважине бронзовый ключ с завитушками и кладёт его себе в карман.

Люба: Да положи ты его в шкатулку, зачем ты в карман кладёшь, она же не будет искать ключ, если что, по всей квартире. Ты раньше его всегда клал в зелёную шкатулку, что за приступ подозрений? К чему это? Ты и мне, что ли не доверяешь? Я знаю, что там только твои вещи, но я же не Дина, что за шутки неприличные?

Богдан (хмуро): Отдам в аэропорту, пошли. Я уже опаздываю.

Он хватает жену за руку, они выходят в коридор, затем на лестницу. Богдан запирает входную дверь на верхний и нижний замки, и быстро идёт к выходу. Люба неохотно плетётся за ним.

Натура. Двор. Перед гаражом стоит серебристое «Вольво» последнего выпуска.

Богдан открывает перед женой пассажирскую дверцу, усаживает её и переходит к своей двери. Люба наблюдает за ним с тревогой, что-то в его поведении ей кажется странным, необычным. Таким она мужа никогда не помнила.

Серебристое «Вольво» двинулось с места. Выехало за город на трассу.

Натура. Трасса Одесса – Овидиополь.

В ночной темноте бегущие им навстречу машины кажутся непрерывным потоком светлячков.

Люба: Поздно уже, а столько машин, – отрешённо произносит Люба.

 $\Theta \Theta \Theta$

Кажется, она решает какую-то трудную для неё задачу, хотя жизнь с Богданом вроде бы и не ставила перед ней никаких задач, тем более, сложных.

Некоторое время они мчат по шоссе, мягко покачивается дорогое авто, в окнах пролетают пейзажи загородной Одессы.

Богдан поворачивается к жене.

Богдан: Я никуда не лечу сегодня. Конференцию отменили, поэтому я вернулся.

Люба: Что? – выдохнула, поражённая. – Так зачем же мы едем в аэропорт?

Богдан: Выгляни в окно. Разве это дорога в аэропорт?

Она выглядывает и отпатывается от окна. Да, ещё минут пятнадцать назад она заметила, что прекратился поток светлячков на дороге, но не придала этому значения. Богдан тормозит, и авто мягко останавливается среди тьмы, которую освещают только звёзды в редких провалах между тучами и маслянистый отблеск света от воды, простирающейся перед ними, насколько хватает глаз, потому что дальний край водного зеркала тонет в густой, вязкой тьме.

Натура. Берег лимана.

Люба (со страхом): Где мы?

Богдан (коротко и резко): Сухой лиман.

Люба: Зачем? Зачем мы здесь? Что случилось?!

Богдан: Случилось то, что я запер твоего любовника в дубовом прочном шкафу, забрал ключ, и он оттуда уже не выйдет. Никогда.

Люба: Ты с ума сошёл! Какой любовник? Ты болен! У меня никогда не было никакого любовника! Сумасшедший ревнивый псих, что ты выдумал!

Богдан крепко сжимает её руку своей, она вскрикивает от боли.

Богдан: Не лги! Терпеть не могу лжи. Лучше не выводи меня из себя. Говори, когда это у вас началось? **Люба:** Я не знаю, о чём ты! У меня никого нет, ты бредишь, не в первый раз бредишь! Тебе лечиться надо!

Богдан: Я давно подозревал. Ты стала какой-то весёлой, без всяких причин.

Люба: Радость жизни не означает, что я изменяю мужу. Я люблю тебя, ты дал мне в жизни всё, у меня просто нет никаких огорчений. Почему мне не радоваться жизни? Это же не доказательство! Зачем ты привёз меня сюда, вернёмся в город, здесь темно и страшно!

Богдан: Ты никогда не вернёшься в город. А он никогда не выйдет из шкафа. Его никто не выпустит до тех пор, пока не хватятся тебя твои родители, начнут искать, отправятся к нам домой, почуют запах из шкафа, откроют и оттуда вывалится, уже дохлый, он. Твой скелет в шкафу, твой грех. С левой стороны — полки и ящики, значит, ты его запустила в правую сторону, где мои костюмы. Она узкая, ему там неудобно сейчас, наверное. Интересно, что он думает по поводу моего одеколона, которым пахнут мои вещи? Ему нравится или нет?

Люба: Сумасшедший! Я боюсь тебя! Почему я никогда не вернусь домой?

Богдан: Потому что ты утонешь в грязной воде лимана. Я задушу тебя, привяжу монтировку для тяжести и сброшу в лиман. А он останется в шкафу. Там тесно и узко. Но дубовая дверь толщиной три сантиметра не поддастся. И замок он тоже не сможет выбить, у него просто не будет места для размаха. Замок старинный, крабовый, сейчас такие в мебель не вставляют. У него просто нет шансов. Ни одного.

Люба замирает в страхе. Она тяжело дышит, пальцы трясутся мелкой дрожью.

Люба: Ты сможешь меня убить? Свою жену? Свою любимую, самую родную жену на свете, как ты меня называл. Но ведь тебя посадят за двойное убийство, это пожизненное! Зачем тебе это?

Богдан: Убийцей будешь числиться ты. Я купил два билета на поезд Одесса-Чоп. Они именные, но в поезде никто не проверяет, кто сел, кто не сел в поезд. Когда найдут труп твоего любовника, вина падёт на тебя, понятно же, что именно неверная жена посадила человека в шкаф, а не муж. Возможно, с целью какой-то мести, разве так не бывает? А мы якобы просто уедем, но на самом деле уеду я один, ты останешься здесь в глубине лимана.

В отчаянии Люба бросается целовать его руки, опускается на пол, на колени насколько это позволяет теснота авто.

Люба: Любимый, родной, не делай этого не бери грех на душу, не убивай, давай вернёмся в город, я прошу, молю тебя, не убивай, я жить хочу!

Богдан поднимает жену с пола, усаживает на сиденье.

Богдан: Женщина не должна целовать руки мужчине, не должна становиться перед ним на колени, и я не хочу, чтобы это делала ты.

Люба: Но как мне доказать свою невиновность? Ты не веришь мне, а моё сердце разрывается от боли. Я верна тебе, у меня и в мыслях никогда не было тебе изменить. Ты мнителен и ревнив, но из-за пустого подозрения убить родного человека... Женщину, жену... Ведь ты не сделаешь этого, правда?

Богдан протягивает руку и гладит жену по голове.

Богдан: Сделаю, – тихо и спокойно говорит он.

Люба в ужасе смотрит на него. По её щекам катятся крупные, прозрачные слёзы.

Богдан: Я хочу поделиться с тобой воспоминанием. После окончания биофака я проходил стажировку в селекционном институте. Мне поручили отвести на убой тёлочку, молоденькую корову, которая была заражена вирусом, опыт был окончен, и её следовало умертвить. Я тянул её за веревку, а она сопротивлялась, упиралась ногами, кричала и из глаз её катились слёзы, такие же, как у тебя сейчас. Животное чётко осознавало, что её ведут на убой и не желало расставаться с жизнью, даже страдая от вирусного заболевания. Да, жизнь ценна в любом её виде, ты права.

Люба: И чем кончилось? – прошептала тихо.

Богдан: Я оттащил её к месту забоя. Я сделал то, что был должен сделать. Она была носителем вируса, от неё могли заразиться другие животные. Её следовало умертвить, а тушу сжечь.

Люба: Но я не животное, я не заражена вирусом, я невиновна. Как ты не можешь понять? Умоляю, давай вернёмся в город, к людям, к прохожим на улицах, к огням фонарей, я с ума сойду от страха, от этой зловещей темноты! Я невиновна, клянусь тебе, чем хочешь, клянусь! Не было этого, нет, нет! Ты убиваешь невинного человека, это страшный грех! Остановись!

В отчаянии она бъёт рукой по чёрной коже, которой обито торпедо машины, и громко кричит от ужаса и неожиданности свалившейся на неё катастрофы.

Над гладкой тёмной массой лимана пролетел ветерок, сморщил воду, покачал тонкими, гибкими ветвями плакучей ивы, принёс запах тины и лопотанье лягушек.

Расширенными глазами Люба вглядывается вглубь воды. Ни проблеска, ни намёка на какой-то камень, возвышение или дно. Тьма...

Перед ней распластался чёрный безголовый зверь, громадный могильный червь, готовый поглотить её тело и растворить без остатка в бездонном равнодушном чреве.

Дом Богдана. Шкаф.

Человеку в шкафу тоже страшно. Очень тесно, тело замлело от неподвижности, костюмы, висящие в шкафу, удушливо пахнут туалетной водой «Опе Million» от Пако Рабан. В другое время он бы с удовольствием вдыхал этот запах, но сейчас, сконцентрированный в тесном пространстве, пропитавший не только ткани, но и само дерево клетки его заточения 70 на 170 см (даже шеи не выпрямить), запах казался человеку издевательским, мучительным, элементом той пытки, которой он был подвергнут так неожиданно. Он раз за разом пытается выдавить плечом дверь, но ему не удаётся сделать это. Человек слышал диалог хозяев квартиры, знал о том, что муж, на чью собственность он покусился, положил ключ от шкафа в карман, и понимает, что спасение его не близко, но утоваривает себя, что самолёт, в конце концов, улетит, а она вернётся и выпустит его из плена. Надо только подождать.

...Мы слышим его отрывистый, внутренний монолог задыхающимся голосом, но пока он ещё не впал в отчаяние. Это будет позже.

Натура. Берег лимана.

Богдан: Открою тебе тайну, небольшую, но всё-таки. Я вернулся на полчаса раньше, чем вошёл в нашу супружескую спальню. Я вошёл тихо, чтобы сделать тебе сюрприз, но сюрприз преподнесла мне ты. Я услышал твои стоны и вскрики в спальне и понял, что ты не одна. Я стоял и слушал, и медленно умирал. Потом вы успокоились и принялись говорить обо мне. Я всё слышал. И умирал снова. Потом

я тихонько вышел и зашел ещё раз. Но уже шумно. Я специально уронил портфель на пол, чтобы вы услышали. Я медленно снимал обувь и пальто. Шаркал ногами. Я знал, что из спальни ему некуда деваться, только в этот шкаф. На окнах решётки, других дверей из спальни нет. Ты укажешь ему на шкаф, правое отделение, там, где узко. И он просидит там сутки, может больше, пока задохнётся, в шкафу нет щелей, ему нечем будет дышать. Повернуться он не сможет, тело будет болеть всё больше и больше от застоя кровообращения. А я убью тебя здесь, и тело сброшу в лиман. И уеду. Сегодня мне стал противен родительский дом. Загранпаспорт и банковские карточки у меня в портфеле. Я всё продумал.

Люба смотрит на него с ужасом. То, что конец её близок, что муж не раздумает, не пожалеет, доходит до неё всё чётче и чётче и наконец заслоняет даже тревожные мысли о запертом в шкафу любовнике. Отчаяние охватывает её. А Богдан продолжает допрос.

Богдан: Он там голый? Не успел одеться? Он вывалится оттуда голышом? Это будет очень смешно. Голый труп, уже начавший разлагаться. Голый и беспомощный. А одежда его где? Я не увидел её. Только твоё платье и чулки на стуле, а ведь ты на ночь всегда раздевалась в гардеробной и надевала шёлковое белье. Вы спешили, да? Некогда было зайти в гардеробную? Так где же его вещи?

Люба: На полу под кроватью, я задвинула их туда ногой.

Богдан: Значит, он тоже спешил, бросил своё тряпье на пол, как полагается в дешёвых фильмах о борделе. Невтерпёж ему было, этому мачо. Дешёвка, какие же вы оба дешёвки!

Аюба: Но ведь ничего такого не произошло. Ты так остро воспринимаешь эту мелочь. Зачем? Любимый, мы не в XIX веке живём, сейчас не те отношения. Смотри, люди живут втроём и шведской семьёй, и свингеры есть, и никто из этого не строит проблемы, тем более, не убивает. Прошу тебя, успокойся, давай вернёмся домой. Время идёт, моральные ценности меняются, общество меняется в целом. Разве то, что произошло, стоит моей жизни?

Богдан сидит, не шевелясь, молча, и Люба начинает успокаиваться тоже, ей показалось, что её слова доходят до мужа, и появилась надежда, что всё окончится хорошо. Она перестала плакать и попыталась воззвать к общим воспоминаниям светлых дней первой влюблённости, когда они не могли наговориться, надышаться друг другом. Традиционное между любящими со стажем «А помнишь как...» вроде бы успокаивало Богдана.

Богдан: Я понимаю, ты современная женщина. А я нет. Я всегда мечтал о женщине-подруге, с которой проживу всю жизнь от начала и до конца, без измен и потрясений. Которой можно будет рассказать всёвсё, и не бояться быть неправильно понятым. Я вырос в интеллигентной семье, где никогда не слышал мата, никто не пил водку и пиво, и это, конечно, смешно на фоне современной жизни, но когда один из моих дядьёв загулял от жены, собрался семейный консилиум, и общими усилиями вернули неверного супруга к законной жене. Тебе смешно это, да?

Люба: Нет, – прошептала она.

Богдан: Смешно, я знаю. Свобода личности, свобода слова, свобода эксгибиционизма, свобода вуайеризма.

Люба: Это все крайности, они не имеют к нам отношения.

Богдан: Имеют. Эксгибиционизм точно имеет. Я совершенно не могу понять этого фейсбучного разгула откровенности, срывания всех покровов с себя, своей личности. Не понимаю выставления на показ своих чувств, описания своих проблем, разводов и болезней. Зачем? Должны же быть какие-то рамки, какая-то дистанция между людьми. Люди снимаются и выставляют себя в нижнем белье, или совсем голыми. Мой знакомый профессор, доктор наук, выложил своё селфи в трусах знаменитой марки белья, описал, что он ел и пил на пикнике. Эти трусы и пикник для него символ жизненного успеха? Люди возвращаются к животному началу, теряя на пути эволюции понятия сокровенности, потаённости своего «Я». Так что гибель твоего любовника голышом, среди чужого белья, совершенно закономерна и справедлива. И, кстати, зачем ты выставила на ФБ наши фото в домашнем виде?

Люба: Все так делают, – отвечает она.

Голос Любы за кадром: Он сел на свой обычный конёк, на эту тему может говорить долго. Может ещё всё-таки обойдётся? Господи, молю тебя, сделай так, чтобы он передумал, сделай так, чтобы он пожалел меня, молю тебя, Господи, я так хочу жить!

Богдан: Но ведь это личное, интимное, – продолжает он, обводя глазами простиравшуюся перед ними гладь тёмной воды – Зачем ты впустила в нашу жизнь огромное количество людей? Разве личная жизнь не священна? Разве она не только для нас двоих? Любовь, самое сокровенное чувство, секс – форма высшего единения тел и душ. Да, не только тел. Но и душ.

Люба: Секс дан человеку для размножения. Но ведь не каждый акт любви заканчивается зачатием, значит, секс дан живому существу просто для удовольствия, разве не так?

Люба, старается затянуть разговор в отчаянной надежде, что кто-то ещё заедет на этот берег и спасет её, или случится чудо – вон оттуда, с неимоверной высоты, слетит метеорит и шлёпнется на мелководье, жарко-красный, вода зашипит, поднимется паром, и Богдан бросится искать его. Ведь это невероятно, это недопустимо, чтобы сейчас закончилась её жизнь. Она ещё такая молодая, такая красивая. Разве ей время умирать из-за ничтожного пустяка? Господи, помоги! Да что же ты медлишь, Господи!

Дом Богдана. Шкаф.

Запах туалетной воды «Опе Million» стал уже громоподобным. От него ломило в висках. Человек скинул вниз вешалки с костюмами хозяина дома, они легли внизу скомканной массой, стало легче поворачивать голову, но всё равно в затылке нестерпимо ломило, хотелось выпрямиться во весь рост, но для этого не хватало нескольких сантиметров, голова была наклонена уже несколько часов. Или сколько? Он потерял ощущение времени. Попытался сесть, чтобы выпрямить шею, но не помещались колени. Когда уже кончится эта пытка, где же она, его избавительница!? Неужели не понимает, что с ним сейчас происходит, как он мучается? Муж её не отпускает, пока не улетит самолёт? А если рейс опять отложат? Он сейчас просто потеряет сознание и рухнет вниз. Нет, не рухнет, останется стоять, как скорченная мумия в вертикальном пыточном саркофаге. Может, эта сучка забежала в Дьюти Фри? С неё станется, роется сейчас в ворохе шёлковых платков Гермес... он сейчас задохнётся... как можно так обращаться с живым человеком... этот жуткий запах «Опе Million», запах страха и боли, запах хозяина. Хозяина дома, хозяина костюмов, хозяина положения... как ноет шея...

... Мы слышим его внутренний монолог. Он все больше нервничает.

Натура. Берег лимана.

Богдан: Знаешь, я думаю, что сексуальный акт является актом слияния двух биополей любящих людей, не только тел и сердец, но и биополей, это священнодействие, оно так и почиталось в древних культах. И любовь возникает тогда, когда одно поле находит себе подобное и притягивается к нему. Нельзя относиться к... Так, тебе это не понятно, ладно. Хорошо, я объясню тебе: ты осквернила не только наше супружеское ложе, ты осквернила память моих предков, память поколений, тех, кто прожил свои жизни честно и безупречно, кто создал потаённый дух чистоты и чести этого дома, в котором до тебя не было измен, который ты уничтожила. Смешно, но единственная вещь, которую ты внесла сюда, — те оленьи рога, которые я повесил в прихожей, как вешалку. Откуда они у тебя? Ты никогда не рассказывала.

Люба: Брат заработал, когда ездил на север за рублём. У начальника не было денег в последний день, он часть зарплаты отдал рогами, а я выпросила у брата. Они ведь такие красивые. И это да, пусть мелочь, но мне хоть рога принадлежат, всё остальное твоё, моего ничего нет, ты меня всегда в этом упрекал.

Втягивая Богдана в дальнейший разговор, Люба пытается смягчить его сердце, а главное, выиграть время в ожидании какого-нибудь немыслимого чуда, которое спасёт её от погибели. Вот уже полчаса они разговаривают. Может, он просто пугает её? Может, помучает и простит? Да что такого она сделала, в конце концов?

Богдан (усмехнувшись): Обычный мотив, привычный слезливый мотив человека, вышедшего из низов, который никогда не простит другому тот факт, что другой родился в достатке, даже если этот другой свой достаток с ним разделит поровну. И даже если не поровну, если всё отдаст, то всё равно не простит. Ведь именно поэтому ты решила унизить меня в моём доме на кровати, принадлежавшей ещё моим родителям, на которой они зачали меня. Именно поэтому, да? Вы ведь могли поехать в отель, в нейтральное место, но вы хотели осквернить моё ложе, потому что оба ненавидите меня. Я узнал его по голосу, он мой ассистент на кафедре. Он ненавидит меня за то, что бездарен и бесперспективен, ты ненавидишь за то, что я вытащил тебя из нищеты. Вы называли меня «старикан» и смеялись. И так вы все, выставляете напоказ импортное нижнее белье, трусы, голое тело, и прячете в шкафу не видные никому скелеты, свою ненависть друг к другу. Вы все на самом деле хоть кого-нибудь да ненавидите. Ненавидите по пустякам, из зависти или даже просто так, за то, что человек относится к другой социальной группе, за то, что «чужой». И зачем ты врёшь? Я никогда не попрекал тебя тем, что дал тебе богатую, сытую жизнь. Зачем ты врёшь? Авиппь на жалость? Не выйдет у тебя ничего, ты проиграла этот поединок со мной. Вы оба проиграли. Я старикан, я один против вас двоих, но я выиграл, а вы проиграли!

Богдан выходит из машины, обходит её, берётся за ручку двери и тянет на себя. Люба, отчаянно вопя, вцепилась в дверь изнутри, но дверь открывается, всё больше и больше, пока Богдан не смог вытащить жену наружу и, заломив её руки у неё за спиной, повёл её перед собой.

Дом Богдана. Шкаф.

Человек в шкафу изнемог от усталости, боли в мышцах и страха, который накатывал на него волнами, бросая то в отчаяние, то в тупое застывшее ожидание избавления. Он начинал понимать, что случилось нечто, вышедшее из обычного ряда событий, что не могла женщина столько времени отсутствовать без серьёзной причины, не могла просто тупо бросить его на смерть, а то, что смерть от удушья и нарушения кровообращения вполне возможна, доходило до него всё чётче и чётче. Страх поднимался снизу от пяток, сжимал его желудок, стучал железными молоточками в виски. Ему захотелось по малой нужде, но он понимал, что если не выдержит, то ему придётся стоять ногами в собственной луже, и что когда его откроют, а ведь когда-нибудь его откроют, живым или мёртвым, то такой позор... нет, нельзя.

...Мы слышим его внутренний монолог. Человек уже на грани помешательства.

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Натура. Берег лимана.

Громко вопящая от ужаса, извивающаяся в руках Богдана, Люба внезапно замечает, что Богдан ведёт её не к воде, а в противоположную сторону, к шоссе. Она замолкает и перестаёт сопротивляться.

Богдан доводит её до обочины шоссе и останавливается.

Богдан: Стой спокойно. Сейчас без десяти минут одиннадцать. Ровно в одиннадцать пройдёт последний рейсовый автобус Овидиополь-Одесса. Ты сядешь на него, поедешь домой, соберёшь все свои вещи и уберёшься из моей жизни навсегда. Вот деньги, дашь водителю за проезд.

Люба тяжело дышит, она никак не может прийти в себя, поверить, что всё кончилось, что это не шутка и что Богдан не раздумает и не потащит её обратно, к воде. От пережитого стресса, от смерти, которая уже заглядывала ей в лицо с любопытством злорадствующей чужому горю соседки, Люба напрочь забыла о запертом в шкафу источнике своей беды.

Богдан: Люба!

Он держит в руке бронзовый ключ с завитушками, с вензелем мастера, жившего лет сто назад. Швыряет ей ключ, ключ ударяет её по лицу, как пощёчина, сваливается вниз и тонет в придорожной грязи.

Люба наклоняется, ищет в грязи пальцами ключ. Нащупала его, подумав, завернула подол платья, вытерла им ключ и положила в карман пальто.

На небе уже стоит полная луна, и когда Λ юба завернула подол платья, осветилась её нога в чёрном чулке с кружевной резинкой на бедре, сочная нога безупречной формы.

Откуда-то из серой тьмы приползла в голову Богдана мысль: «а ведь никогда больше...» и уползла обратно, оставив по себе царапину тонкой пронзительной боли.

Слева показались фары рейсового автобуса, Люба выбегает на дорогу и машет руками. Богдан подождал, пока в прямоугольнике открытой двери скрылась её фигура. Ждёт – она обернётся, посмотрит на него в последний раз? Она не обернулась...

Захлопнулась дверь. Автобус покатил направо, к Одессе.

Серебристое «Вольво» развернулось и двинулось в противоположную сторону.

Примечание: Скелет в шкафу (ana.s. Skeleton in the closet u.ru Skeleton in the cupboard) – английское идиоматическое выражение, означающее определённый скрываемый факт биографии (личный, семейный, корпоративный и т.д.), который в случае его обнародования способен нанести значительный урон репутации. Исходя из контекста, эта фраза может быть понята как спрятанный в доме труп, пролежавший столь долго, что успел разложиться до состояния скелета.

LOUISE ELISABETH GLÜCK ЛУИЗА ГЛЮК

поэзия в переводах с английского Сергея Батонова

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Хочешь знать, как провожу своё время? В сад выхожу у дороги, как будто бы на прополку. Тебе следует знать, что не полю никогда, поросли клевера на коленях таская из клумбы – на самом деле мне набраться бы храбрости, отыскать хоть каких доказательств, что жизнь переменится, пусть для этого вечность потребуется, каждую поросль проверить, нет ли листочка малого, лето скоро закончится, вот и листья уже увядают, всегда на больных деревьях первыми, умирающие становятся потрясающе золотистыми, в это время тёмными птицами музыкальный отбой исполняется. Погляди на мою ладонь. Пуста, как первая нота на нотном стане. В том ли смысл, чтобы после себя вовек ничего не оставить?

(из книги «Дикий ирис» / TheWildIris, 1992)

ВСЕ СВЯТЫЕ

По сей день собирается этот пейзаж. Горы темнеют. Спят Быки в своей упряжи синей, поля уже начисто проборонили, и ровно связали снопы, уложив средь калган вдоль дороги под восходящей щербатой луной.

В этом бесплодность снятого урожая, беда. И жена из окошка выглянет и протянет ладонь, будто плату внося семенами золотыми, отборными, подзывая: — сюда, малышка, сюда —

и с дерева душа сползает.

(из книги «Первые четыре книги поэзии» / The first four books of poetry, 1999)

OCEHHEE

Кругом печаль, и листья стяжали золото, спадая, сгорания земных плодов прообраз свершился. Озера по краю стальные вёдра пламенем полны. Никчемность так возносится до красоты. И россыпи на выброс сливаются в единый завершённый образ порядка. В итоге голо всё. А над холодною, раскрывшейся землёй деревья наклонились. Возвращая неизменный небесный кобальт вдали бесстрастно озеро сияет.

Вытерпеть —

вот это слово: ты отдаёшь всё и даёшь, переливая себя в ребёнка. И выживаешь после потери непреложной. Вопреки пейзажу бесчеловечному фигурою печали остаётся дерево, а его форма — невольное приспособленье. У могилы женщина, не так ли? склонилась, позади неё ненужный дротик¹.

(из книги «Нисходящая фигура» / Descending Figure, 1980)

НЕПИСАННЫЙ ЗАКОН

Интересно, как мы влюбляемся: Я, например, до конца. Бесповоротно, но часто, увы, – так это было в молодости. И всё ведь в каких-то ребячливых: бирюковатых, неразвитых, от смущения носком ковыряющим палые листья в манере Баланчина. И не разновидность ведь одного и того же я видела в них. С моим несгибаемым платонизмом, взглядом, жестко фиксирующим что-то одно за раз, я запретила неопределённый артикль. И всё же ошибки молодости привели меня к безысходности, ибо они повторялись, как обычно бывает. Но в тебе я почуяла нечто за рамками архетипа подлинную неудержимость, задор, жизнерешительно чуждые мне. К моей чести, благословила счастье моё в тебе. Благословила бесповоротно, точь-точь как в те Ты же столь мудрый, сколь и жестокий, исподволь показал мне никчемность этого слова.

(из книги «Новая жизнь» / Vita Nova, 1999)

¹ Возможно, речь идёт о практиковавшемся в раннем средневековье в Карпатах (откуда родом предки автора по отцовской линии) древнем обычае аланского каганата класть в могилу дротик или копьё.

ПРИТЧА О ДВУХ ЛЕБЕДЯХ

На озерце вдали, у самого края земли, два лебедя жили. Как лебедям полагается, четыре пятых от дня изучали своё отраженье в учтивой воле. I

своё отраженье в учтивой воде, потом

пятую часть половине любимой своей пособляли.

вот так

и сложилась слава об их любви,

от нарциссизма заметно растущей, а он для досуга

крохи суток лишь оставляет

для более принятых наслаждений. Иные

построила планы судьба, через десять годов заилилась вода, и пристала грязь к оперенью самца.

Стал он серым, невзрачным и тут-то

явилось реальное предназначенье его такой гибкой, такой гнущейся шеи. К чему

трепыхаться на мелководье, возможностей сколько

упущено им! Да, в долгой жизни совместной

приходит к любой, рано-поздно ли, паре подобный конфликт,

подобная драма с концом

злополучным.

Но не без причины:

проверить решили на прочность

любовь, взыскуя

шарниров крепёж её непростой освежить.

Так прояснилось, что с разных позиций

плыли по жизни он и она. Любовь, думал он,

это сердца движенье,

она полагала,

в делах проявленье её. Но не сочти,

что это рассказ о присущей мужчинам

порочности, подтвержденьем которой

понятье

убогое лебедя о чистоте. Это история

о невинности и вероломстве. Десять лет долгих

она изучала его. И отдыхала,

лишь когда спал или, кстати весьма!

в воду нырял он. Ну а самец наш, не размышляя,

жил наобум, как

подскажет кривая. Попрепирались

ВОДЫ

насчёт мутной, и стало смеркаться,

но вот перебранка уж потихоньку

от жизни оторвалась, становясь

постепенно

частью их песни.

(из книги «Луга» / Meadowlands, 1997)

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ХОРОШО путевая проза

начало

То, что писатель хочет сказать, он должен не говорить, а писать. Эрнест Хемингуэй

> То, как мы проживаем день, конечно же, равно тому, как мы проживаем жизнь. Энни Диллард

...Слово есть прежде всего средство создания мысли. Язык не придуман для того, чтобы облегчить сношения между людьми, но явился потому, что был, и до сих пор остаётся для человека средством объяснить себе самому мир явлений.

Аркадий Горнфельд

Что делает человек, когда читает книгу? Путешествует в иных мирах. А когда пишет? Исследует себя.

*

Оно приходило каждый вечер, около десяти. Чувство недовольства собой, того, что сегодня опять не смог, не успел, не добился. Того, что я по-прежнему жалкое ничтожество, а годы идут.

Другие пишут стихи и романы, получают премии и стипендии, кайфуют в литературных резиденциях, выступают на литературных фестивалях и участвуют в книжных ярмарках. А главное — пишут о себе, своих чувствах, своём времени. У каждого второго — армады поклонников, за их новинками следят публика и критики. В общем, они останутся в истории.

Совсем не то, что я – копающийся в чужих жизнях и биографиях, изучающий повороты судеб давно умерших людей. «Вы же у нас по мертвецам», – весело сказал мне как-то Игорь Померанцев.

Да, я знаю, что делаю хорошее и где-то даже благородное дело. В конце концов, масштаб личности любого великого человека сводится к масштабу таланта его биографа. Сохранять память об ушедших не только интересно, но и полезно. Да, никто не учится на ошибках других, это очевидная банальность, но вдруг чья-то победа вдохновит молодого и талантливого человека на жизненные свершения? Можно ещё успокаивать себя тем, что времени не существует – в этом был убеждён, например, Спиноза – а значит, всё равно, писать ли о прошлом, настоящем или будущем.

Но ведь и сам Давид Бурлюк, биографию которого я уже знаю лучше биографий своих родных, всегда говорил о том, что настоящее куда интереснее прошлого. Хотя и сам грешил статейками о разных знаменитостях, сам читал лекции о великих покойниках.

Друзья неоднократно убеждали меня, что художественная литература никому сейчас не нужна. Что жизнь гораздо интереснее вымысла. Михаил Шишкин после прочтения очередного моего тяжеловесного опуса, жалкой претензии на детективный рассказ написал мне, что ему куда интереснее было бы читать о реальных приключениях и исследованиях, написанных от моего собственного имени. Я принял это как подтверждение того, что вещи художественные как не удавались мне раньше, так не удаются и сейчас.

А потом, во время работы над статьёй о переписке Бурлюка и Генри Миллера, мне понадобилось заглянуть в «Тропик рака», чтобы выяснить детали биографий некоторых из тех, кого упоминал Миллер. Книга эта, за которую я брался в юные годы дважды, казалась мне скучнейшей невнятицей, желейной тягомотиной – без сюжета, без героев, без динамики. И каково же было моё изумление, когда в этот раз я просто не мог от неё оторваться! Оказывается, свой собственный дневник, поток сознания, слегка приукрашенный выдумкой, может стать романом, к тому же знаменитым!

Вторым потрясением стало то, что его же «Колосс Маруссийский», о котором он так горячо рассказывал в письме Бурлюку, оказался и вовсе тем, что я давно освоил — путевыми заметками, рассказом о греческих городах и островах и о своих случившихся там встречах. «Да я так левой рукой напишу!» — подумал я заносчиво. Теперь пришёл черёд заглянуть в давно откладываемые на потом «Горькие лимоны» Лоренса Даррелла, тем более что в Грецию Миллер приехал как раз по приглашению Даррелла. Кипр, обожаемый Кипр был главным героем этой книги, и я давно уже лелеял мечту увидеть дом в Беллапансе, в котором Даррелл прожил около трёх лет, тем более что новости о его продаже раз за разом попадались мне в кипрских газетах. Однажды, во время очередного пражского застолья, упомянутый уже Игорь Померанцев сказал мне, что встречался с Дарреллом и даже провёл несколько дней в его французском доме. Я был поражён до глубины души.

Удивляться пришлось ещё раз. «Горькие лимоны» оказались такими же путевыми заметками, в которых сквозь попытки придать живость повествованию – Даррелл думал, что стопроцентно успешным рецептом этого будет упоминание о выпивках и собутыльниках – сквозила жёсткая структура, усугублённая репортажным, информативным стилем повествования. И за это дают престижные премии? Но я не был разочарован, а даже, наоборот, воодушевлён. Пусть не на английском, на котором читает весь мир, пусть на русском, но я ведь тоже могу так писать! В конце концов, на русском говорят миллионов двести человек. Так что шанс заиметь пару тысяч читателей у меня есть. Или просто пару.

Последней каплей стала «История вчерашнего дня», первый рассказ Льва Толстого, в котором он от дневниковых записей пытается перейти к литературе. Если любимейший, великий Толстой так делал, то как я могу не последовать его примеру? «Кто я такой, чтобы не пить», как говорил Жванецкий?

И я решил начать. Нырнуть в восхитительную бездну самопознания. Тем более, что впереди – поездка на Кипр, такая пугающая в эпоху надвигающегося тотального карантина и потому такая манящая.

В йоге есть практика непрерывного говорения как разновидность практики молчания. Спустя какое-то время ты уже не думаешь о том, что говоришь, мысли начинают расходиться со словами, и при достаточной тренировке входишь в состояние внутренней пустоты, необходимой для познания самого себя.

Попробую так не говорить, но писать. Попробую разобраться, о чём и как хочу писать.

И писать ли вообще.

Глава первая. Прага

Хорошо, что заменить камин сейчас может даже телевизор. Достаточно выбрать в Ютюбе один из сотен предлагаемых роликов, и, если сидеть к экрану полубоком, а лучше спиной, потрескивание дров звучит настолько естественно, что начинаешь невольно чувствовать тепло. Устанавливать в нашей квартире настоящий камин хлопотно и дорого, и его телезаменитель вполне справляется со своей задачей – скрашивать скучные пражские вечера, осенние и зимние, когда темнеет рано, да и в светлое время дня на улице находиться не то чтобы противно, но приходится уговаривать себя в том, что тут неплохо. Часто вспоминаемый тут Игорь Померанцев сказал когда-то, что пусть в Британской империи никогда не заходит солнце, зато в Австро-Венгрии всегда прекрасная осень. Я долго верил его словам, восторгался мягким осенним светом, краснеющими виноградниками, жёлтыми листьями на зелёной траве – точь-в-точь такими, какие я увидел однажды на поразившем меня осеннем пейзаже Климта. У нас в Одессе такое невозможно, трава жухнет вместе с листьями, а тут, в бывшей Австро-Венгрии, она остаётся зелёной до весны. Увы, пыл самоубеждения год за годом иссякал, а все сравнения неизбежно были в пользу Одессы. Согласитесь, когда видишь в Фейсбуке фото друзей, купающихся в море чуть ли не до середины октября, а сам при этом уже ходишь в куртке с капюшоном, прелести чешской осени кажутся несколько преувеличенными.

Лет песть назад живущий в Праге петербуржец Сергей Магид читал в Доме национальных меньшинств цикл лекций о странах и народах. После них мы с ним подолгу беседовали – и однажды, уже по пути домой, в метро, он спросил меня, почему я выбрал новым местом жизни именно Чехию. Выслушав мой ответ, он разразился длинной тирадой, суть которой можно свести к простой мысли – в Чехии спокойно, очень спокойно, слишком спокойно, а потому скучно.

 — Да ладно, но сам-то ты живёшь именно тут, в этой скукоте, а не где-нибудь в другой, яркой и интересной стране, — подумал я тогда. Теперь я всё глубже осознаю, насколько он был прав.

Чехия может служить временным пристанищем, перевалочным пунктом, надёжной и спокойной гаванью, но только в промежутках между вылазками в большой мир. В яркий и цветной мир Средиземноморья, масштабный мир Штатов или Англии, Париж, Берлин – туда, где бъётся пульс времени. Чехия – окружённое горами заколдованное царство, закрытое для ветров и яркого солнца. Она нейтральна, преобладающий цвет – серый, преобладающая погода – дождь, лето и зима без крайностей, почти не бывает ни жары, ни заморозков. Чешская еда пресна, не имеет запаха, поэтому со временем становится почти всё равно, что жевать, а можно и вовсе не жевать, потому что гурманские позывы очень скоро мельчают, заканчиваются. Только пиво – о да, пиво – божественно. Помню одну сценку – я, тогда ещё молодой и неопытный пражанин, в ресторанчике на Градчанах пожирал огромную тарелку греческого салата и куриный шницель, а за столиком рядом со мной два священника с белыми вставками на чёрных воротничках – как белые пятнышки на грудке у котов – заказали себе по три больших пива, чинно выпили их, рассчитались и степенно ушли. Пиво и было их обедом. Пожалуй, лучшим чешским обедом.

Илья Эренбург, много раз бывавший в Чехословакии, написал во второй половине 1920-х очерк о Праге под названием «Тоска середины». Нет, Прага не тосковала по середине. Она и была той самой тоскливой серединой, двенадцатиперстной кишкой Европы.

«Если вы скажете, что здесь скучно, – я отвечу вам: город вовсе не создан для веселья, город создан скорее для произрастания носов, для сбыта суповых мисок, для управления государством. Поглядите-ка на эти прекрасные тракторы и на эту образцовую конституцию, на знаменитый хрусталь и на передовые илеи!».

Или вот ещё:

«Двенадцатиперстная кишка не может стать ни мозжечком, ни икрами. Прага — образцовый город серединной Европы. Отсюда так же далеко и до моря, и до всяких там "востоков" и "западов" с их неизбежными крайностями, как от города, где преуспевал гоголевский городничий до таинственных "границ". Умеренность и деловитость, подобающие внутреннему органу, охраняют Прагу от всяческих безумств».

И напоследок вот это:

«Да, в Праге мало воздуха. Это хорошо знают чахоточные, которые здесь быстро умирают. Это знают и поэты. Они, может быть, и не умирают, они только пьют сливяную водку и рвутся отсюда бог весть куда. Это не вина чехов. Здесь просто демонстрируется закон нашего времени: электрическая энергия и обязательное равновесие вытесняют из жизни фантазию».

В том же 1923-м, когда в Прагу впервые приехал Эренбург, здесь оказались Нина Берберова с Владиславом Ходасевичем. За два года до этого Максим Горький помог им выехать в командировку от Наркомпроса за пределы России, и они уехали в Германию. Но жизнь в Берлине оказалась слишком дорогой, и они стали мечтать об Италии. О ней же мечтал сам Горький, долго ждавший визы и получивший её в конце концов за подписью самого Муссолини. И вот в декабре 1923-го Берберова с Ходасевичем приехали в Прагу, чтобы встретиться тут с главным пролетарским писателем. В отеле «Беранек», где он остановился, каждую пятницу собирались в «японской» чайной комнате члены Чешско-Русской едноты, или общества дружбы. Там Берберова и Ходасевич виделись с Цветаевой и Эфроном, с Марком Слонимом и Романом Якобсоном.

Потом Берберова напишет, что Якобсон, расправив крылья, вылетел из Праги, как бабочка из кокона. И Цветаева, и Слоним, по её мнению, жили в Праге одиночками. Да и они с Ходасевичем, считавшие Прагу благороднее, но захолустнее Берлина, остаться в ней не захотели. «Русская Прага нам не открыла своих объятий: там главенствовали Чириков, Немирович-Данченко, Ляцкий и их жены, и для них я была не более букашки, а Ходасевич — неведомого и отчасти опасного происхождения червяком». «В эти недели в Праге и Ходасевич, и я, вероятно, могли бы зацепиться за что-нибудь, с огромным трудом поставить одну ногу — как альпинисты, — перебросить верёвку, подтянуться... поставить другую... В такие минуты одна дружеская рука может удержать человека даже на острове Пасхи, но никто не удержал нас. И, вероятно, хорошо сделал. Цветаева и Слоним долго не прожили там».

Так и получилось, что писатели в Праге остались средние. Кто сейчас вспомнит Чирикова или Василия Немировича-Данченко? Может быть, поэтому и я тут. Пишу что-то, скупаю зачем-то в антикварных лавках книги своих предшественников, страницы которых даже сто лет спустя не разрезаны; и ведь ни я, ни мои дети не разрежут эти тщательно отобранные книги. Отобранные с одной целью – отогнать скуку, придать жизни в Праге хоть какую-то ценность, какую-то осмысленность.

Тогда, сто лет назад, все рвались в Париж. Вот и Генри Миллер туда же:

«Это не случайность, что люди, подобные нам, собираются в Париже. Париж – это эстрада, вертящаяся сцена. И зритель может видеть спектакль из любого угла. Но Париж не пишет и не создаёт драм. Они начинаются в других местах. Париж подобен щипцам, которыми извлекают эмбрион из матки и помещают в инкубатор. Париж – колыбель для искусственно рождённых. Качаясь в парижской люль-

ке, каждый может мечтать о своём Берлине, Нью-Йорке, Чикаго, Вене, Минске. Вена нигде так не Вена, как в Париже. Всё достигает здесь своего апогея. Одни обитатели колыбели сменяются другими. На стенах парижских домов вы можете прочесть, что здесь жили Золя, Бальзак, Данте, Стриндберг – любой, кто хоть что-нибудь собой представлял. Все когда-то жили здесь. Никто не умирал в Париже...».

Умирали, конечно. Но, может быть, и Прага, и Одесса в Париже – больше, чем Прага и Одесса? И не только в Париже. Недаром ностальгия по Одессе растёт прямо пропорционально расстоянию до неё. Недаром у моего папы, уже двадцать лет живущего в Нью-Йорке и не бывавшего на родине лет десять, на заставке рабочего компьютера, во весь экран – Потёмкинская лестница с Дюком.

Пражане, как и все остальные, тоже уезжали в Париж. Купка и Шима, Тойен и Штырский, Незвал и Тейге. Адольф Гоффмейстер даже был одно время чехословацким послом во Франции. Рвался уехать и Кафка, но так и не смог. «Прага не отпускает нас. Ни тебя, ни меня... У этой матушки есть когти... Надо бы поджечь её с двух концов, поджечь Вышеград и Градчаны – тогда, может быть, удалось бы вырваться. Представь себе этот карнавал!».

В общем, в Прагу хорошо возвращаться после дальних путешествий, после приключений и житейских бурь – чтобы набраться сил для новых.

Может быть, нам, уроженцам юга, не хватает в Праге блеска? Того одесского шика, пыли в глаза, которые смешны, но так приятны? Экзальтации в рамках приличий, слова «роскошно», громких разговоров и смеха? Ведь если вы встретите вдруг в пражском метро шумную и весёлую компанию, это наверняка будут иностранцы. А если на самом забойном рок-концерте сидящие рядом с вами фанаты лишь тихонько покачивают ногой – это точно чехи. Говорил ведь Витезслав Незвал Эренбургу, что сдержанным чехам не к лицу роскошь. Мой друг, художник Игорь Гусев, приехав в первый раз в Прагу и погулявший со мной три дня по городу, мрачно изрёк: «Серые люди в роскошных интерьерах». Сказал, как припечатал.

За несколько дней до моего отъезда на Кипр мы поехали любоваться Соленицкой подковой – самой красивой излучиной Влтавы. День был ясным, и вместе с нами невероятно красивым видом любовались несколько десятков любителей природы и красоты. Что ещё делать по выходным, когда рестораны, отели, магазины закрыты... И что же? Никто не кричал, не восхищался, не делал селфи. Чехи были скромны и сдержанны, как обычно.

Мне сразу вспомнились одесситы. Да если бы в часе езды от Одессы была бы ещё хоть одна достопримечательность, кроме Белгород-Днестровской крепости, там было бы вечное паломничество. Ведь если на жалкое молдавское поле с лавандой, где нужно очень исхитриться, чтобы сделать нормальное фото, на котором будет казаться, что это поле чуть побольше трёх квадратных метров — так вот, если даже на это жалкое поле, не ленясь ехать два часа и пересекать границу, отправляются весной в паломнические туры тысячи одесситок, и Фейсбук с Инстаграмом пестрит их селфи, то что бы было, если бы рядом с Одессой оказалась хотя бы малая часть тех природных красот, которые встречаются в Чехии на каждом шагу? О них бы знал уже весь мир! Если пересохший Куяльницкий лиман, на берегах которого после приезда императора Николая П, то есть уже сотню лет, ничего хорошего не происходило, используют как площадку для фотосессий, и кажется, что лиман этот в два раза красивее, чем Лазурный берег, помноженный на оазисы Мёртвого моря? Да одесситка фото на фоне лужи способна подать так, будто фотографируется в самом красивом месте на земле!

Пустить пыль в глаза – наше всё.

Но, возможно, любишь как раз за недостатки, а достоинства воспринимаются как нечто должное, нечто естественное? И отсутствие их замечаешь, лишь потеряв? «Что имеешь, не хранишь, потерявши, плачешь»?

Аюбовь ведь не требует логических объяснений. Если, переехав в новое место, вы должны уговаривать себя, объяснять себе, что вам здесь нравится – это верный путь в никуда. Понимание того, что это место твоё, приходит моментально и естественно. Такое было у меня в Риме, в меньшей степени – в Париже, Тель-Авиве, Вене. Не хочется уезжать из Амстердама.

С Прагой сложнее. Она и сама очень непроста. Как-то мы заговорили с Померанцевым о том, с какими музыкальными произведениями можно ассоциировать разные города. По-моему, Прага – это сложно выстроенная симфония. Настроение в ней меняется от района к району, от улицы к улице.

- А что же тогда Одесса? спросил я Игоря.
- Одесса это оперетта, ответил он.

И не поспоришь.

Как-то получилось, что мы, опереточные люди, оказались на симфоническом концерте. Уйти с него нельзя, можно лишь выскочить в антракте в буфет, чтобы выпить шампанского.

Я собираюсь выскочить завтра.

Если выпустят, конечно.

Глава вторая. Дорога

В последние несколько дней – да что там, недель, – происходит множество тревожных событий.

Чехия уверенно вырвалась в европейские лидеры по числу заболевших коронавирусом. Правительство, блестяще справившееся весной с первой волной, слишком долго упивалось успехом. Цифры в ежедневных отчётах ужасали, истерия нагнеталась с каждым днём, ограничения становились всё строже, и со дня на день вся страна ожидала введения полного локдауна.

Не все ожидали спокойно. Пока мы ездили любоваться излучиной Влтавы, на Староместской площади бунтовали футбольные и хоккейные ультрас. Они забросали полицейских петардами, те силой оттеснили их с площади. Результат – двадцать раненых, шок для мирной Чехии, где даже революцию назвали бархатной.

Пятнадцать тысяч заболевших в день оказалось последним психологическим барьером для власти. И они решились ввести полный карантин.

Закрывается всё, кроме аптек и продовольственных магазинов. Собираться вместе могут не более пяти человек. Выходить на улицу можно только в случае крайней необходимости.

Проблема только в том, что карантин вступает в силу завтра, в шесть часов утра.

А в девять у меня поезд на Мюнхен.

Они словно подгадали. До позднего вечера я не понимаю, что делать – уезжать немедленно или оставаться в Праге. Снова залечь на дно.

К счастью, вечером появляются инструкции Министерства здравоохранения. В отличие от поездок по городу, поездки за границу не запрещены.

В шесть часов утра Прага замерла. В восемь я на вокзале. Здесь немноголюдно. Крайне немноголюдно. Мы, бунтари, борцы с системой, посматриваем друг на друга исподтишка и вздрагиваем при виде проходящих мимо полицейских – а вдруг сейчас они подойдут к нам, скажут, что мы нарушили какой-то неведомый пункт неведомой инструкции, что поездки уже запрещены, а мы – безответственные граждане, представляющие страшную угрозу для окружающих?

Но нет. Полицейские равнодушно проходят мимо, а на табло с расписанием появляется номер платформы, с которой отходит поезд на Мюнхен. Не веря своему счастью, вхожу в купе. Я тут совершенно один.

Удивительное чувство – когда выезжаешь из города спустя три часа после объявления локдауна и запрета перемещения, то кажется, что вырвался из осаждённой крепости. И в первые минуты не верится, что такое возможно. Но поезд уже набирает ход, а за окном – необыкновенной красоты осенние пейзажи. Усадьбы и особняки утопают в зелёных, жёлтых, багровых листьях. Вшеноры, где жила одно время Цветаева, оказались чудесной деревней с прекрасным видом на Бероунку. Реки, ручьи, рыбники, холмы, скалы – всё великолепно и разнообразно, и осенью всё это выглядит особенно выпукло на фоне разноцветных деревьев. Я снова начинаю думать о том, что Игорь Померанцев был прав.

Я поражён. Дорога на Мюнхен гораздо живописнее дороги на Вену. К тому же сегодня резко потеплело, природа знает, что я еду на юг, и словно компенсирует расставание с любимыми, оставшимися в Праге.

Только сейчас я начал наконец осознавать, что важнее, нужнее, правильнее и, главное, интереснее писать о том, что происходит сейчас, о том, что происходит со мной и вокруг меня, оставив в покое покойников. Спасибо Генри Миллеру за это. Миллер показал, что можно писать романы как поток сознания, сбивающийся временами на автоматическое письмо, без сюжета, без выдуманных структуры и героев, и это будет интересно и хорошо. Мой недостаток – слишком явное, слишком натужное конструирование сюжета, любовь к деталям, я слишком привязан к реальности, к фактам, и желание дать в тексте как можно больше информации неизбежно уводит его от повествования, от рассказа – к очерку, эссе, статье. Интеллект неизбежно одерживает верх над воображением. Но Декарт давно сказал: «Если я буду полагаться на факты, то перестану мыслить».

Я долго успокаивал себя тем, что я не одинок. «У меня нет воображения. Я не умею выдумывать», – говорил Бабель Паустовскому. «Я должен знать всё до последней прожилки, иначе я ничего не смогу написать». Вот и у меня так же. И поди разберись, в чём причина – в неопытности или отсутствии достаточного таланта для написания художественной прозы.

Но ведь Бабель лукавил. Он прекрасно давал волю воображению. Писал о том, что нужно хорошо знать действительную жизнь, а потом её забыть, чтобы вспоминать уже в совсем другом свете. О том же говорил и Миллер, споря с Анаис Нин.

Не знаю, получится ли у меня тот плавный переход от статей к эссе, от эссе к документальной, художественно-документальной прозе, о котором я мечтаю. В конце концов, Миллер с помощью своих книг изучал сам себя. Для него сочинительство было способом познания мира. Как минимум познания самого себя. Вместо психотерапевта он выговаривался бумаге. И обещал себе при этом ничего не править. Именно эта смелость и откровенность и сделали его популярным – люди любят подглядывать за другими, оставаясь при этом в комфортной безопасности. Но славу получает как раз тот, кто открылся.

Ну что ж, стремление к самопознанию через литературу, через сочинительство – какая-то логичная причина этим заниматься. Но, конечно, оно не идёт ни в какое сравнение со стремлением к славе. С жадным желанием оставить свой след после смерти, не пропасть совершенно, не кануть в Лету, не исчезнуть, как будто тебя и не существовало вовсе. Остаться в памяти неведомых мне людей, которые будут жить после меня, которым будут созвучны и интересны мои мысли. Память – главный инструмент для осуществления наших амбиций.

Вне всякого сомнения, жизнь без попыток стать лучшим, без ожиданий и достижений, без маломальского, а лучше большого признания со стороны окружающих кажется мне невозможной. Без всего этого она не имеет никакого смысла. Потребность в признании сидит во мне так прочно и естественно, что я с трудом могу прочувствовать, как вообще можно жить иначе. Представить себе могу, умом понять тоже, прочувствовать — нет.

Странно, но даже сквозь наглухо закрытые окна в купе проникает понемногу тот самый «чешский» запах, который ни с чем невозможно перепутать, запах горелых листьев и угля, сжигаемого в печках старых домов. В городах к нему примешивается запах из «господ» – пива с копчёным мясом, не жареным, а именно копчёным, хотя копчёного мяса в «господах» и нет. Запах жареного мяса на Кипре, например, совсем другой. Помню, как я был поражён, узнав о том, что один из тамошних праздников называется «цикнопемпти» – день с запахом жареного мяса. Это четверг перед карнавалом, перед масленицей, когда нужно наесться мясом впрок, чтобы легче перенести великий пост. Его в тот день жарят повсюду, им в этот день действительно пахнет весь остров.

В начале двенадцатого мы пересекаем немецкую границу. Что-то неуловимо меняется. Чуть ровнее подстрижена трава? Ровнее сложены дрова у домов? Совсем нет выбитых окон? Бавария богата и жизнерадостна – ярко-белые дома с красными крышами создают хорошее настроение даже в хмурую погоду. Зимой тут чуть теплее, чем в Чехии, летом – жарче; баварцы обожают кабриолеты, и в летние месяцы вереницы их мчат по автобанам.

Так же быстро мчат сейчас мои пальцы по клавиатуре. Как-то я натолкнулся на опрос о том, как люди представляют себе ад. Оказалось, что для многих это – бесконечный полёт в самолёте с непрестанно орущими младенцами рядом. В таком случае путешествие в поезде по осенней Баварии и возможность писать, глядя в окно – очень близко к раю.

Писать, почти не редактируя себя, не пряча себя за маской. Создавать нефильтрованный текст.

Литератор ведь зачастую только и делает, что скрывает себя. По крайней мере, я делал так долгие годы. Начинал с юмористических миниатюр. Юмор – это ведь один из отличных способов прятаться, прослыв при этом интересным, оригинальным и даже талантливым.

Собственно, то же происходит и с авторами нон-фикшн, если это, конечно, не научные книги, а, например, биографии, как в моём случае. Как бы ни был ты влюблён в своего персонажа, каким бы мудрым и талантливым он тебе ни казался, но он жил своей собственной жизнью, а ты — нет. Ты, то есть я, исследователь, живу тенью чужих жизней, чужих слов и поступков. Можно всю жизнь потратить на поиски редких писем русских футуристов, можно вводить в научный оборот новые стихотворения Бурлюка, можно бесконечно рассуждать о том, кто придумал эгофутуризм — Олимпов или Северянин, — и ни на йоту не приблизиться к себе самому.

Александр Парнис сказал недавно, что «убил» на Хлебникова шестьдесят лет своей жизни.

Способен ли был на такое сам Хлебников?

Очень сомневаюсь.

Да и зачем? Ведь ему было что сказать.

Литературоведение – прекрасный способ скрыть отсутствие собственного таланта при наличии интеллекта.

И только ступив на шаткую, ненадёжную тропу художественной литературы, ты способен наконец узнать, чего стоишь.

Художественной – значит свободной, не ограниченной канонами, правилами, стилевыми и жанровыми критериями.

К чёрту их.

Но даже если я стою не так много, если пойму, что художественные тексты – не моё, ведение честного дневника кардинально меняет качество жизни. Потому что он не только отражает, но и создаёт того, кто его пишет.

И если не цензурировать себя, на бумаге вдруг оказываются вещи, которых сам от себя не ожидал.

Верно сказала Вирджиния Вулф: «Преимущество ведения дневника в том, что оно ухватывает какие-то случайные вещи, которые бы я исключила из своих литературных произведений, но именно они – бриллианты в куче хозяйственного мусора».

Этим дневник и прекрасен – и бриллиантами, и хозяйственным мусором. В конце концов, писал же великий Фернандо Пессоа о том, что «любое произведение должно быть несовершенным и что наименее

надёжным из наших эстетических созерцаний будет созерцание того, о чём мы пишем. Но несовершенно всё, нет такого прекрасного заката, который не мог бы быть ещё прекраснее, или такого навевающего на нас дремоту лёгкого ветерка, который не мог бы погрузить нас в ещё более безмятежный сон».

Чемпионы дневниковых марафонов – это, конечно, Толстой и Анаис Нин. Оба вели дневники в течение шестидесяти трёх лет. Толстой, правда, с перерывами. Анаис Нин перерывов не делала – даже тогда, когда тесно общалась (если можно так назвать занятия сексом) с Миллером, которого эта её привычка невероятно раздражала. Он предпочитал жить, а не писать о жизни, ведь никакой дневник не угонится за реальностью. И что же? Двадцать лет спустя именно он написал предисловие к первому тому её «Дневника», сравнивая её «монументальную исповедь» я исповедями Блаженного Августина, Руссо и Пруста.

Анаис Нин говорила, что благодаря искренности и субъективности дневниковых записей в них сохранялась живость, «часто исчезающая из более формальной работы». А что может быть лучше живости в этом самом живом из миров?

А как вплетал дневник Жюстин в ткань повествования Даррелл! Он ведь и первую свою «островную» книгу, «Келью Просперо», выписал, сварганил, изготовил из дневников, добавив вымысел «по вкусу», включая своё alter ego. Говорят, кстати, что первым произнёс эти слова Зенон Китийский, тот самый основатель стоицизма из Ларнаки, где я надеюсь оказаться уже завтра.

Как быстро летит время в путешествиях! Казалось, мы только что проехали Дунай в Регенсбурге, а вот уже впереди монументальный мюнхенский вокзал, так отличающийся от пражского своим блеском и нищетой. Вдоль сверкающих огнями витрин роскошных кафе и магазинов бродят совершенно отталкивающие личности, у входа дежурит на всякий случай десяток полицейских машин, а по пути к отелю мне приходится преодолевать несколько кварталов, сплошь заполненных арабскими и турецкими забегаловками, посетители которых, похоже, не догадываются о существовании масок. Вообще все тут гораздо более беспечны, чем в охваченной паникой Праге. Зато в отеле первым делом требуют негативный тест. Но для путешествия на Кипр одного моего чешского теста мало, и, бросив в номере вещи, я снова иду на вокзал, а оттуда еду в аэропорт — там ещё можно успеть сделать новый.

Оказывается, если за несколько минут до теста поесть, выпить кофе или пожевать жвачку, результат его будет неверным. Будет в любом случае негативным. Об этом мне сообщила перед тестом строгая дама в очках. То ли педантичные немцы знают больше чехов, трижды бравших у меня тест и ни разу ни о чём не спросивших, то ли перестраховываются. Более того, суровый медбрат в привычном уже костюме космонавта сказал, что мазок нужно брать только изо рта, с основания языка, а всё остальное профанация. И чехи, берущие только из носа — жалкие любители.

Собственно говоря, это уже не важно. Важно то, что я могу наконец поесть – в огромном пустом аэропорту открыт биргатрен, пивной ресторан, с его обязательными белыми колбасками, дункелем и хеллем.

Ночью в отеле я распечатываю четырёхстраничную анкету, без которой в самолёт не впустят, и проваливаюсь в сон. Завтрак навевает мысли о скором конце света — немногочисленные куски мяса, сыра и хлеба можно брать лишь в одноразовых перчатках, на полу наклеены жёлтые с чёрным полосы, отмечающие безопасную дистанцию, а сменяющие друг друга на телевизионном экране говорящие головы с ощущаемой даже сквозь экран тревогой говорят о взрывном росте числа заболевших.

В Германии уже двенадцать тысяч в день. В Чехии – снова пятнадцать.

Я вдруг понимаю, что решение лететь на Кипр, казавшееся позавчера безумием, было правильным. По-хорошему, туда, где сотня случаев в день считается катастрофой, где открыты рестораны и отели, где тепло и хорошо, нужно было лететь на всю зиму, прихватив с собой семью.

И там меня ждёт сын.

Глава третья. Аматус

Ах, сколько раз я внутренне ликовал, когда из окна самолёта становился виден Кипр — сверху совершенно голый, песочно-бежевый, без малейших признаков растительности, которая так поражает своим разнообразием уже внизу. Когда в иллюминаторе показывалась узкая полоса мыса Апостолос Андреас, куда я столько лет мечтал попасть, Фамагуста, Ларнакский залив, а потом вдруг под крылом оказывалось только море, бескрайнее, до самого горизонта, и это пугало и восхищало одновременно. И вдруг — мы приземлялись, казалось, прямо на пляж, шасси почти касались воды, и за несколько секунд до посадки можно было разглядеть в деталях цвет плавок и купальников загорающих и даже размеры грудей, которые обтягивали эти купальники, а потом — бах — и мы на посадочной полосе, море остаётся слева, до него рукой подать, а справа видно солёное озеро, полное зимой и пересыхающее летом, и мечеть Хала Султан Текке, построенная, по преданию, на том самом месте, где тётушка пророка Мухаммеда упала с мула и убилась насмерть.

В первый раз я приехал сюда двадцать лет назад, и с тех пор тут изменилось многое. И дело даже не в небоскрёбах, которые в Лимассоле теперь на каждом шагу, которые лезут отовсюду, цепляются,

навязываются и кричат. Речь, скорее, о самом духе острова. Мне кажется – по крайней мере, хочет казаться, – что я застал его ещё патриархальным, причём эта патриархальность гармонично сочеталась с постколониальным наследием. Когда в 1999-м я в первый раз приехал сюда, здесь ещё торжествовала английская – самая человечная в мире – бюрократия, ещё плодились и размножались оффшоры, а значит, тут находились конторы множества судоходных и прочих компаний, здесь не закрывали на ключ двери домов, а стеклянные двери магазинов запирались на символический замок. Люди были доверчивы, как дети, все на острове знали друг друга, кипрский фунт был крепок, как скалы, у которых из пены морской родилась прекрасная Афродита, а толпы счастливых туристов усеивали своими разной степени загара телами городские пляжи с поразившим меня поначалу серым песком. Очень быстро мне объяснили, что белый песок остался на пляжах Фамагусты, ставшей после войны 1974 года городом-призраком. Только туда теперь никак не попасть, можно разве что посмотреть из-за колючей проволоки на руины роскошных отелей, стены которых изрешечены пулями и снарядами, и на тот самый белый песок.

Ну да ладно, серый так серый. В конце концов, всё остальное осталось – море, горы, кусты с цветами буйной раскраски, зимний апельсинопад, когда машины, паркующиеся у обочины, давят колёсами эти самые опавшие апельсины, мандарины, лимоны, и оранжевый сок течёт по асфальту, смешиваясь с потоками воды после бурных и коротких субтропических ливней. Всем известно, что лучший апельсиновый фреш – в январе-феврале, а вот осенью пить его могут только неопытные, наивные люди, не знающие, что апельсины хранились в холодильниках почти год, и выжать из них к тому времени можно лишь сладкую воду. Зима – благодатный период на Кипре, когда созревают и цитрусовые, и бананы, и оливки; во второй свой приезд сюда в горах Троодоса я увидел апельсиновые деревья, густо увешанные плодами, покрытыми сверху шапками снега. Своё удивление помню до сих пор.

В горных деревнях – да и вообще в деревнях – как раз и сохранился до сих пор тот самый дух Кипра, которым держится этот остров. Те самые вечные ценности, а скорее – вечные привычки: когда мужчины, в первую очередь старики, собираются вечерами в кофейнях и общественных домах, *Politistiko Kentro*, где за кофе, пивом, узо бесконечно говорят; я не понимаю, как могут находить темы для ежевечернего разговора люди, знающие друг друга десятилетиями, живущие на крошечном пространстве друг рядом с другом. Однако они находят. Толстой писал о том, что разговор как занятие – самая глупая выдумка, потому что каждый из нас эгоист и хочет рассказывать только о себе, в результате получается не разговор, а преподавание. Видимо, киприоты – самые большие альтруисты в мире, потому что их разговоры не иссякают, каждый может выговориться и будет внимательно выслушан.

Возможно, разговоры до глубокой ночи — это единственный способ убежать от хтонического ужаса ночи, стремительно падающей темноты, когда полный жизни, цвета и радости остров вдруг становится почти чёрным, а море — пугающим, никогда ведь не знаешь, что оно может принести под покровом темноты. И летом, и зимой вечерние часы тут для меня — самые тоскливые, тягучие, несущие скрытую угрозу; этого нет ни в Праге, ни в Одессе, где — особенно в Одессе — закаты плавны, мягки, где над морем долго держится свет, а в городе продолжает бурлить жизнь. На Кипре — типина, пустота, тревога, и киприоты держатся группами, сидят в тавернах и барах, танцуют в ночных клубах до глубокой ночи и приходят домой лишь для того, чтобы рухнуть в постель, зная, что утро придёт совсем скоро, и в шесть утра жаркое солнце моментально растопит все страхи.

Киприоты редко играют в карты, чаще в нарды, почти всегда смотрят футбол, в дни серьёзных матчей вся деревня собирается обычно в букмекерских конторах, тут уже не только мужчины, а целые семьи делают ставки и напряжённо следят потом за игрой своих фаворитов; старожилы ходят стричься в парикмахерскую к своему ровеснику, стригущему по старинке уже лет пятьдесят, и, если повезёт, вы увидите над его заведением поржавевшую жестяную вывеску, установленную в первый месяц работы самого мастера. Ну и, конечно, вечерами двери в домах обязательно будут открыты, и любой прохожий сможет рассмотреть стоящие у входа журнальные столики, уставленные рядам фотографий всех родственников, всех членов семьи, висящие на стенах грамоты и дипломы, а ещё остатки недавней трапезы – обеденный стол в кипрских домах всегда стоит прямо у входа.

Да, киприоты помешаны на футболе и тотализаторе. Трудно найти деревню, в которой нет конторы с вывеской «Веь». Ещё труднее найти деревню, в которой не было бы своего футбольного клуба со всеми приличествующими атрибутами — фанатами, офисом клуба, который на самом деле является местом для ежевечерних встреч местных мужчин; они смотрят там футбол на больших экранах и выпивают, стены увешаны флагами, вымпелами, грамотами, а полки ломятся от сотен кубков, причём даже у самых захудалых клубов четвёртой лиги. Да-да, на крошечном острове, на южной, греческой, правильной его части, население которой составляет чуть больше восьмисот тысяч человек, из которых двадцать процентов — иностранцы, а значит, не играют в профессиональный футбол, есть четыре профессиональных футбольных лиги и ещё несколько любительских. В каждой деревне есть свой главный стадион и несколько полей поменьше. И каждый вечер над ними включаются прожекторы и начинаются тренировки. Когда едешь вечером по хайвею из Лимассола в Пафос, самые освещённые участки — это футбольные поля.

Время в деревнях и вправду движется медленнее. В городах изменения происходят стремительно – вот на месте обанкротившегося ресторана открылся новый, вот он уже закрылся, потом сгорел бывший когда-то очень популярным спортивный клуб, а рядом с невероятной помпой открыли заурядный «Burger King», в котором поначалу перебывал весь город, а через год залы его пустуют, потому что киприоты падки на всё новое, модное, а значит, недолговечное, а вот на месте прелестного одноэтажного флигеля, красиво пустующего уже много лет, появился небоскрёб. Проклятые небоскрёбы. Киприоты теперь соревнуются с Дубаи – кто построит самое высокое здание на набережной, кто соорудит самые роскошные бассейны даже не на крышах, а на балконах домов... Но кто в здравом уме купит квартиру на каком-нибудь двадцатом этаже, если в два раза дешевле можно купить виллу с бассейном, из которого видно, как на ладони, море?

Ладно, не стоит расстраиваться. Когда я на Кипре, я уже счастлив. Жизнь уже удалась.

Сдав очередной, третий за три дня тест и пройдя пограничный контроль, я выхожу из здания аэропорта, и запах Кипра, уникальная смесь терпкого запаха полыни и густого запаха хвои, сбивает меня с ног. Душа моя поёт.

На стоянке аэропорта меня уже ждёт машина. На этот раз украинка Лариса и киприот Софронис, у которых я уже пятнадцать лет беру напрокат машины, пригнали небольшую «Мазду» с автоматической коробкой передач, с которой гораздо удобнее ездить по горному серпантину, когда одной рукой держишь руль, а другой – телефон с навигатором и Фейсбуком или стаканчик с кофе. Как обычно, дверь машины была открыта, а ключи лежали под ковриком – стандартная кипрская практика, когда хозяевам автопроката неудобно дожидаться твоего рейса.

Я забрасываю чемодан в багажник и сажусь за руль. Привыкать к левостороннему движению мне давно уже не нужно, оно кажется мне гораздо более удобным и естественным, чем правостороннее. Открываю окна, чтобы полной грудью вдыхать этот тёплый, божественно прекрасный воздух, и жму на газ.

Обожаю ветер в лицо.

В фильме «Форрест Гамів», который я до сих пор считаю лучшим фильмом всех времён и народов, есть потрясающая сцена, когда безногий лейтенант Дэн вместе с Форрестом, который когда-то вытащил его с поля боя, попадают на своей рыбацкой шхуне в сильнейший шторм. И ненавидевший свою жизнь, давно во всём разочаровавшийся, голый по пояс Дэн, сидящий на вершине мачты, хохоча, кричит Богу: «Я объявляю тебе войну. Ты и я. Один на один. Вот я, перед тобой. Тебе нас не потопиты». К утру оказывается, что ураган уничтожил все рыболовецкие суда в окрестностях, кроме одного единственного – их судна. И Дэн благодарит Форреста за то, что тот когда-то спас его, а Форрест думает, что в этот момент тот наконец-то примирился и с Богом, и с жизнью.

Этот момент вызова, большого или малого – нет, не Богу, стихии, обстоятельствам, когда остаёшься один на один с судьбой, момент, когда происходит проверка самого себя, своих сил и возможностей, привлекает меня с самого детства. Не знаю, почему, ведь я сам себе кажусь весьма осторожным и аккуратным и не люблю безрассудных поступков. Но такая проверка себя не кажется мне безрассудством.

Солёный ветер в лицо, штормовое море – что может быть прекраснее?

Наверное, поэтому такое впечатление произвёл на меня мыс Сунион. Место, где стоишь на обрыве, на краю земли, во все стороны перед тобой – бескрайнее море, усыпанное островами, и ветер дует в лицо с такой силой, что нужно крепко стоять на ногах. Наверное, поэтому я так люблю ветреную погоду в горах и обрывистые оконечности островов, маленькие края земли, где остаёшься один на один с бесконечностью, и момент честнее этого трудно придумать.

Слова Байрона, выбитые на табличке возле кафешки на мысе Сунион, увидев однажды, я запомнил навсегда:

Place me on Sunium's marbled steep, Where nothing, save the waves and I, May hear our mutual murmurs sweep; There, swanlike, let me sing and die: A land of slaves shall ne'er be mine— Dash down yon cup of Samian wine!

Жаль, что Татьяна Григорьевна Гнедич, по памяти переводившая «Дон Жуана» в одиночной камере ленинградского «Большого дома», самого страшного дома бывшей столицы, не упомянула вот это «позволь мне петь и умереть». Мне кажется, это самое главное у Байрона.

Мыс Сунион, самую юго-восточную точку Аттики, сложно сравнить с мысом Греко, его кипрским «братом». Мыс Греко камерный, уютный, домашний. Зато из десяти городов-государств древнего Кипра три были расположены на скалах над морем – Солы, оказавшиеся сейчас на турецкой части, Аматус и Курион.

Я до сих пор не могу понять, какой из двух последних я люблю больше – Аматус или Курион. Но Аматус – первый по пути из Ларнаки в Лимассол, и я всегда приезжаю туда раньше. Раскопки Аматуса

частично открыты, и, поднимаясь после дождя на холм с репликой огромной чаши, оригинал которой находится в Лувре, внимательно глядя себе под ноги, можно иногда сделать удивительные находки. Моей добычей стал однажды фрагмент чёрнолаковой керамики.

Золотая пора Аматуса длилась почти полтора тысячелетия. В шестом веке нашей эры он начал увядать, к двенадцатому, моменту появления на Кипре Ричарда Львиное Сердце, он был почти пуст. Камни от некогда роскошных храмов и зданий увезли на строительство соседних городов, в первую очередь Лимассола, а в девятнадцатом веке разобрали даже гавань. Из её камней строили Суэцкий канал.

Совсем рядом с раскопками Аматуса, можно сказать, за забором, прямо у дороги стоит маленькая церковь Святой Варвары, возле которой обретаются сотни котов. Рядом с церковью часто стоит фургончик, торгующий фраппе и закусками. Конечно, торгует не сам фургончик, а его хозяин, Андреас, с которым мы познакомились много лет назад. На Кипре так бывает сплошь и рядом — ты знакомишься с человеком, через полминуты возникает взаимная симпатия, а через десять минут ты уже знаешь историю всей его жизни.

Андреасу за шестьдесят. При самой первой встрече он рассказал мне о том, что они с женой недавно вернулись на Кипр из Южной Африки, где прожили тридцать счастливых лет:

Когда мы с родителями уехали туда, мне было восемнадцать. После войны 1974 года многие киприоты эмигрировали – большинство в Англию, кто-то в Австралию и даже Новую Зеландию. Но были и такие, кто уехал в ЮАР. Вскоре там появились греческие общины, посёлки, школы. Жизнь была прекрасной.

Но моё сердце разрывалось, потому что на Кипре осталась моя возлюбленная, родители которой не хотели нашей свадьбы. И я специально прилетел в родную деревню, украл её, и мы убежали в горы. На третий день её родители сдались, и мы сыграли свадьбу, а потом я увёз её в Йоханнесбург.

- А почему вернулись?
- Там сейчас совсем небезопасно.

Первым делом, подъезжая к Лимассолу, я стараюсь заехать к нему, взять фраппе и перекинуться парой слов. Для этого нужно съехать с хайвея в районе Пиргоса, и потом, уже неспешно, ехать вдоль моря, жадно вдыхая его запах.

Сегодня Андреас был на месте.

- Привет, Евгений! Как ты смог вырваться к нам в такое время? У вас разве нет карантина?
- Есть. Но день рождения сына важнее. А он уже завтра.
- Остановишься у своей бывшей?
- Боже упаси. Уже снял отель. Заберу на эти дни сына к себе. Так будет спокойнее. Смогу вечерами работать. Да и сын при мне охотнее читает, чем играет на компьютере.
  - Тебе как обычно? Половину молока и две ложки сахара?
  - Точно
- О фраппе, таком простом в изготовлении и таком прекрасном, можно слагать поэмы. Всего-то и делов берёшь тонко помолотый растворимый кофе, смешиваешь в шейкере или миксере с холодной водой, добавляешь колотый лёд, при желании молоко и сахар. Вуаля! Лучший в мире холодный напиток готов. Сотрудник «Нескафе» Димитриос Вакондиос, случайно приготовивший его в 1957 году во время международной ярмарки в Салониках, теперь известен всему миру. И мы не устаём благодарить его каждое лето. Хорошая карма ему обеспечена.
- Не понимаю, как можно любить «скето», говорю я Андреасу. «Скето» это самый популярный у греков вариант приготовления фраппе, когда в кофе с водой не добавляются ни молоко, ни сахар.
  - Не понимаю, как можно портить фраппе молоком и сахаром, парирует Андреас, улыбаясь.

За пятнадцать минут он рассказывает мне обо всех новостях. О том, что на днях, после скандального репортажа на «Аль-Джазире», свернули программу «золотых паспортов», и теперь непонятно, кто будет покупать квартиры во всех этих усеявших остров небоскрёбах. А значит, строительные компании обанкротятся. О том, что вирус под корень подрубил кипрский туризм, и многие отели уже никогда не откроются. Да и не только кипрский – на рейде стоят шесть огромных круизных лайнеров международных компаний, и шансов уйти с пассажирами в рейс у них пока не предвидится.

- Ты поднимешься на акрополь? На холм?
- Конечно. Пропустить закат на Аматусе преступление.

Мы обнимаемся, не снимая масок.

Я иду вдоль нижнего города с раскопками агоры и общественных бань, прямо напротив которых, через дорогу – море. То, что здесь когда-то был большой порт, можно понять, только поднявшись на холм – в ясный день (а на Кипре почти все дни ясные) остатки гавани видны под водой.

Основателем города, который часто называют Амафунтом, считается Кинир, первый мифический царь Кипра и отец Адониса, в которого была без ума влюблена Афродита. Тут и был возведён один из двух главных на острове храмов, посвящённых Афродите.

Я иду и бормочу строки из стихотворения Владимира Соловьёва о вечной женственности, его увещевания к морским чертям:

Помните ль вы, как у этого моря, Там, где стоял Амафунт и Пафос, Первое в жизни нежданное горе Некогда вам испытать довелось?

Красота Афродиты не спасла мир от чертей, и Соловьёв верил в то, что его спасёт красота Софии – души мира, мистического существа, объединяющего Бога с нашим миром.

Удивительно, что в этом программном для Соловьёва стихотворении упоминается Кипр. Удивительно и то, что мне однажды довелось посидеть в том самом кресле, в котором великий философ умер – в московской усадьбе «Узкое», принадлежавшей тогда князьям Трубецким.

После агоры я поворачиваю направо, по тропинке, ведущей вверх, поднимаюсь на холм, и виды, открывающиеся перед глазами, приводят во всё больший восторг. На холме слева – деревня Агиос Тихонас с чудесной пещерной церквушкой, внизу – марина отеля «Сан Рафаэль», где я когда-то учился на шкипера, и во время одного из выходов в море мы увидели невероятную картину – роскошная яхта под ливанским флагом после резких и быстрых манёвров вдруг свернула паруса и начала погружаться в воду, подавать сигналы SOS, мы вызвали помощь с берега, дожидаясь которую много раз обходили яхту по кругу, готовые принять на борт пассажиров. Яхта затонула, так и не дотянув сотню метров до входа в гавань, и мачта её торчала из-под воды добрую неделю. Я даже написал об этом заметку для местного «Вестника Кипра», и заметка вызвала немалое удивление – не так уж часто приходится наблюдать, как тонет яхта. Андреас, наш яхтенный наставник, признался, что за тридцать лет на море видел такое впервые.

По пути наверх я собираю осколки керамики, которых тут в избытке. Солнце уже клонится к закату, оно прямо за Лимассолом, фото в контражуре получаются немного засвеченными, но выразительными.

На вершине холма – огромные каменные блоки, большое оливковое дерево, а главное – ветер, свежий ветер, которого не найти внизу. Я здесь не один – за мной карабкаются две девушки, за ними – мужчина с двумя детьми, а закатом уже любуются двое велосипедистов, притащивших своих железных коней на вершину. Я перелезаю через верёвку и подхожу поближе к гигантской каменной чаше – символу Аматуса. Оригинал в 1865 году спустили с холма, погрузили на корабль и увезли во Францию. Сделать это было нелегко – высота вазы, сделанной из цельного куска песчаника, была почти два метра, ширина – больше трёх, да и весила она полторы тонны. Но французский архитектор Эдмон Дютуа, которого философ Эрнест Ренан отправил вместе с дипломатом, писателем и путешественником Эженом Мельхиором де Вогюэ в марте 1862 года в экспедицию на Кипр, убедил османские власти и добился разрешения на вывоз вазы. На то, чтобы её выкопать и спустить с холма, понадобилось целых шестнадцать дней.

Две гигантские вазы стояли с шестого века до нашей эры перед храмом Афродиты. Они были наполнены водой, необходимой для возлияний, омовений, ритуалов, да и просто утоления жажды прихожан. Надпись на одной из ручек, сделанная кипрским письмом, до сих пор не расшифрована, как, собственно, и всё оно.

Ходить по раскопкам акрополя нужно внимательно, чтобы не свалиться в одну из многочисленных ям. Вот остатки трёхнефной базилики, построенной практически на месте храма Афродиты. С приходом на остров христианства — а принесли его апостолы Варнава, Марк и Павел — началась борьба с «идолопоклонством». И в Аматусе появились свои святые. Соседняя деревня Агиос Тихонас названа как раз в честь одного из них, епископа Аматуса, святого Тихона Амафунтского. Он был одним из тех, кто усердно искоренял остатки язычества на острове. Хотя у меня лично назвать древнегреческую религию язычеством язык не поворачивается.

Самый привлекательный из всех родившихся на Аматусе святых — это, конечно, Иоанн Милостивый. Отец его, Епифаний, был губернатором Кипра, а к христианству Иоанн обратился после смерти жены и детей. Став Александрийским патриархом, он призвал к себе церковных экономов и дал им поручение переписать всех бездомных и нищих в городе, называя их при этом «своими господами». После переписи он взял семь тысяч пятьсот человек на ежедневное обеспечение, строил больницы и приюты. Интересно, где именно он родился — здесь, наверху, или внизу, у агоры?

Спуск к морю с холма с акрополем пологий, а с противоположной стороны он почти вертикальный, и за ним – покрытые зеленью поля, дорога и уходящие до горизонта горы Троодоса. Наверху тихо, слышен только шум ветра, дома Лимассола кажутся крошечными, море заполняет всё пространство, и не нужно обладать большой фантазией, чтобы почувствовать себя древним греком или киприотом.

Романтика античности – штука страшно привлекательная. Достаточно вспомнить Шлимана. Но ведь таких, как он, были тысячи. Были и остаются. Аматус раскапывал не только Дютуа, но и великий Луиджи Пальма ди Чеснола. Найденное им – сейчас в Музее Метрополитен и в Британском музее.

Кипр – это рай для любителей античности. Для тех, кто любит жизнь. Солнце, жару, красивое море, вкусную еду. И лучший способ избавиться от осенней хандры – бросить всё и приехать сюда. Что, кстати, не додумался сделать Достоевский, которому везде в Европе было холодно, пасмурно и скучно. Хотя, может быть, это и к лучшему, что он не приехал на Кипр – наверняка он и о нём написал бы что-то

гадкое, и я бы ему этого не простил. С него бы сталось. Хотя... Кто знает. Сказал же он о Кёльне: «Даже луч солнца, простой какой-нибудь луч солнца тут много значил: сияй он над собором, как и сияй он во второй мой приезд в город Кёльн, и зданье наверно бы мне показалось в настоящем своём свете, а не так, как в то пасмурное и даже несколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мне одну только вспышку уязвленного патриотизма». На Кипре лучей солнца хоть отбавляй!

Достоевского я вспомнил вовсе не случайно. Упомянутый выше Эжен Мельхиор де Вогюэ был его близким другом, и фраза о том, что все мы вышли из гоголевской «Шинели», опубликована впервые именно Вогюэ – в его самой знаменитой книге «Le roman russe», в статье о Достоевском. Говорил ему это сам Достоевский, или фразу придумал сам Вогюэ – не узнает уже никто.

В общем, все они ездили не туда – Достоевский, Гончаров, Карамзин, Фонвизин... Даже Ильф с Петровым вместо Кипра поехали в Америку. А Толстой? Зачем ему понадобилось ходить пешком именно по Швейцарии? Куда интереснее было бы повторить путь святых Варнавы и Павла, прошедших весь остров с востока на запад.

История эта удивительна.

Разумеется, христианство на остров принесли евреи. Кто же ещё? Главным в этом деле стал родившийся на Кипре Иосиф из рода Леви, будущий святой апостол Варнава. Именно через него в христианскую общину был принят Савл, будущий апостол Павел. В 45 году нашей эры, когда Кипр входил в состав Римской империи, Варнава, его племянник Марк-Иоанн, которого большинство современных исследователей считают тем самым апостолом Марком-евангелистом, который погребён нынче в Венеции, и апостол Павел прибыли на Кипр, в родной город Варнавы, Саламис, и прошли пешком весь остров с востока на запад, проповедуя христианское учение в основном среди евреев, в синагогах. Путь их лежал в Пафос, тогдашнюю столицу, где находилась резиденция римского проконсула Луциуса Сергиуса Павла. Путешествие было проделано не зря — Сергиус Павел стал первым в истории римским проконсулом, принявшим христианство. Прочитав об этом однажды, я мечтаю повторить их путь. Надеюсь, когда-нибудь это случится.

Ну что же, пора идти вниз, пока окончательно не стемнело. До встречи, любимый Аматус. Пора ужинать, что я традиционно делаю в лучшем рыбном ресторане «Осеап Basket». А до этого увидеть, наконец, сына.

Глава четвёртая. Курион

Вчерашний день пролетел со страшной скоростью. Обычно мы начинаем поздравлять сына рано утром, часов в шесть, потому что к восьми нужно быть в школе. Но вчера была суббота, и всем удалось выспаться. Хлопушки, шоколадный торт, всегдашний квест с поиском подарка – и вот уже пора ехать в игровое кафе, где десять подростков, надев на глаза шлемы виртуальной реальности, играют во что-то в вымышленном мире, пока родители обсуждают новости. А какие могут быть новости в наше время? Конечно же, коронавирус. Вся компания немедленно разделились на корона-диссидентов, лоялистов и коронафобов. Самым яростным диссидентом оказался серб Марко, женатый на русской и давно живущий на Кипре.

Слушать его рассуждения о заговоре мирового правительства мне не хотелось, и я предпочёл уединиться с красавицей Викторией, выросшей в Лондоне и отслужившей в израильской армии, чтобы расспросить её о деталях развода с роковым грузинским красавцем Георгием.

Хотя если бы Марко не завёл свою пластинку, я всё равно бы с ней уединился. Обожаю каштановый цвет волос, упругие попы и могендовиды в ложбинке между грудей.

Спустя полчаса мы всё же присоединились к общей беседе, которая завершилась привычно. Все согласились с тем, что Кипр – европейская провинция с множеством недостатков, но лучшего места для жизни нет.

Праздник продолжился дома, до самого позднего вечера, а потом я поехал к себе, в деревню Агиос Афанасиос, в чудесные апартаменты, и завалился спать.

Светает на Кипре рано, и, если не зашторивать плотно окна, яркое и жаркое солнце разбудит тебя часов в шесть. В моей комнате нет штор, зато есть деревянные ставни, сквозь которые не пробъётся ни единый луч.

Поэтому я оставил одну створку открытой.

«Nikis House», традиционный гостевой дом в самом центре деревни, пуст. Чтобы попасть внутрь, нужно карабкаться вверх по узким улочкам, а потом стучать в старые деревянные ворота. Я единственный гость тут. Старый каменный забор отделяет от улицы дворик фантастической красоты, уставленный глиняными горшками с кактусами, агавами и алоэ. Посреди двора растёт высокая пальма, а вдоль забора — просто буйство красок. Белая, красная, розовая бугенвиллия, жёлто-розовая лантана, красный гибискус, розовый олеандр, каллистемон с красными соцветиями-ёршиками, которые так и хочется сорвать и попробовать помыть какую-нибудь бутылку.

Двор уставлен креслами и лежаками. Сейчас он весь мой. Хозяйку всего этого великолепия, высокую худую гречанку с проседью в волосах, зовут Евгения, и мы улыбаемся друг другу ещё и поэтому.

 $\odot \odot \odot$

– У вас не совсем греческое имя.

- Совсем не греческое. Оно русское и украинское. Меня назвали в честь украинской бабушки. Во время войны она была угнана на работы в Германию и там познакомилась с моим дедушкой, американским военным моряком кипрского происхождения. Они сыграли свадьбу и уехали в Америку, жили в Нью-Йорке, на Манхэттене. Уже стариками приехали на Кипр, где и остались. Бабушка совсем недавно умерла.

- Как жаль, мне было бы очень интересно с ней познакомиться.

Евгения принесла мне целую корзину фруктов – только что созревшие гранаты, несколько грейпфрутов и жёлто-зелёных кипрских лимонов, тех самых, чьим именем Лоренс Даррелл назвал свою книгу, и парочку бананов. Такую же корзину с фруктами из своего сада подарили мне вчера Лариса с Софронисом, когда я заехал к ним в офис, чтобы оформить наконец машину.

Я завтракаю греческим йогуртом и остатками вчерашнего шоколадного торта. Солнце жарит вовсю, хотя сейчас всего девять. Футболка, шорты и шлёпки – самый подходящий для Кипра дресс-код. Даже не верится, что ещё позавчера я был в холодном Мюнхене. Не верится, что где-то вообще есть зима. Зачем жить в таких местах?

Я собираюсь на Курион. Это волшебное место, ещё один город-государство, где можно в один день попробовать все четыре главных кипрских удовольствия. Удовольствия эти – прикосновение к истории, природа, море и еда. Тут всё рядом – и лучший в округе пляж, и огромный археологический комплекс с амфитеатром, где и сейчас дают спектакли, и захватывающий дух вид на море и горы, и отличные рестораны прямо у кромки воды. Совсем рядом – святилище Аполлона Гилата, важнейшее на Кипре наряду с храмами Афродиты. Страбон писал о том, что рядом с ним есть мыс, откуда сбрасывали святотатцев, коснувшихся алтаря Аполлона. Рядом и единственный сохранившийся на Кипре римский стадион. Однажды мы сделали вот как. Приехали утром к храму Аполлона – от него ещё многое осталось, несмотря на сильное землетрясения 365 года, а вообще простоял он тысячу двести лет, в древности умели строить, – и оттуда пошли по пешеходной тропе к стадиону, построенному во втором веке до нашей эры, во время правления императора Антонина Пия. От стадиона мы дошли до остатков построенной в пятом веке христианской базилики, потом пришли на смотровую площадку прямо над обрывом с потрясающим видом на раскопки древнего Куриона и пляжа под ним. Наверное, отсюда и бросали вниз тех самых святотатцев. Потом вернулись, сели в машину и поехали вниз, купаться и есть устрицы с шампанским.

Сегодня на раскопки я не еду. Я настроен сразу на вторую часть удовольствий. Я хочу купаться, наслаждаться кипрской едой и читать.

После деревни Епископи, которая находится, как и все здешние окрестности, на территории британской военной базы – да-да, на Кипре так и остались две базы, Акротири и Декелия, которые официально считаются Британскими заморскими территориями – я поворачиваю влево, к морю. Прямо у поворота есть источник, из которого беспрерывно хлещет вода, что для засушливого, вечно борющегося с нехваткой воды Кипра – просто чудо. Чуть в глубине за ним спряталась в эвкалиптовой роще крошечная, с человеческий рост церквушка святого Ермогена, чей гроб, согласно легенде, приплыл с острова Самос на Кипр. Впереди, слева – раскопки королевских гробниц и парники с клубникой, которую можно собирать самим, справа, прямо под скалой Куриона – лошадиная ферма. Море сегодня тихое, и это счастье – значит, удастся поплавать. Курион славится своими ветрами; в такие дни можно любоваться десятками парусов сёрферов, которые со страшной скоростью мчатся вдоль берега. Сегодня вместо них – головы блаженствующих пловцов, в основном англичан. Ещё бы – вода почти летняя, градуса двадцать три, не меньше.

Рельеф дня на пляже Курион всё время меняется. Сам пляж – галечный, но заканчиваются камни почти у кромки воды, а дальше – нежнейший песок. Сегодня – блаженство, ветер и течения намыли метрах в сорока от берега большую отмель, плыть до неё минут семь, вода тут ниже пояса, и можно просто сидеть, любуясь игрой солнца на воде и потрясающим видом на череду скал, одна за одной обрывающихся в воду до самого горизонта.

Когда-то, тысячи лет назад, вода подступала гораздо ближе, и на скалах до сих пор остались её следы. Но это было давно, очень давно. Задолго до эпохи неолита, когда в нескольких километрах отсюда, в нынешних деревнях Сотира и Эрими, появились первые поселения. До того, как сюда три с небольшим тысячи лет назад приплыли из греческого Аргоса микенцы. И до того, как тут было основано царство, а Кипр начал переходить из рук в руки – от ассирийцев к персам, от персов к грекам, от греков к римлянам. И каждая эпоха оставляла свой след в архитектуре Куриона. Дом гладиаторов, Дом Ахилла, Дом землетрясения, форум, бани, дом Евстолия – все они достойны описания, но больше всего потрясает амфитеатр, построенный ещё во втором веке до нашей эры и действующий до сих пор. В нём, развёрнутом к морю, с потрясающей акустикой, смотрели мы однажды ночью «Электру» Софокла – прямо под открытым, усыпанным звёздами небом.

Ранним утром 21 июля 365 года в двадцати пяти милях к юго-западу от Куриона случились катастрофические подземные толчки. Землетрясение вызвало цунами такой силы, что ещё спустя триста лет в Александрии отмечали его годовщину как «день ужаса». Десятиметровая волна захлестнула весь Левант. Корабли в портовых городах были отброшены вглубь суши на три километра. Погибли тысячи людей. Курион, которому и без того не везло — за шестьдесят лет тут произошло пять землетрясений — был разрушен окончательно. Его пытались восстановить, но набеги арабов окончательно поставили крест на этой затее. Рядом возникло поселение Епископи, куда все и переселились.

Спустя полторы тысячи лет, в 1870-м, родившийся в Италии и эмигрировавший в Америку военный Луиджи Пальма ди Чеснола, участник Гражданской войны в США и Крымской войны, тогда американский посол на Кипре, а позже, в течение двадцати пяти лет, директор Музея Метрополитен в Нью-Йорке, затеял на Курионе грандиозные раскопки, увенчавшиеся блестящим успехом. Он нашёл тут столько всего, что открыл в 1872 году в Нью-Йорке музей своего имени, и позже Метрополитен выкупил всю эту коллекцию – более тридцати тысяч экспонатов. Микенские кратеры. Известняковые саркофаги. Фрагменты архитектуры святилищ. Статуи богов. Каменная посуда. Украшения из драгоценных металлов и слоновой кости. Древнее стекло. Всё это сейчас в Нью-Йорке.

Около пяти тысяч фрагментов просто утонули вместе с судном *Napried*, направлявшимся в Америку. Конечно, это было грабежом, но тогда такое было возможно.

После Чеснолы Курион продолжали раскапывать. Самые важные исследования сделали, пожалуй, уже в 1930-40-х археологи Пенсильванского университета во главе с Джорджем Макфадденом. В доме Макфаддена в Епископи расположен теперь местный археологический музей. Я бывал там всего однажды, но помню этот день до сих пор.

Ладно, о музее можно подумать и позже. Я паркую машину прямо на пляже, как делают тут все, и прохожу ровно двадцать метров до воды.

Боже, она теплее, чем в августе в Одессе.

Накупавшись, расстилаю полотенце, с наслаждением позволяю себе прожариться, отгоняя назойливо лезущие в голову слова любимого врача о вреде загара. Тело медленно оживает, отпуская зажимы, словно не веря, что это не шутка, что это всерьёз, и солнце не спрячется через несколько минут, как это часто бывает в Праге, и рай вокруг не сменится унылым моросящим дождём, который будет идти неделю.

Через час желудок напоминает о себе лёгким бурчанием, и я иду в свой любимый «Chris Blue Beach» – ресторан, чья терраса почти нависает над водой. Он работает десять месяцев в году, закрыт только зимой, и тут всегда полным-полно посетителей.

Страшно соскучившись в Праге по вкусу и запаху нормальной еды, я заказываю сразу много – английский завтрак с яичницей, сосисками и бобами, греческий салат, кальмары на гриле, апельсиновый фреш и фраппе. Все места в тени заняты, но я наслаждаюсь зноем и ярким солнцем. Сменив несколько столиков, нахожу наконец место, где оно не так ослепительно и где можно читать.

Я привёз с собой «морскую книгу» Вальтера Беньямина – так я назвал сборник его эссе о коллекционерах и коллекционировании. Получилось так, что я купил в черногорской Будве у Жени и Лены Коганов, владельцев книжного магазина «Бабель», которые привезли его туда из Тель-Авива, а читаю его

теперь на Кипре, прямо у моря.

Беньямин довольно скучен, но у него есть блестящие мысли. В эссе «Я распаковываю библиотеку» он говорит о том, что писатели пишут книги если и не по бедности, то от неудовлетворённости теми книгами, которые они покупают и которые им не нравятся, а из всех возможных вариантов приобретения книг самым похвальным считается писать их самому. Невероятно оригинальная версия. Много лет меня мучило толстовское «можешь не писать – не пиши». Мучило и злило. Неужели у Толстого сочинительство было такой же базовой потребностью, как еда, секс и сон? Для меня оно всегда стояло выше в пирамиде Маслоу – от потребности в признании через познавательные и эстетические потребности к самореализации. Потребность в признании была и остаётся движущей, главной. Лет в двадцать пять я записал в своём обрывочном и нерегулярном дневнике, разбросанном по разным блокнотам, а сейчас по заметкам в телефоне, что после сорока хочу стать писателем. Как-то так и получилось. Мой израильский друг Миша сказал мне однажды во время нашей с ним единственной прогулки по Белгород-Днестровской крепости, что всё то, чего он в жизни хотел, о чём мечтал, случалось, если он прикладывал для реализации своих мечтаний хоть небольшие усилия.

Я усилия предпринял. Предпринимаю до сих пор.

Правда, далеко не каждый из тех, кто сел за письменный стол и начал набирать на клавиатуре свои спутанные мысли, становится писателем.

Писателями становится меньшинство.

И не факт, что все они этому рады. Хотя Паустовский с Акуниным утверждают, что писатель – лучшая профессия на свете.

Что же такое художественная литература? Способ отвлечься? Развлечение? Игра, которая учит – «сказка ложь, да в ней намёю»? Или необходимая составная часть воспитания? А что такое тогда музыка? Театр?

Почему актёров когда-то хоронили за оградой кладбищ, а сейчас они чуть ли не самые популярные в обществе люди? Что изменилось за эти столетия? Стало легче жить, и сместились акценты? Изменились критерии серьёзности? Раньше ребячество было не в чести, а сегодня все хотят как можно дольше оставаться молодыми? Можно тратить меньше времени на обеспечение потребностей тела, поэтому можно обратить большее внимание на разум, его развитие, его игры? Интеллектуалом быть привлекательнее, нежели ремесленником или святошей? И сколько всё это будет продолжаться?

Хотя – у кого я это спрашиваю? И зачем? Ведь ответы на все вопросы можно легко найти, стоит лишь задаться целью и потратить на это время. А если на один вопрос ответов будет несколько, выбрать кажущийся самым правильным. Но это скучно. Всё знать скучно, а когда всё можешь, то ничего и не хочется. Даже у самой совершенной вещи для полноты совершенства должен быть небольшой недостаток. Энергия заблуждения – великая вещь, это именно та энергия, за счёт которой и существует многое в этом мире. Должен быть зазор между полученным и желаемым. Для работы экономики нужна небольшая инфляция. Для появления ветра нужна разность в давлении. Но так как всего знать невозможно, тяга к знаниям, к счастью, будет вечной.

Кандинский писал о том, что искусство – не бессмысленное создание произведений, а целеустремлённая сила, призванная служить развитию и совершенствованию души. Более того, душе так же, как телу, нужен «хлеб насущный». Василий Васильевич вообще настраивает меня на философский лад. Вот и тут – если душа требует пищи, а это ведь расхожая фраза, пища должна быть всегда новой и свежей. Поэтому вопрос о том, зачем писать что-то новое, если до нас уже сказано обо всём, можно не задавать.

Пойдём дальше. Уже упомянутый выше Борис Акунин разделяет писателей и беллетристов ещё и так – писатели пишут о себе, раскрывая душу, беллетристы пишут о других. Я слишком долго писал о других, пора и о себе подумать. И пусть это напоминает дневник, и я не знаю ещё, оставлю ли эти строки в финальном тексте, но это то, что мне сейчас необходимо.

Но что же делает произведение художественным? И зачем они вообще нужны, художественные произведения? Ведь практически любую драму Шекспира можно переписать как статью психолога для популярного, а то и глянцевого журнала. И наоборот – Бунин своего «Господина из Сан-Франциско» сделал из однажды увиденной газетной заметки.

Что меняется? Чувство? Собственное мнение автора? Читатель получает эстетическое удовольствие вместо интеллектуального? И главная моя задача — доставить удовольствие читателю, не забывая при этом о себе?

Удовольствие – ключевое слово. Регулярно задавая себе вопрос о том, ради чего стоит жить, чаще всего я приходил к мысли о том, что жить стоит ради удовольствия и ради познания. Ведь помощь другим, бескорыстная, искренняя, тоже в конце концов приносит удовлетворение, а значит, удовольствие. Но ведь и познание приносит удовольствие. Любовь – ещё большее удовольствие и радость. Значит, я живу ради удовольствия. Получается, и писать нужно так, чтобы удовольствие было многократным – и в самом процессе, и при внесении правок, и при получении редких похвал.

Меня долго подбадривала фраза Толстого, переписанная в записную книжку женой Давида Бурлюка, Марией Никифоровной: «Я согласен писать всю мою жизнь, если у меня найдётся только два читателя». Я был уверен в том, что Лев Николаевич сказал именно так. Каково же было моё удивление, когда однажды я всё же решил её перепроверить, и Гугл не выдал ни одного совпадения с этой фразой! Настоящая мысль Толстого была совсем иной. Вот она:

«Всякий писатель для своего сочинения имеет в виду особенный разряд идеальных читателей. – Нужно ясно определить себе требования этих идеальных читателей, и ежели в действительности есть хотя во всем мире два таких читателя – писать только для них».

Ну что сказать – Толстой в исполнении Бурлюков мне нравится больше. Хотя сам, работая над биографией Бурлюка, ориентировался как раз на нескольких идеальных читателей.

А ещё меня обнадёживает то, что сам Лев Николаевич тоже «выписался» из дневников в художественную прозу – через «Историю вчерашнего дня» и «Детство», до тех пор, пока не осознал, не создал дистанцию между собой и своим героем, которого по-прежнему называл «я». Будем считать, что и я сейчас пишу художественную автобиографию, не забывая при этом о возможных приступах «чувства эстетического стыда» после прочтения написанного.

Кстати, о Бунине. В своём «Господине из Сан-Франциско» он пишет о том, что американец, о котором он писал, ехал в гостиницу «Квисисана», одну из самых роскошных гостиниц на Капри. Это забавно, это опять совпадение, одно из тех совпадений в мелочах, которые часто встречаются в жизни. Ну вот, например, одно из них – когда-то, в очередной раз размышляя о том, чем дальше заниматься в жизни, я начал всерьёз задумываться об организации собственного кукольного театра. Неожиданных перемен было в моей жизни немало. Не все планы осуществились – как это обычно и бывает. Вместо ветеринарного образования я получил юридическое, и, несмотря на острое желание, так и не пошёл работать воспитателем в детский сад. Зато открыл большой детский центр с музыкальной школой и множеством

кружков при нём. Был там и небольшой зал со сценой – как раз для камерного кукольного театра. Но не задался даже камерный, а я мечтал о театре большом. А ещё – о собственной коллекции кукол. Мечты так и остались мечтами, я лишь купил несколько книг о них и вскоре понял, что живопись как предмет коллекционирования привлекает меня куда больше. Отметил только для себя, что главный советский кукольник, Сергей Образцов, родился в один день со мной – или я с ним. Пятого июля. Факт этот немного согревал мою душу. И вот совсем недавно я узнал о Евгении Деммени. Евгений Сергеевич Деммени (жаль, что не Леонидович, но это было бы уже слишком) был создателем Ленинградского кукольного театра, снял первый в Европе игровой кукольный фильм «Макс и Мориц», поставил первый спектакль в куклах на телевидении (и это в 1938 году!).

Я был ошарашен. Это уже чересчур. И теперь снова думаю о куклах – так же, как месяц уже думаю о «Квисисане», увидев табличку на отеле с таким названием в Карловых Варах.

Это слово просто прицепилось ко мне.

Что за странное название?

Ответ я нашёл у прекрасного Алексея Ремизова, тоже вовлечённого в неслучайную череду случайностей. А как иначе объяснить тот факт, что во время службы в театре Мейерхольда в Херсоне они с женой снимали комнату не где-нибудь, а именно в квартире Бурлюков, в результате чего Серафима Павловна стала брать уроки живописи у Давида и всю жизнь считала его своим учителем?

Так вот, Ремизов с художником Юрием Анненковым были завсегдатаями петербургского ресторана «Квисисана», знаменитого своим буфетом-автоматом. Приглашая в очередной раз Анненкова в то место, где «так оздоровляют», и увидев недоуменный взгляд того, Ремизов воскликнул: «Да это же qui si sanal». Здесь лечат!

Карловарский отель «Quisisana Palace», расположенный прямо напротив легендарного «Pupp'a», был построен в 1888 году Антоном Пуппом как свадебный подарок своей жене, Марии Маттони. А думаю я о нём так долго потому, что тоже был вовлечён в странную цепочку совпадений – поехав на старое городское кладбище Карловых Вар в поисках могилы великого коллекционера Ивана Морозова, я нашёл семейные могилы Бехеров, Пуппов, Маттони и Мозеров. Всей карлсбадской элиты. И потом только узнал о том, что Пуппы и Маттони были в родстве.

Минеральную воду «Маттони», к которой мы привыкли в Праге, на Кипре не найдёшь. Тут вообще редко пьют газированную воду. Но хватит предаваться раздумьям – сосиски с яичницей почти остыли, а солнце, наоборот, стало припекать ещё сильнее. Ресторан полон, шум голосов становится всё сильнее. Пройдусь, пожалуй, к христианской базилике, руины которой были найдены прямо под скалой Куриона. Она совсем близко – нужно просто перейти через дорогу.

Октябрьский песок ещё горячий, но уже не такой обжигающий, как летом. Базилика, построенная в начале шестого века и через полтора века заброшенная – арабские набеги на остров не прошли бесследно – почти не видна с пляжа. Песчаные холмики и низкие деревца заслоняют её. Табличка с описанием на греческом и английском почти дочерна выгорела на солнце, и единственными моими спутниками, интересующимися историей, стали юркие ящерки, разбегающиеся по мере моего приближения.

Кипрские ящерицы заслуживают, конечно, отдельного рассказа. Скажу только, что видел даже полуметровых. Было это у спрятанного в холмах за деревней Эрими монастыря Святого Георгия. Парочка таких почти ископаемых ящеров грелась в большом дупле старой оливы, и, когда я подошёл поближе, чтобы их рассмотреть, даже не шелохнулась. Впрочем, я сам не знаю, кто из нас попятился бы первым, будь они попроворнее.

Съезжу, пожалуй, в Епископи, посмотрю, не открыт ли археологический музей. К счастью, переодеваться не нужно. Американские шорты-плавки – отличное изобретение. Искупался, высох, натянул футболку – и вот ты уже в готов к любому кипрскому официозу.

Увы, музейное расписание не изменилось. В выходные он закрыт, а в будние дни открыт лишь до обеда. Лет пять назад я поставил перед собой цель в него попасть. Удалось это далеко не сразу.

Расположен музей в бывшем доме Джорджа Макфаддена. Чудесном двухэтажном доме с арками на первом этаже, с кипарисами, оливами и апельсиновыми деревьями во дворе. В нём всего несколько комнат и двор. Все они заполнены, буквально забиты артефактами с раскопок Куриона. Самое поразительное тут – найденные в «Доме землетрясения» скелеты обнявшихся мужчины, женщины и ребёнка, погибших во время катастрофы 365 года.

Тот единственный приезд я помню до сих пор. Мы долго болтали со смотрительницей с волшебным именем Евангелия. На прекрасном английском она рассказала мне историю своей жизни – о том, как родилась и выросла в горной деревушке Лофу, о том, как влюбилась ещё в школе в историю и археологию, как училась в Сорбонне, как любит свою работу. Рассказала о Макфаддене, заядлом яхтсмене, который перегнал в 1934 году на Кипр свою построенную годом ранее в Роттердаме 90-футовую яхту «Samothrace». Спустя тринадцать лет он продал яхту египетскому королю Фаруку. Тому самому Фаруку, который много раз останавливался в отеле «Квисисана» на Капри. В том самом отеле, где Бунин с женой провели три зимы, где принимали Шаляпина и Горького, где Иван Алексеевич написал повесть «Суходол» и десяток рассказов. Того самого, где умер господин из Сан-Франциско...

 $\odot \odot \odot$

Евангелия рассказала о том, что дом, в котором сейчас расположен музей, Макфадден построил в конце 1930-х, потому что в Епископи было трудно снять жильё для всей команды археологов. Рассказала о его смерти – опытный яхтсмен вышел с другом порыбачить на новой парусной лодке; когда она перевернулась, он не смог доплыть до берега...

Мы говорили об истории Кипра, о Греции и Турции, о том, что Эрдоган превращается в диктатора, о том, что Кипр всегда был и остаётся на перекрёстке интересов самых разных стран, о том, что мир так хрупок... Я уходил из музея с сожалением, но мне хотелось прогуляться по центру Епископи, спуститься к старой, давно заброшенной мечети.

Когда через полчаса я возвращался мимо музея к машине, Евангелия стояла у его ворот, держа в руке половину очищенного апельсина.

Она ждала меня всё это время.

Такие истории для Кипра не удивительны. Я нигде не встречал таких добрых и отзывчивых людей.

То, что я пишу сейчас – непонятная смесь путевых записок, воспоминаний, отпущенных в свободное плавание, с прорывами потока сознания, без схемы, структуры, сюжета, и я при этом хочу, чтобы из всей этой каши получилась повесть. Может ли получиться каша, то есть повесть, если варить её не по рецепту? Из четырёх типов повествования по Борхесу она ближе всего к третьей. Но здесь это поиск себя.

По пути домой я решил заехать в Эрими, деревню, где мы прожили два года. По кипрским меркам – место знаменитое. Во-первых, не так давно в её окрестностях нашли чуть ли не самое древнее кипрское поселение, в результате чего выяснилось, что люди на этом месте живут уже почти десять тысяч лет. Во-вторых, тут находится главный кипрский музей вина. В-третьих, у Эрими забавный статус – половина деревни находится на территории собственно Республики Кипр, а половина – на территории британской военной базы. Так что, когда переходишь дорогу, чтобы зайти в аптеку, или периптеро, или овощной магазин, каждый раз оказываешься за границей. Это ужасно забавно – делаешь фото на телефон, и он отмечает локацию: «Британские заморские территории». За день каждый местный житель пересекает эту условную, ничем не обозначенную границу десятки раз.

Когда-то англичане приняли специальный закон о статусе таких территорий – с тем, чтобы жители кипрских деревень, в отличие от жителей деревень на Бермудах, Ангилье, Фолклендах и ещё в десятке мест, не могли претендовать на британское гражданство. Казус этот сыграл злую шутку и с ближневосточными беженцами, которые добирались до Кипра по морю и специально причаливали у берегов военной базы. Убежища в Великобритании они так и не получили, и несколько сотен их с детьми и внуками так и живёт на базе который десяток лет.

В Эрими – самый большой в окрестностях собор, воскресная служба в котором начинается в шесть часов утра, о чём все узнают благодаря колокольному звону. Собор в это время переполнен – несколько сотен киприотов с нарядно одетыми детьми приходят на службу и причастие, и для них это настоящий праздник. Если учесть, что в субботу киприоты нешуточно гуляют и добираются домой глубокой ночью, это вдвойне удивительно.

А я несколько лет даже мечтал о том, чтобы моим именем назвали тот крошечный переулок в деревне Эрими, где мы жили. Всё равно он носил одноименное с соседней улицей название. Им ведь это ничего не стоит, а мне приятно. Я разрабатывал грандиозные планы превращения Эрими в культурную столицу острова, составлял списки художников, которых мог бы пригласить сюда на пленэр, думал о концертах и литературных чтениях. Начать решил с выставки. Привёз из Одессы несколько десятков отличных работ из своей коллекции, обрамил их, подарил одну мэру и наконец договорился пойти с ним вместе в недавно отремонтированный деревенский культурный центр, небольшое одноэтажное здание с черепичной крышей, вплотную примыкающее к самой знаменитой местной таверне «У Михалиса».

Оказалось, что внутри нет системы развески, а дырявить гвоздями стены нельзя. Мистер Хаджичамбис предложил мне расставить картины на скамеечках вдоль стен.

Разумеется, я отказался. Так окончилась, не начавшись, моя культурная экспансия.

Ну ничего, всё равно я люблю Эрими нежной любовью и всякий раз, прилетая на Кипр, приезжаю сюда.

Сегодня в нашем гостиничном дворике перемены. На смену немецкой паре приехали две кипрские. Теперь даже не нужно идти в таверну, она пришла сюда сама. Тишина закончилась. Киприоты предпочитают проводить вечера и ночи на улице и говорить, говорить, говорить. Это раздражает и успокаивает одновременно – с одной стороны, от шума голосов нельзя полностью абстрагироваться, с другой – он свидетельствует о том, что человечество ещё существует, а не растворилось окончательно в густой темноте кипрской ночи.

« OHOPAD»

ИРИНА ВАСИЛЕНКО

***

Случается родство по духу, нечасто, но случается, к счастью, и кажется, что знаешь человека давно, и не вспомнить день, когда увиделись впервые.

Узнавание приходит не сразу, постепенно, открываются стихи, и в них душа: ранимая, светлая, с голосом негромким и таким *своим*, ни на кого не похожим.

Ты умела слышать других людей – редкий дар для человека, а уж для поэта, – тем более, поэты, как правило, слышат лишь себя и ещё тишину.

Ты слышала и всегда находила время и нужное слово для каждого, а порой хватало и просто твоего взгляла.

«Послушай, солни... Пройдёт. Держи осанку. Держи лицо...»

И проходило.

Ты спешила жить, спешила успеть, хотя, на первый взгляд, могла показаться медлительной – от тебя веяло спокойствием, рядом с тобой становилось спокойнее.

Известие о своей болезни ты приняла с тем же невозмутимым спокойствием – голос твой в телефонной трубке оставался прежним даже за два дня до твоего ухода – слабеющий и такой родной, и теплилась надежда, и так хотелось верить в чудо.

Не случилось чуда.

Книга о мемориальных досках Черноморска, над которой ты работала в последние месяцы жизни, осталась неизданной.

Видимо, так было угодно судьбе, чтобы в ней появилась страница, посвящённая тебе, а на доме, где ты жила – мемориальная доска.

Через дорогу – напротив – кафе «Рандеву», где мы не раз собирались, организаторы и координаторы твоего детища, твоей мечты, воплощённой в жизнь – арт-фестиваля «Провинция у моря».

Ты с нами.

Мы с тобой – с твоим голосом, с твоими стихами, ангел светлый, питерская косточка, рыжая ничейная кошка, метерлинковская птица, душа маленькой провинции у моря и нашей большой – фестивальной. «Территория I» связана с твоим именем.

Ирина Владимировна Василенко (23.12.1957-06.01.2021). Поэт, культуртрегер, журналист. Родилась в Санкт-Петербурге, жила в Ильичёвске (ныне г. Черноморск Одесской области). Создатель и член оргкомитета международного арт-фестиваля «Провинция у моря» (2011-2017), руководитель арт-проекта «Территория I», в течение многих лет — член редколлегии литературного интернет-портала «Графоманов. НЕТ!», составитель сборников «Пространство слова.оd.ua» (2010), «Сто признаний в любви Ильичёвску-Черноморску» (2019) и мн.др. Публиковалась в Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение» (2010), журнале «Южное Сияние», альманахах «ЛитЭРА» (Москва), «Крылья» (Луганск), литературно-художественных сборниках «Территория I» (Одесса, 2006, 2007, 2010), «Открывая имена» (2008, Одесса), «Провинция у моря» (2013, 2014, 2015, 2016), интернет-журналах «Великороссъ» (Москва), «Легенс» (Санкт-Петербург), «Ликбез» (Барнаул), «Diligans» (Одесса) и др. Победитель международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (2011). Автор книг стихов «Кофейные зёрна» (Одесса, 2008), «Ты прикидывалась птицей Метерлинка» (Ильичевск, 2014). Член Южнорусского Союза Писателей (2010) и Одесской областной организации Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины» (2010).

Территория поэзии, музыки, живописи. Света и любви. Солнца и моря. Твоя территория, Ирина. Такой я знала и любила тебя. Такой и запомню.

***

И белым днём не видать ни зги, светлее разве что только ночью, ещё плетёт свою сеть Мизгирь, постылый круг замыкать не хочет. И белый день – это лишь слова, пустая фраза, фигура речи, как паутинные кружева не отогреют и не излечат. В них всё знакомо, в них всё моё: и обнажённость, и вечный страх мой стихосплетений, что не даёт забыть печальный исход Арахны. Двенадцать месяцев – год и сет. Но я не строю воздушных замков. И паутинная ткётся сеть, и год не кончен, и круг не замкнут. Прядёт тенета свои Мизгирь, в них слаб уток, да прочна основа. Кому угодно – себе ни лги, что будто год начинаешь новый стихами – мнимое волшебство, сплетенье слов бесполезных - мёртвых... Но эхо голоса твоего не стерто в памяти. Нет, не стёрто. «Послушай, солнц... Всё пройдёт.» Прошло. Уснула боль в онемевшей коже. Не растерять бы твоё тепло и что-то важное. Что же... Что же? «Да к чёрту сказки с плохим концом, про дед Мороза читай, про Санту... Что б ни случилось – держи лицо, что б ни случилось — держи осанку. Держи лицо, королева. Всё пройдёт, осядет в твоих чернилах...» Держу осанку. Удар. Лицо. Вот только... слёзы сдержать не в силах.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА об Ирине Василенко

Есть просто люди, а есть люди-звёзды: креативные, бескомпромиссные, источающие удивительный свет, на который идут другие люди. Такой была и останется в моей памяти Ирина Владимировна Василенко.

Сегодняшний творческий Черноморск сложно представить без неё. Это всё равно, что ночное небо без Полярной звезды — неподвижной, порою едва заметной в наших широтах, но такой необходимой сбившемуся с пути путнику, мореходу или просто романтику. Безгранично талантливая, полная новых идей, порою колюче-принципиальная (а в созидательном пространстве без этого иногда никак), она была той осью, вокруг которой вращалась творческая жизнь в нашем небольшом городе. Она была той Полярной звездой, вокруг которой вращается ночное небо. Помните, у Владимира Бенедиктова:

Жителя севера ночь необъятная Топит в лукавую тьму: Ты безвосходная, ты беззакатная – Солнце ночное ему!..

Осмелюсь утверждать, что эти слова можно без зазрения совести отнести к нашей Ирине. Нашей! Ибо теперь она – достояние Черноморска.

Как всякого талантливого человека, Творец наделил её непростым характером. Кто был знаком с Ириной близко, не раз от этого страдал! Но никто, никогда не отворачивался от неё навсегда. Это было нереально. Её могли любить или не любить, могли не разделять её пристрастия или мировосприятие, но к ней всегда прислушивались, с ней всегда считались, и она всегда находилась в центре внимания, как... Полярная звезда:

Но всё горит звезда среди небес, Вам с двух сторон земли она видна... К. Симонов

Мы с Ириной соседи по двору. Вечерами, проходя мимо её дома, я всегда смотрел (и до сих пор смотрю) в направлении окна её «фонарика» (есть такой архитектурный элемент в наших двухэтажках). Если там свет горел, а он горел там практически всегда, на душе было спокойно. Я знал, что если прямо сейчас наберу Иру, там, за светящимся окном обязательно снимут трубку, если нужно, успокоят, подбодрят, дадут дельный совет. Если же свет не горел, охватывало беспокойство, а в итоге оказывалось, что она, например, уходила на пару часов повидаться с мамой. Уже тогда, даже в таких случаях, меня одолевали странные ощущения. В последние месяцы я смотрел туда с тревогой... Теперь там свет не горит. Вечерняя Корабельная улица потеряла одно светящееся вечером окно. Потеряла свет одной звезды. Всего одной. Но какой!.. Осознаёт ли улица, квартал, город масштаб своей потери?..

Да, мы разные, но мы дружили, и всякое было в нашей дружбе: яркие переживания, взаимные обиды, планы на будущее и ссоры, радость от проделанной работы и недопонимание, наверное, как во всяких обычных дружеских отношениях. В любом случае, горжусь тем, что был и остаюсь другом Иры Василенко. Свет её звезды не погас, он продолжает светить и освещать мой путь. Надеюсь, Юрий Визбор не обидится, если выскажусь его словами:

Старой нашей дружбе не забыться, II теперь над нами навсегда Гордо будет в облаках светиться Синяя полярная звезда...

***

Ирине Василенко

Боги времени злы, беспринципны, скупы и коварны. Боги вяжут узлы на серебряных струнах гитарных, тянут белый песок в ненасытное чёрное жерло и летящим лассо улыбаются избранным жертвам.

Кто-то «просит ухи»¹, но со времени Взрыва Большого в тронном зале глухи к пожеланиям самым грошовым. Запах гари, смолы, вздохи-всхлипы сосны под стамеской... Боги чистят стволы до пугающе мёртвого блеска.

Беспокойны стрижи...
Ноты, звуки, слова, вдохновенье – всё идёт на пыжи – на повальное самозабвенье.
Из стволов нарезных боги мечут разящую плесень...
Боги времени злы и не любят оконченных песен.

Леонид Кулаковский, руководитель ЛитО им. В. Домрина

***

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОНА В ОТСУТСТВИИ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

это воздуха нет и закончились рваные дни заупрямилось время и стрелки стоят на зеро уходя промолчи никого ни за что не вини собирай тишину и слова превращай в серебро

видно эту печаль не укрыть от назойливых глаз будто рвётся наружу расходится тоненький шов и летят в пустоту под усталый обветренный джаз уносимые ветром страницы никчемных стихов

глухоту недосказанных фраз и оборванных слов отпускаешь с ладони как бабочку в сонный полёт развевается плащ прокуратора вечер багров ты стоишь у окна мимо время неслышно течёт

***

Кто назвал её покорной, кто посмел поставить ценник, И решил, что всё так ясно – до последнего «прости»? Лучезарно улыбаясь, брошу всем последний пфенниг, И словам я не позволю здесь томиться взаперти.

Настежь окна, настежь мысли! А незрелые сюжеты Поцелуев, кривотолков — разбросаю второпях... Обернётся птицей кошка, и жемчужные браслеты Разлетятся звездопадом в этих стылых февралях.

¹ «Брат Митька помирает, ухи просит» – крылатая фраза советских времён из кинофильма «Чапаев», ставшая символом отчаянной мольбы.

Крыши, звёзды... Погуляем? Не боишься вниз сорваться?! У меня – ключи от неба и билет на дирижабль. У тебя – весёлый норов и уменье догадаться, Что тобою только дышит мой доверчивый февраль.

Кто меня назвал покорной, кто решил, что понял что-то? Обернусь холодной стервой, брошу жёсткие слова Но в душе опять котёнком заскребётся отчего-то Недосказанная нежность, что тобой одним жива.

***

Ты прикидывалась птицей Метерлинка... (черновики)

Она притворялась неведомой птицей, Агала, что по встречной летит до упора, Слыла королевой, была баловницей, Несла свою ношу и множество вздора.

Сжигала себя и чужие страницы, Ловила секунды и брошенный камень. Ей кто-то упорно твердил про границы, Навязывал догмы и затхлый регламент.

Она собирала осколки и рифмы, Хранила себя и сожжённую память. Меняла е-мейлы, иконы и ники, Мечтала от счастья внезапно растаять.

...Она уходила, она улетала. По краешку ночи, по острому срезу. То душу, то время, смеясь, убивала. Забыта навеки. Нужна до зарезу.

***

Обещай, что будешь рядом – взглядом, жестом, словом, строчкой, В нашем царстве тридевятом, где любовь и гнев – с рассрочкой, Где рифмуются глаголы ветром/небом/снегопадом, Не страшны ничьи уколы, если только будешь рядом.

Не спросивши разрешенья – ни у чёрта/ни у бога, Кто-то создал уравненье, где одна у нас дорога, Где глаголы расставаний жгут глаголы нашей встречи: «Я скучаю». «Возвращайся». «Без тебя так долог вечер».

Прочь неверные прогнозы, перепады света/тени, Не кори меня за слёзы и дрожащие колени, Обернувшись у порога, обещай вернуться — взглядом. Всё уйдёт — беда, тревога... если только будешь рядом.

***

 $\Theta \Theta \Theta$

Верить – это просто и легко. /стёклышки иллюзий разбросаешь/ Строчки попадают *в молоко*, Даже если в небо отпускаешь. Герда, Беатриче, Ла, Марго – Город твой навечно замурован. Пусто там, где пунктик «итого», Холод со строкою зарифмован. Призрачны мечты и миражи. Сказки с хеппи-эндом – на бумаге.

Ты – птенец над пропастью во ржи, Вечность тихо плачет в полушаге.

AMADEUS, ETC... [полёты во сне и наяву]

...не плачь, не плачь... слова взрывают день, как вспоротая вена, ранит слово. ты улыбнёшься (мудро... бестолково...), легко шагнёшь на новую ступень.

лети, лети – летально крылья жечь. пока часы двенадцать не пробили, такая жесть! – забыть глухие штили, такое счастье! – слышать чью-то речь.

тебе приснится кроличья нора, песчаные карьеры генералов, и msk в сумятице вокзалов, и хмурый Питер – пулей у виска.

вяжи, вяжи из нежности узлы. нанизывай, как бисер, чьё-то слово. и амадей откликнется смычково: здесь невозможно выжить без любви...

***

Больнее белого листа И снисходительной улыбки Хлестнут внезапные слова... Мои шлагбаумы так хлипки, Мои границы – из ветров, Но стены карточного дома Вместили нежность всех миров, Что, как былинка, невесома.

Подкинь на счастье медяков. Не надо правильных уроков.

...Мой быт до смеха бестолков, Моя зима не знает сроков.

OCEHHEE

Ты так любила осенний сумрак, ковёр из листьев и тёплый плед. Но эта осень скупа на счастье, и щедро дарит лишь список бед. Рефреном тусклым звенит: «теряю» – ключи от дома, друзей и сон. Здесь всё так хрупко, и так привычно у драмы этой бесслёзен фон.

Закрыты двери – не достучаться, засов невидим, и стражи нет. Не верь, не бойся, не жди ответа – держи осанку, храни свой свет.

Волшебных красок ещё в запасе немало скрыто меж будней дней. За новой дверью живёт удача, и каждый шаг – как дорога к ней. Пусть в прошлом тает всё то, что болью, тоской сжимало, мешало жить...

Есть тихий город. Стихи и книги. Всё то, чего нас нельзя лишить.

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА [реквием по надежде]

Осенние листья летят вместо писем в Макондо. Сто лет одиночества. В двери лишь ветер стучится. Наивная память о прошлом твердит сумасбродно, Но ты понимаешь: уже ничего не случится.

Уже ничего, ничего, ничего не поможет: Ни в книге закладка на самой любимой странице, Ни капли дождя, что ознобом ударят по коже, Ни чьи-то шаги по скрипящей от мук половице.

И будет свеча догорать в одиночестве тусклом, Ты в зеркало бросишь усталое тихое «prositl», Свернётся калачиком, выгорит прошлое углем, А та, что любила, стихи свои [в небо] забросит.

ТАКТИЛЬНОЕ

Одиночество можно потрогать руками. Коснуться подушечками пальцев – И ощутить холод и пустоту.

Разлуку можно узнать на вкус. Прикоснуться осторожно губами – И ощутить горечь и боль.

Аюбовь можно услышать сердцем. Прислушаться к тишине внутри себя – И вдруг ощутить радость.

«OKOËM»

«МОЛЯСЬ СВОЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ МАДОННЕ...»

о Поэтическом конкурсе Международной литературной премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (седьмой сезон, 2020 год)

Поэтический конкурс 2020 года прошёл под девизом «Молясь своей единственной мадонне» — это строчка из стихотворения Игоря Царёва «Пусть»:

Рентгеном звёзд просвеченный насквозь, Душой из края в край как на ладони, Не мудрствуя, надеясь на «авось», Молясь своей единственной мадонне, Я не хочу меняться и менять Усталого коня у переправы, Тревоги, непутевого меня — На крепкий сон неисправимо правых...

Пока в крови гудят колокола,
II небо осыпается стихами,
Пока запотевают зеркала
От моего неверного дыханья,
Почтовой тройкой, вдаль на ямщике
Через заставы, тернии и даты
Горячею слезинкой по щеке
Пусть жизнь упрямо катится куда-то...

Мы впервые в этом году решились предложить для нашего поэтического конкурса любовную тему. Боялись порой переходящих в пошлость банальностей, свойственных «любовной лирике» не только графоманов, но и начинающих поэтов.

Боялись не напрасно — значительный объем присланных работ был отсеян ещё до передачи конкурсных произведений в жюри — из более 300 заявок к первому туру были допущены 115 участников, а во второй тур прошли 53 работы, которые и соревновались за выход в финал.

Финалистами были названы: Светлана Пешкова (Липецк), Марк Шехтман (Израиль), Елена Уварова (Мытищи), Дмитрий Курилов (Москва), Клавдия Смирягина (Санкт-Петербург), Евгений Иваницкий (Фрязино), Юрий Татаренко (Новосибирск), Алина Серёгина (Люберцы), Михаил Четыркин (Португалия), Юрий Макашёв (Баранаул), Сергей Кривонос (Луганская область) и Людмила Баневич (Москва).

Причём двое из них (победители предыдущего, шестого сезона Марк Шехтман и Юрий Макашёв) в соответствии с правилами конкурса в течение трёх лет, даже выйдя в финал, не могут участвовать в соревновании на звание победителя.

Стихи, вышедшие в финал в соответствии с максимальным числом баллов, самими членами жюри были оценены по-разному. При выборе победителя один и тот же автор получал от каждого из них весьма различающееся число баллов – от 1 до 10 (при десятибалльной системе).

Конкурс сопровождал наш постоянный литературный обозреватель Владимир Гутковский, мнение которого относительно каждого стихотворения участников финала всегда учитывается Учредителем вне связи с мнением жюри.

Резюме от литературного обозревателя - общее впечатление от финала.

Что же, в этом году вполне достойным оказался финал конкурса. II тексты, его составляющие, заслуживают пристального внимания. Уверенные и разнообразные. Есть из чего выбирать.

Победителем стала Клавдия Смирягина из Санкт-Петербурга, набравшая самый высокий общий балл.

СТИХИ ФИНАЛИСТОВ «ПЯТОЙ СТИХИИ-20»

ЮРИЙ ТАТАРЕНКО

Новосибирск

ОТЕЛЬ 4 ЗВЕЗДЫ

Жил по законам магии Два бесконечных дня. Если я стану маленьким, Не поливай меня. Строчки чеканил запросто, Рифмам не изменял. Если я стану августом, Посентябри меня. Путовичные прорези Верности не хранят... Если я стану прописью – Перепиши меня. Танцы дождинок с листьями – Осени западня. Если я стану истиной, Не вспоминай меня.

АЛИНА СЕРЁГИНА

Люберцы Московской области

ПТИЦА

Надо мной – синева, подо мной – сон-трава, А во мне – всё слова, всё свежей да упруже... Я, наверное, дерево – все дерева Прячут кольца внутри, а не носят снаружи.

В кроне вечно шумит то норд-вест, то зюйд-ост, Гнутся тонкие руки мои, словно ветви; И поёт во мне птица, не вьющая гнёзд, Не про вёсны поёт – про суда и про верфи,

Что бывает, как ситец зелёный, вода, Шьют волну корабли по зелёному ситцу... И приходит сюда человек иногда — Он целует листву мне и слушает птицу —

 $\odot \odot \odot$

И тогда подо мной закипает земля, И ко лбу его жмусь я прохладной корой, ведь Я, наверное, мачта его корабля — И, меня не срубив, корабля не построить...

...Он не рубит – и я дорастаю до звёзд. И поёт во мне птица, не вьющая гнёзд.

ЕЛЕНА УВАРОВА

Мытищи Московской области

ОЖЕРЕЛЬЕ

В прошлой жизни я был цыганом: пил вино, воровал любовь. Помню, как-то в запале пьяном, за плетнями тверских дворов, в кабаке, где тянуло прелью и гудело полсотни рыл, я жемчужное ожерелье дочке конюха подарил. Пошутил: «В нём душа живая, только ныне укрыта сном. А разбудишь (сама не зная) — мы, бедовые, совпадём. В каждом веке найдём друг друга, будем вместе в любых мирах». И ушёл... И скулила вьюга, как собака скулит впотьмах.

Сотня лет с той поры минула. Не кочую – свой дом, жена, на парковке – седан сутулый, в чубе – ранняя седина. А на сердце свинец и тучи: чувства есть, да всегда не в масть. Но недавно мне выпал случай с проводницей одной совпасть. Мы, обнявшись, летели в бездну, а потом поднимались ввысь. Было жарко в купе и тесно. И разгульно пьянила жизнь. Пахло волей, полынью, Тверью, проводницей, сырым бельём. И мерещилось ожерелье на горячей груди её.

СЕРГЕЙ КРИВОНОС

Сватово Луганской обл.

***

В твоём лице есть что-то от весны, От всех апрелей будущих и прошлых. Проталины морщинок осторожных Улыбкой добрых глаз освещены.

В твоём лице от лета что-то есть. Когда приходишь ты, теплеют будни, И на душе становится уютней, Как будто добрую прислали весть.

В твоём лице и белизна зимы, И осени задумчивость лесная. Что будет с нами завтра, я не знаю, Но знаю, будет мир с названьем «Мы». И, небо исписав наискосок Безоблачными буквами созвездий, Хмельная ночь нам окна занавесит И бережно прижмёт к виску висок.

ЮРИЙМАКАШЁВ

Барнаул

ТЫ МОЙ БОГ

Ты мой Бог. Не потому, что рядом Неба синь. И «город золотой» В череде прошедших звездопадов Кажется нам сбывшейся мечтой.

Ты мой Бог. Не потому, что вместе, Снова отмеряя день за днём, Получаем радостных известий Ровно сколько грустных отдаём.

Ты мой Бог. Не потому, наверно, Что бывает разным волшебство. Просто ты... Пусть медленно, но верно Сделала наш мир Из ничего.

КЛАВДИЯ СМИРЯГИНА

Санкт-Петербург

ЯБЛОКО

... А яблоко ложится в руку, как будто помнит райский сад. У них, пригубивших разлуку, нет времени смотреть назад.

Есть только этот день осенний, есть ельник, дятла метроном и завтрашнее воскресенье с полынным праздничным вином.

И небо выцветшего ситца, и запах скошенной травы, и знанье, что не повторится вот эта речь сухой листвы. $\Theta \Theta \Theta$

А если сентябри иные им вместе встретить повезёт, пусть снова будут выходные, молчания тягучий мёд.

Она не названного слова опять почувствует огонь. И яблоко положит снова в его горячую ладонь.

СВЕТЛАНА ПЕШКОВА

Липенк

НАДО МНОЮ ЗЕМАЯ

Ты меня по имени не зови, мы с тобой случайные визави – две беды в прокуренной тишине. ...А меня вне города больше нет. Я дитя его – у него внутри, и смотрю глазами его витрин от Базарной площади до пруда. Я теперь из города – никуда. От Никольской башенки – до кремля подо мной – земля, надо мной – земля. Я теперь – дыханье крылатых львов, папиросный дым, перегар дворов, колокольный звон и колёсный скрип, я – нектарный флёр златоглавых лип. У меня в ладонях – прохлада луж, у меня в гортани сквозняк и сушь. Ты привык по имени... Ну и что ж! Отними у памяти, уничтожь, вырви восемь звуков, сожги, развей, без любимых слов – забывать быстрей. Я тебе ни сродница, ни жена, не тобой наказана-прощена. Я – выонок, примятый твоей ногой, и трава, и корни, и перегной, серый мох, крадущий тепло камней... Ты, когда остынешь, придёшь ко мне.

ЕВГЕНИЙ ИВАНИЦКИЙ

Фрязино Московской обл.

ЧАСОВЩИК

Это тема для валторны, двух фаготов, клавесина, Двух свистулек, двух снежинок, колокольчиков зимы. Открывается шкатулка, где Щелкунчик с балериной, – Музыкальная шкатулка, где с тобой кружились мы.

Флейте – петь, снегам – искриться, нам – разгадывать загадку: Неужели мы вернулись, неужели влюблены? А над нами две снежинки, и несут нас две лошадки В наше кукольное царство и игрушечные сны.

Мы – две сущности, две ноты царской радостной охоты. Нас с тобой не испутает волчий вой из детских книг. Позади большая вьюга, и ликуют два фагота. Бунтовавший тёмный ангел нынче – тихий часовщик.

Чёрный пластырь вместо глаза на лице его совином. Словно крылья старой птицы, свисли полы сюртука. Заржавели зодиаки, и растянуты пружины, А в сердцах так мало счастья, тут работы на века.

Фея-флейта гасит свечи. Бьют часы, но как-то странно. Надо смазать шестерёнки износившихся миров. Спит усталый старый мастер, сполз парик его стеклянный. Осторожная кукушка не выходит из часов.

Часовщик сердец бесплотных, часовщик миров полночных Спит, а облако, как птица, звёзды бледные клюёт. Пусть кружиться нам недолго, наше счастье пусть непрочно, Но счастливая валторна начинает свой полёт.

ЛЮДМИЛА БАНЕВИЧ

Москва

МАТИЛЬДА, ТЫ СНОВА ЗАПУТАЛА ПРЯЖУ...

Матильда, ты снова запутала пряжу!
Ты просто бездарна, как старый носок,
Который годами всё вяжешь и вяжешь,
А всё — неумёха, какой с тебя прок?
Детей разогнала, побила посуду
И шамкаешь громко кривящимся ртом.
Матильда, постой, мне так больно и худо,
Не смей покидать наш неприбранный дом!
Куда ты спешишь? Ну не будь слишком строгой,
Здесь кров твой, замри, помолчи у дверей.
Полвека идём мы одною дорогой,
Я плакал, когда ты рожала детей.

Матильда, упрямая злая старуха, Одна норовишь ускользнуть со двора! Вот ставня стучит так зловеще и глухо, Свет меркнет... послушай. Неужто пора? Матильда, как можно?! Меня ты любила. Зачем же теперь – в этот день, в этот час Меня, как очки, вдруг взяла и забыла, И выпало время... и свет вдруг погас. Спасибо, родная, я нитку нащупал. Клубок покатился... Матильда, постой! Я слаб без тебя...Башмаки перепутал. Прости, дорогая, Я вслед... за тобой...

 $\Theta \Theta \Theta$

Маале-Адумим, Израиль

СТИХИ ГАЛАТЕЕ

Оставь Пигмалиона, Галатея! Талантом, как недугом, одержим, Над замыслом заоблачно немея, Земному он становится чужим. Он в мраморе свои виденья прячет, Как будто бы надеется опять Изведать богоданную удачу – Любовь из невозможного создать.

Оставь его! Иди! Там ждут Афины! Там целый мир! Ну что же ты? Иди! Сильны мужи и юноши невинны... Повелевай – округлостью груди, Капризом бёдер, зовом лона, властью Влечений, изгоняющих покой! Ночной жасмин благоухает страстью, И влажно дышит в сумерках левкой, И роза зачарованно запела... Иди же, Галатея!

...А потом,

Когда поймёшь – душа окаменела, – Вернись для пробужденья в этот дом, Где нежность – не разменная монета, Где камню повелели – Оживи! – И где любовь есть продолженье света, А тело – продолжение любви, Где вишнями колышется аллея, Где за окном цикада голосит... Вернись к Пигмалиону, Галатея!

Никто другой тебя не воскресит.

ДМИТРИЙ КУРИЛОВ

Москва

В БЕССОННОЙ ГОЛОВЕ ТАКОЕ ОРИГАМИ....

В бессонной голове такое оригами! — то ангелы поют, то демоны трубят... Шататься по Москве, ходить весь день кругами и думать о тебе, и чувствовать тебя.

Аюбовь моя и боль, ты – рана ножевая, ты – мой горящий куст, и крест, и забытьё. И горько, и светло мне жить, переживая присутствие твоё, отсутствие твоё...

Аюбовь моя и боль!
Ты – праздник и ненастье, ты жизни вечный мёд и смерти остриё!
Ты в сумраке моём мерцающее счастье, безумие моё... спасение моё...

МИХАИЛЧЕТЫРКИН

Порту, Португалия

ОСТАНОВИСЬ... – Я ВСПОМНЮ САМ...

Остановись... – я вспомню сам Как рассвело не по часам, Как луч скользнул за край стола ...И показалось – Февральский мир вдруг стал так мал, Иных миров воссоздавал Он тень и свет. А ты спала. И улыбалась...

Всё необычно было мне... Там ель к оттаявшей зиме Как в измерении другом Тянула лапы, **● ● ● 《**○KOEM**》**

Там звук молчанье пережил... И день, наш новый пассажир, Вошёл в привычный свой вагон, Снимая шляпу.

Снега готовились к весне, И новый год протёр пенсне, Тактичный. Вежливый. Живой. Несовременный... И как любовь из светлых книг Твой аромат ко мне приник Теплом. И свежей синевой Одновременно...

«CETYATKA»

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

АНАТОЛИЙ КОРНЕЛИЕВИЧ ВИНОГРАДОВ – СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ

Виднейшим представителем историко-биографического жанра русской советской литературы 1920-30-ых годов был писатель, литературовед, библиограф и переводчик Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888-1946).

Родился Анатолий Виноградов 28 марта 1888 года в селе Полотняный Завод Калужской губернии Медынского уезда, в имении «пушкинских Гончаровых», крестной матерью его стала Е.Д. Гончарова, родная племянница Н.Н. Пушкиной, одна из первых русских женщин-врачей, первая русская женщина, получившая звание магистра медицины в Сорбонне. Вот что пишет о своих самых ранних годах сам писатель в одной из автобиографий: «Отец Корнелий Никитич Виноградов, сельский учитель, мать Надежда Николаевна (урождённая Гумилевская) дочь подполковника лейб-Бородинского полка. В 1890 году вся семья переехала в Тарусу, где мой отец был народным учителем. Необходимость дать образование детям побудила отца моего переехать в Москву, где он получил место учителя Второго городского училища на Якиманке...». С тех пор Виноградовы жили в Москве, а летом в своём доме в Тарусе.

Известный, очень популярный, читаемый в советские времена роман Анатолия Виноградова «Три цвета времени» (1931) отправляет читателей в увлекательное путешествие по жизни французского романиста Анри Бейля-Стендаля. Следуя за главным героем, замедляем движение у причалов его привязанностей, встречаемся с легендарными романтиками, с известными «остроумцами», с целой портретной галереей исторических и вымышленных действующих лиц. Редактировал «Три цвета времени» и писал предисловие к первому изданию книги А.М. Горький.

1930-ые годы наиболее творчески-плодотворное время жизни А.К. Виноградова. Он создал «Повесть о братьях Тургеневых» (1932). В повести писатель показал судьбы декабриста Николая Тургенева и его брата Александра, художественно воплотил свои оригинальные взгляды на факты связей декабризма с масонством и большой европейской Карбонадой. Потом увидела свет историческая повесть «Чёрный консул» (1933) о колониальном восстании, где рассказывается о приключениях Туссена Лувертюра, предводителя восстания негров-рабов на острове Гаити в эпоху Французской революции. Назовём и исторический очерк «Шейх Мансур» (1934), основанный на устном рассказе Л.Н. Толстого.

В опубликованном впервые в 1936 году романе «Осуждение Паганини» Анатолий Виноградов изобразил резкими, трагическими красками жизнь и страдания гениального итальянского скрипача и композитора. Роман этот представляет собою видоизмененное воплощение замысла, положенного в основу ранней незавершённой повести «Девочка со скрипкой или тайна графини Орфинской». Тогда же была опубликована книга о Байроне (1936), далее монография о герое «Трёх цветов времени» – «Стендаль и его время» (1938).

А. Виноградов не только писатель-беллетрист, но и учёный-филолог. Он автор исследования «Мериме в письмах к Соболевскому» (1928). Сергей Александрович Соболевский, блестящий представитель русского дворянской интеллигенции, был «другом литературы», «организатором контактов разнообразных литературных школ». В книге проанализированы документы архива Соболевского, найденные и опубликованные Виноградовым. Работа эта, несмотря на некоторые спорные моменты, в ней содержащиеся, вошла в историю исследований литературных связей России и Западной Европы. Академик Е.В. Тарле писал в Экспертную комиссию при СНК СССР по поводу «Мериме в письмах к Соболевскому»: «А.К. Виноградов обнаружил не только общирнейшую эрудицию, не только привлёк самые разнообразные материалы, но и с замечательной чуткостью, тонкостью и пониманием воскресил перед читателем целую эпоху культурной истории первых двух третей XIX века…».

Издательство Академии наук СССР опубликовало в 1937 году своеобразное продолжение этого исследования под названием «Мериме в письмах к Дубенской. Письма семье Лагренэ». В публикации, приложенной А. Виноградовым к вступительной статье, мы находим прокомментированную переписку французского писателя с его приятельницей, В.И. Дубенской, преподававшей ему русский язык, и несколько писем членам её семьи – мужу, господину Теодозу де Лагренэ и дочери, Ольге Лагренэ.

Специалист по трудам и дням Мериме и Стендаля сам прожил жизнь, которая могла бы послужить темой для романа, и о которой можно сказать стихами В. Пастернака: «И русская судьба безбрежней, / Чем может грезиться во сне...». Ветер странствий ещё в самой ранней юности уносил Анатолия к Чёрному морю. Там гимназическая форма сменялась тельняшкой корабельного юнги. Лето пятнадцатилетия он провёл в научной экспедиции к берегам Ледовитого океана. После гибели части экспедиции и её руководителя А.В. Шидловского у Айновых островов, оставшийся в живых мальчик-препаратор «почти без денег» через Норвегию возвратился в Россию.

В 1906 году, А. Виноградов, идя по стопам отца, учителя-математика, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Но через два года круго повернул штурвал жизни по направлению к гуманитарному курсу, перешёл на философское отделение историко-филологического факультета.

Студентом он сблизился с поэтами С.М. Соловьевым, с Б. Садовским. М. Цветаева в очерке-воспоминании «Пленный дух» называет его имя, говоря о круге Андрея Белого. Он был «поручителем» со стороны невесты, то есть «свидетелем» на свадьбе М. Цветаевой и С. Эфрона 29 января 1912 года.

В те годы А. Виноградов вместе с рано умершим поэтом Ю.Сидоровым увлекался творчеством Д. Мережковского. Но после смерти Сидорова усомнился в своём кумире, подозревая, не обернулось ли тайной причиной гибели друга пагубное влияние на его внутренний мир идей Мережковского... И в его записной книжке появляется такая надпись: «Раскрыл бы я все это. Смерть моего друга побуждает меня крикнуть: "Слово и дело". Но подождём».

С этим мучительным вопросом Виноградов отправился к апостолу литературы русской Льву Толстому. В беседе с «московским студентом» 27 февраля 1909 года Толстой дал резко-отрицательную характеристику творчеству Мережковского, назвал творения автора «Христа и Антихриста» «религиозными конфетами». Но Виноградов уехал из Ясной Поляны, не обретя веры и в учение самого Толстого. Оно не пришлось по духу, отпугнуло своей противоречивостью.

В 1912 году Виноградов окончил со степенью кандидата Московский университет и был принят на службу в Румянцевский музей. Место младшего помощника библиотекаря он заслужил бесплатной работой в музее в качестве «вольнотрудящегося» с ноября 1909 г.

1913 и 1914 годами датированы первые выпущенные им книги: перевод ритмической прозы польского поэта Ю. Словацкого «Ангелли» и составленный им «Каталог Альдин» – систематизированное описание хранившихся в музее инкунабул и палеотипов, первопечатных книг XVI века.

Когда на полях Европы пушки заговорили о войне, А. Виноградов был мобилизован в ряды Российского общества Красного креста. Приказы о награждениях командира передового отряда говорят о том, что он был не робкого десятка. Сам вывозил раненых с поля боя. Бывало, приходилось доставлять медикаменты под ружейным огнём, направленным исключительно на него.

Не каждый читал книгу сестры поэта Марины Цветаевой, Анастасии Цветаевой, «Дым, дым и дым» (1916). И мало кому известно, что в книге этой, представляющей собою собрание эссеистических отрывков дневникового характера, под литерой «Т» скрыто имя её друга Толи, А.К. Виноградова. Там воспроизведены разговоры с ним в те дни, когда он приезжал в отпуск с фронта.

После тяжёлой контузии, отразившейся на всем существе Анатолия Корнелиевича, он возвратился к мирным занятиям в музее. В 1917 году в его переводе появилось мессианское сочинение Адама Мицкевича «Книги народа польского и польского пилигримства». Часть тиража этой книги было уничтожено полицией.

Когда над страной развернулись кроваво-красные флаги революции, А.К. Виноградов был избран в Совет солдатских депутатов Москвы, членом комиссии по охране памятников искусства и старины. Принимал участие в спасении от расхищения и вывоза за границу национальных ценностей. Об этом подробнее написано в книге Евграфа Кончина «Эмиссары восемнадцатого года» (1981).

В 1920 году он женился на исключительно тонкой, интеллигентной женщине, знатоке французского языка, Елене Всеволодовне Козловой, которою он называл нежно «Елочкой». О ней помнил и киноактёр Игорь Ильинский, её знавший, и очень тепло вспоминавший о ней в беседе с автором этих строк после своего чтецкого выступления в самом конце жизни в Библиотеке имени Ленина. От брака с Еленой Всеволодовной было двое детей – старший, Юрий, погибший потом в 1943 году 5 августа, во время Великой Отечественной, и Надежда Анатольевна Виноградова (1923-2012), будущий тогда известный искусствовед, специалист по китайскому и японскому искусству.

1921 год. В качестве эксперта научный секретарь музея А.К. Виноградов участвует в подготовительной работе по заключению мирного договора с несговорчивым правительством Польши. По возвращении с переговоров из Латвии он был назначен директором Румянцевского музея и стал одним из инициаторов и деятелей реформы этого культурного учреждения.

В период его директорства, несмотря на глухое сопротивление старых библиотекарей и чиновников, музей был расформирован, реорганизован и превращён в самый авторитетный тогда книжный фонд страны, во Всероссийскую публичную библиотеку им. Ленина. Свидетельством тому осталась большая библиографическая редкость — несколько «пробных» экземпляров неизданной большой книги А. Виноградова «Организация центральной библиотеки СССР как памятник Ленину» (1924).

В конце 1920-ых годов А.К. Виноградов, чье здоровье было серьёзно подорвано на войне, потом на тяжёлой музейной работе (у него открывался туберкулёз), перешёл работать в издательское дело. Был редактором по классикам в Госиздате. Совместно с А.М. Горьким редактировал серию книг «История молодого человека XIX столетия». Но специфика литературно-издательской работы требовала большого умения ладить с людьми, а этого умения с годами А. Виноградову стало особенно недоставать. Вокруг его личности и имени была организована травля. О нём резко отрицательно писали тогда — литературовед Б. Реизов, историк Ц. Фридлянд и некоторые другие. В отчаянном письме на имя того, кто руководил страной, от 23 июля 1935 г. читаем:

«...Если бы речь шла не о гибели советского писателя Виноградова Анатолия Корнелиевича, которого теперь только Вы можете вернуть к жизни, то этого письма не было бы. Как гражданин, писатель, отец хороших детей и единственный кормилец большой семьи, живущий только литературным трудом, я нахожусь в совершенно безвыходном положении. Я затравлен. Я прошу спасти меня от клеветы и преследований. Я не бездарность, я не "классовый враг" – халтурщик (как писал обо мне Ц. Фридлянд – сам повинный в этих пороках, если читать "Правду" 20 июля 1932 года, "Фронт Науки и Техники" №2, 1934 г. и т.д.)...»

Письмо сохранилось в фонде № 1303 в Российском государственном архиве литературы и искусства. Мы не знаем, отправил ли Анатолий Корнелиевич это письмо. Но знаем, что его потянуло от «массолита», это слово М.А. Булгакова, – в здоровую, менее отягощённую сложностью отношений среду.

В 1932 году Виноградов «оторвался от земли», поступил в военно-воздушный флот СССР. Ему было сорок пять лет, когда он окончил в 1934 году курс лётной школы на звание лётчика-наблюдателя. Через несколько лет стал штурманом военной авиации. «Я бесконечно рад той работе, которая выпала мне на долю, — писал он жене из воинской части, — служа в военно-воздушном флоте, продолжать заниматься литературным трудом».

А.Виноградов опубликовал «Хронику Малевинских» (1941), где на материале судьбы гения химии Дм. Менделеева и его современников попытался осмыслить ход истории, и где писал об Александре Блоке.

Во время Отечественной войны А.К. Виноградов был в действующей армии, писал статьи и очерки; их печатали центральные и фронтовые газеты. Но он не хотел быть «временно допущенным к авиации», желал офицерской должности и настоящих дел. В качестве военного корреспондента участвовал в боевых вылетах в тыл врага. Разбрасывал в 1942 году с борта самолёта листовки-обращения к немецким солдатам. Существует малая и ныне забытая брошюрка. Название её – «Бандит Гитлер», в ней под общей обложкой объединены обличительные статьи А. Виноградова и его приятеля и собрата по историко-биографическому жанру, писателя Александра Дейча. С ним сохранилась в архиве дружеская переписка.

Войну Анатолии Корнелиевич окончил в звании гвардии подполковника. Но силы были подорваны: гибель на фронте любимого сына Юрия, неблагоприятные отзывы критики на последний роман «Хроника Малевинских», неосуществимая уже необходимость исполнить обязательства по заключённым ещё до войны договорам с издательствами, неудачи в личной жизни, надвигающиеся болезни и, наконец, вынужденный, по возрасту, уход из армии предопределили трагическое окончание жизни.

26 ноября 1946 года писатель покончил с собой. Вопреки распространившимся после смерти писателя слухам, он не убил при своём самоубийстве свою вторую жену, Анну Михайловну Лебле, он стрелял в неё, ранил. Убил только себя.

Директор Музея семьи Цветаевых в Тарусе Елена Михайловна Климова рассказала о последнем дне жизни А.К. Виноградова. По её словам, он стал в конце жизни чудить. Бывшие и до того странности нарастали – так, он ложился на стол, вставлял себе меж пальцев свечу, представлял из себя покойника... Он пил, употреблял и наркотические вещества. Вторая его жена, Анна Михайловна дважды подавала на развод.

В последний свой день он поехал к тёще на квартиру – к матери Анны Михайловны, ведь Анна ушла к ней от Анатолия Корнелиевича с двумя детьми – со старшим, Адрианом и младшим, совсем маленьким, Климентом (он родился 3 января 1945 года – Ст.А.). Анатолий Корнелиевич приехал и стал требовать возвращения жены домой. Та категорически отказывалась. Тогда он вынул пистолет и стал, крича, стрелять. Анна Михайловна своим телом закрыла младшего, Климента, пуля попала ей в голову, но её не убила (у неё до конца жизни оставался глубокий шрам на голове). И в этот момент в комнату открылась

164 **e.e.** ~ ~

дверь, – спавший в соседней комнате Адриан, услышав крики и стрельбу, встал и вошёл. Дверь он открыл резко. Одна из пуль оцарапала его. Потекла кровь. Увидя это, его отец, Анатолий Корнелиевич, выстрелил в себя, застрелился. В комнате при происходящем присутствовала также и дочь Анатолия Корнельевича от первого брака, Надежда Анатольевна. Она залезла под стол, это спасло её от пуль.

Тогда говорили, что тяжёлая обстановка в семье была усугублена тем, что во время войны А.К. Виноградов был в войсках, на фронте, и стали говорить, что самый младший сын не от него, что у жены был роман на стороне...

Когда всё страшное в тот день произошло, Надежда Анатольевна позвонила своей матери, первой жене Анатолия Корнельевича, Елене Всеволодовне, и та вызвала милицию и скорую помощь. Потом Елена Всеволодовна отправилась на квартиру к Анатолию Корнельевичу. Из другого источника, от старейшего работника Российской государственной библиотеки Веры Семёновны Гречаниновой, знаю, что там Елена Всеволодовна обнаружила донесения на писателей, систематически занимавшихся печатной и общественной травлей Виноградова. Все эти бумаги были уничтожены, утоплены в ведре с водой... Так трагически, страшно завершилась эта судьба...

СТЕНДАЛЕВСКАЯ ЛИНИЯ В РОМАНАХ А.К. ВИНОГРАДОВА

История мировой литературы чрезвычайно богата разнообразными писательскими дарованиями, давшими миру произведения и исследования самой различной направленности, тематики, художественной ценности.

Своеобразное место в литературной истории занял Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888-1946), в былые годы широко известный своими книгами талантливый писатель, публицист, литературовед, переводчик, оставивший ценное наследие из историко-биографических романов, повестей и множества статей.

Задолго до своего дебюта на писательском поприще А.К. Виноградов занимался изучением жизни и творчества Анри Бейля, известного как основоположник европейского критического реализма Фредерик Стендаль.

В 1923 году Анатолий Виноградов опубликовал отдельным изданием исследование «Фредерик Стендаль, автор новелл и хронию». С этого года он регулярно выступал с многочисленными научными и художественными публикациями, посвящёнными великому французскому писателю.

Среди этих публикаций было немало художественных переводов произведений Стендаля, ряд литературоведческих статей и работ, посвящённых специфике стендалевского творчества, одна из которых, озаглавленная «Три русские встречи Стендаля», была опубликована во Франции, в Париже, в 1928 году.

Научную и публицистическую деятельность первого послереволюционного стендалеведа питали многолетние архивные изыскания.

В 1928 году в Москве вышла серьёзная историко-литературоведческая книга А. Виноградова «Мериме в письмах к Соболевскому», полностью основанная на архивном материале, приобретшем особый блеск и убедительность под пером исследователя.

Цели этой книги – проследить при помощи эпистолярных документов развитие французско-русских литературных связей, познакомить читателя с дотоле неизвестными страницами жизни классиков русской, французской, польской литератур, с их современниками, с неисследованными потоками романтического литературного течения.

В книге значительное место отведено фактографии жизненной канвы Анри Бейля-Стендаля.

С посылки дарственного экземпляра книги «Мериме в письмах к Соболевскому» и сопутствующего письма А. Виноградова М. Горькому началась переписка, положившая начало многоплановому сотрудничеству двух писателей ^{1} .

Поиски документов привели А. Виноградова в Ленинград, где в 1930 году им были обнаружены дневники, записи, письма из архива братьев Тургеневых, освещающие с новой стороны жизнь Стендаля, Мериме, декабристов, дающие ценный материал для обрисовки жизни литературных кругов XIX столетия.

Находка рукописей послужила мощным стимулом для творчества Анатолия Виноградова. Найденные материалы были использованы в дальнейшем при создании романов «Три цвета времени» (1931), «Братья Тургеневы» (1932), в литературоведческих исследованиях «Мериме в письмах к Дубенской» (1937), «Стендаль и его время» (1938).

Первой книгой, где был «отражён» этот архивный материал и, одновременно, первым крупным художественным произведением А. Виноградова стал историко-биографический роман «Три цвета времени», посвящённый «скитальческой жизни Стендаля».

Находясь в Сорренто, А.М. Горький провёл большую редакторскую работу над присланной ему Анатолием Виноградовым первоначальной редакцией «Трёх цветов времени».

165

Корректируя роман, Горький помогал начинающему романисту выявить неточности и повторы, преодолеть хаотичность расположения материала, придать книге стилистическое совершенство, отточенность – литературному языку.

В сентябре 1930 года Горький написал к «Трём цветам времени» по просьбе автора предисловие.

Из «Предисловия» видно, что Горький считал интересным и нужным создание историко-биографического романа о творце «Красного и чёрного» как о классике французской литературы, в книгах которого было проведено «историко-философское исследование» и «изображена драма противоречий между личностью и обществом»²

Указывая на примеры недопонимания его современниками Стендаля-писателя и Стенлаля-человека, Горький заключил «Предисловие» следующими словами: «Предлагаемая книга показывает Стендаля таким, каков он был и каким его не видели до сей поры»³.

Впервые роман Анатолия Виноградова был опубликован в 1931 году издательством «Молодая гвардия» и сразу же заслужил признание и успех у читателей. Роман ввёл своего автора в плеяду мастеров исторического и историко-биографического романа 1930-ых годов – Ю. Тынянова, В. Шишкова, М. Марич, О. Форш, Л. Гроссмана, П. Губера и др.

Во времена СССР, вплоть до 1991 года не проходило ни одного десятилетия без многих переизданий этого романа в различных советских и зарубежных издательствах.

Роман «Три цвета времени» дошёл до нашего времени в несколько видоизменённом по сравнению с первым изданием виде. В текст романа, как и в его структуру, автором постепенно вносились некоторые изменения.

Роману в первом издании (в 2-х частях) предпослана статья-предисловие А. Виноградова под заголовком «От автора», не вошедшая ни в одно из последующих изданий и оттого первое издание видится нам библиографической редкостью.

В статье А. Виноградов пишет о характере, назначении и форме своих трудов над художественным воплощением жизни и творчества Стендаля, о трудностях и особенностях работы над романом.

Уже второму изданию (в 4-х частях), вышедшему в 1933 году в издательстве «Советская литература», сопутствует иное авторское предуведомление, датированное 23 января 1933 года, посвящённое 150-летию со дня рождения Анри Бейля.

В пятое, последнее прижизненное издание, 1945 года (М., ГИХЛ), А.К. Виноградов внёс последний вариант авторского краткого вступления под тем же заголовком «От автора», которое и сохраняется во всех последующих изданиях.

Почти одновременно с первым изданием «Трёх цветов времени», в том же 1931-ом году, в «Издательстве советских писателей в Ленинграде» вышла повесть А.К. Виноградова «Потерянная перчатка». Как видно уже из подзаголовка – «Стендаль в Москве», повесть освещает только московский период жизни Анри Бейля.

Критикой «Потерянная перчатка» оценивалась как самостоятельное произведение. По законченности картин и характеров, данных в повести, по красочности исторических описаний, это произведение в самом деле совершенно самостоятельно в художественном отношении.

Но при ближайшем сравнении текста повести и «Пролога» в поздних изданиях романа «Три цвета времени» в глаза бросается их явная идентичность. Пять глав «Пролога» в романе соответствуют пяти главам в повести. «Эпилог», заканчивающий повесть, дан в романе как последний абзац пятой главы.

Повесть, как оказалось, была впоследствии внесена автором в роман в качестве пролога, без коренной реконструкции композиционной структуры романа.

Эта «повесть-пролог», введённая в «Три цвета времени» как полноценная часть, придаёт роману ещё большую цельность и полноту.

Первые главы «Пролога» в романе начинаются красочной картиной движения французской армии к древней столице Русской империи. На колоритном историческом фоне автор представляет читателю основного героя – Бейля-Стендаля. С этого момента линия главного образа до конца романа остаётся ведущей.

Виноградов сумел создать запоминающуюся фигуру Анри Бейля, живущего в волнующей атмосфере революционных взрывов в Европе, в общении с лучшими людьми века, в самом водовороте политических событий, определявших судьбу А. Бейля, его творчество и мировоззрение.

«У каждого подлинного художника есть своя тема, мотив, образ, сюжет – пишет литературовед-теоретик Л. Цирлин, – По этим устойчивым тематическим или сюжетным мотивам читатель, не колеблясь, узнаёт автора... они переходят из произведения в произведение, они объединяют у одного романиста вещи разных жанров, вещи исторические и неисторические, именно здесь, в этом субъективном творческом мире художника лежит то, что определяет его индивидуальность как исторического романиста»⁴.

Образ Стендаля – это как раз тот избранный, условный «эталон», которым во многом определяется индивидуальность А. Виноградова как исследователя и романиста в течение длительного времени его творчества.

Сюжет во всех произведениях А. Виноградова, посвящённых Стендалю, построен на основе биографии Анри Бейля, причём биография неизменно дана как хронологическая линия, в разных произведениях – разной протяжённости и разветвлённости.

Тема историко-биографического романа «Три цвета времени» как и литературно-художественной биографии «Стендаль и его время»⁵ – изображение личности писателя Стендаля и его эпохи.

Литературно-художественная биография «Стендаль и его время» (впервые опубликована в 1938 году, второе издание – в серии ЖЗЛ под редакцией А.Д. Михайлова, в 1960 г.) охватывает жизнь Стендаля полностью, в наиболее важных её моментах и существенных биографических фактах. Характер героя развивается год за годом на фоне исторических событий.

Правильно заметил литературный критик Кирилл Андреев, посвятивший творчеству А. Виноградова абзац в своей статье «Три Дюма и Андре Моруа»: «Он (А. Виноградов – *Ст. А.*) исходил из положения, что сюжет книги не есть изобретение писателя, что он предопределён выбором героя и его жизнью, причём именно жизнь героя определяет развитие сюжета»⁶.

В пятьдесят одной главе романа «Три цвета времени» содержится номинально жизнь Анри Бейля-Стендаля со времени наполеоновского похода в Россию до дня смерти, то есть – наиболее зрелые годы.

Но приглядевшись внимательно к стилю и порядку расположения биографических: данных в романе, мы придём к выводу, что обрисовка жизни Стендаля не ограничивается установленными рамками, а охватывает и предшествующее время, введённое в книгу в виде сверхвременного плана – в мыслях, раздумьях, воспоминаниях проскальзывают эпизоды детства, юности, молодости Бейля.

Этими штрихами романист умело дополняет создаваемый портрет, придавая характеру образа динамичность и многогранность.

Аитературовед Э.И. Бабаян, который являлся автором вступительной статьи к трехтомному собранию сочинений А.К. Виноградова, а также комментатором большинства книг А. Виноградова изданий конца 1950-ых годов, указал на интересную черту творческой манеры Виноградова: «Писатель заставляет нас смотреть на всё происходящее глазами своего героя, причём нередко он делает это и в тех случаях, когда рассказ ведётся от лица самого автора»⁷.

Зачем же понадобилось А. Виноградову часто *с точки зрения своего героя*, рассматривать многие события истории и литературы?

На наш взгляд, этот приём был применён для создания атмосферы подлинности, где эмоциональное переживание, накал страстей, работа мысли преобразуются в творческую энергию, подаются не в туманных красках идеализации, а как живой поток мыслей, впечатлений, переживаний Стендаля.

Мастер художественной биографии, французский писатель Андре Моруа, в одной из лекций специального курса, прочитанного им в 1928 году в Кембриджском университете, советовал изображать течение истории в биографических произведениях именно так, как её воспринимает главный герой, избранный автором.

Характерно, что в качестве примера оправданности подобного подхода, Моруа приводит «Битву при Ватерлоо», какой её видит Фабрицио в начале стендалевского романа «Пармская обитель»⁸.

В романе Виноградова чередуются авторский рассказ, включающий в себя некоторые историко-политические оценки и определяющий развитие действия, – со сменяющими его диалогами, краткими бытовыми зарисовками.

Виноградову-писателю свойственна эккизная фрагментарность описаний, быстрая смена лиц, обстановки, краткость характеристик.

Несколько реже применяется характеристика Стендаля с точки зрения других исторических лиц. Это объясняется тем, что свидетельства современников о Стендале крайне малочисленны и далеко не всегда достоверны как, например, такой текст как «Разоблачённый Стендаль» Проспера Мериме⁹.

Поставив перед собой цель – достичь убедительности в обрисовке образа главного героя, Бейля-Стендаля, вокруг которого сконцентрирован весь XIX век в его выдающихся лицах, идеях, общественно-политических и культурных течениях, романист избрал путь максимальной достоверности. Приближённости к изображаемому времени.

А.К. Виноградовым было обработано титаническое количество исторических документов, изучено художественное и документальное наследие Европейской литературы первой половины XIX века, мемуары, периодика, переписка.

Так, например, первые главы романа, посвящённые московским дням жизни Стендаля, написаны на основе общирного исторического и литературного материала, публиковавшегося в основном в течение второй половины XIX века во Франции и России, а также в 1912 году – к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 года.

Среди массы текстов были отобраны лишь достовернейшие и характернейшие по мнению автора. Остальные документы и свидетельства послужили только для первоначального воплощения авторского замысла и создания реалистичной, правдоподобной картины времени и характеров. Использовано было далеко не всё – и в то же время авторское впечатление об эпохе нашло законченное воплощение в романе.

При описании подробностей Русского похода Бонапарта, в связи с фактами биографии Стендаля за основу берётся три основных источника.

Первый источник — некоторые письма-дневники А. Бейля из России, опубликованные в журналах «Русский архив» и «Русская старина» 10,11,12. Письма привлекли А. Виноградова потому, что по выражению В. Горленко, дореволюционного филолога-публикатора, в них были «ненависть к фразе, правдивость самонаблюдений и полная искренность» 13.

Второй источник – сочинения Стендаля, где в «Истории живописи в Италии», «Прогулках по Риму», в «Жизнеописании Наполеона», «Записках эготиста» находятся отрывочные воспоминания и краткие заметки о Русском походе.

Третий источник не менее важен, он равноправен с предыдущими и в синтезе с ними образует правдивое полотно эпохи. Это – использованные мемуары графа Филиппа де Сегюра и дневники Сезара де Ложье.

Дух наполеоновских армий, масса ценных исторических свидетельств и подробностей, любопытные опыты анализа событий и порой даже либерально-социологический подход к толкованию проблем войны и политики отличают мемуары адъютанта императора Наполеона, Филиппа де Сегюра, озаглавленные «Поход в Россию».

«Дневник офицера Большой армии 1812 года» Сезара де Ложье¹⁴ интересен в том отношении, что представляет собой литературную обработку, сделанную позже, в основе – подлинные записи, со всеми оппобками суждений и искажениями слухов.

Французские мемуаристы, современники Стендаля, особенно удовлетворяли авторской концепции А. Виноградова тем, что оба ассоциативно сближали события – сожжение Москвы и негритянской столицы Сан Доминго при восстании рабов под предводительством Туссена Лувертюра против колониального господства французов на Гаити.

Этому мотиву А. Виноградов придал в романе характер символического предвестия гибели «Большой армии» и аналогически рассматривал всенародное русское сопротивление французам и революционные события на Гаити.

Кроме того, граф де Сегюр свидетельствует о неосуществленных намерениях искусственного стимулирования крестьянской революции в России в помощь французскому военному замыслу.

По мотивам мемуаров Сегюра создан ряд эпизодов и сцен в первой части романа. Таковы описания московского пожара и военного совета в Кремле, где в качестве исторического персонажа появляется сам Филипп Сегюр, и ряд других сцен и эпизодов, где фигурирует или сам Сегюр, или его имя.

Исследуя отношение Бейля к Сегюру, А. Виноградов вводит в роман подлинные критические высказывания о нём Бейля, взятые со страниц стендалевских автобиографических «Воспоминаний эгоиста»¹⁵.

Прослеживается текстологическое влияние мемуаров Φ . де Сегюра на пролог и I часть романа «Три цвета времени», например:

У Сегюра –

«В первую же ночь с 14-го на 15-ое, огненный шар опустился на дворец князя Трубецкого и сжёг его. Тотчас же после этого загорелась биржа. Были замечены русские полицейские отряды, которые развозили огонь посредством пик, вымазанных смолой». ^{16}

У Виноградова –

– Огненный шар опустился на дворец князя Трубецкого. С этого всё началось. Дворец воспламенился мгновенно. Потом загорелась соседняя биржа. Каторжане, длиннобородые и длинноволосые, вылезали из окон с пылающими, просмоленными волосами. Эти живые поджигатели разносят пожар». ¹⁷

В романе А. Виноградов, как мы уже отмечали, цитирует подлинные письма Анри Бейля, дневники, некоторые исторические документы, такие как письмо Александра I — А.Н. Салтыкову от 4 июля 1812 года, растопчинскую «афишу», листовку временного оккупационного правительства Литвы, назначенного французским командованием и другие документы¹⁸.

Известно, что характер материала, собранного и обработанного автором, определяет свойства произведения, особенно исторического и историко-биографического романа.

В конкретном случае мы имеем как раз произведение, основанное на достоверных фактах.

«За всё вложенное в уста Бейля – пишет А.К. Виноградов в предисловии к первому изданию "Трех цветов времени", – автор настоящей книги берёт на себя ответственность в смысле соответствия высказываний подлинным мыслям французского писателя»¹⁹.

Эта особенность убедительно свидетельствует о документализме творчества А. Виноградова; она свойственна почти всем его литературно-художественным работам.

«Характерной особенностью документального искусства... является обрисовка реальных событий, фактов, использование документов с целью оказать идейное, эмоциональное воздействие», – писал академик М.Б. Храпченко в статье «Литература и искусство в современном мире»²⁰.

Не следует, однако, думать, как это решили много лет назад некоторые незадачливые критики, что роман «Три цвета времени» – это просто искусная компиляция выдержек и цитат.

Документальный материал был мастерски переработан Виноградовым в диалоги и думы, мысли персонажей. Умелая художественная переработка действительных фактов в соединении с блестящим интуитивизмом, способностью из неприметной детали воздвигать яркий эпизод составляет творческий метод А. Виноградова.

 $\bigcirc \bigcirc \bigcirc$

Для него исторические свидетельства являлись предпосылкой, импульсом для создания развёрнутого диалога, поразительно живого, блещущего истинно бейлевским остроумием, каламбурной резкостью.

Тут в свои права вступает романический вымысел. Автор домысливает отдельные образы, факты с целью объединения материала воедино и обеспечения равномерности движения сюжета.

«Вымысел создаёт такую единую кровеносную систему, по которой должны проходить жизненные силы, объединяющие мёртвые в своей изолированности факты»²¹.

Домысел и вымысел в «Трёх цветах времени» не только правдоподобны, но прямо обусловлены тем ощущением времени, событий, характеров, которые мы наблюдаем в сохранившихся дневниках, письмах и произведениях Стендаля.

Правда фактов создаёт внутреннюю правду вымысла. Перед нами достоверность не частностей и деталей, а правда грандиозной картины времени, беспощадного к личностям, это время создающим, осознающим и творчески воссоздающим, тем, кто подобно Бейлю описывал все оттенки его многоцветной палитры.

Действие диктует появление массы лиц, введённых в повествование для того, чтобы иллюстрировать их действиями, разговорами, рассуждениями ту или иную черту Бейля, Через них и преподносятся особенности времени.

Описывая большую часть жизни А. Бейля, Виноградов не мог обойти молчанием его знакомства с видными представителями литературы, науки, искусства, выдающимися современниками Стендаля.

Описывая итальянскую встречу Бейля с Жорж Санд и Альфредом де Мюссе, Виноградов использовал в качестве исходного материала «Воспоминания о моей жизни» Жорж Санд, дневниковые записи Анри Бейля за декабрь 1833 года и даже зарисовки из дорожного альбома Альфреда де Мюссе.

Эта сцена решена романистом как бы в двух планах: в субъективно-личностном и широком, психо-логическом и социальном.

Бейль возвращается из Франции, где «воздух спёрт, исчезли горизонты». Он чувствует раздражение, усталость. На корабле он встречает путешествующих Альфреда де Мюссе и Аврору Дюпен, – её литературный псевдоним Жорж Санд.

Первый, личностный план показывает отношение Бейля к новоявленным попутчикам. Особенно отрицательно он относится к Жорж Санд. Бейлевские мысли переданы Виноградовым как его внутренняя реакция в ходе разговора: «Жорж Санд – это продолжение госпожи Сталь. Если та была отвратительна и глупа, то эта отвратительна и нагла. Обе достаточно фальшивы. Обе создают иллюзии, которыми не живут, но навязывают их другим»²².

Такое же, но более завуалированное отношение к Санд сквозит в диалогах. «На каждую фразу жоржсандовских восторгов Бейль отвечал иронией и подкреплял её серьёзной практической справкой, рисовавшей Италию, как страну совершенно непривлекательную»²³.

У Бейля, тонкого психолога и знатока типических сторон жизни, именно таким он и изображён в романе, неизбежно рождался спонтанный протест против писаний Жорж Санд, её сентиментальных восторгов и многословного, слащавого романтизма. В рассуждениях Жорж Санд – «пафос и декламация нередко преобладают над логикой и пониманием жизненных явлений»²⁴.

Образ Мюссе привносит особенно трагическое звучание, образуя второй смысловой план сцены. Мюссе в состоянии аффектации говорит о несчастной судьбе своего поколения, вкусившего горький застой Реставрации. Его слова – это не что иное, как блестяще вживлённый в ткань повествования, художественно переработанный фрагмент из романа «Исповедь сына века» Мюссе, расчленённый посредством диалога²⁵.

А. Виноградов придал ему в романе искренность и экспромтальность. Из самих недр души излилось горе поэта, его опустошённость, разочарование:

- «— Вы строили этот мир, кричал он Бейлю, вы видели его своими глазами, вы знали, куда вы идёте, вас увлекал порыв героических лет!
  - Мы не только видели, но и умели видеть, возразил Бейль.
- Нам не на что смотреть, сказал Мюссе. На развалинах этого рухнувшего мира водворилась наша юность, полная всевозможных забот. Мы, дети, были каплями горячей крови, оросившей землю, мы родились в самый разгар войны, мы пятнадцать лет мечтали о снежных равнинах Москвы, о палящем солнце страны пирамид. Теперь мы глядим на землю, на улицу, на дороги, на бурно бегущую Рону везде пусто, и слышится только колокольный звон церквей нашей Франции... Когда дети говорят о славе, им отвечают: "Идите в церковь". Когда дети, вырастая, говорят о любви, об энергии, о творческой жизни, им отвечают всё то же: "Стройте монастыри"»!²⁶

Это и есть, соответственно жизненной позиции Мюссе, гневный приговор обществу того времени, которое «оказывается постыдно несостоятельным по отношению к лучшим из воспитанных им детей»²⁷.

Во время Июльской монархии, которая воцарилась во Франции с 1830 года в лице Луи-Филиппа, крупная буржуазия — «...сидела на троне, диктовала в палатах законы, раздавала государственные должности. Время красивых грёз для Европы прошло, все былые иллюзии были пущены с молотка биржевыми спекулянтами».

В подобных условиях Бейль не приемлет слабоволия и бездеятельной расслабленности, облечённых в трагические фразы. С другой стороны, он ощущает в словах Мюссе откровение бесполезных страданий молодого поколения Франции, которое в условиях реакции, вакханалии спекуляций и иезуитского католического мистицизма, не находит себе применение. Когда Бейль говорит об умении видеть героическое в жизни, в ответ несутся жалобы и стенания разочарованного поэта-романтика. Это естественно, так как Альфред де Мюссе принадлежал к грациозно умирающей аристократии, а истинная энергия чувств и действий встречалась тогда, по мнению Стендаля, больше в низах общества.

Мы обратили внимание на сцену итальянской встречи Бейля с двумя современными ему писателем и писательницей по причине её исключительной естественности и характерности для творческой манеры А. Виноградова.

Сцена заинтересовала А.М. Горького, который уточнял для себя некоторые связанные с ней факты, как это видно из письма к Виноградову от 13 августа 1930 г. и ответного письма Виноградова – Горькому.

Встречи с реальными историческими лицами, их разговоры, споры, данные сквозь призму восприятия основного героя Бейля-Стендаля, выводят на арену действия Байрона и Мериме, Бальзака и Гюго, Тургенева и Соболевского, Сент-Бёва и Лафайета, Ламартина и Констана.

Линии многочисленных лиц-героев и линии политических деятелей — Наполеона, Александра I, Меттерниха, Талейрана, де Местра — скрещиваются через живые сюжетные связи. Это происходит, например, тогда, когда кто либо из персонажей говорит о Наполеоне, о прошлом и настоящем политики. Образ Наполеона эпизодически реализован в романе.

Помимо известных исторических лиц в роман введены эпизодические лица, частью реальные, некогда существовавшие, частью вымышленные. Они служат иллюстративно-повествовательным целям, помогая рельефней очертить портрет Стендаля на фоне часто меняющего *цвета времени*.

К этому типу персонажей относится образ Оливьери, корсиканского разведчика наполеоновской армии в Литве, ловкого и опасного контрабандиста, оказавшегося итальянским карбонарием.

Оливьери – сквозной персонаж. Он появляется в первой части романа, взаимодействуя с Бейлем во время его бегства из России и во второй части «Трёх цветов времени», где он встречается с Бейлем уже в Италии и где, совершив героическое самопожертвование во имя торжества дела карбонариев, погибает.

Смертельную усталость, изнурявшее напряжение во время французского военного совета в Кремле хорошо воплощает эпизодический образ часового. Ощущения солдата умело вписаны в общий фон описания обстановки Совета. Они создают нужный настрой у читателя.

Такую же функцию несёт образ апраксинского кучера Артемисова и многие другие.

Подобные персонажи чаще всего появляются там, где нужно было подчеркнуть какой-либо специфический мотив. Многоплановые мотивы в «Трёх цветах времени», наслаиваясь, дают образную и событийную объёмность изображению эпохи.

Многие образы романа «Три цвета времени» получили своё последующее развитие в исторической прозе А. Виноградова, написанной в 1930-е годы.

Упоминающийся вскользь чёрный генерал Конвента, вождь Сан-Домингского восстания, Туссен Лувертюр вновь оживает на страницах исторической повести «Чёрный консул» (1933); гениальный скрипач и композитор Николо Паганини – в «Осуждении Паганини» (1936), одном из лучших отечественных историко-биографических романов музыкальной тематики; гордый изгнанник, поэт-романтик лорд Байрон – в литературно-художественной биографии «Байрон» (1936).

Образы Николая и Александра Тургеневых, их жизни и судьбы, декабризм и масонство, широкие связи с известными историческими личностями Западной Европы и России — всё это укрупнено, расширено и продолжено А.К. Виноградовым в хроникально-историческом романе «Повесть о братьях Тургеневых». Этим романом, опубликованным полностью в 1932 году, А.К. Виноградов продолжает начатый романом «Три цвета времени» панорамный показ жизни замечательных людей XIX столетия. В «Повести о братьях Тургеневых» имеется развитая стендалевская линия, содержащая в себе художественное описание фактов общения Анри Бейля с А.И. Тургеневым. Некоторые из подобных фактов представлены в «Трёх цветах времени» менее подробно, в кратком информативном изложении и цитатах из подлинных дневниковых записей А.И. Тургенева.

Мы отмечаем отличительную черту романа «Три цвета времени», – существование двух взаимодействующих линий – основная, стендалевская, и второстепенная, декабристско-масонская, русская.

Образ декабриста князя Ширханова, молодого офицера, – ведущий образ русской линии. На него временно переносится ведущая точка движения действия, начиная с первых трёх глав романа, потом

Виноградов периодически возвращается к этому образу, к российской теме.

 $\odot \odot \odot$

Ширханов читает перехваченные письма Бейля, глазами Ширханова мы наблюдаем быт и нравы новгородского имения Аракчеева, с помощью Ширханова знакомимся с Петром Чаадаевым, с ним же попадаем в 14-ой главе в круг российских декабристов и масонов – П. Вяземского, И. Полиньяка, Александра и Николая Тургеневых. В этой главе помещены краткие пассажи, посвящённые юным Сергею Соболевскому и Александру Пушкину.

Далее в небольшой по объёму 31-ой главе описаны события, наблюдая которые, мы становимся свидетелями подготовки Декабрьского восстания 1825 года, его провала и гибели Ширханова. После этого роль ведущего образа русской линии переходит к А.И. Тургеневу, который являл собой живое звено связи меж Стендалем, Мериме, их кругом и деятелями русской культуры, литературы, искусства.

Оригинальным и несколько неравномерным динамическим развитием отличается кратко зарисованный образ казнённого в 1826 году декабриста Петра Каховского. Сначала, в третьей главе пролога, Каховский появляется мальчиком-гимназистом, компаньоном французских офицеров по грабежам в горящей Москве. Виноградовым вымышлена встреча Бейля и Каховского: «Каховский с горящими глазами объяснял Бейлю, что с тех пор, как господа офицеры поселились в его пансионе, он жил с ними хорошо и ходил вместе на добычу, но его заставили засунуть палец в бутылку с вареньем, и он от боли, размахнувшись, действительно ударил денщика по голове».

Каховский появляется уже зрелым человеком в 31-ой главе «Трёх цветов времени», в ночь перед восстанием он встречается с Ширхановым, несколько раньше — с Рылеевым, потом его образ получает завершение сценой ареста и допроса у Николая I.

Тут намечается соприкосновение творчества А. Виноградова с другим произведением советской исторической романистики – с романом Марии Марии «Северное сияние», посвящённым декабристам.

В романе М. Марич образ Каховского развит, целен, закончен.

Первый из упомянутых исторических эпизодов романа «Три цвета времени», посвящённый Каховскому²⁸ имеется и в историческом романе Марич, в сцене допроса Николаем I Каховского: «Помнишь, как ты в двенадцатом году разбил бутылкой голову наполеоновскому солдату? Ну-ка, расскажи мне об этом сам, – обращается Николай I к арестованному Каховскому»²⁹, дальше следует подробное описание этого давнего случая.

Фрагмент: «– Простите, Ваше Величество, я буду говорить совершенно откровенно... Вы были Великим Князем, мы не могли судить о вас иначе, как по наружности. Видимые занятия ваши были фрунт и солдаты, а мы страшились иметь на престоле полковника»... – является в целом общим для «Трёх цветов времени» и «Северного сияния». Он построен на материале писем Каховского Николаю I из заключения³⁰.

Подобное же соприкосновение выбираемых авторами эпизодов мы констатируем при сравнении «Трёх цветов времени» с вышедшей через несколько лет после смерти А.К. Виноградова исторической повестью Ольги Форщ «Первенцы свободы» (1953). В обоих описан один характерный исторический эпизод, разоблачающий обманчивые мягкость и либерализм императора Александра I:

У Виноградова

«И вдруг, в тот момент, когда шпага сверкнула на солнце, делая элегантный военный салют, в эту самую минуту пробежал мужик, простой, рыжебородый, в лаптях, в белой поярковой шляпе, размахивая руками и полами чёрного кафтана. Произошла неожиданная и странная перемена: прервав военный салют и позабыв о золочёной карете императрицы-матери, всероссийский венценосный самодержец дал шпоры лошади и, пригнувшись к седлу, погнался за мужиком, стремясь проколоть его шпагой. Расступившаяся толпа поглотила беглеца».³¹

У Форщ

«И он, Александр, юный предводитель гвардии, красавец на золотом жеребце, уже взмахнул этой обнажённой шпагой... И нужно же случаться, что в эту торжественную минуту какой-то растерянный мужичонка вздумал перемахнуть пространство перед лошадью императора, по своим делам он спешил на другую сторону. Внезапно Александр пришёл в ярость и, забыв ритуал торжественной встречи, пришпорил золотистого жеребца и с перекошенным лицом кинулся вдогонку беглецу. Мужичонку схватила полиция...».³²

У Виноградова этот эпизод дан в восприятии декабриста Ширханова, с которым рядом в строю на лошадях сидели Якушкин и Толстой. У Форщ – в воспоминаниях Якушкина.

Несмотря на смысловую ёмкость, блестящую типизацию эпизодов, русская линия романа не отличается такой полнотой и детальностью, которые присущи стендалевской, основной, сюжетно-динамической линии «Трёх цветов времени», но она дает читателю дополнительные сведения из истории общественной мысли первой половины XIX века, служит делу изображения франко-русских литературных связей. Русская, масонско-декабристская линия сюжета также определяет жанровое своеобразие «Трёх цветов времени».

Мы классифицируем «Три цвета времени» как историко-биографический роман, руководствуясь определением самого Анатолия Виноградова, данным им в письме к А.М. Горькому от 14 апреля 1930 г.³³

Но в предисловии к первому изданию своего стендалевского романа автор называет его «историческим»³⁴, а современники замечали в нём черты «исследовательского» романа.

Однако фактически, как правильно отмечает Э.И. Бабаян, «... Ни одно из больших произведений Виноградова не может быть полностью отнесено ни к одному из жанров историко-художественной прозы. Их жанровое своеобразие заключается в том, что они в разной степени и по-разному соединяют в себе элементы, характерные для исторического романа, историко-биографического романа и для литературно-художественной биографии».³⁵

«Три цвета времени» выходит за строгие рамки классификационных определений разновидностей исторического жанра. Он приближается к жанру «исследовательского» романа³⁶ введением в текст художественно необработанных документов и внутренней фактической достоверностью, но отталкивается от него наличием вымысла и второй (хоть и не постоянной) сюжетной линии.³⁷

Последние особенности отдаляют роман и от беллетризированной литературно-художественной биографии.

«Три цвета времени» не является также и чисто историческим романом.

К сожалению, этого не поняли некоторые представители довоенной исторической науки, которые совершенно бездоказательно обвинили А. Виноградова в 1934 году в том, что его романы являются «образцами "дворянской культуры" (sic!) претендующей на герб серпа и молота»³⁸. Сии горе-историки, плохо разбиравшиеся в существе литературного процесса, решили, что в любое историческое произведение, независимо от его характера, должны вводиться во множестве лица из народных масс. Они требовали, чтобы «основной герой не заслонял эпохи». В этом отношении их не удовлетворяли произведения Л. Гроссмана, Ю. Тынянова и роман Алексея Толстого «Пётр I».

Не проведя чёткой дифференциации между историческим и историко-биографическим романом, они предъявили стереотипные требования ко всем произведениям исторического жанра.

Обвинители не понимали, что в самом художественном образе скрывается в силу его исключительной талантливости или исторической, общественной значимости, обобщение процессов действительности. Подтверждение этому мы находим в письме А.М. Горького к А.Е. Фролову от 20 августа 1929 года: «Историческими называются литературные произведения, в которых действуют люди, известные истории, её активное начало», – писал Горький. 39

И всё же, хоть мы и настаиваем на определении «Трёх цветов времени» как романа историко-биографического, по нашему мнению, русская, декабристско-масонская линия особенно эффективно вносит в «Три цвета времени» черты исторического романа, расширяя географический, общественно-исторический и культурный охват половины столетия. Историческим этот роман делает и характеристика эпохи, в которую жил Стендаль.

А. Виноградов обладал несомненно незаурядным мастерством, так как громоздкую картину века он искусно облёк в художественную форму при простоте языка и популярности изложения.

Роману присущ *историзм*. Историзм проявляется прежде всего в подходе к главному образу романа и методу отражения окружавшего его мира, в органическом взаимодействии образа и среды.

А. Виноградов чувствовал потребность для верного истолкования главного образа романа прибегнуть к реалистическому, панорамному показу истории ещё и потому, что во всех творениях самого Стендаля «характеры, поступки и отношения действующих лиц тесно связаны с историческими обстоятельствами. Политические и социальные предпосылки реалистически точно вплетаются в действие», – так считает западногерманский исследователь Эрих Ауэрбах. 40

Виноградов, создавая книгу о Стендале, может быть, бессознательно, пользовался стилистическими и смысловыми приёмами Стендаля, что придаёт «Трём цветам времени» ещё большую оригинальность. К их числу относится принцип сжатости и краткости описаний.

«Маловато дано Вами описаний Триеста, Чивиттавеккья, Ливорно; описаний – вообще мало» 1 – замечает М. Горький в письме и Виноградову из Сорренто 13 августа 1936 года. Но Горькому-писателю описания не чужды, а Стендаль в «Воспоминаниях эгоиста» писал, что: «описывать вещи, не имеющие отношения к душевной жизни мне скучно» 2. Описания у Стендаля даны настолько, насколько они рисуют переживания и чувства людей, обрамляют ситуацию, являются «приметами чьих-то душевных состояний» И у Виноградова Анри Бейль пропускает вещи через призму своего восприятия и тогда они обретают смысл психологического отношения к описываемой личности, наглядно иллюстрируют стендалевский способ видения мира.

Имеется ещё много индивидуальных и некоторых сходных со стендалевскими особенностей творчества А. Виноградова. Например, цветовая ассоциативность, принятая в литературе I половины XIX века. У Стендаля названия романов «Красное и чёрное», «Красное и белое», имеют условный, эвфемистический смысл. Красный цвет – революция, белый – Реставрация, чёрный – католическая реакция. Этот принцип был использован Виноградовым в названии – «Три цвета времени». В романе этот принцип находит применение в высказываниях многих персонажей, где варьируется в зависимости от контекста.

Аналогично, историческая повесть А. Виноградова о восстании негров на острове Таити в 1791 г. делится композиционно на три части – Белая, Красная, Чёрная Франция, объединённые под общим названием «Чёрный консул».

 $\bigcirc \bigcirc \bigcirc$

Цветовые ассоциации находим и в «Повести о братьях Тургеневых» особенно в главе, где описывается французская революция 1830 года.

Виноградов прекрасно чувствовал стиль Стендаля, и как стендалевед, и как незаурядный переводчик, который перевёл в 1920-ых – начале 1930-ых годов с французского на русский язык большое количество произведений Стендаля. Например – Фредерик Стендаль «Красное и Белое». Перевод, редакция, вступительная статья А.К. Виноградова, М.-Л., 1929.

Переводить помогала и первая жена А.К. Виноградова, Елена Всеволодовна Виноградова (урождённая Козлова), хорошо знавшая французский язык, переводившая вместе с Анатолием Корнельевичем французскую классику. Например, – Проспер Мериме «Избранные произведения». Редакция, вступительная статья и комментарии А.К. Виноградова. М.-Л., ГИЗ, 1930. Тут переводы подписаны — А.К. Виноградов, Е.В. Виноградова и В. Ходасевич...

Видимо, в силу переводческого вчувствования в стиль французских писателей в романе «Три цвета времени» нет стилистических натяжек на стыках повествовательного авторского текста и цитируемых отрывков из стендалевского наследия.

Виноградов один из первых в нашей стране литераторов понял и максимально оценил значение Стендаля для мировой литературной истории и важность изучения его наследия, жизни и деятельности.

«Автор настоящей книги должен сознаться, – писал Виноградов в 1931 году в связи с первым изданием "Трёх цветов времени" – что он любит этого писателя (т.е. Стендаля – *Ст. А.*), и что это было причиной стремления изучить его добросовестно». 44

Любить что-либо в литературе невозможно, не зная досконально предмета любви, не чувствуя его всеми нервами естества читателя, эмоционально познающего и исследующего критериями разума любую книгу.

Будучи романистом и исследователем, Виноградов пытался найти нечто общее в стендалевском творческом методе и поэтике русских классиков.

В 1928 году А.К. Виноградов опубликовал литературоведческое исследование «Происхождение и смысл военных картин у Толстого»⁴⁵, посвящённое раскрытию общности психологических аспектов и типологического сходства стилей Стендаля и Толстого.

В романе «Три цвета времени», в сцене, рисующей салон Ансло, Бейль говорит об истинном характере войны в её отношении к отдельной личности и высказывает мысли, сходные с концепцией Толстого. «Вопреки всем расчетам, люди сталкиваются со штыком в руке вовсе не в те часы, которые назначены генералами, и, столкнувшись, думают только о том, как бы уцелеть. Малейшая случайность определяет исход стычки». 46

Несколькими главами позже мы находим у Виноградова сцену, говорящую о психологической точке зрения ещё больше.

Эта сцена живописует потрясающее великолепие заходящего над Римом солнца, которое Бейль наблюдает с горы Яникул. Здесь проявляется также описательная манера романиста Виноградова:

«Солнце стояло уже низко, безветренный день угасал. Крыши домов, купола, церкви, кресты и башни постепенно темнели. Подходили быстрые сумерки, и через какой-нибудь час улицы одевались тенями и потянулись длинные полупрозрачные полосы тумана с берегов Тибра. Только самые высокие кровли и купол собора Петра золотились ещё лучами ушедшего солнца. Рим представлял собою зрелище великолепного умирания. Было жаль безвозвратно ушедшего солнца его истории, как жаль невозвратимых годов ушедшей жизни. Глаза жадно ловили последние яркие пятна заката и контуры величественных зданий, ещё не исчезнувших в сумерках». 4/

Через несколько строк становится ясно, что описание «Вечного города», преподнесённое в вечерних лучах заката, роковым образом действует на чувства Анри Бейля:

«Он силился понять, что раньше появилось – мысль о том, что закатившееся солнце больше не вернётся, или сознание того, что половина столетия легла ему на плечи? Одно было связано с другим, впервые всем существом почувствовал, что такое смерть. Каковы бы ни были следующие дни, он уже знает, что за всей полнотой бытия и счастья скрывается пустота и томительные минуты перехода в ничто». 56

В этом эпизоде, воздвигнутом на видоизменённом материале вступительных страниц стендалевской автобиографической исповеди «Жизнь Анри Брюллара» 49, соединены поэтичность и тонкий психологизм; изображены эмоциональное слияние человека с природой и вечная жажда бессмертия.

Причём А. Виноградов по-своему интерпретирует эпизод, изыскивает скрытый, внутренний смысл в написанном Стендалем.

В обычной дневниковой заметке, написанной с нарочитой беззаботностью и лёгкостью, исторический романист, проникавший в психологические тайники творчества Стендаля, увидел неразличимые на первой взгляд мрачные тона, зарождавшиеся в настроении и усилил их в своём романе.

Вопреки заявлению Стендаля, что думы о 50-и летнем рубеже его вовсе «не огорчили», Виноградов опирается на некоторые детали, позволяющие осуществить для романа реконструкцию подсознательного настроя героя: «Более великие, чем я, умерли», «Мне стукнет пятьдесят лет, давно бы пора познать себя», «А может быть, у меня мрачный характер?» и т.п.

Мысли, подобные описанным в романе Виноградова, мы находим у Л. Толстого, они навеяны впечатлениями о природе Швейцарии – «Я даже чувствовал в себе любовь к себе и жалел о прошедшем, надеялся на будущее, и жить мне становилось радостно, хотелось жить долго, и мысли о смерти получали детский, поэтический ужас», – написано в «Биографии Толстого»⁵⁰. Г. Плеханов резюмирует эту толстовскую черту: «Толстой сильнее всего испытывал чувство ужаса перед смертью именно тогда, когда больше всего наслаждался сознанием своего единства о природой».⁵¹

В романе Виноградова Стендаль испытывает чувства, в чём-то сходные с ощущениями Толстого, оба писателя, и Стендаль, и Толстой, были одарённейшими личностями, обладавшими богатым творческим воображением, умевшими проникать в тайны людских характеров и судеб. Тем более интересно, что ощущение от соприкосновения с природой находило у них столь сходное выражение и было так оригинально преломлено А. Виноградовым в «Трёх цветах времени».

Роман Виноградова показал Бейля-Стендаля совсем с другой, со своей стороны, его характеристики героя не сходны с теми, что принадлежат Стефану Цвейгу, Андре Жиду, Полю Балери, наш стендалевед-романист раскрыл его биографию, соединив её с эпохальными событиями французской истории и европейскими общественными процессами и течениями.⁵²

Виноградов создал принципиально новый образ Стендаля.

Мы позволим себе не согласиться с мнением Ю. Андреева, автора книги «Русский советский исторический роман», который считает, что: «А. Виноградов, увлёкшись многосторонностью этого человека (Стендаля – Cm. A.), изображает по существу нескольких разных людей, – каждый раз с новыми замыслами, влюблён каждый раз, причем всегда страстно в новую женщину»... ^{53}

Человек, естественно, не может находиться всю жизнь в одном и том же окружении, тем более такой путешественник и жадный до впечатлений писатель, как Стендаль. Перемещения, особенно такие, как — из Франции в Россию, из Франции — в Англию, из Франции — в Италию, формировали характер Бейля, придавали ему жизненный опыт, но не заставляли терять своё «Я».

Во-вторых, страстно и истинно, чистым и романтическим чувством Анри Бейль безнадёжно и трагически любил только одну женщину за всю жизнь — Матильду Висконти. Это чувство, воспетое Стендалем в его трактате «О любви», описано в «Трёх цветах времени» очень ярко. Остальные увлечения, как показывает Виноградов, были куда менее серьёзны, исключая разве что Мелани Гильбер.

И, наконец, мы приведём целый комплекс постоянных черт основного образа романа «Три цвета времени».

Анри Бейль предстаёт перед нами как умный, широко образованный человек. Это зоркий наблюдатель, обладающий острым аналитическим умом. В практической жизни его отличают благородство и храбрость, бескорыстие и жизнелюбие. В нём масса энергии, которая выливается в художественное творчество. Независимость, стремление к свободе у него в крови. Бейль – прирождённый эстет, обладающий способностью тонко чувствовать, у него прекрасно развитое чувство прекрасного. Эксцентричные суждения, парадоксы, «циничная лёгкость» и остроумие – его оружие против скуки и ханжества. При случае он может быть ироничным и язвительным. Бейлевское умонастроение – демократически-республиканское, он последователь философии материализма и сенсуализма. Он с большой симпатией относится к Италии, к итальянскому характеру. Волны политических течений бросают Бейля в романе из Италии во Францию, но ни одна из этих волн не была способна захлестнуть и увлечь Бейля полностью – он остаётся «исследователем человеческих характеров».

Бейль – любитель приключений и сильных страстей, но он же – человек редкой трезвости ума, реалист, который «никогда не был очарован». Это не единственное видимое противоречие. Бейль серьёзен, но иногда мистифицирует; корректность манер у него контрастирует с грубоватой внешностью. Демократические черты у него соседствуют с аристократизмом и индивидуализмом. И, наконец, при его общительности, обаянии, остроумии и большом круге друзей, он всю жизнь испытывает чувство одиночества.

Отмеченная критиками «модернизация истории», которая, якобы, снижает достоинства романа, не может быть принята нами безоговорочно. Стендаль опережал время и современные ему оценки. Он мог в своих сочинениях неожиданно высказаться таким образом: «Правительство шарлатански присваивает народные прерогативы и народные деньги, каждое утро торжественно клянясь уважать их...»⁵⁴.

Просто порой Виноградов вкладывал в уста Бейля язык более позднего времени. Мысли Стендаля остаются в неприкосновенности.

Имеются в «Трёх цветах времени» некоторые неточности, связанные с тем, что всё наследие Стендаля для наших дней ещё не полностью собрано и изучено, а то, что собрано, ещё не всё опубликовано⁵⁵. Эти неточности, кстати, весьма редкие и спорные, носят локальный, маловажный характер. Неточно-

сти тем более имеют незначительное значение, что перед нами роман, включающий в себя вымысел, а не строгая академическая научная работа.

Искажение личных имён, допущенное в романе, намеренное и представляет собой продолжение той орфографической традиции, которую применяли в переписке А. Тургенев, Н. Тургенев, П. Мериме, С. Соболевский.

Нам хотелось бы закончить обзор особенностей и параллелей историко-биографического романа А.К. Виноградова «Три цвета времени» оценкой А.М. Горького, данной творчеству его автора: «Виноградов обладает всеми данными, необходимыми для работы: богатой эрудицией, правильным... подходом к материалу и хорошим простым языком. Виноградов потому ещё может придать книге особый интерес, что он прекрасно видит связь французской литературы с русской, общность их тенденций и влияние экономического фактора на словесное искусство». 56

1977 - 2020 гг.

Литература:

- ¹ А. Виноградов и Горький: переписка, публикация архива А.М. Горького, «Знамя», 1968, № 3.
- ² А. Виноградов, «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 6.
- ³ Там же, с. 8.
- ⁴ Л. Цирлин. Советский исторический роман, «Звезда», 1935, № 7, с. 238.
- 5 А. Виноградов. Стендаль и его время, М., «Советский писатель», 1938.
- ⁶ К. Андреев. «Три Дюма и А. Моруа» в книге Моруа «Три Дюма, литературные портреты», Кишинёв, 1974, с. 8.
- ⁷ Э.И. Бабаян. Предисловие к книге: «А. Виноградов. Три цвета времени», ГИХА, М., 1957, с. 615.
- ⁸ А. Моруа. «О биографии как художественном произведении» в книге «Писатели Франции о литературе», «Прогресс», М., 1978, с. 129.
- ⁹ См.: П. Мериме. «Разоблаченный Стендаль». Перевод с франц. А.К. Виноградова. Петроград, 1924. (Напечатано 333 нумерованных экземпляра).
- ^{10} «Русская старина», 1912, XI, с. 378 390.
- ¹¹ «Русский архив», 1892, III/I0/ с. 234 -236.
- ¹² «Русский архив», 1891, /II/ с. 490-495.
- ¹³ Там же, с. 490.
- ^{14} Ц. де Ложье. «Дневник офицера Великой армии в 1812 года», М., 1912.
- 15 А. Виноградов. «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 301, 533 и Стендаль Собр. соч. в 15-ти томах, «Правда», М., 1959, т. 13, с. 350-354.
- ¹⁶ Граф де Сегюр. «Поход в Россию, Записки адъютанта Наполеона I». Перевод с французского Э. Пименовой и Н. Васина. «Польза». М., 1915, с. 184.
- ¹⁷ А. Виноградов. «Три цвета времени». Киев, 1958, с. 37.
- ¹⁸ Там же, с. 30, 55, 80.
- 19 А.К. Виноградов. «Три цвета времени». Роман в 2-х частях «Молодая гвардия» М. МСМХХХІ, с. 20.
- ²⁰ М.Б. Храпченко. «Литература и искусство в современном мире», «Новый мир», 1977, № 9. с. 252, а также журн. «Контекст: литературно-теоретические исследования», 1978, с. 6.
- ^{21} Л. Цирлин. «Советский исторический роман», «Звезда», 1935, № 7, с. 247.
- ²² А. Виноградов. «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 539.
- ²³ Там же, с. 539.
- ²⁴ Проф. Г. Лансон. «История Французской литературы. XIX век», СПБ, 1897, с. 153.
- ²⁵ А. Мюссе. Избр. произв. в 2-х томах, М., 1967, т. 2. с. 7.
- ²⁶ А. Виноградов. «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 541-542.
- ²⁷ П. Коган. «Очерки по истории западно-европейской литературы», М., 1942, т. 2, с. 104.
- ²⁸ А. Виноградов. «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 47.
- ²⁹ М. Марич. «Северное сияние», М., «Воениздат», 1956, с. 350 и далее.
- ³⁰ А. Виноградов. «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 344. То же, М. Марич «Северное сияние», «Воениздат», М., 1956, с. 353.
- ³¹ Там же, «Три цвета времени», с. 170.
- ³² О. Форщ. «Первенцы свободы», Л., «Сов. Писатель», 1960, с. 39.
- ³³ «Виноградов и Горький: переписка», «Знамя», 1968, № 3, с. 186. (XVI).
- ³⁴ А.К. Виноградов. «Три цвета времени», «Молодая гвардия». М. МСМХХХІ. с. 18.
- 35 Э.И. Бабаян. Предисловие к Собранию избранных произведений А. Виноградова в 3-х томах, ГИХЛ, М., 1957, т. 1, с. 9.
- ³⁶ Об исследовательском романе см.: Г. Хмельницкая, «Исследовательский роман», газ. «Литературный Ленинград», 1934, Л., 8 июля.
- 37 «Основные проблемы исторического романа», «Октябрь», кн., 7 июль 1934 с. 205.
- ³⁸ Там же, с. 203.
- ^{39} А.М. Горький. Письмо к А.Е. Фролову, 20 авг. 1929 г. Архив Горького. См. также М. Горький. Письма в 24 томах, М., ИМЛИ, «Наука», 2017, т. 19, с. 97.
- ⁴⁰ Э. Ауэрбах. «Мимесис», Мюнхен, 1967, Москва, «Прогресс», 1976, с. 453.
- ⁴¹ М. Горький. Полное собр. Соч. в 30-и томах, т. 30, с. 180.
- ⁴² Стендаль. Полное собр.соч. в 15-и томах, т. 13, с. 422.
- ⁴³ См.: М. Эпштейн, «О стилевых началах реализма, поэтика Стендаля и Бальзака», «Вопросы литературы», 1977, № 8, с. 110.
- ⁴⁴ А.К. Виноградов. «Три цвета времени», «Молодая гвардия», М., 1931, с. 16.

- ^{45} А.К. Виноградов. «Происхождение и смысл военных картин у Толстого», журн. «Печать и революция», 1928, октябрь, с. 57-75.
- ⁴⁶ А. Виноградов. «Три цвета времени», Киев, 1958, с. 403.
- ⁴⁷ Там же, с. 527.
- ⁴⁸ Там же, с. 527.
- ⁴⁹ Стендаль. Собр. соч. в 15-и томах, М., «Правда», 1959, т. 13, с.7.
- ^{50} П.И. Бирюков. «Л. Н. Толстой. Биография», т. 1, с. 320 и след.
- ^{51} Г.В. Плеханов. «Толстой и природа», в книге Г. Плеханов «Искусство и литература» ОГИЗ, М.,1948, с. 652.
- ⁵² См.: А. Виноградов. «Стендаль и искусство», «Новый мир», 1933, № 1.
   ⁵³ Ю. Андреев. «Русский советский исторический роман», (1920-е, 1930-е годы), АН СССР, М.-Л., 1962, с. 82.
- ⁵⁴ Стендаль. Собр. Соч. в 15-ти томах, М., «Правда», 1959, т. 2, с. 331.
- ^{55} См.: газ. «За рубежом», «Необычные автографы Стендаля», М., 1977, 24 марта.
- ⁵⁶ Архив А.М. Горького, М., «Наука», 1964, т. 10, с. 190.

«NNTMY3EЙ»

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ДАВИД БУРЛЮК СУВЕРНИРЫ. СТИХИ ИЗ АЛЬБОМА В ПАРЧОВОМ ПЕРЕПЛЁТЕ (продолжение)

Эта публикация является продолжением первой публикации стихотворений Давида Бурлюка из альбома, подаренного ему, по его словам, в 1908 году в Киеве Александрой Экстер. ¹ Альбом хранится в Исследовательском центре специальных коллекций Библиотеки Берда в американском Сиракузском университете. Давид Бурлюк начал заполнять его много лет спустя, уже в Америке. ² Первую запись он сделал 22 июля 1931 года:

«197 E. 10 st. New York. David Burliuk Мне 49 лет. Остался год до

половины столетия.

Пол сотни лет не малый возраст. Воз жизни я растил и дети

Мои уже по миру ходят

молодыми львами.

Во мне не ослабела сила бороться

с тьмой, с бесформенным и вялым.

Во мне задор ещё гуляет ветром

вольным.

Разумное спокойствие его направит на верный путь, на путь работы».

В альбоме оставили записи и рисунки множество друзей Бурлюка, среди которых Вениамин Никулин и Джон Грэм (Иван Домбровский), Рита Пейор и Николай Васильев. Спустя два года, в 1933-м, Давид Бурлюк начал записывать в альбом свои стихи, сопровождая их рисунками. Часть этих стихотворений была опубликована в ранних футуристических сборниках (например, в «Сборнике единственных футуристов мира поэтов "Гилей" "Дохлая луна"», вышедшем в 1913 году в Каховке, а затем, в 1914 году – в Москве), однако Бурлюк не оставил ни одного стихотворения без исправлений и корректировок; часть была опубликована в журналах «Color and Rhyme», издаваемых Давидом и Марией Бурлюк в США в 1930-1967 годах; часть же не была опубликована вообще. Например, ряд стихотворений сопровождены пометами Марии Никифоровны «переписано в 1939 год», то есть в один из дневников, которые в течение 1930-х она вела по просьбе и настоянию мужа, делая в них практически ежедневные записи, так и не был опубликован по причине смерти в 1967 году Давида Давидовича и Марии Никифоровны (Бурлюки издавали эти записи со значительным опозданием, и последним был издан дневник за 1938 год). Многие стихотворения вообще не готовились для печати. Сегодня – их дебют.

Всего Давидом Бурлюком пронумеровано в альбоме 122 страницы со стихотворениями, которые идут цельным блоком под заголовком «Сувениры (стихи из книги в парчовом переплёте). Составлены с 17 мая

1910 года и позже. Переписаны и исправлены в Америке с 10 августа 1933 г. Эти стихи явились началом русской "зауми", а также отсюда возник стиль "строчек" В.В. Маяковского». Стихотворения он записывал в альбом и позже, чередуя их с рисунками, газетными вклейками и отзывами друзей, однако именно этот блок в 122 страницы является цельным, очевидно, что работа над ним продолжалась непрерывно. Тем он и ценен. В данной публикации представлена вторая часть этого блока, за исключением стихотворений, вошедших в первую публикацию, либо тех, которые уже опубликованы в широко доступных источниках.

О Давиде Бурлюке как литераторе и издателе написано немало³, однако далеко не всё. Стихи он писал в течение почти всей жизни, более шестидесяти лет. В Америке это происходило чуть ли не ежедневно — чаще всего он наскоро записывал их на листках бумаги, счетах, которые попадались ему под руку. Собственно, в этом он за долгие годы никак не изменился — достаточно вспомнить фрагмент из «Полутораглазого стрельца» Бенедикта Лившица:

«На вокзале мы взяли билеты до Николаева, с тем, чтобы там пересесть на поезд, идущий до Херсона. В купе третьего класса, кроме нас, не было никого: мы могли беседовать свободно, не привлекая ничьего внимания. Заговорили о стихах. Бурлюк совершенно не был знаком с французской поэзией: он только смутно слышал о Бодлере, Верлене, быть может, о Малларме.

Достав из чемодана томик Рембо, с которым никогда не расставался, я стал читать Давиду любимые

Бурлюк был поражён. Он и не подозревал, какое богатство заключено в этой небольшой книжке. <...> Время от времени Бурлюк вскакивал, устремлялся к противоположному окну и, вынув из кармана блокнот, торопливо что-то записывал. Потом прятал и возвращался.

Меня это заинтересовало. Он долго не хотел объяснить, но в конце концов удовлетворил моё любопытство и протянул мне один из листков. Это были стихи. Крупным, полупечатным, нечётким от вагонной тряски почерком были набросаны три четверостипия.

Трудно было признать эти рифмованные вирши стихами. Бесформенное месиво, жидкая каша, в которой нерастворёнными частицами плавали до неузнаваемости искажённые обломки образов Рембо.

Так вот зачем всякий раз отбегал к окну Бурлюк, копошливо занося что-то в свои листки! Это была, очевидно, его всегдашняя манера закреплять впечатление, усваивать материал, быть может даже выражать свой восторг.

"Как некий набожный жонглёр перед готической мадонной", Давид жонглировал перед Рембо осколками его собственных стихов. И это не было кощунство. Наоборот, скорее тотемизм. Бурлюк на моих глазах пожирал своего бога, свой минутный кумир. Вот она, настоящая плотояды!»⁴.

Таким Бурлюк оставался до самой смерти. Он торопливо записывал на клочках бумаги свои стихотворения, которые потом почти никогда не правил – поэтому потрясающие находки соседствуют в них с банальностями и примитивными рифмами.

Невзирая ни на что, сам Бурлюк ценил своё литературное творчество и даже заказал Эриху Голлербаху и Игорю Поступальскому книги о своём «литературном труде». Он считал себя в первую очередь поэтом, а потом уже художником, и был горд тем, что поэтическое вдохновение редко его покидало.

16 мая 1934 года Давид Бурлюк написал в «альбоме Экстер» стихотворение:

Я написал прекрасную поэзу. Скажите, где помощники мои. Чему обязан я, граниту иль железу, Что в разуме рождаются стихи?

Что всё, другим являющее прозу, II скучной истины урок, Стремит меня пленительно к наркозу, Где пламенист поэзии восток.

Где ароматы сладостны левкоя II лилий девственная белоснежь, Хранит черты надзвездного покоя...

Как описать мне счастие такое Противу скук искусственный мятеж Где муза помогала мне рукою.

В этом же альбоме он записал такую фразу: «Когда иссякает ручей поэзии в моём "я", на дне я нахожу в песке прозаических слов будня – крупинки благородного металла, имя коему – мудрость (σοφία греч)».

И всё же, несмотря на то, что Бурлюк считал себя в первую очередь поэтом, а уже потом художником, беспристрастный критик придёт к совершенно иным выводам. Стихотворения его достаточно шаблонны, полны версификаций, рифмы зачастую притянуты, да и тематика стихов достаточно ограничена. Одну и ту же мысль он «перекатывает» в десятках своих рифмованных сочинений. «Философские вирши» с довольно примитивными «мудростями» встречаются у него сплошь и рядом.

 $\bigcirc \bigcirc \bigcirc$

Задав поиск наиболее часто встречающихся в его стихотворениях слов, результаты получаешь прелюбопытнейшие. «Старик», «старуха», «смрад», «мертвец», «труп», «кладбище», «гробница», «смерть», «калека» – вот далеко не полный набор. Возможно, Алексей Кручёных, с подачи Бурлюка написавший своё знаменитое «Дыр бул щыл», был прав, когда писал о повышенной тревожности Давида Давидовича, вызванной потерей в детстве глаза?

«Несмотря на вполне сложившийся характер с резким устремлением к новаторству, к будетлянству, несмотря на осторожность во многих делах, а порою даже хитрость, – Бурлюк так и остался большим шестипудовым ребёнком. Эта детскость, закреплённая недостатком зрения, всё время особым образом настраивала его поэзию. Своеобразная фантастичность, свойственная слепоте и детству, была основным направлением, лейтмотивом в стихах Бурлюка.

Попробуйте, читатель, день-другой пожить с одним только глазом. Закройте его хотя бы повязкой. Тогда половина мира станет для вас теневой. Вам будет казаться, что там что-то неладно. Предметы, со стороны пустой глазной орбиты неясно различимые, покажутся угрожающими и неспокойными. Вы будете ждать нападения, начнёте озираться, всё станет для вас подозрительным, неустойчивым. Мир окажется сдвинутым – настоящая футур-картина. Близкое следствие слепоты – преувеличенная осторожность, недоверие. Обе эти особенности жили в Бурлюке и отразились в его стихах.

<...> Если бы я был приверженцем биографического метода в искусстве, то весь футуризм Д. Бурлюка мог бы вывести из его одноглазия.

Я этого делать не буду. Всё же надо указать, что некоторые своеобразные черты одноглазого Бурлюка резко отразились в его творчестве.

Бурлюк замечает преимущественно сдвиги и катастрофы... <...> ... мрачная природа населена жабами, разлагающимися гадами, трупами. Он замечает убийства и убийц. <...> Ненормальность зрения Бурлюка приводит к тому, что мир для него раскоординировался, смешался, разбился вдребезги»⁵.

Безусловно, кроме Кручёных, подмечали это и все остальные. И отзывались о поэтических опытах Давида Бурлюка далеко не всегда комплиментарно. Поэт Вадим Шершеневич, который вместе с Бурлюком работал над выпуском «Первого журнала русских футуристов», так писал о своём коллеге:

«Маяковский свёл меня со всеми своими ближайшими соратниками. Кривомордый Давид Бурлюк был одним из целого выводка Бурлюков. Бурлюк писал очень плохие стихи, но говорил с таким апломбом, что даже нас уверял в приемлемости своих стихов».

Как бы там ни было, есть в его тяжёлых, неуклюжих, громоздких строках что-то такое, что заставляет видеть в них определённое явление. Недаром Бенедикт Лившип, прочитавший ещё до знакомства с Бурлюком первый «Садок Судей», выучил наизусть его девятнадцать опусов, понравившихся ему «гяжеловесным архаизмом» и незавершённостью.

Среди регулярно повторяющихся «гробов» и «мертвецов» два стихотворения в публикуемой ниже подборке вызывают интерес. Первое – «Из Корбьера» – весьма примечательно. Французский поэт Тристан Корбьер был одним из тех, чьим творчеством Давид Бурлюк начал активно интересоваться после знакомства с Бенедиктом Лившищем. Осмелюсь предположить, что Корбьер оказал на Бурлюка глубокое и пока не оцененное, не исследованное влияние. Начать хотя бы с того, что Корбьер, считавший себя уродцем, писал прямо: «жаба – это я».

> Крик — точно полночь: гробовой... На ветви с каменной листвой arDeltaуна бросает блеск мертвящий. Не крик, а эхо, что живьём Погребено в лесу глухом: Сюда... Я здесь... Я в этой чаще... Там жаба!.. – Нас ли ей вспугнуть Холодным страхом, тёмной силой?.. О, соловей болот бескрылый, Поэт пропащий... — Ужас!.. Жуть!.. Какая жуть!.. Поёт, маня. Вон – глаз её горит во мраке! Но нет... Она уже в овраге...

 Π рощай! Ведь эта жаба — я. ^{7}

И вспомним цикл стихов Бурлюка «Доитель изнурённых жаб» с его заглавным стихотворением:

Глубился в склепе, скрывался в башне II УЛОВЛЯЛ певучесть стрел, Мечтал о нежной весенней пашне II как костёр ночной горел. А в вышине УЗОР СОЗВЕЗДІПІ Чуть трепетал, НО соблазнял II приближал укор возмездий, Даря отравленный фиал. Была душа больна ПРОКАЗОІІ О, пресмыкающийся раб, Сатир несчастный, одноглазой, ДОПТЕЛЬ ПЗНУРЁННЫХ ЖАБ 8

«Доителем изнурённых жаб» Бурлюк называл себя.

Дальше – больше. Поэт Сергей Бобров, возглавлявший группу футуристов «Центрифуга», обвинял Бурлюка в том, что тот, «подражая Корбьеру, пишет некоторые слова большими буквами и называет их "лейт-словами" уж совсем ни с того, ни с сего... Положим, что обычный способ г. Бурлюка: стащить какой-либо термин и прицепить его к собственным шедеврам».

Разумеется, сам Бурлюк с помощью Бенедикта Лившица в своей опубликованной в «Первом журнале русских футуристов» статье «Позорный столб русской критики» всячески это опровергал, но Боброву сложно возразить. Да и курсив, и полужирный шрифт наверняка позаимствованы им у того же Корбьера.

Но ведь и темы многих стихотворений Бурлюка перекликаются со стихотворениями Корбьера. Сравните «Зловонное болото, где глотает больших червей голодная луна» у французского поэта и «Звёзды — черви, пьяные туманом... Звёзды — черви, гнойная, живая сыпы» у «отца российского футуризма»!

«Слизь», «прах», «прах», «проб», «покойничею», «могильщию» – по частоте употребления этих слов Корбьер мог бы поспорить с Бурлюком. Или наоборот. А если учесть, что «проклятые поэты», к которым изначально Поль Верлен отнёс Корбьера, Рембо и Малларме, считали себя бунтарями, не желающими вписываться в буржуазный добропорядочный мир, а Бурлюк как минимум первую половину жизни бунтовал против того же, становится понятным, что тема влияния творчества Корбьера на поэзию Давида Бурлюка требует серьёзного исследования.

Второе стихотворение, которое я хотел бы тут упомянуть, посвящено писателю Марку Криницкому¹⁰, чьи взаимоотношения с Бурлюком были непростыми и колебались от взаимной неприязни до попытки сотрудничества и обратно. В уже упомянутой статье «Позорный столб русской критики» Бурлюк с Лившищем возмущались тем, что Криницкий называл всё без изъятия новое искусство хулиганством — «да Хулиганством... всё самое свежее, молодое, доброе, чистое; о, позор!., на головы такой критики...».

Криницкий отвечал взаимностью – например, в рассказе 1916 года «Комаровка» он высмеивает футуристов, называя всех их «Бурлюками», что, по правде, было тогда делом обычным:

«Отсюда "Комаровка" представляется узким длинным коридором под низким сводчатым потолком, на котором в ряд горит несколько электрических лампочек без арматуры. В тускло освещённом пространстве, наполненном табачным дымом и паром, крикливо жестикулирующие "товарищи" в форме и без формы. <...> Каждую вновь входящую чем-либо замечательную фигуру приветствуют гоготом и аплодисментами.

- Бурлюк пришёл, Бурлюк! Браво, Бурлюк!
- Господа, он не Бурлюк, а просто футурист.
- Футурист, футурист! Ура!
- Долой футуристов!
- <...>
- Мамаша, зачем вы говорите такие слова? Мамаша, он сядет. Бурлюк, сядь.
- Я протестую против называющих меня Бурлюком.

Его оттирают куда-то в угол и насильно сажают.

- И макарони... да макарони, запевает визгливый голос.
- <...>
- Сонька, поцелуй.

Она делает шиш и тычет им кого-то в нос.

- Стерва!
- Не человек, а проститутка.
- Коля, не сердись. Я сказал: тебе сейчас не надо водки.

- Пуришкевич! Вот кто!
- Я? Пуришкевич?

– Да, Пуришкевич, футурист, бурлюк».¹²

В 1918 году, однако, имя Криницкого упоминается вместе с именем Бурлюка в газетной заметке об основании в захваченном анархо-индивидуалистами помещении московского ресторана «Петергоф» Дома свободного искусства:

«Левое крыло союза – футуристы (Вас. Каменский, Бурлюк, Московский [Маяковский]); центр – Марк Криницкий, Анатолий Каменский; правое – Арцыбашев, Абрамович... Союз будет распадаться на пять отдельных автономных секций [с участием также А. Архангельского, С. Вермеля, К. Малевича, В. Мейерхольда и др.]... "Дом [свободного] искусства" будет помещаться в залах бывшего ресторана "Петергоф". Во главе всего дела стоит совет "пяти", в числе которых – Анатолий Каменский, Марк Криницкий, Давид Бурлюк. Говорят, что большую помощь организаторам оказали московские анархисты». 13

История организации дома, или клуба, свободных искусств до сих пор до конца не исследована. Видимо, газетные публикации были инспирированы объявлением, напечатанным в вышедшем 15 марта 1918 года единственном номере «Газеты футуристов» под редакцией Владимира Маяковского, Василия Каменского и Давида Бурлюка. Объявление под заглавием «Дом искусства для всех» гласило: «На Моховой (бывший ресторан "Петергоф" открывается большой клуб нового типа. Идея – индивидуалъ-анархизм творчества. Будут театр, студия художников, комната поэтов и т.п. Цель – приобщение граждан к горнилам современного искусства». 14

Василий Катанян упоминал также газеты «Утро России» и «Раннее утро», в которых была опубликована заметка о создании «Дома свободного искусства» и захвате футуристами ресторана «Петергоф» – в них также сообщалось, что «крестьянская секция, найдя это помещение походящим для своих нужд, выселила гт. футуристов». 15

Так что сотрудничество футуристов с Марком Криницким, если оно имело место, было недолгим. И в своём стихотворении, написанном спустя почти пятнадцать лет после этих событий, Давид Бурлюк пишет: «<u>Через 20 лет / Тебя забудут, а поэтов, / Что ты так зло критиковал / Бессмертья ждёт пред целым светом / Признания растущий вал»</u>.

Давид Давидович оказался прав.

Ну что ж, комментариев, пожалуй, достаточно. Время читать стихи.

***

<u>Стр. 49</u>

Плакали твои вежды Но зубы были лёд Пурпуровые одежды Развеял год.

*

Отчалили матросы, Исчезли острова И в золотые косы Укрылась голова. Благослови разлуку К ненужным пристаням Пожми лениво руку Простёртую морям.

Стр. 50

Он утром был рождён А погребён к закату Когда слова преобразились

пепел

Вечерний ветер тепел Прильнув собрату Оплакавши урон.

Стр. 51

Корабельщик старый Ладья у причала Проходят пары Познать начала Шумите буруны Пенные овечки Морские струны Новбрачно-колечки Корабельщик старый Покинувший жонку Носитель кары Испортивший печёнку.

*

Стр. 52

В раковине пресной Пены лохмотья Улыбкой тесной Сжимаю ломоть я. Все все несчастны Лучи виноваты Подобны причастны Хлопьям ваты.

*

Растрезвонь по свету Скучных мигов снедь Не было и нету Нам запрету петь. Завалили годы Мой звенящий стих, Что споют уроды В просветленья миг. (1912 – 1932)

*

Стр. 55

Жизни болото Где очереты Одни лишь заботы Рабьи предметы. Завали невзгодой Оглянись назад Слизью непогодой Ах ушёл — я рад. Отсквозили бури Саваны земли Свисли балагуря Близко и вдали.

Стр. 63

У дождя тысяча тысяч ног Он бежит стуча ими повсюду Станет здесь на замка груду Там на нивы, светлый бок Он прозрачен как стекло Хрусталя прямые трубки Под небесною полой Всюду делает зарубки.

CTp. 62

Небо рдело точно мясо Кто прошёл тушить огни Сотрясая пыльной рясой Восклицания в тени Златовея ветхим склепом Засосут ревниво дни Души будут равны репам Смрадной падали сродни. Стань согласной, приходи, Брось своих цветов вязанки, Только робость впереди; Необузданны приманки.

Стр. 64

Голубели голуби в глубинах Синих леса Где туман повеса Весил мало Что стояло, то упало Прибежал сатир Видишь вот стрельбы и призовой И практически чудесный тир Выходи же розовый вампир Прибегай, навещай сладковолосая беглянка.

Стр. 70

Наш день - был плот На нём спасались слепо Средь пены кружевных валов Жильцы забвенья и гробов Под смрадом лепа Гроб и люлька так похожи Сердце – слизь; душа – рогожа Гроб и люлька – как челны Здесь и там созвучны сны Плюнул, дунул – вот червяк. Ну'с! Отжарим краковяк.

183

*

Стр. 74-75

Я – в мешке истертой кожи, Полон трухлою мукой... Кто старее, кто моложе – Треплет счастье за лукой. В кулаке зажаты стрелы, В очи – тёмные леса; Птиц широкие уделы, Древней Геи волоса.

II.

Я – в мешке прозрачной кожи, Кровь объята пеленой. Кто дешевле, кто дороже Гений кто, а кто дурной. Я иду тропой зловещей... Ах! Протёрся мой мешок! Выпадают мои вещи И уносит их поток.

*

Стр. 82

Стихи, написанные в 1914 году осенью, в сельце Михалево, около станции Пушкино, под Москвой.

Какие суровые ночи Какие ужасные дни Ты нас обнадеживал прочно Что мы не пребудем одни Ты потчевал соком берёзы Дарил полевой аромат К чему же военные слёзы Окопов бессмысленный ад?

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 96.

*

CTp. 84

Осенний день дрожит над садом Пурпурна тишина аллей И в тон торжественным отрядом Лежит немой простор полей Всё бездыханно недвижимо Устав от лета, замерло Крик журавлей, летящих мимо На юг сквозь гулкое стекло.

*

<u>Стр. 87</u>

На косогоре стонут ивы Их ветер гнёт осенний тужась И скорбно отражает нивы Осенних слёз большая лужа.

Мычащее цветное стадо Копытами долбит курганы Где древних дней лежат номады, Глядясь в забвения туманы.

CTp. 89

Травинка и ветер блуждали в загадках Им были уделом весёлые игры Жемчужные встречи, сребристые встречи И травы и ветер томились в загадках... Луч солнца и ветер кружилися в танце И тени скользили, как гибкие тигры Под тучек зардевшихся лёгким румянцем Прозрачные летние светлые игры.

(Эти стихи написаны в 1912 году в Гилее).

CTp. 90

Природа носит жёлтое манто. Оно к лицу усталой жрице. Увядшие цветы И листья клёна приколоты К плечу. У вылинявших глаз легла Морщинок карта. Она способна нравиться мужчинам. Осенняя пора пришла. Средь серых облаков Лазурь, блеснувши, кажется подарком. На остриях ресниц дрожат слезинки. В чертах заметно утомленье. И яд небрежности...

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» N_2 60, 1965-1966 гг. С. 98.

<u>Стр. 91</u> Из Мореаса

Смяты у края дороги цветы, Ветер их треплет больные листы... Как далеки роковые пяты. Фурой задетый, повергнутый крест, Так одиноко черневший окрест Этих унылых безрадостных мест. Умер прохожий у края дороги; Видишь торчат над канавою ноги... Кто же придёт зарыдать над убогим?¹⁶

Стр. 92

Осень склонилась и всюду тоска. Как бесконечно молчанье полей... Шорох в часах только слышен песка... Трепет дрожащих оплывших свечей.

 $99 \sim 0$

Где же ответы унылым словам, Что привели нас к жестокой тюрьме... Нету сиянья весёлого там Дали исчезли в безрадостной тьме.

*

Она молчит, а мы устали Молить безжалостный предмет Уныло беспросветны дали И слишком мрачен лет примет.

×

Стр. 93

Закат ушёл и нет огня И нет ответа тёмном поле Лишь ветр, колодником звеня, Сурово мчится волчьей волей. За рощей ледяной угрюмо Он мрачные слагает строки Как будто вылезли из трюма Судьбы безмозглой лжепророки.

*

Стр. 94

Сатир захвачен едкой стужей Пусть шерстью тёмною оброс Стучит зубами... В тёмный грот, Что средь камней высоких сосен Забрался он... Борей напрасно пучит рот Упорстве бешеном несносен На омрачнённый небосвод Напрасно вне лысея лужей Сентябрь оранжев в рощах кос Он озаряем пламенами.

*

Стр. 95

Угрюмо пожелтели рощи Холодной мглой одеты нивы И ветр качает кустик тощий Над топью ставший прихотливо

Какой простор, какие дали Унылый где повис туман Какие ночи нашептали Наш неоконченный роман.

В пустой заброшенной усадьбе, Где в окнах – шорох сонный парка – Застрять на зиму был я рад бы И подружиться там с кухаркой. Читать прилежно фолианты, Грядущего сдувая пыль, И слушать в зале бой курантов, Нашептывающих сонно быль.

Вокруг леса шумят как море, Оранжево пылает клён, Там на покатом косогоре, Воткнувшись синий небосклон, Мохнатых елей сизых стадо Глазам покойная отрада.

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 107.

CTp. 98 Из Корбьера

Сумеречный звон Заставил подскочить Старых часов кукушку И сову-часового На подсвечнике. Что светит ей очи. Слушай! Умолкает сова Крик из леса. Это тачка смерти Вдоль дороги... И радостным полётом ворон Делает круг над кровлей Где бодрствуют над усопшим, Которого погребут завтра.

<u>Crp. 99</u> Мёртвая натура.

Угрюмый звон колоколов Потряс надтреснутых часов Кукушку в серой темноте И канделябр, как часовой, Где филин стал над головой Следя огни на поставце. Замолк совы унылый крик. Тележка смерти среди риг Скрипит дорогою постылой И стая каркает ворон Кружит пред часом похорон Над домом, где жилец могилы.

Стр. 100

Тебя приревновал я к солнечным лучам И мотылькам и этим быстрым струям Тебя, что родственна, росистая, цветам, Тебя, рождённую весенним поцелуем. Тебя ревную к этим птичкам малым Что с песнею летят над звучными лесами Я вижу пред собой твой ротик алый Руководим очей твоих звездами.

187

*

Вдоль речки мелкой встали избы, Где жизнь темна, полна навозом; Где вечный вздох: «скорее вниз бы» Не близок Апулея розам. В двадцатом веке эти хаты Наружат строй средневековья, Они соломою лохматы — Одно сплошное стариковье.

1914-1932.

*

Стр. 101

Крести свой лоб пред игом храма Звон кандалов круглит пролёты Неси ломбардные еноты <u>НЕУКОСНИТЕЛЬНАЯ ДАМА.</u> На рыхлом сне нежнейшей кожи Блеснёт оранжево браслетка Сегодня завтра то же то же Трудолюбивая наседка.

*

Не превозмогши скуки белой И веток чёрной наготы Умрёшь тоски обледенелой Огней вместилища пусты Воспрянут дымы чёрных хижин Суровая сестра-звезда Покой их бурями обижен За тьмою зимнею — суда. Так с грузом бремени — невзгоды Закатной прелестью дыша Придёт носительница моды ЗЛАТОЖЕМЧУЖНИЦА душа.

1912 год. Москва, Страстн. Бульвар.

*

<u>Стр. 102</u> <u>Деревня – осень.</u>

Облака — ночные льдины, Крыппи — в зареве луны. Рощи спят в покрове синем От листов обнажены... Не уходит из болота Квартирант его туман. Он как нудная забота, Что скосилась на диван. Всё недвижно постоянно... Лишь немые облака Мчатся чередой туманной — Сутки, месяцы, века...

<u> 1913-й год. Херсон.</u>

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 107.

CTp. 104

(стихи составлены в 1914 году, весной)

Для моря строят – корабли Верблюд идти в пески навьючен А солнца лучик для земли Из чрева жаркого излучен.

Творцы поэз для шумных толп Гремящие слагают строки Они гранитный в мире столп Что пересилит злые сроки.

Они, что знают тайны миг Неся открытое забрало Подземный века метят сдвиг И злобы вырывают жало.

Стр. 105

Камень имеет вес Облако – тень Радостность лень Шорохи лес Пастухи глуповатых овец Король королева венец Неволя конец Решетку – слепое окно Но Песня идет о свободе Жив пламень в народе.

1914 год. Весна. Ростов-на-Дону.

Стр. 106

Горы ушная перепонка, Ты слышишь крик, Отметишь вопль стелящий звонко И зверя рык...

Всегда я был уверен – ты Имеешь утончённый слух, Но изумленью нет черты Гора кричит, как: дева, пёс, пастух...

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 108.

Стр. 107

Безжалостней чем дротик дикарей Любовь, стрелец любезный, ранит Парней равно и королей, Чтоб мучиться в влюблённых стане. Твой рот во мне зажёг такую жажду Что выпить кажется готов до дна Струи Стримона, Терека и Дона.

*

Стр. 109

Корабль поставил паруса И оставляет бухты лоно А ветерок и лист в лесах Не может двинуть током сонным.

*

Ждите ждите день идёт... Не слепым идёт конечно! Блещет радугой восход Заалевшийся беспечно.

*

Стр. 113

В прошедшем многие нам милы Кому душа легко влеклась И мы согласны до могилы Хранить с прошедшим этим связь. Она царит над днём живущим И феноменом прослывёт В сем мире тот, кто и грядущим, Как прошлым днем, пренебрежёт.

*

Я и облако
Я облакирован
Я яблоко
Евиных рук
Упавшее под облако
Небывалых разлук
Адам Адам —
Искупенье неведомых дам
Адам облако
Адам яблоко
Адамово яблоко
Застряло поперёк горла.

*

Я Адам Я ад где яд Конца наряд Предел следам.

25.II.1963 автобус между Брадентоном и Анна-Маруси Айленд Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 118.

*

<u>Стр. 114</u> <u>М. Криницкому</u>

Ты призываешь многословью – Да? Краткословье? «Завиток»? Но надо ль шею гнуть воловью, Чтоб Музы выполнить оброк.

И нужно нудное кропанье Громадных многострочтомов Чтоб истин ощутить касанье И быть средь просветлённых снов? Вам – глупость, но определённость Что узколобому ясна Мы ищем бурную смущённость Мы рвёмся в хаос, где весна.

 $\Theta \Theta \Theta$

<u>Через 20 лет</u>

Тебя забудут, а поэтов, Что ты так зло критиковал Бессмертья ждёт пред целым светом Признания растущий вал.

<u>Юдл</u>. «Психология – это наука о формах и естественных законах нормального ходя явлений сознания».

Стр. 115 Посвящение А.С. Пушкину

Из гроба зычно труп завыл, Треща его давящей крышкой Задовозврат о жизнепыл Натуроставший и привычкой Опять вернуть под синеву, Объятья, укоризны света... Стенаю, злобствую, реву Озябшетухл, сквозной, раздетый.

К чему червей поспешноход Неужто плоти не годится Психеподобно знать простор О тулокамень, духоптица! Примеч. В 1902 году в Свят. горах размыл вешний поток могилу велик. поэта и были видны сгнивш. доски гроба и кости...

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 119.

Стр. 116

Их было 30 тёмном поле

Промокших гробовом окопе Какая ведьма эту долю Могла накаркать и нахлопать. Они прижались в грязь, Чтобы умереть наверно... Зачем и почему, то ведает Аллах Война – всегда одна большая скверна Кошмарно трупами разбухшая полях Пузатых дипломатов жирностая Затеяли из выгоды войну

Им ненавистна жизнь простая...

Противна истина, что заперта в плену.

Эти стихи написаны осенью 1915 года, на станции Иглино, Сам. Зл. Ж.д.

Опубликовано в журнале «Color and Rhyme» № 60, 1965-1966 гг. С. 119.

191

Стр. 117 Деревенская картинка

Девических волос распавшиеся косы Осенним вечером когда заря – лимон Излишни обещания вопросы И влажен от дождя балкон. На небе, над тоской, прочерчены узоры Изломов веточек, в которых верен сад, Где высохший старик бредёт своим дозором Блюдя каноны входов и оград.

По дальним рельсам загудевший поезд Он торопясь вершит свой путь в Москву... И скоро ночь развяжет звёздный пояс И в роще дедовской услышим мы сову.

Опубликовано в журнале «Color and Rhyma» № 60, 1965-1966 гг. С. 99.

Примечания:

¹ Начало здесь: Евгений Деменок. Стихи Давида Бурлюка из альбома в парчовом переплёте. «Зеркало», № 53, 2019.

- ² То, что Бурлюк сохранил альбом в течение такого длительного периода, провезя его при этом через охваченную Гражданской войной Сибирь и Японию в Америку, вызывает серьёзные сомнения. Вот что записал он в альбоме: «Переписанные с черновиков, и исправленные в 1933 году в Нью-Йорке, из тетради в парчовом переплёте. Эту тетрадь в 1908 году мне подарила Ал.Ал. Экстер в Киеве. Кусок парчи из ризы (из Софиевского собора в Киеве).
- ₃ См. в том числе статью Е. Деменка «"Я в этот мир пришёл, чтоб встретиться с словами". Давид Бурлюк как литератор и издатель», «Южное Сияние», №2 (30), 2019.
- ⁴ Цит. по: http://az.lib.ru/l/liwshic_b_k/text_0080.shtml
- ⁵ Алексей Кручёных. «Наш выход». М., «Литературно-художественное агентство "RA"», 1999. С. 80-83.
- ⁶ «Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. Сборник/Сост. С.В. Шумахин и К.С. Юрьев. М., «Московский рабочий», 1990. С. 516.
- ⁷ Цит. по: http://www.lib.ru/INOOLD/KORBER_T/stihi.txt
- ⁸ Давид Бурлюк. Николай Бурлюк. Стихотворения. С.-Пб., «Гуманитарное агентство «Академический проект»», 2002. С. 140.
- ⁹ «Позорный столб российской критики». Первый журнал русских футуристов: № 1-2. М., «Тип. Мысль», 1914. С. 130.
- ¹⁰ Марк Криницкий (Михаил Владимирович Самыгин) (1874-1952) писатель, вместе с В.М. Фриче, К.Д. Бальмонтом и другими учредитель «Кружка любителей западноевропейской литературы», один из ближайших друзей Валерия Брюсова. Автор большого количества романов, описывавших мещанскую жизнь; после Октябрьского переворота писал комедии, ряд из которых опускался до уровня агиток, вызвавших одобрение Луначарского. Позже, однако, Криницкий встал на защиту модернизма, вступив в прямую полемику со Ждановым. С начала 1930-х находился в депрессии, вызванной непризнанием и одиночеством. Умер в психиатрической клинике в Нижнем Новгороде, куда был сослан после осуждения за контрреволюционную пропаганду. Могила его была обнаружена совсем недавно.
- 11 «Позорный столб российской критики». Первый журнал русских футуристов: № 1-2. М., «Тип. Мысль», 1914. С. 105.
- 12 Цит. по: http://az.lib.ru/k/krinickij_mark/text_04_komarovka.shtml
- ¹³ Цит. по: http://ruslitrev1917.ru/1918/03/
- ¹⁴ В. Катанян. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. пятое, дополненное. М., «Советский писатель», 1985. С. 143.
- ¹⁵ Там же. С. 530.
- ¹⁶ К творчеству Жана Мореаса Бурлюк обращался и ранее. Стихотворение «Пожалование леном (Из Мореаса)» было опубликовано в изданном им с женой в 1932 году в Нью-Йорке сборнике «1/2 века» (С.10).

ЯНИЦЕ СВИЦЕ

КУМЫСНЫЕ ВИРШИ САШИ ЧЁРНОГО

В конце 1980-х, с началом перестройки в СССР, на читателей обрушился сравнимый с цунами вал, поток, шквал информации, новых сведений и публикаций. Помню, ранним утром, перед работой, я подходила к ближайшему ларьку «Союзпечати» и, постояв в немалой очереди, покупала самые свежие газеты и журналы. В книжных магазинах стали появляться до этого запрещённые книги писателей-эмигрантов. Много было перечитано, что-то сохранилось в памяти, другое уже забылось. Но три писателя

русского зарубежья остаются для меня самыми значимыми и самыми любимыми. И по какому-то совпадению (совпадению ли?) Михаил Осоргин, Саша Чёрный и Сергей Довлатов оказались связаны с моей родиной – городом Уфой и Башкирией.

Александр Михайлович Гликберг, писавший под литературным псевдонимом Саша Чёрный, ещё в самом начале своей журналистской и литературной карьеры, летом 1909 года, лечился в Уфимской

губернии кумысом.

Целебные свойства кумыса (особым способом сброженного кобыльего молока) – главного напитка многих кочевых народов, были известны с глубокой древности. С XVIII века многие врачи стали применять его при лечении лёгочных заболеваний, а так же как общеукрепляющие средство. Но лечиться кумысом в основном могли только местные жители, так как добраться в отдалённую Оренбургско-Уфимскую губернию было непросто. Старейший административный центр края город Уфа (основана в 1586 году) расположена на крупной реке Белой, впадающей в Каму. Но на многих участках Белая отличается мелководностью и сильным течением. С середины 1860-х годов всё-таки удалось наладить по ней регулярное пассажирское сообщение. В 1888-1890-х годах был построен участок Транссибирской железнодорожной магистрали «Самара – Уфа – Златоуст» и с этого времени в крае началось активное развитие кумысолечения, которое к началу XX века превратилось уже в целую индустрию.

Лучшим местом для лечения кумысом стал Белебеевский уезд Уфимской губернии, где между железнодорожными станциями Аксаково и Давлеканово расположена долина реки Дёмы, воспетой Сергеем Тимофеевичем Аксаковым, и простирается Белебеевская возвышенность – открытое и живописное лесостепное нагорье, с богатым разнотравьем и благоприятным сухим климатом. Здесь ещё нет бесконечных плоских степных равнин, которые начинаются дальше к югу, в сторону Оренбурга. Лесная зона переходит в степную, лес встречается со степью, и среди высоких холмов (или покатых гор) степные участки перемежаются с лесными, что придаёт ландшафту своеобразие и особую красоту.

В начале XX века этих местах находились уже десятки кумысных санаториев, лечебниц, заведений. В июне 1901 года в одном из самых лучших и комфортабельных – Андреевском санатории – лечился Антон Павлович Чехов. И кроме этого, каждое лето башкирские деревни и пристанционные посёлки наводняли тысячи так называемых «диких кумысников». Они приезжали по железной дороге, снимали дома и комнаты, покупали кумыс и продукты у башкир. Так как в плодородной и экономически благополучной Уфимской губернии стоило это недорого, даже люди с самыми небольшими средствами могли прожить на кумысе месяц, два или даже целое лето. При этом многие и дикие кумысники, и пациенты лечебниц полностью излечивались от чахотки и других лёгочных заболеваний или значительно улучшали своё состояние.

Летом 1909 года среди «диких» кумысников оказался журналист, поэт и прозаик Саша Чёрный. По всей видимости, чахоткой он не болел, но, живя в сыром и холодном для южанина климате северной столицы, решил укрепить здоровье кумысом. В одном из кумысных стихотворений поэт называется себя «катарным сатириком». Отправившись в Уфимскую губернию, Саша Чёрный, скорее всего, доехал поездом до станции Шафраново, а затем уже поселился в башкирской деревне Чебени. В эти годы на всех железнодорожных вокзалах продавалась различная справочная литература и путеводители (в том числе путеводители и справочники, предназначенные специально для кумысников), которые помогали выбрать подходящую по цене и условиям лечебницу, или за их чтением скоротать поездку, обратить внимание на достопримечательности.

Приведу несколько выдержек из «Иллюстрированного путеводителя по Самаро-Златоустовской железной дороге», изданного в Москве в 1914 году, и по ним можно представить какими видели пассажиры (и среди них Саша Чёрный) станции и их окрестности, начиная от границы Уфимской губернии до станции Шафраново.

«Около разъезда "Ик" поезд переходит из пределов Самарской в Уфимскую губернию. За разъездом переходит по железному мосту в 15 саж. реку Ик и начинается медленный подъём на перевал на холмистый узел высот, питающих истоки сначала реки Ик, а затем р. Дёму. Мимо глухой станции Приютово поезд доходит до станции Аксаково, расположенной в 12 верстах от уездного города Белебея.

По мере движения на северо-восток селения башкир с их мечетями мелькают всё чаще. Кумысолечебные заведения расположены почти у каждой станции и разъезда, начиная от Талды-Булака. Летом на каждой станции можно купить кумыс от башкир, приносящих этот напиток в бутылках для продажи ко всем поездам. В июне месяще и позже, путешественник из окна вагона может полюбоваться на большие пространства степи, покрытой ковылем; белые султаны этой травы представляют красивый, пушистый ковёр, с отливающими серебром волнами при ветре. На станциях башкирские дети предлагают купить у них букеты полевых цветов и ковыля. У ст. Аксаково расположено бывшее имение известного писателя С.Т. Аксакова, который в своей "Семейной хронике" и описал эту красивую местность.

....Кругом обширная холмистая степь, цветущая тысячами полевых цветов, всегда освежаемая лёгким ветерком... Так как башкиры занимаются приготовлением кумыса, то в летнее время на этот участок со всех концов России съезжается много больных для лечения кумысом. Между станциями Аксаково

и Раевка путь переваливает через возвышенность, являющуюся одним из отрогов Уральского хребта. Высшая точка подъёма находится между разъездами Гайна и Кайраклы, на высоте 185,59 саж. [почти 400 метров] над уровнем моря. Отсюда открывается вид на огромное плато, окаймлённое со всех сторон на горизонте синеватой полоской далей. Отсюда же на восток начинается спуск в долину реки Дёмы (приток р. Белой). Первая на восток от Аксаково – ст. Глуховская. Окрестности её холмисты, покрыты лесом, лиственным и хвойным, изобилуют множеством ключей, ручейков и вообще очень живописны, почему и носят название "Русской Швейцарии"... Следующая станция Аксёново. Окрестности её так же живописны. Высокое местоположение. Здоровый чистый воздух... Ниже, на спуске к Раевке, у опушки красивой дубовой рощи, расположилась станция Шафраново. В окрестностях её много кумысолечебных заведений... кроме того приезжие больные размещаются в башкирских деревнях: Чуракаево в 3 вер. от станции, Чебени – 20 вер., а так же по хуторам в окрестностях на расстоянии от 2 до 20 вер. от станции».

Старинная башкирская деревня Чебени на реке Дёме (сейчас она называется Чебенли) в начале XX века, была довольно крупным населённым пунктом: здесь находилась мечеть, в 1917 году насчитывалось 859 жителей.

Живя на кумысе в Чебенях Саша Чёрный написал небольшой стихотворный цикл «Кумысные вирши» и стихотворение «В башкирской деревне». Насыщенные множеством интересных деталей, рисующих быт кумысников, быт башкир, природу края, эти стихи, как и вся поэзия Саши Чёрного, за внешней ироничностью, наполнены лиризмом, лёгкой печалью проницательного, умного, всё знающего и всё понимающего человека и поэта.

«Кумысные вирши» Саша Чёрный начинает с шутливой благодарности.

Благословен степной ковыль, Сосцы кобыл и воздух пряный. Обняв кумысную бутыль, По целым дням сижу как пьяный.

Ещё в начале XIX века делались попытки лечить больных кумысом не в башкирских степях. В 1824 году Оренбургско-Уфимскую губернию посетил император Александр I. По воспоминаниям сопровождавшего его в поездке лейб-медика Д.К. Тарасова, когда государь узнал о лечебных свойствах кумыса, то распорядился на следующий год отправить несколько дойных кобылиц и двух башкир в Царское Село для лечения страдавшей чахоткой императрицы Елизаветы Алексеевны, но «приготовляемый в Царском Селе кумыс не оказывал такого действия, как в степях оренбургских, и императрица не имела от него пользы». В Царском Селе не росли степные лекарственные травы, во многом делающие кумыс столь целебным; не было особенного, действительно «пряного» и лечебного воздуха, просторов и жаркого солнца.

Степное башкирское солнце
Раскрыло сияющий зев.
Завесив рубахой оконце,
Лежу, как растерзанный лев,
II с мокрым платком на затылке,
Глушу за бутылкой бутылку.

В XX и даже XIX веке в Уфимской губернии уже практически не было башкир, ведущих полностью кочевой образ жизни. Часть перешла на оседлость, занималась земледелием, а скот пасся в стадах, которые вечером пригонялся в аулы и деревни.

...А за овцами коровы, Тучногруды и суровы, Шли, мыча, плечо с плечом. На весёлой лошадёнке Башкирёнок щёлкал звонко Здоровеннейшим бичом.

Другие (особенно те, кто держали много лошадей) вели полукочевое хозяйство. В деревнях жили только в зимние месяцы, а ранней весной выгоняли лошадей и скот на пастбища, и жили при нём в степи во временных деревянных жилищах.

...В деревне мертво и безлюдно. Башкиры в кочевья ушли, Λ ишь старые идолы нудно Сидят под плетями в пыли

В «Кумысных виршах» и в стихотворении в «Башкирской деревне» Саша Чёрный делает зарисовки быта кумысников, которые как могли развлекали себя общением, чтением газет, беседами на темы актуальных политических событий. Среди больных чахоткой было много молодёжи, они устраивали вечеринки, прогулки и поездки по окрестностям, начинались романы.

 $\odot \odot \odot$

...А в избе у самовара Та же пламенная пара Замечталась у окна.

Пахнет йодом, мятой, спиртом, II, смеясь над бедным флиртом, В стёкла тянется луна.

В начале XX века в типографиях Уфимской губернии выпускалось множество «кумысных» открыток с видами различных лечебниц, быта башкир, процесса приготовления кумыса. Они расходились по всей стране, служили рекламой лечебниц, а так же приносили неплохой доход издателям. На некоторых из таких открыток можно видеть ещё один вид досуга кумысников – посещение башкирских народных праздников. Фотографы запечатлели моменты, когда среди групп башкир за праздничными событиями наблюдают и кумысники – дамы с зонтиками в белых летних платьях, господа в канотье и панамах.

В уфимских газетах время от времени публиковались очерки и небольшие рассказы на кумысные темы. Так, в 1907 году в газете «Уфимский край» был опубликован очерк «Праздник зиин» петербуржца, некоего Аркадия Григорьева. В нём довольно интересно описан не только сам праздник, но и некоторые подробности жизни кумысника в башкирской деревне.

- «- Мала-мала, живи, зиин скоро будет, соблазнял меня наш хозяин, башкир Гильман, у которого мы с женой снимали летом избу и пили кумыс. Срок нашего пребывания в степи на подножном корму уже истекал. Надо было думать о возвращении в Петербург с его раскалёнными и душными улицами.
- Больна хороша зиин, сабантуй увидишь, бик якши, в свою очередь расписывал моей жене наш поставщик баранины, старый и жизнерадостный Мухуддин.
- ...В один прекрасный день во двор занимаемой нами избы ввалилась толпа деревенской молодёжи. У одного парня в руках был длинный шест, увешанный яркими цветными платками, полотенцами, поясами и обрезками ситца. Всю эту пестроту увенчивала пара "ситэков" с кожаными галошами, привязанная на вершине шеста. Процессия обходила живших в деревне кумысников и собирала пожертвования для выдачи призов победителям на предстоявших состязаниях в борьбе и скачках.
  - Ару-ма? Здоров ли? приветствовала нас весёлая компания.

Мы знали уже, в чём дело и внесли от себя лепту, получившую своё место на том же шесте. Настроение деревни вдруг стало повышенным, предпраздничным. Башкирки принялись заготовлять угощение для приезжих гостей... Из пришедшего угром в деревню стада овец зажиточными хозяевами были отделены и заперты на дворах бараны, которые, точно предчувствуя предстоящую им печальную, хотя и почётную, роль, оглашали деревню жалобным блеянием.

...Хлопот было по горло до самого вечера. Даже важный, в белой чалме и с посохом в руках, муэдзин, неторопливо шествовавший ежедневно по деревне к мечети, ускорил свою размеренную походку и имел особенно бодрый вид. Вот он, промелькнув перед глазами, скрылся в мечети, и скоро его чалма появилась в окошке высокого минарета, откуда он особо звонким на этот раз голосом призывал правоверных к молитве перед отходом ко сну.

...Сладкий утренний сон кумысников был прерван отчаянным блеянием баранов, протестовавших против заклания. Когда я, одевшись, вышел во двор, то застал своего Гильмана уже за свежеванием бараньей туши. Солнце только ещё показывалось над горизонтом. День обещал быть ясным и жарким. Вскоре на наш двор въехало несколько плетёнок с гостями. Тут были и родственники наших башкир из других деревень, и русские мужики-кунаки. Ареной для праздника служила степь за задворками деревни. Часам к 11-ти утра повалил туда народ. Отправились и мы. Перед нами открывалось зрелище многолюдного башкирского базара. Приезжие "купса" – казанские татары – заманчиво разложили свои галантереи на повозках и в наскоро сколоченных из досок шалашах... Публики было очень много. Среди башкир и почти не отличающихся от них мещеряков замечались черемисы, несколько русских мужиков в картузах, а также кумысники».

195

Главными событиями праздника были соревнования по борьбе, когда в круг выходили сначала мальчики, потом юноши, "... постепенно дело дошло до состязания уже вполне взрослых силачей – "батаров". Зрелище становилось интересным. Башкиры оживлённо проявляли интерес к победам своих односельчан и награждали победителей, кроме призов, ещё аплодисментами. После борьбы наступил черёд следующего номера праздничной программы, начало которого было возвещено каким-то особым галденьем толпы и отливом её в другую сторону. Далеко в степи показалось несколько быстро движущихся предметов. Это приближался "сабантуй" – скакавшие на степных лошадях.

... Долго тянулся день. Много праздничных ощущений было пережито степными обитателями. Но и наступление прохладной ночи, быстро и без сумерек сменяющей в степи жаркий день, не остановило увеселений. Теперь в свои права вступила молодёжь. Устроились общие игры, напоминающие наши "жгуты". В толпу башкирских девушек замешалась и одна русская. Нельзя не заметить, что во время игры мужская часть молодёжи не допускала никаких вольностей, обычно наблюдаемых в подобных случаях в русских деревнях. Недаром многие наблюдатели сходятся в том, что башкиры замечательно нравственно-чистый народ и по отношению к женщине ведут себя по-рыцарски».

САША ЧЁРНЫЙ

КУМЫСНЫЕ ВИРШИ

I

Благословен степной ковыль, Сосцы кобыл и воздух пряный. Обняв кумысную бутыль, По целым дням сижу как пьяный.

За печкой свищут соловьи И брекекекствуют лягушки. В честь их восторженной любви Тяну кумыс из липкой кружки.

Ленясь, смотрю на берега... Душа вполне во власти тела – В неделю правая нога На девять фунтов пополнела.

Видали ль вы, как степь цветёт? Я не видал, скажу по чести; Должно быть милый божий скот Поел цветы с травою вместе.

Здесь скот весь день среди степей Навозит, жрёт и дрыхнет праздно (такую жизнь у нас, людей, Мы называем буржуазной).

Благословен степной ковыль! Я тоже сплю и обжираюсь, И на скептический костыль Лишь по привычке опираюсь.

Бессильно голову склоня Качаюсь медленно на стуле И пью. Наверно, у меня Хвост конский вырастет в июле. $\Theta \Theta \Theta$

Какой простор! Вон пара коз Дерётся с пылкостью аяксов. В окно влетающий навоз Милей струи опопанакса.

А там, в углу, перед крыльцом Сосёт рябой котёнок суку. Сей факт с сияющим лицом Вношу как ценный вклад в науку.

Звенит в ушах, в глазах, в ногах, С трудом дописываю строчку, А муха на моих стихах Пусть за меня поставит точку.

II

Степное башкирское солнце Раскрыло сияющий зев. Завесив рубахой оконце, Лежу, как растерзанный лев, И с мокрым платком на затылке, Глушу за бутылкой бутылку.

Войдите в моё положенье: Я в городе солнца алкал! Дождался — и вот без движенья, Разинувши мёртвый оскал, Дымящийся, мокрый и жалкий, Смотрю в потолочные балки.

Но солнце, по счастью, залазит Под вечер в какой-то овраг И кровью исходит в экстазе, Как смерти сдающийся враг. Взлохмаченный, дикий и сонный, К воротам иду монотонно.

В деревне мертво и безлюдно. Башкиры в кочевья ушли, Лишь старые идолы нудно Сидят под плетями в пыли, Икают кумысной отрыжкой И чешут лениво под мышкой.

В трехцвётном окрашенном кэбе Помещик катит на обед. Мечеть выделяется в небе. Коза забралась в минарет, А голуби сели на крышу – От сих впечатлений завишу.

Завишу душою и телом – Ни книг, ни газет, ни людей! Одним лишь терпеньем и делом Спасаюсь от мрачных идей: У мух обрываю головки И клёцки варю на спиртовке.

Бронхитный исправник, Серьёзный, как классный наставник, С покорной тоской на лице, Дороден, задумчив и лыс, Сидит на крыльце и дует кумыс.

Плевритный священник Взопрел, как березовый веник, Отринул на рясе крючки, Тощ, близорук, белобрыс – Уставил в газету очки И дует кумыс.

Катарный сатирик, Истомный и хлипкий, как лирик, С бессмысленным пробковым взглядом, Сижу без движения рядом. Сомлел, распустился, раскис И дую кумыс.

«В Полтаве попался мошенник», – Читает со вкусом священник. «Должно быть, из левых», – Исправник басит полусонно. А я прошептал убеждённо: «Из правых».

Подходит мулла в полосатом, Пропахшем муллою халате. Хихикает... сам-то хорош! – Не ты ли, и льстивый и робкий, В бутылках кумысных даёшь Негодные пробки?

Его пятилетняя дочка Сидит, распевая, у бочки В весьма невоспитанной позе. Краснею, как скромный поэт, А дева, копаясь в навозе, Смеётся: «Бояр! дай канфет!».

«И в Риге попался мошенник!» Смакует плевритный священник. «Повесить бы подлого Витте», – Бормочет исправник сквозь сон. «За что же?!» и голос сердитый Мне буркнул: «Всё он...».

Пусть вешает. Должен цинично Признаться, что мне безразлично. Исправник глядит на муллу И тянет ноздрями: «Вонища!». Священник вздыхает: «Жарища!». А я изрекаю хулу: «Тощища!!».

IV

Поутру пошляк-чиновник Прибежал ко мне в экстазе: – Дорогой мой, на семь фунтов Пополнел я с воскресенья...

Я поник главою скорбно И подумал: если дальше Будет так же продолжаться, Он поправится, пожалуй.

У реки, под тенью ивы Я над этим долго думал... Для чего лечить безмозглых, Пошлых, подлых и ненужных?

Но избитым возраженьем Сам себя опровергаю: Кто отличит в наше время Тех, кто нужен, от ненужных?

В самых редких положеньях Это можно знать наверно: Если Марков захворает, То его лечить не стоит.

Только Марковы, к несчастью, Все здоровы, как барбосы, – Нервов нет, мозгов два лота И в желудках много пищи...

У реки под тенью ивы Я рассматривал природу – Видел заросли крапивы И вульгарнейшей полыни.

Но меж ними ни единой Благородной, пышной розы... Отчего так редки розы? Отчего так много дряни?!

По степям бродил в печали: Всё коровник да репейник, Лебеда, полынь, поганки И глупейшая ромашка.

О, зачем в полях свободно Не растут иные злаки – Рожь, пшеница и картошка, Помидоры и капуста?

Почему на хмурых соснах Не качаются сосиски? Почему лопух шершавый Не из шелковых волокон?

 $99 \sim \sim$

Ах, тогда б для всех на свете Социальная проблема Разрешилась моментально... О, дурацкая природа!

Эта мысль меня так мучит, Эта мысль меня так давит, Что в волнении глубоком Не могу писать я больше...

<1909> дер. Чебени

В БАШКИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

За тяжёлым гусем старшим Вперевалку, тихим маршем Гуси шли, как полк солдат.

Овцы густо напылили, И сквозь клубы серой пыли Пламенел густой закат.

А за овцами коровы, Тучногруды и суровы, Шли, мыча, плечо с плечом.

На весёлой лошадёнке Башкирёнок щёлкал звонко Здоровеннейшим бичом.

Козы мекали трусливо И щипали торопливо Свежий ивовый плетень.

У плетня на старой балке Восемь штук сидят, как галки, Исхудалые, как тень.

Восемь штук туберкулёзных, Совершенно не серьёзных, Ржут, друг друга тормоша.

И башкир, хозяин старый, На раздольный звон гитары Шепчет: «Больно караша!»

Вкруг сгрудились башкирята. Любопытно, как телята, В городских гостей впились.

В стороне худая дева С волосами королевы Удивлённо смотрит ввысь.

Перед ней туберкулёзный Жадно тянет дух навозный И, ликуя, говорит – О закатно-алой тризне, О значительности жизни, Об огне её ланит.

«Господа, пора ложиться – Над рекой туман клубится». – «До свиданья!», «До утра!»

Потонули в переулке Шум шагов и хохот гулкий... Вечер канул в вечера.

А в избе у самовара Та же пламенная пара Замечталась у окна.

Пахнет йодом, мятой, спиртом, И, смеясь над бедным флиртом, В стёкла тянется луна.

1909 (?)

ВЛАДИМИРЕСПИРТУС

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ – СТИХИЯ ЧУДА эссе

Судьба Арсения Александровича Тарковского многими нитями связана, переплетена с поэтами Серебряного века: Георгием Шенгели, Мариной Цветаевой, Анной Ахматовой, Борисом Пастернаком. Арсений Тарковский и замечательный поэт Мария Петровых стали их достойными преемниками, а в чём-то, по-моему, и превзошли, увидев красоту земных вещей духовными очами. К сожалению, за пределами узкого круга литераторов и ценителей истинно прекрасного их творчество до сих пор не получило достойной оценки.

Арсений Тарковский почти наш современник, во всяком случае для людей моего поколения. Не вдаваясь подробно в его биографию, мне хотелось бы здесь подчеркнуть отдельные её моменты и привести лично услышанные мною впечатления двух поэтов и писателей: киевского – Ларисы Пастух и московского – Станислава Айдиняна.

В Википедии о Арсении Тарковском можно прочитать скупые строчки: русский поэт и переводчик с восточных языков. Сторонник классического стиля в русской поэзии. Отец кинорежиссёра Андрея Тарковского.

А вот как говорят знавшие и любящие поэта (цитирую киевского литератора и педагога Маргариту Черненко): «Его слова, его дух, его высота возвращают сердцу настоящее, реальное, плотно ощутимое желание жить, и видеть красоту мира, и трепетать перед его тайной, и стремиться к свету и любви. В его стихах пульсирует стихия чуда. И она способна выплескиваться, создавать вокруг преображенное пространство».

Маргарита Черненко рассказывает: «Однажды мне приснилось, что Арсений Александрович подарил мне ветку белой сирени, и буквально через полгода, когда он умер, над его могилой я увидела куст этой белой цветущей сирени. Разве можно после этого не поверить в чудо?».

Стихи Арсения Тарковского, кажется, живут в другом измерении – инобытия.

И это снилось мне, и это снится мне,

И это мне ещё когда-нибудь приснится,

И повторится всё, и всё довоплотится,

И вам приснится всё, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне Волна идёт вослед волне о берег биться, А на волне звезда, и человек, и птица, И явь, и сны, и смерть – волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду, Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду Один, как сирота, я сам себя кладу, Один, среди зеркал — в ограде отражений Морей и городов, лучащихся в чаду. И мать в слезах берёт ребёнка на колени.

Никогда не мыслились Арсением Тарковским стихи как необходимый источник материального существования. Как известно, первая книга его «Перед снегом» вышла в 1962-ом году, когда поэту было 55 лет.

Чтобы как-то существовать, ему приходилось добывать «хлеб насущный» поэтическими переводами, а свои стихи, стихи зрелого мастера, складывать «в стол» до лучших времён. Нет, конечно, худа без добра: благодаря Арсению Тарковскому русские читатели смогли познакомиться и прочувствовать красоту и своеобразие восточного стихосложения.

На долю поэта выпал тяжкий крест: физические и душевные раны, голод и холод, множество смертей и разлук. Но он не сломался, а выстоял и при этом оставил нам изрядную толику лирических шедевров. Например, стихотворение «Свидания» (в последующей редакции «Первые свидания»):

Свиданий наппих каждое мгновенье Мы праздновали, как богоявленье, Одни на целом свете. Ты была Смелей и легче птичьего крыла, По лестнице, как головокруженье, Через ступень сбегала и вела Сквозь влажную сирень в свои владенья С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» – Я говорил и знал, что дерзновенно
Моё благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки, Дымились горы, брезжили моря, И ты держала сферу на ладони Хрустальную, и ты спала на троне, И – боже правый! – ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила Вседневный человеческий словарь, И речь по горло полнозвучной силой Наполнилась, и слово *ты* раскрыло Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете всё преобразилось, даже Простые вещи – таз, кувшин, – когда Стояла между нами, как на страже, Слоистая и твёрдая вода.

Нас повело неведомо куда. Пред нами расступались, как миражи, Построенные чудом города, Сама ложилась мята нам под ноги, И птицам с нами было по дороге, И рыбы подымались по реке, И небо развернулось пред глазами... Когда судьба по следу шла за нами, Как сумасшедший с бритвою в руке.

В конце 2017 года в журнале «Знамя» появилась публикация Галины Доброницкой, в которой высказано мнение, что это стихотворение посвящено Марине Цветаевой. Да, автор, можно сказать, провела своё собственное «расследование» и приводит довольно убедительные аргументы. Но скорее всё же можно согласиться с дочерью поэта Мариной, что адресат его — Мария Фальц, жившая по соседству с Тарковскими на Александровской улице в Елисаветграде (Кировограде).

Сам Арсений Александрович отрицал близкие отношения с Цветаевой. Но у него есть целый цикл стихотворений, посвящённых Марине, в которых излиты чувство непреходящей вины перед ушедшим из жизни другом. Он сокрушался потом:

«Прозевал я Марину, прозевал. И я виноват. Не понял её трагического характера. Трудно было с ней. Ну, полсердца отдал бы ей. А ей подавай всё сердце, и печёнку, и селёзенку! Она требовала всего человека, без остатка...».

Я слышу, я не сплю, зовёшь меня, Марина, Поёшь, Марина, мне, крылом грозишь, Марина, Как трубы ангелов над городом поют, И только горечью своей неисцелимой Наш хлеб отравленный возьмёшь на Страшный суд...

В 1946 году в доме Г.А. Шенгели Арсений Александрович познакомился с Анной Андреевной Ахматовой. Они стали близкими друзьями и дружба поэтов продлилась вплоть до кончины Ахматовой.

Над могилой Анны Ахматовой Тарковский сказал: «Никогда ещё на долю женщины не выпадало столь мощного поэтического дарования, такой исключительной способности к гармонии, такой непреодолимой силы влияния на сердце читателя».

Первый брак Тарковского с Марией Вишняковой распался в середине 1930-х годов, когда их дети – Андрей (будущий всемирно известный кинорежиссёр) и Марина были совсем маленькими. Андрей всегда говорил и писал о том, как ему не хватало отца. Но отношения их были сложные.

В 1957 году, в год, когда Андрей женился на своей сокурснице по ВГИКу Ирме Рауш (в дальнейшем сыгравшей роль дурочки в «Андрее Рублёве»), между ним и отцом произошёл разлад, о котором горько сожалел будущий режиссер. Арсений Александрович был настроен против Ирмы и оттоваривал сына жениться, произошло недоразумение из-за материальных вопросов. Это подвигло Андрея написать очень искреннее и личное письмо отцу. Вот фразы из этого письма:

- «...Я всю жизнь любил тебя издалека и относился к тебе как к человеку, рядом с которым я чувствовал себя полноценным.
  - ...Нет и не было, верно, сына, который бы любил тебя, то есть отца, больше, чем я.
- ...Но вот в чём я тебя упрекну не сердись за слово "упрекну", ты всю жизнь считал меня ребёнком, мальчишкой, а я втайне видел тебя другом. То, что я... обращался к тебе, только когда мне было нужно, это печальное недоразумение. Если бы можно было, я бы не отходил от тебя ни на шаг. Тогда ты не заметил бы, что я у тебя просил что-то и искал выгоды».

Эти фразы лично мне напоминают отношения Аркадия с его отцом Версиловым в романе Достоевского «Подростою».

Марина Тарковская свидетельствует: «Мама часто отмечала сходство их характеров и судеб. Только творчество спасало и уводило от жизненных сложностей, которые они порой сами же и создавали»...

Вероятно, без влияния личности отца, его поэзии, Андрей Тарковский не стал бы выдающимся кинорежиссёром мирового уровня. В своих лентах он сумел найти «киношный» эквивалент духовной поэзии отца, сделать её тончайшую вязь и глубины зримыми и осязаемыми. Когда он умер от рака лёгких в 1986 г. — это был страшный удар для Арсения Александровича, второй после его невозвращения на Родину. Вспоминает Лариса Миллер:

«Я была в Переделкине в тот день, когда туда приехала дочь поэта Марина, только что вернувшаяся из Парижа с похорон Андрея. Арсений спал одетый на диване. Марина, несмотря на усталость и подавлен-

ность, хотела дождаться его пробуждения. Когда он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним дочь, он коротко спросил: "Что? Похоронили?". "Похоронили", – ответила Марина. Больше он ничего не сказал».

У меня в Киеве есть старший друг: поэт Лариса Михайловна Пастух. Тонкий лирик, пишущий стихи, проникнутые музыкой. Её светлый взгляд на мир и людей полон духовности:

«Мелодия любви звучит во всём, повсюду, всегда, – говорит Лариса Пастух. – То явственно, а то чуть слышится, заглушаема иными звуками жизни, иными чувствами. Но она никогда не исчезает из жизни. Она жива. То прозвучит удивлением ребёнка, его восторгом и распахнутостью сердечка, то заботой и лаской материнских рук. Иль нежным прикосновением первой весенней листвы, взглядом цветка из глубокой зелени трав, песней ручья...».

Среди знакомых Ларисы Михайловны много известных литераторов, музыкантов и художников. С некоторыми из них её связывают сорок лет или полвека дружбы. Особо удивил меня и порадовал неожиданностью рассказ Пастух о неделе постоянного общения с Арсением Тарковским. Оказалось, что она по линии общества «Книголюб» где-то в 1980-х годах пригласила его с женой в Киев. Лариса Пастух устроила поэта с Татьяной Озерской (третьей женой Арсения) в гостиницу, кормила их обедами, а, главное, собирала на творческие встречи с ним огромные переполненные залы. Арсений Тарковский признавался, что таких аудиторий у него никогда не было в Москве.

Лариса Михайловна не знала, что у Тарковского протез вместо одной ноги, пока один эпизод не выдал ей это обстоятельство. Однажды она повела Арсения Александровича в магазин на Красноармейской улице, где продавались марки. В районе площади Льва Толстого он сделал неловкое движение и его искусственная нога «взбрыкнула». Тогда она всё поняла.

Много живых подробностей и интересных деталей о Арсении Тарковском (и не только о нём) довелось мне услышать недавно от Станислава Айдиняна – литературоведа, писателя, поэта, с 1984 по 1993 гг. бывшего секретарём и редактором А.И. Цветаевой.

«Первая моя встреча с Тарковским произопла у Анастасии Ивановны Цветаевой в старом корпусе Дома творчества писателей в Переделкино, он там отдыхал, – говорит Станислав Артурович, – Арсений Александрович был так же красив, как на старых фотографиях. Это была особая гордая красота благородства. Когда он вошёл вместе со своей женой, то протянул мне руку и сказал твёрдо только одно слово: "Тарковский". Потом я убедился в том, что он всегда так делает, это была его манера. Так вот – утверждённо в себе, волевым образом. Разговор с Анастасией Ивановной пошёл об общих знакомых. Поэт потом пожаловался на нагноение на протезе. И Анастасия Ивановна вызвалась помочь, дать телефоны врачей-гомеопатов... С ним была жена, в светском таком тюрбане, весьма "торжественная дама". Она спросила Анастасию Ивановну, которой было хорошо за 90 лет: "А где у Вас лежит блокнот? Я выпишу телефоны!". А.И. посмотрела на неё по-дворянски сдержанно и сказала: "Дорогая, у меня все телефоны записаны вот здесь!" – и очень гулко постучала себя по голове».

Станислав Айдинян рассказывает: «Я видел Арсения Александровича в коридоре Дома творчества в Переделкино, окружённого молодежью. Он читал им свои стихи, они читали ему. Я очень хорошо помню его лицо, выбеленное от страданий. Протез ему натирал, у него болела нога. Но эти страдания делали его как будто ещё более благородным и внешне красивым, создавали особую утонченность образа». Когда Арсений Тарковский умер, Айдинян был в Доме творчества в Переделкино и, идя к Анастасии Ивановне, заметил в вестибюле у входа на чёрной доске мелом было объявление о смерти поэта и времени похорон на переделкинском кладбище. Анастасия Ивановна попросила его, можно сказать, даже настойчиво поручила ему быть на похоронах. «Отпевали поэта в маленькой переделкинской церкви. В гробу поэт был похож на поверженного орла – такое было благородство черт лица. А когда несли его на кладбище, стоял шелест стихов – его стихи шёпотом читала вся толпа, идущая за гробом. Впечатление было будто шумела большая лиственная роща…».

За Домом творчества, построенным в стиле 1950-х годов, есть большая трансформаторная будка. На неё Станиславу указал после похорон Семён Липкин, замечательный крупный переводчик – и сказал: «Вот здесь, на этом месте, молился Арсений Александрович. Уходил сюда от писательской братии, чтобы никто ему не мешал...». «Когда я бываю в Переделкино, всегда вспоминаю об этом», – сказал Станислав Айдинян, по словам которого поэт перед смертью пережил тяжёлые испытания.

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ СКОЛЬКО ЛИСТВЫ НАМЕЛО

Сколько листвы намело. Это легкие наших деревьев, Опустошенные, сплющенные пузыри кислорода, Кровли птичьих гнездовий, опора летнего неба, $\odot \odot \odot$

Крылья замученных бабочек, охра и пурпур надежды На драгоценную жизнь, на раздоры и примиренья. Падайте наискось наземь, горите в кострах, дотлевайте, Лодочки глупых сильфид, у нас под ногами.

А дети северных птиц улетают на юг, ни с кем не прощаясь. Листья, братья мои, дайте знак, что через полгода Ваша зеленая смена оденет нагие деревья.

Аистья, братья мои, внушите мне полную веру В силы и зренье благое мое и мое осязанье, Аистья, братья мои, укрепите меня в этой жизни, Аистья, братья мои, на ветвях удержитесь до снега.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНЫ СЕВРЮГИНОЙ

СЛОВА, КОТОРЫЕ ВНУТРИ

(Хмелёва Наталья. Ген любопытства / Стихотворения. — К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2019. — 88 с.)

Трудно сказать, особенно в наше время, станет ли книга Натальи Хмелёвой явлением в современном литературном процессе, но есть основание полагать, что её заметят. Она сможет заинтересовать искушённого читателя и знатока в области концептуализма и метапоэзии. Это история лирической героини, стремящейся обрести свой голос, своё подлинное предназначение, выйти за пределы обыденного порядка вещей.

По определению самой Натальи, её творчество затрагивает проблему «стремительно меняющегося урбанизированного мира» и тех смыслов, которые предстоит в нём найти. Этот поиск, заставляющий отказаться от видимого, очевидного, и преодолеть свою несовершенную земную природу, становится лейтмотивом книги. Любая вещь лишена идеи до тех пор, пока она не названа своим подлинным именем, некогда забытым, на долгое время утерянным. Представляется, что автор хочет вернуть явления, вещи, слова, язык к их первооснове – тому первобытному состоянию, которое обнажает связь природного и человеческого, демонстрирует рождение истины из естественного, не причёсанного цивилизацией хаоса бытия.

Но было бы неправильным утверждать, что молодая поэтесса безоговорочно самобытна в своём творческом поиске ответов на онтологические вопросы — её образы и мысли вырастают на благодатной почве русской и мировой культуры. Здесь мы видим множество зеркальных отражений — начиная с библейских и славянских, языческих мотивов и завершая серебряным веком, плавно перетекающим в современность. Название книги «Ген любопытства» очень точно передаёт особое состояние лирической героини, не просто наделённой специфической чертой характера, но генетически унаследовавшей её от предшествующих поколений таких же пытливых, неуспокоенных умов. Тех умов, которые, в соответствии с аристотелевским принципом, не могут довольствоваться только знаниями о мире — им гораздо важнее обнаружить причины, его породившие.

Оттого в голосе лирической героини Хмелёвой, стоящей «в конце времён» и отражённой в каждом начале новой жизни, слышны и тревожные цветаевские интонации, и эпически возвышенные ноты Ахматовой, и предваряющие новый век русской литературы интертекстуальные, многослойные мессенджи Бродского:

Я иду к тебе, мой милый, уже иду. Как сто лет назад волы оставляли полосы, так тебе гортань мою удалось всполоть: из ребра колосса, колоса, гумуса, логоса

В этом риторическом обращении со всей очевидностью прочитываются отголоски легендарного, ставшего неотъемлемой частью нового поэтического сознания «хронога, космога, эрога, расы, вируга».

Если говорить о более современных влияниях, то во многих образах, идеях, мыслях украинской поэтессы угадываются следы-оттолоски художественного мира Александра Петрушкина – поэта-метареалиста, недавно ушедшего из жизни. Это тем более оправдано, если учесть, что поэты были знакомы — Наталья даже публиковалась в журналах Александра. Стоит оттолкнуться от ключевой идеи, сближающей взгляды двух поэтов: уход человека от своей несовершенной, нечистой природы и стремление, путём преодоления разрозненности миров вне и внутри себя, к некой первооснове, исходной точке бытия:

Есть место, где сливаются и длятся <мятеж> мои разрозненные земли. Мне в каждом утре суждено остаться, но только не в меняющемся теле.

Обретение искомых значений за пределами всего телесного, плотского, физически воспринимаемого у автора равнозначно обретению подлинной свободы, когда, выражаясь языком того же Петрушкина, можно «вынуть птицу из иглы». Оттого так легко путешествовать по царству её безгранично проходимых миров, где всё плавко, недискретно и подвижно. Это не просто свободное перетекание из одного мира в другой – это поступательное движение героини от себя реальной к себе потенциальной, будущей, но с опорой на сакральный опыт прошлого. И всегда, практически в каждой поэтической строке Натальи Хмелёвой ощущается желание уйти от привычного порядка вещей, заглянуть за пределы осязаемого, зримого, фактически очевидного. Оттого, читая этот поэтический сборник, невольно погружаешься в царство бесконечных метаморфоз, точнее, метаметаморфических словотворий, где совершенно по-христиански «питьё превращается в лёд», а человек «перетекающий по звуку в других людей», пребывает «вне сует становления». Потому что истинное с нами происходит не в процессе нашего физического существования и не в реальном мире, а «там, где тени людей расплываются вширь». Стоит также отметить, что у автора, по его собственным словам, особое отношение к памяти и прошлому. Что есть память? Это «ворошение снов наугад», или «ребёнок, хранящий портреты случайных похожих», или дороги Берлина, «чьи толпы разноцветно в нас молчат» - говоря иными словами, это генетическая память рода, возвращение к тем истокам, где можно поймать «первоначал пугливых тень». Героиня Натальи Хмелёвой много размышляет о том, что человек не тождествен собственной жизни и самому себе – он соткан из множества судеб, миров, идей и мыслей. Поэтому нередко в стихах присутствует мотив реинкарнации – переселения душ, остающихся бессмертными вопреки дряхлеющему телу.

Ещё одна магистральная тема, сближающая украинскую поэтессу с Петрушкиным, касается языка – точнее, проблемы поиска праязыка, который является логической скрепой между человеком и его небесной ипостасью – формулой, обеспечивающей целостность мира и единообразие вещей и явлений. Сводя функцию речи к невербализованному, дономинативному процессу, бессвязному гулу, камланию, Хмелёва ищет ту самую эфирную составляющую, вне которой невозможно преодолеть изначальную разрозненность мира и обеспечить непрерывное становление и прорастание всего во всём. Так возникает художественное поле метареализма, в котором вещи обмениваются смыслами и значениями, а язык становится переходом от очевидного, явного в сторону конечных, неявных областей значений. В сущности, идеальный акт речеговорения здесь сводится к молчанию, некой потенции адекватного словесного выражения, вырастающего из природного шума:

Не будет слов, раз не случилось рта: обоев рваных шелест, шум прибоя, <пи кости в теле> Где была гортань — бескрайнее пространство голубое.

Исключительно ценно, что, воспроизводя в своём художественном мире ключевые мотивы поэзии Петрушкина, Хмелёва одновременно использует оригинальный приём концептуального расширения границ повествования, выводя его за рамки собственно поэтического текста. Об этом в предисловии книги пишет Сергей Главацкий, говоря об эффекте речи «за кадром», отмечая, что «эффект непроизнесённого» достигается за счёт специфических знаков – угловых скобок.

Подобный эффект, отделяющий одну «пифровку» от «другой», внешнее, явное, от скрытого, ментального, у Петрушкина достигается за счёт чередования шрифта — чёрного с обычным. Справедливости ради отметим, что скобочной конструкцией он тоже пользовался. Есть и ещё одно значимое языковое явление, образующее словесную ткань стиха у Хмелёвой и Петрушкина: сравнительные обороты речи, выполняющие роль логико-грамматических скреп в тексте — в частности, союз «как». В сборнике украинской поэтессы этот союз встречается реже, но всё же встречается, и вводится аналогичным поэтике Петрушкина образом — например, он может стоять в самом начале текста:

Как сжимается время, чей вечно простуженный нерв отрывает побег от земли, устремляя наверх! Его царство — в музее весов, эталонов и мер В целом, возвращаясь к проблеме книжной эрудированности автора, отметим, что свою мифологическую модель мира он выстраивает по определённым канонам, где не обходится и без романтики, и без некоторого юношеского пафоса, и без более ранних отсылок к мировой истории и культуре. Если говорить более конкретно, то идея поиска первоосновы мироздания базируется, например, на древнегреческой философии – скорее всего, на учении милетцев и ионийцев о четырёх производящих стихиях – земле, огне, воздухе и воде. Особенно часто поэт использует образ воды – общеизвестно, что во всех древних мифологиях он является универсальным и связан с сотериологией и космогонией – то есть с мотивами сотворения мира. Вода – это и первозданный хаос, и самая древняя форма бытия, стоящая у истоков генезиса. Этим и объясняется частотность водных мотивов в данной книге стихов. Лирическая героиня Хмелёвой считает стихию воды родственной, близкой себе и, возможно, всем людям творческого склада:

А в чём ещё грешна? На все лады твержу: помилуй бог, какая кража! Мне дали в дар энергию воды — в ту ночь стоял Данубиус на страже...

По цвету и консистенции вода аморфна, почти прозрачна, хотя может иметь цветовые оттенки. Например, синий, сближающий её с небом. Символика синего и голубого в поэзии Хмелёвой тоже очевидна и, скорее всего связана с магистральным мотивом поиска первоистоков: синим может быть пространство, голос, смех, зыбкая тень, какое-то воспоминание. Даже бездна может быть «синяя, не взятая под процент». В большинстве мифологических систем синий цвет рассматривается как символ всего духовного, ассоциируемого с божественным. Особенно важно то, что это также первоначальная простота и бесконечное пространство, которое, будучи пустым, может содержать всё. Это цвет больших глубин, женская стихия вод.

Эстетика пустой формы, содержащей в себе потенцию жизни, её будущее воплощение, является значимой составляющей поэтического мира автора.

Очевидны и уже упомянутые библейские и языческие мотивы, которые мы в избытке находим в поэтических текстах книги. Обращение к образам праматери, праотца, святых Иосифа и Иова кажется вполне гармоничным в контексте идеи преодоления разрозненности мироздания и возвращения всего сущего к первобытному, синкретичному состоянию. И абсолютно не выбиваются из общего контекста возникающие на этом фоне персонажи и темы народного фольклора. Именно в устном народном творчестве идея преобразования материи, перехода одной жизненной энергии в другую является ключевой, основополагающей. Видимо, поэтому героине так хочется «бежать из зданий, полных геометрии... куда-то, где живут ещё поверия ... и папоротник ждёт поры цветения». И здесь же, в этой благодатной среде, возникает молодильное слово, которое так не хочется отдавать «каким-то новым Лорелеям»:

каким мы чудом молодеем, и почему нам так легко, размахивая рукавами, разлить и мёд, и молоко

Как уже было сказано, строй речи Натальи Хмелёвой не лишён возвышенности, пафосности, юношеского романтизма и переизбытка книжности. Но всё же поэт — это всегда зеркало. А Наталья Хмелёва — зеркало, благодарно отразившее в себе опыт предшествующих поколений. Её поэтический мир вместил в себя одну из самых сложных и продуктивных современных поэтик — поэтику метареализма.

И сейчас, когда «доблестный воин света» Александр Петрушкин мирно спит в своём Асгарде, Хмелёва кажется валькирией, хранящей потерявшего хозяина топор Тора. Есть абсолютная уверенность в том, что однажды она легко поднимет этот топор, а потом высечет, сотворит новый мир, в котором каждая вещь обретёт своё подлинное имя – «слова, которые внутри».

ПРОБЕЛ МЕЖДУ СТРОКАМИ

(Амини Бахтияр. Вкус отражения. Хайку, сенрю и микропоэзия / Б. Амини. – М.: Стеклограф, 2020. – 119 с.)

Может ли хокку (хайку) — один из наиболее древних поэтических жанров одной из наиболее замкнутых культур — звучать современно в нашем мире, быть в нём востребованным? Ответ здесь очевиден. Настоящая поэзия всегда современна и востребована — она просто не может устареть. К тому же, японская поэтическая миниатюра, ставшая известной и весьма популярной с XIV века, за огромный период своего существования пережила уже множество трансформаций, впитывая влияние каждой новой эпохи. По сути, из твёрдой формы, состоящей из 17 слогов (один столбец иероглифов) хайку переросло в свободную от строгих канонов форму современного микростиха.

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Эта трансформация наглядно продемонстрирована в сборнике Бахтияра Амини. Название книги «Вкус отражения» включает в себя характерный подзаголовок: хайку. сенрю и микропоэзия. Это говорит о том, что классическое хайку сочетается у автора с отдельными, более современными разновидностями данного жанра. Например, сенрю, о котором упоминает в послесловии книги Николай Гранкин – жанр, наиболее характерный для поэтического мировоззрения Бахтияра. Долгое время сенрю считали более низким по сравнению с хойку жанром, но постепенно он занял в литературе достойное место, неся в себе такую важную черту, как светлый, слегка юмористический взгляд автора на мир в сочетании с его добрым отношением к людям и всему окружающему.

Что касается микропоэзии, то она становится формой репрезентации менталитета современного человека, живущего в скоростную эпоху современных технологий. Этот жанр совмещает стилистику твитку (твихайку, твиттер-поэзии) и капчи – текста, созданного как программное обеспечение для защиты от спама. Получается, что хокку Бахтияра Амини (аминихокку) – это новая оригинальная роспись по ковру древности, полностью отвечающая запросам нашего мира модификация жанра.

От своих далёких предшественников автор заимствует мастерство лаконичного высказывания, когда предельная сжатость формы способна всё подлинно важное уместить между строк. Его трёхстишия – это расходящиеся в разные стороны лучи смыслов, минные поля, наступая на которые, читатель ощущает, как разноцветные бабочки-ассоциации тут же взлетают вверх.

Действительно, хайку, — это что-то лёгкое, воздушное, свежее и едва уловимое — как крылья мотылька или солнечный свет. А ещё Амини заимствует у древнего жанра одну из самых важных черт — созерцательность. Не случайно книга названа «Вкус отражения». Автор действительно похож на японского мудреца, для которого хайку — сама жизнь, окна которой всегда открыты. Он не боится заглядывать в них, и не боится также распахнуть собственные окна и двери навстречу случайным прохожим. У него нет секретов от окружающих — подобное встречается только у поэтов или у людей с кристально чистой совестью.

Однако будучи странником, мудрецом-чужестранцем, которому доступно сокровенное знание о мире, Бахтияр продолжает оставаться абсолютно современным человеком. Темы его стихов, равно как и способы их художественного воплощения, весьма разнообразны и очень актуальны.

В содержательном плане можно обозначить ключевые, повторяемые с определённой периодичностью и переживающие некоторые смысловые трансформации образы-мотивы книги: это и любовь, и дружба, и философские размышления о недолговечности бытия, и даже вопросы современной политики. Автор не обходит их стороной — более того, он уделяет им немалое место в своей художественной картине мира. Оттого нередко в его интонации ощущается то лёгкая, с налётом горечи, ирония, то откровенно здоровый юмор:

```
культ безличности
фейки комментируют
фейки
```

Лирический герой Бахтияра — эдакий терапевт-мануальщик, колющий читателя тончайшими иголочками настроений, способный в любой момент вызвать нужную эмоцию: страх, гнев, раскаяние, приступ веселья или безотчётной тоски. Вот мы смеёмся, угадывая себя в короткой бытовой зарисовке:

```
суббота
в режиме полёта
я и смартфон
```

А вот наше сердце болезненно сжимается, ощущая в просветах строк неумолимость жизни и безотчётную тягу к запретному счастью:

```
начало весны
поёт колыбельную
бесплодная женщина
```

Есть и такие строки, в которых представлен весь экзистенциальный ужас нашей жизни:

```
Афганистан растёт на маковых полях третье поколение
```

И более всего нас потрясает в этих текстах глубина недосказанного, словесно не выраженного, но всегда подразумеваемого. Как истинный хайдзин, автор преодолевает избыточность речи и умещает

всё самое важное в опорных словах – главное остаётся между строк, в пробелах, и читатель сам должен уловить логико-ассоциативную связь между сигнальной фразой и её толкованием.

Строфика и композиционная организация микропоэтических текстов книги представляется оригинальной и очень разнообразной. Здесь и классические хайку — семнадцатисложники, строящиеся по схеме 5-7-5. Есть и существенные отступления от правил — количество слогов произвольно и колеблется в диапазоне от 12 до 21-22 и более. Тематически хайку повторяются, образуя своего рода сквозные линии — «смысловые гирлянды» повествования. Например, тема сна/сонника в течении книги варьируется, сюжетно развивается:

```
сонник...
лежит закладка
на вчерашнем сне
не ищи...
поменял адрес
своего сна
целую ночь
гулял от сна
```

к сновидению

Автору удаётся невозможное – не нарушив традиции жанра, тем не менее, выйти за пределы его структуры благодаря семантическим скрепам сюжетно связанных трёхстиший.

Смысловое соотношение строк в рамках отдельно взятой поэтической миниатюры – предмет отдельного разговора. Здесь при кажущейся трёхчастности композиционного построения всё же преобладает логическая двуплановость. Начальные слова/словосочетания/фразы – это некая обобщённая зона смысла, информативный центр высказывания (как сказали бы лингвисты, «именительный представления»). Последующие две строки, которыми «прирастает» и концептуально обогащается ключевое понятие, могут демонстрировать различную логико-понятийную отнесённость к нему. Нередко это слово – тезис с последующей иллюстрацией к нему:

```
1 сентября
в роли ваз
всё что держит воду
```

Иногда между первой и последующими строками устанавливается причинно-следственная взаимосвязь:

```
«Войну и мир»
прочитал от корки до корки
поговори со мной...
```

Бывает, что та или иная фраза сопровождается определённой авторской интенцией – серьёзной либо ироничной:

```
пенсионный фонд
вот возьму и доживу
до ста лет
```

Но суть в том, что, как бы ни выстраивалась смысловая последовательность частей составного высказывания в авторских хайку, в них всегда, как натянутый нерв, звенит, мерцает и трепещет неявленный, намеренно утаённый автором смысл, упрятанный в «просветы» между строками. Именно благодаря этому, самому важному смыслу, ради которого и существует данный жанр, хокку становятся своего рода озарениями, божественными просветлениями, если выражаться языком религиозных восточных практик. Это короткие, даже мгновенные, пронзительные моменты истины, когда взгляду открывается тайная природа вещей и явлений – моменты, оставляющие читателя в глубоком трансе, потому что и он становится причастен тайне.

Постигая эти «просветы бытия» в процессе чтения книги, невольно ловишь себя на мысли, что сам становишься немного хайдзином, пытающимся поймать ускользающий от тебя навсегда красочный момент жизни, вместить его в невидимые строки текста:

210 **Q.Q.**

тишина между строками большой пробел

И хочется ответить, вторя автору:

создал поэт стих жадно смысл его постигаю пробел между строками

ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО ЗЛОМ

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

(Дмитрий Воронин. Душевные пляски. ИПП Пермяков С.А. – Ижевск, 2014. – 224 с.)

В эпоху пост – и даже пост-постмодерна трудно кого-либо удивить реализмом . Что в нём такого? Обычная жизнь с её обычными проблемами – скучно, банально и никому не интересно. Так рассуждают многие – и глубоко заблуждаются.

Хороший, умный, вдумчивый реализм никто не отменял, потому что, прежде чем создавать новые альтернативные миры – было бы не лишним разобраться в старых, давно обжитых среднестатистическим обывателем. А вдруг что-то в них неладно, как в королевстве датском?

Этим вопросом постоянно задаётся автор данного сборника рассказов Дмитрий Воронин. И каждый раз выходит так, что неладного довольно много, что зла в мире чуть ли не больше, чем добра – но стало его настолько много, что люди решили его просто не замечать, смириться с ним. А вот Воронин не смиряется и со скрупулезностью терапевта-мануальщика нащупывает болевые точки мира. Какой бы теме ни был посвящён его рассказ, в каком бы жанре он ни был написан – зло в силу особенного писательского дара всегда обнаруживается само – даже там, где его никто не ждал. И тем страшнее это зло, что в обыденной жизни оно, так же, как у Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Куприна, умело маскируется под добро. Иной раз и не отличить одно от другого, не понять, что за мнимым героизмом может скрываться подлость, а за внешним благополучием – человеческая или, что ещё хуже, детская трагедия.

Впрочем, зло у Дмитрия Воронина может быть разным – и совсем неочевидным, и откровенно выпуклым, гротесковым, даже отталкивающим, и представленным в мистическом или комическом ореоле. Но от этого оно злом быть не перестаёт и не становится менее страшным. Да, автору совсем не хочется усыплять бдительность читателя мнимым благополучием жизни. Наполняя свои рассказы бытовыми деталями, описывая досуг заурядных людей, он создаёт в то же время лишённое конкретики географическое пространство – некий уездный город NN, в котором нетрудно угадать как саму Россию, так и её самые отдалённые регионы, а именно российскую провинцию. Действительно, современные писатели уделяют ей в своём творчестве ничтожное внимание – гораздо больше их волнует жизнь мегаполисов, крупных культурных центров, где лоска и блеска больше, а стало быть, и уродливые стороны жизни не так очевидны.

А Дмитрий Воронин – создатель собственной Иокнапатофы, которая, так же, как у его американского собрата по перу Фолкнера, становится вымышленным, условным местом, где происходят все события.

У данной книги, при всём её жанровом и тематическом многообразии (здесь есть и исторические, и военные, и юмористические рассказы, и даже рассказы в стиле хоррор) есть общая тема – несовершенство мира и человека в нём.

Картина духовной и моральной деградации личности в её частных проявлениях и глобальных обобщениях действительно пугает и удручает. Зло имеет множество обличий: это и мелочность, низкопробность подленькой человеческой натуры, не выдерживающей искушения властью, деньгами, гарантиями собственной неприкосновенности; это и неуважение к святыням, и полная утрата нравственных ориентиров, неизменно приводящая к трагическим последствиям.

Именно так, по нарастающей, используя приём градации, можно описать проблематику воронинской прозы. Имеет смысл начать с «мелкобесовства» обыденной жизни, в которой простой обыватель даже не успевает понять, когда он перешёл границу, отделяющую человека от жалкого его подобия, нелюдя. Со страшными ликами повседневности мы сталкиваемся в рассказах «Пенсия», «Жизнь и похороны бабы Насти», «Сильная любовь», «Самоубийца», «Новое назначение» и т.д. О чём здесь пишет автор? О том, как в далёкой, глухой провинции, а может и не провинции, но тоже в забытом богом месте влачат своё жалкое существование недалёкие людишки, измученные нуждой и произволом местных властей. И всё, что остаётся им в этой жизни – пьянствовать да поколачивать своих близких – чтоб душу отвести.

В таких условиях человек не только теряет свой истинный облик – он имя своё и то способен забыть, он перестаёт чувствовать, здраво мыслить, осознавать происходящее вокруг. Поэтому даже потеря близких вызывает у него не чувство душевной боли, а досаду по поводу вынужденных материальных трат на похороны или же злобу на умершего — за то, что без лишнего дохода оставил. Именно такие мысли мучают совсем очумевшую от пьянства и вечно ищущую денег на опохмелку Любку из расска-за «Сильная любовь». И носится она по собесам и сельсоветам в надежде раздобыть денег, проклиная по ходу своего непутёвого Куприяна, посмевшего так не вовремя умереть: «Вот подох мой и меня одну оставил. Это что, правильно? Не прощу ему!»

Тема смерти и похорон встречается практически в каждом рассказе этого цикла – и везде поруганной, осквернённой бытовыми дрязгами оказывается священная память о человеке. Например, сцена традиционных причитаний по случаю похорон несчастной страдалицы бабы Насти, удивительно похожа на другую сцену, описанную Солженицыным в рассказе «Матрёнин двор». Здесь тоже нет ни капли искренности, даже корысти и то нет – просто форменное, леденящее сердце равнодущие. «Да на кого ж ты нас покинула, красно солнышко, да как же мы тепереча без тебя?» – традиционно всхлипывает муж усопшей Степан, уже с утра успевший «как следует приложиться». А в конце рассказа, когда «несчастный вдовец» начинает на похоронах отплясывать «русскую», увлекая за собой домочадцев, возникает желание сгореть от стыда за человечество, для которого более не осталось ничего святого. И хорошо если такое желание возникает – потому что некоторые вещи становятся привычными, несмотря на всю их ужасающую мерзость. Действительно, кого удивишь тем, что одинокую пожилую женщину, у которой очередной кризис сожрал все накопленные сбережения, обокрали на рынке – отняли пенсию, последнюю надежду на выживание? Или что постыдного в том, чтобы сократить в школе половину преподавательского состава, уличённого в отсутствии подобострастия к своему начальству, как это делает новый назначенец Эльдар Степанович? Чем не гоголевские «мёртвые души»? Да вот только те хотя бы внешний лоск имели, а здесь уже окончательно утеряны человеческие образ и подобие.

В ряду всевозможных жизненных мерзостей, описанных Дмитрием Ворониным, особо удручающими оказываются те, которые связаны с проблемой школы – особенно сельской. Обречённые на нищенское существование и вечный страх быть уволенными, педагоги старой, сталинской закваски срываются на своих же коллегах и, что самое страшное, на детях, ни в чём не повинных школьниках. Травля ребёнка, тема неизбывного детского горя, детских страданий – самая страшная и больная тема этого сборника рассказов. И у Дмитрия Воронина она раскрыта настолько откровенно, ярко, выпукло, нарочито непривлекательно, что у читателя это может вызвать реакцию отторжения и даже возмущения – от того, что автор видит окружающее в каком-то уж слишком чёрном свете. Но говорить об этом нужно, даже необходимо, потому что этой правды никто никогда не отменял и не отменит – факты насилия над детьми, жестокого с ними обращения, даже продажи детей за деньги собственными родителями подтверждены документально. Нельзя от этого просто отмахнуться – поэтому автор данной книги буквально вынуждает читателя прочувствовать экзистенциальный ужас детской трагедии, в которой всегда повинны взрослые. Особенно показательны в этом плане рассказы «Одинокая парта» и «Товар».

Сентиментальный читатель не сможет удержаться от слёз после знакомства с трагической историей шестиклассника Алёши. Несчастный ребёнок воспитывался в неблагоприятной семье и был вечно бит пьяными родителями: «Отец, когда не сидел в тюрьме, его часто и жестоко бил. Бил всем, что попадало под руку, бил пьяным и трезвым, бил палкой и стулом, бил головой о стену и пол, бил всегда... Когда отца не было, Алёшку била мать, била и обзывала "ублюдком"».

Но и в школе у мальчика не было никакой отдушины. Здесь его травили учителя, били свои же одноклассники, здесь он незаслуженно получил прозвище вор-навозник — с ним брезговали сидеть за одной партой, называли будущим уголовником, и ни одна живая душа не нашла для ребёнка ласковых и тёплых слов, которые могли бы его спасти. В итоге шестиклассника нашли замёрзшим в лесу: «Алёшке стало хорошо, так хорошо, как будто его обнимала добрая бабушка. Снег укрывал его мягким тёплым одеялом. Наутро его начали искать и, как ни странно, очень быстро нашли. В тот же день заменили парту». Последняя фраза в силу своего цинизма звучит как пощёчина. Поневоле вспомнишь Достоевского с его мыслью о слезинке ребёнка.

А другая история, в которой мать-пьянчужка отдаёт на растление двух малолетних дочерей, делает из них живой товар, чтобы найти денег на опохмелку, настолько страшна, что невольно замираешь от ужаса и осознания того факта, что история не выдуманная. Но проще ведь сделать вид, что это не так, что автор преувеличивает масштаб катастрофы, превращая своё творчество в какую-то чернуху. Однако жизнь страшнее, чем можно о ней подумать, и в ней нередко самым большим врагом ребёнка оказывается его родитель.

Слава богу, что так случается не всегда, и хрупкая вселенная маленького человека может сохранить целостность благодаря чуткости и пониманию близких людей. Так происходит в рассказе «Воздушный шарик», где маме маленького Васьки удалось увидеть в весьма необычном рисунке сына то, что другим увидеть не удалось – тем самым сделать его чуть более счастливым: «Мамочка, – бросился ей на шею засиявший от счастья мальчишка, – какая ты у меня умница, ведь всё так и есть на самом деле! Как же ты догадалась?».

В своих раздумьях о духовной деградации личности Дмитрий Воронин выходит к ещё одной важной теме, о которой писали его великие предшественники Чингиз Айтматов и Валентин Распутин. Это тема

потери исторической памяти – утраты естественной генетической связи со своими духовными корнями. В этом случае человек становится «иваном не помнящим родства», «обсевком», как называл таких людей Валентин Распутин в повести «Прощание с Матёрой». Для людей подобного рода не существует общепринятых святынь: о прошлом, даже если это легендарное прошлое народа, можно забыть, а понятие истинного героизма заменить пошлой подделкой.

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Именно этой теме посвящены рассказы «На Берлин» и «Честная служба». Их нет в данном сборнике, но картина «мерзостей жизни» была бы неполной, если бы мы хотя бы вкратце не упомянули две описанные в них весьма некрасивые в моральном плане истории. Первая – о сносе властями самодельного обелиска, поставленного в память о событиях Великой Отечественной Войны. Просто строительство свинофермы оказалось важнее «кирпичного самопала», который не жалко и «сломать к чёртовой матери». Вторая – о «честной службе», передающейся вместе с историями подвигов из поколения в поколение членами семьи новобранца Михася Ярошука. И кому какое дело, что ради сохранения своего «честного имени» не жаль толкнуть на верную гибель шестилетнего пацанёнка или в упор застрелить ни в чём не повинного юношу-подростка?

Снова в творчестве Дмитрия Воронина возникает тема страдания детей – в наполненном бесконечными изъянами взрослом мире они всегда оказываются первыми жертвами, приносимым на заклание алчности, глупости, тщеславию.

Частные картины неприглядных сторон человеческой жизни перерастают у автора в широкие обобщения, масштабные фантасмагории, в которых угадывается как прошлое, так и будущее России. Например, в рассказе «Кот Винчи» прошлое, весьма враждебное, олицетворяется в образах «вождей мирового пролетариата» – Берии, Ленина, Ельцина и т.д. Подобные лики чистого зла неоднократно будут возникать на страницах воронинской прозы, но это уже уходящая история. А вот о том, какой наша жизнь является в настоящем и какой она может стать в будущем, мы узнаём из рассказа «Гиблое место».

Разве не похожа мифологическая деревня Шишка, в которой нет никакой цивилизации, где люди пропадают без вести и забывают сами себя, где дни, похожие один на другой как две капли воды, проходят в бесконечном похмельном забытьи, на российскую провинциальную глубинку, да и на саму Россию?

И что сделать, чтобы в дальнейшем мысль о подобном сходстве (скотстве?) никогда никому не приходила в голову? Дмитрий Воронин знает ответ и подсказывает читателю решение проблемы: просто надо не бояться оказаться лицом к лицу со злом. Как известно, знание о болезни – это первый шаг к выздоровлению.

ТАК ИДУТ ВО ВНУТРЕННИЕ ПОЛЯ...

(В мелких подробностях / Елена Пестерева. – М.: Воймега, 2018. – 80 с.)

В стихах Елены Пестеревой всегда немного тесно – как будто не хватает кислорода, и кажется, что самой $\Lambda\Gamma$ тяжело дышать в поиске выхода из затянувшегося бытового/жизненного тупика. Это нельзя назвать недостатком – скорее, это черта стиля и нечто обусловленное авторской художественной задачей. Это всегда движение внутрь, а не вне, своего рода поэтическая светобоязнь, либо боязнь открытых пространств.

Новая книга стихов Елены – театр светотени – краски не яркие, а приглушённые, как отзвук либо ушедшей, либо потенциальной жизни. Название книги «В мелких подробностях» заставляет задуматься о предмете поэтического высказывания – складывается впечатление, что всё, написанное автором так или иначе относится к сфере глубоко личных переживаний – это повествование от имени себя. Действительно, книга, состоящая из трёх разделов, строится по драматургическому принципу: есть здесь определённая логика поступательного движения в чувствах и мыслях лирической героини – возможно, зашифрованная в символах и знаках история рода, семьи, личная биография самого автора.

Первый раздел «Камень tristia бумага» в наибольшей степени отсылает нас к эмоциональной составляющей истории повествователя. Истории, не лишённой драматизма, связанной в какой-то мере с фолкнеровской и метерлинковской традицией «потока сознания», где тревога, предчувствие чего-то страшного, неизбежного как будто растворены в атмосфере, контурно намечены слегка сбивчивой, спонтанной манерой выражения мыслей. Как будто была надежда, был душевный и физический уют – а потом в одночасье всего этого не стало, и осталось только воспоминание, или выход в пустоту/темноту:

> баловала нянчила на руках ничего не выйдет знала наверняка пробиралась краем ждала пока всю округу набело замело это счастье и раньше как на века но потом прошло

Во втором разделе «Звук и август» экзистенциальный поток сознания лирической героини насыщается географической конкретикой, прошлое обретает более явственные очертания. Здесь упомянуты конкретные события, города, маршруты: долгий Волоколамск, холодная Вологда, «задворки Европы» и т.д. Так у нас складывается впечатление не только о мысленно-духовном, но и о реальном пространственном перемещении героини.

И всё это, пока ещё неясное, туманное, отдельными штрихами намеченное автором размышление/ описание к третьему разделу «Они говорят хором» разражается в личную трагедию – такую очевидную, женскую, но размерами уравнявшуюся с мировым потопом:

Да ну, маленькая моя, не может быть, чтобы ты сломалась на неверных мужьях. Говорю, я любить их не могу, у меня всё болит. Я изгнать их не могу, у меня всё болит.

Эффект вслух проговорённого, внезапно озвученного состояния действительно становится громогласным и уподобляется хору — всех сочувствующих, участвующих, причастных и праздно наблюдающих. Гендерная принадлежность поэзии в этой связи уже не вызывает никаких сомнений. И всё же композиционное деление текстов весьма условно — все они тесно взаимосвязаны, скреплены ключевыми образами-темами, среди которых главенствующую роль стоит отвести теме времени и сопутствующим мотивам памяти и смерти. Смерть — сопутствующий повествованию экзистенциальный страх героини. Он довлеет над ней, приглушает все прочие чувства, проявляется в виде смутного и страшного ничто, бездны, темноты, которая неизбежна для каждого:

Ни о чём не думай, пиши во тьму, Всё равно она всё поглотит.
Если будет страшно — дождись весну И умри на её излёте: Поглядишь на солнечную возню, На салатовый гомон бодрый. Но зимы не бойся — тебя повезут Хоронить при любой погоде.

Иногда этот страх, достигнув точки катарсиса, перерождается в нечто противоположное – мнимую успокоенность, благую мысль о возможности забвения, избавляющего от боли и страданий. Погружение в небытие становится спасительной соломинкой для утопающего, утверждением постулата, что всё временно и всё пройдёт:

мои непоправимые друзья какое счастье ничего не помнить как сладок лёгкий запах забытья и тёмный мир и неподъёмный полог

А реальная жизнь страшна и таит много опасностей – оттого само рождение гибельно по своей сути. В итоге художественный мир Елены Пестеревой наполняется призраками, зыбкими тенями воспоминаний – в нём мало живого, плотского и, как следствие, цветного и радостного. Но героиня усиленно хватается за прошлое, за ускользающее детство, за то, что в силу неумолимой логики времени вернуть невозможно.

Вообще время в данном поэтическом сборнике – категория весьма условная, оно меняется, трансформируется в зависимости от эмоционального состояния героини. Иногда относительно короткая человеческая жизнь может расшириться до размеров антропогенеза – и несколько десятков лет, отделяющие детство от зрелости, становятся тысячелетием. Потому что у истоков жизни мы были другими – лучше, чище, счастливее:

А потом проходит полтыци лет, Застываешь, солнечный чуя свет, Словно пойманный ловкой вершей, Объясняешь путано сам себе, Что ни дома, ни женщины больше нет, А всего лишь асфальт потекший.

Само воспоминание – это спрессованное время, отбрасывающее нас далеко назад, за пределы настоящего, текущего момента. Может ли существовать какая-то иная машина времени – технически

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

более совершенная, чем человеческая память? И автор плывёт по этим волнам, дарующим хотя бы временное спасение.

Говоря об особенностях поэтики данной книги стихов, хочется отметить и тот факт, что авторская память здесь является долгосрочной, генетической. Это не только то, что умещается в рамки человеческой жизни — это смутное припоминание того, что было намного раньше — в других мирах, эпохах, цивилизациях. Подобным фактом объясняются, возможно, и те литературные влияния, которые без труда считываются с поэтических текстов Елены Пестеревой. Безусловно, перед нами человек глубоко эрудированный, много думающий и читающий. В её стихах могут «столкнуться» манделыптам и пастернак, но столкновение это мыслится скорее как органичное слияние родственных друг другу культур и языков:

где кончается отвага продолжается полёт камень tristia бумага перекрёсток поворот

Слово «tristia», звучащее уже в названии первого раздела книги, становится магическом кругом культуры, в котором сходятся все цивилизации, начиная от «Скорбных элегий» Овидия и заканчивая сборником стихов Мандельштама с аналогичным названием. Но и после история продолжается – ведь для лирической героини Елены Пестеревой даже в контексте детской игры, где скорбь заменяет ножницы, самым важным остаётся причастность мистическому опыту творчества.

В конечном итоге, история, рассказанная читателю автором книги — это история женщины, любившей, страдавшей, пережившей предательство мужчины. Отсюда возникает как будто из воздуха, из-за какой-то невидимой ширмы образ леди Пинкертон, знаменитой мадам Баттерфляй, и следующие за ним образы женщин, «похожих на переломанных кукол». Литературный опыт становится личным опытом лирической героини.

Но, несмотря на приверженность литературной традиции, поэтический голос Елены Пестеревой звучит очень уверенно и современно. Уровень технической оснащённости автора безупречен — она прекрасно владеет поэтическим инструментарием, характерным для постмодерна. Здесь и тенденция к диалогичности звучания, и открытость структуры, и смысловая многослойность, порождающая интертекстуальность, и даже отсутствие традиционного пунктуационного оформления текста.

Присутствуют в текстах Пестеревой и элементы языковой игры, в которой ощущается стремление переосмыслить культурный опыт прошлого, вдохнуть в знакомые фразы и метафоры новую жизнь:

и эти слёзы беспричинны и эти клятвы горячи покуда смерть не различит нас покуда смерть не различит

Особенно ярко, свежо и даже эпатирующе звучат стихи заключительного раздела книги, где интертекстуальность выражается, в частности, приёмом языкового полифонизма, когда единый поток речемысли складывается из монологов различных персонажей. Есть также определённая оригинальность в графическом оформлении текстов, где буквы русского алфавита могут чередоваться, например, с латиницей — с целью графически наиболее точно передать реплики иностранца:

он звонит и смеётся в трубку ничего толком не может сказать но сквозь смятение и смех мы говорим: U angelov v tri? Da, da, u angelov v tri.

И всё же, несмотря, на очевидную художественную мощь и современность звучания голоса Елены Пестеревой, хочется пожелать ей как автору данной книги полного, абсолютного раскрытия уникального дара слова, когда мир и его восприятие не будут укладываться в формулу:

я любую проблему свожу к страху смерти и отсутствию смысла

Пусть поэтический талант, ещё слегка дремлющий, отчасти скрытый, как ядро в скорлупе ореха или семя внутри плода, проявит себя во всём блеске потенциальных возможностей. А пока что «так идут во внутренние поля», но впереди-то — большие земли, в чём нет никаких сомнений.

«KHNЖHAЯ ПОЛКА» ANEKCAHAPA KAPПEHKO

ВЕРОФИЛОСОФИЯ КОНСТАНТИНА КЕДРОВА

(Константин Кедров-Челищев, Восьмигласие мироздания. Том 1. Елена Кацюба. Восьмигласие мироздания. Том 2. — М., Издательство Российского союза писателей, 2020. 312 с., ил.)

Мало кто может быть одновременно и лектором, и поэтом, и художником, и исследователем, и метафизиком, и даже энциклопедистом. Это создаёт большой объём бытия и широкую амплитуду. Все эти грани таланта Константина Кедрова представлены в его новой книге «Восьмигласие мироздания». Кедров — это человек, который пришёл к читателю с новым зрением. Путешественник из будущего, Константин Кедров соединил в своём творчестве науку, религию и искусство. Есть люди, которым дано больше, нежели остальным. Но не каждому удаётся реализовать свой потенциал. Издание книги — особый вид творчества. Нужно составить её таким образом, чтобы общая идея смогла показать хорошо знакомые произведения с неожиданной стороны. Константин Кедров — человек системного мышления. Это помогает ему производить не только анализ, но и синтез. Что и увидели мы в его новой книге.

«Восьмигласие мироздания» – попытка создать книгу, которая была бы «вещью в себе». Которая совмещала бы и лирику, и её толкование.

«Моя поэзия изначально религиозна и космологична», – говорит в новой книге Кедров. «Восьмигласие» – это квинтэссенция нового мировоззрения, где поэзия мыслится как знание. Порой кажется, что стихи, обильно присутствующие в «Восьмигласии», служат только комментариями к философии и космологии вселенского разума.

Зеркальный паровоз шёл с четырёх сторон из четырёх прозрачных перспектив он преломлялся в пятой перспективе шёл к неба к небу от земли к земле шёл из себя к себе из света в свет По рельсам света вдоль По лунным шпалам вдаль шёл раздвигая даль прохладного лекала входя в туннель зрачка Ивана Ильича увидевшего свет в конце начала он вёз весь свет и вместе с ним себя вёз паровоз весь воздух весь вокзал всё небо до последнего луча он вёз всно высь из звёзд он огибал край света краями света и мерцал как Гектор перед битвой доспехами зеркальными сквозь небо...

Порой стихи Кедрова кажутся мне автопортретами автора, даже когда он пишет о неодушевлённых предметах. И «Зеркальный паровоз» — не исключение». «Шёл из себя к себе» — сквозной мотив лирики поэта. Развитие идёт, когда ты черпаешь новое не где-то, а в самом себе, подобно тому, как Зевс родил из своей головы Афину Палладу. Ведь космос — он и внутри нас! «Восьмигласие мироздания» — своего рода малое избранное поэта в одном томе. Само понятие «Восьмигласия» восходит с православной традиции. Православный авангардист — не правда ли, звучит, на первый взгляд, парадоксально. Ведь православие — это, в первую очередь, поклонение Традиции, в широком смысле слова. Но вспомним: «Слово о полку Игореве», с точки зрения современной поэзии, в сущности, произведение авангардное, поскольку написано мелодическим верлибром. Порой авангард — это хорошо забытая традиция. Вот и верлибры Кедрова, будучи авангардными, новы только по содержанию. По форме — это хорошо известная православная литургия. Подобно тому, как Скрябин в каждой ноте видел один из цветов спектра, у Кедрова в «Восьмигласии» каждый глас — это имя сущности. Мне кажется, поэт многое почерпнул у обэриутов. Абсурдна «Симфония для Бонапарта». Абсурдна «Анафема Льву Толстому». Абсурдням бытия, мало понятный советским людям с их линейным мышлением, обретает сейчас новую жизнь. И мы видим это в «Восьмигласии мироздания».

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Человек бессмертен, поскольку вселенная – продолжение его тела. В философской системе Кедрова внутреннее и внешнее, низ и верх постоянно меняются местами. И, как в математике, от перемены слагаемых сумма не меняется. Кедров назвал взаимозаменяемость большого и малого, внутреннего и внешнего инсайдаутом. Хлебников, Державин, Коперник, Флоренский, Андрей Белый, Эйнштейн, Аристотель – вот далеко не полный перечень предтеч инсайдаута. Инсайдаут – это не только поэзия. Это голографическая астрономия. Это реальность, построенная из «мнимостей в геометрии». Само по себе восьмигласие – структура достаточно сложная. Но внутри «большого» восьмигласия в книге Кедрова присутствует ещё и «малое» восьмигласие – поэма «Пламя Паламы». Они соотносятся примерно как МКАД и Садовое кольцо. Это такая смысловая матрёшка. Каждый глас проиллюстрирован в книге цветными картинами самого автора. «Восьмигласие» – это музыка. Взаимодействие поэзии, религии, философии, живописи, герменевтики образует невиданную музыку сфер. Музыка Кедрова – это синтез всего, что нас окружает. В то же время, «Восьмигласие» – поэтический театр внутри актёра, автора пьесы. Огромное, фундаментальное значение для мировоззрения Константина Александровича имеет теория относительности Эйнштейна. Ей уделено в новой книге особое внимание. Казалось бы, какое отношение может иметь физика к поэзии? Но, оказывается, новая физика говорит нам о бессмертии человека в поэтическом космосе. Книга и завершается восьмым гласом – «лексиконом бессмертия». В целом, «Восьмигласие» можно рассматривать как маленькую духовную энциклопедия ХХІ века. Поэт подвижнически несёт свою верофилософию, адресуя её как современникам, так и потомкам.

Андрей Вознесенский считал Кедрова «самым умным русским поэтом».

Как ни странно, книги нобелевского номинанта скудно рецензировались в нашей стране. Думается, по той простой причине, что людей, способных взять планку излагаемого, всегда было немного. Конгениально о человеке-оркестре может написать только другой человек-оркестре. Как быть? В «Восьмигласии» мастер сам комментирует свои стихи, и это тоже – шаг навстречу читателю.

ОБРУЧЁННЫЕ ВЕЧНОСТЬЮ

Книга была уже свёрстана, когда неожиданно покинула этот мир многолетняя спутница Константина Кедрова — Елена Кацюба. Тогда издательство Российского союза писателей предложило издать второй том «Восьмигласий». Естественно, составителем этого тома стал Константин Александрович Кедров. Книга показывает многогранность творческого наследия Елены Кацюбы. Помощник и соратник Кедрова (здесь это высокое слово вполне уместно), Елена состоялась как поэт-новатор анаграммно-палиндромного направления. «У каждого слова есть его тело и его душа. Смысл слова — его тело. А вот душа слова — его звучание, — говорит в книге сама Елена Кацюба. Елена начинала свою поэтическую деятельность в студии им. Владимира Луговского в Казани. Был такой известный советский поэт, похороненный на Новодевичьем кладбище. Вместе с Еленой эту студию посещал молодой Константин Кедров. После переезда в Москву Елена Кацюба работала в библиотеке им. Тютчева и библиотеке им. Чехова. Она внесла неоценимый вклад в техническое обеспечение поэтического товарищества ДООС и «Журнала Поэтов», снимала все мероприятия на видеокамеру, редактировала журнал, вела переписку с авторами. И при этом оставалась самобытным, ни на кого не похожим поэтом. Кацюба составила два больших словаря палиндромов. Во втором томе «Восьмигласия мироздания» есть стихи, целиком составленные из палиндромов.

ЗЕРКАЛО ЕВЫ

Аве, Ева!
Ума дай Адаму.
«Рад я, ем змея дар».
Но мед — ада гада демон.
«Я —аркан-звезд, ад, зев, знак рая, я луна нуля, ада к раю аркада!».
Узор ангела лег на розу, нежен летел, лад Евы ведал.
В аду зло полз удав.

Если каждый палиндром – это горизонтальная бесконечность движения слева направо и справа налево, то серия палиндромов, объединённая общим замыслом – это почти маленькая вечность, выхваченная из космоса и превращённая в стихи. Палиндромы наглядно нам показывают, что, как бы далеко ты ни шёл, можно по тому же пути вернуться обратно в свой родной дом. В свою тонику. Палиндром является зеркалом, которое смотрится в себя. Я уже чисто машинально, по привычке, читаю стихи Елены и слева направо, и справа налево, в обратном порядке, даже если никакого палиндрома там нет. В стихах Кацюбы всегда присутствует великолепная звукопись: аллитерации, анаграммы и внутренние рифмы. Тексты и кроссвордно-аналитичны, и душевны. Есть во втором томе «Восьмигласия мироздания» и смысловые палиндромы.

СВЕЧА БОИТСЯ ТЕМНОТЫ

Чем больше страх свечи — тем ярче свет Чем ярче свет — тем жизнь свечи короче Чем жизнь короче — тем сильнее страх Чем страх сильней — тем ярче свет свечи Чем ярче свет — тем жизнь короче Чем жизнь короче — тем сильнее страх...

«Свеча» – одно из последних стихотворений Елены. Всё переплавляется в тигле времени. «Вечно живой огонь, мерами вспыхивающий, мерами потухающий», – говорил Гераклит.

Мы – сыны ОГНЯ дочери ОГНЯ мы среди ОГНЯ не сгорим Брошенные в П Λ АМЯ наше слово – ПЛАМЯ мы не предадим Мы среди ОГНЯ мы – душа ОГНЯ каждый человек – ПЛАМЕНИ язык Мы играем мы сверкаем мы горим и не сгораем пляшет ПЛАМЯ языками в нас Если нет в тебе ОГНЯ не ходи вблизи ОГНЯ берегись детей ОГНЯ не глядись в глаза ОГНЯ не коснись рукой ОГНЯ Вмиг испепелит тебя ПЛАМЕНЬ-человек.

@@@

Поэт – это «рукопись, которая не горит». Также в книге Елены Кацюбы представлены «голосами» её знаменитая анаграммная поэма «Свалка», поэмы «Сальери и Моцарт» и «Агада». Всё это требует тщательного изучения. Завершается книга «Словотворным памятником Елене Кацюбе «Елена – Вечность», написанным Константином Кедровым в первые дни расставания с Еленой. Супруги, прожившие вместе 55 лет, теперь обручены вечностью.

ИНОВИДЕНЬЕ АЛЕКСАНДРА СПАРБЕРА

(Александр Спарбер, Жизнь засекомых.– М., Стеклограф, 2020. – 114с.)

Александр Спарбер (далее – АС) – поэт необычный. Он много пишет о «малых мира сего» – животных, насекомых, обитателях подводного мира. И пальма первенства, как ни странно, принадлежит именно насекомым. С таким кафкианско-таблеровским интересом к братьям нашим меньшим я сталкивался крайне редко. Сам по себе выход в свет новой книги АСа является событием для читателей и почитателей его творчества. В названии книги Александр использует изобретённый им неологизм «засекомые». Кто же такие эти «засекомые»? Насекомые? И да, и нет. «Засекомые» шире, чем насекомые. Это живые существа, которых можно «засечь» невооружённым глазом. К примеру, амёбу без микроскопа засечь не представляется возможным. Поэтому амёба — не засекомое. А вот засечь, скажем, дракона — проще простого. Это достаточно увлекательная интеллектуальная игра макромира и микромира. Концептуально это выглядит как стихотворное кафкианство. Как и у Кафки, у Спарбера есть своё «Превращение», когда лирический герой превращается в муравья. АС применяет «гибридное зрение», когда за перевоплощениями следуют обычные наблюдения человека.

Во многих своих фантазиях АС – поэт книжный. Но «Жизнь засекомых» – действительно жизнь, а не рефлексии о жизни. Спарбер – отличный стилист. Он умеет перевоплощаться в другие существа и пишет обо всём с добрым юмором. Человек в высшей степени наблюдательный, АС в новой книге в необидной для человеческого достоинства форме повествует о нашей общей с другими живыми существами участи. Урок зоологии от Александра Спарбера удался! Но панорама книги намного шире. Меня неизменно цепляют философские стихи АСа о жизни, смерти и воскрешении. Много таких стихотворений и в «Жизни засекомых». В то же время, поэт «боится понимать» ускользающие от разума вещи:

Боюсь понимать. Напевает опять и опять сверчок свою песню с небесной какой-то завалинки: Мол, рано, сыночек, не бойся, жива ещё мать, и ты ещё маленький, маленький...

И заканчивает стихотворение так: «Значение слова "всегда" понимаешь ли?». Не надо торопиться понимать сущностные вещи! АС — мастер развёрнутых метафор, где частный случай или жизненное наблюдение вдруг вырастают в большое обобщение, которое носит, как правило, философский характер. Вот как это работает. В одном из стихотворений поэт пишет, что «намедни» он ушёл с «вечеринки диванной». А на следующий день герою позвонил приятель и сообщил, что самое интересное началось, когда он ушёл. Не правда ли, подобное случалось едва ли не с каждым из нас! Но кому придёт в голову об этом писать? А вот у Спарбера тут же сработала мысль: точно так может случиться и после нашего ухода из жизни! Ведь сейчас жить намного интереснее, чем во времена царя Гороха! И поэт, не выходя из своей привычной полушуточной манеры, высказывает странную мысль о том, что все мы словно бы живём «до нашей эры». А самое интересное — естественно, то, что случится после. Спарбер, на мой взгляд, прежде всего поэт-философ. Есть одна мелодия, которая в различных вариациях проходит через всю его книгу. Это мотив прощания. Вот, навскидку, некоторые стихи из «Засекомых», где этот мотив, без сомнения, присутствует: «Когда я уеду на Дальний Востою», «Обратная волна», «Непрерывная жизнь», «Карета». Причём для АСа прощание — это не трагедия и даже не драма. Это просто новый лирический опыт, о котором мы мало что знаем.

Когда — какой-нибудь зимой — все наконец умолкнут споры, — неслышно явится за мной карета-мягкие рессоры.

Она помчит меня туда, Где ни жестоких нет, ни слабых, на поворотах и ухабах покачиваясь иногда. 11 будет снег, и будет смог, и ночь, и стук копыт по насту: – Как жил ты, как ты жил, сынок? Как жил, как жил, как жил,

В покрытой корочкой душе такая вдруг пробыется мякоть, что мне захочется заплакать...

Но не получится уже.

Небольшая по объёму книга Спарбера – яркое событие даже на фоне участившихся во время пандемии презентаций новых книг разных авторов. Во-первых, АС показывает нам умение мыслить книгами. «Жизнь засекомых» – это концептуальная книга. Во-вторых, она насыщена внутренними коллизиями, далёкими от жизни зверей и насекомых. Поэт параллельно охватывает ещё и другие темы. И они тоже «цепляют». Например, в стихотворении о голландских конькобежцах – «Конькобежном блюзе» поэт выступил в очень редком для современной поэзии амплуа – ребёнка-болельщика. Мальчик Саша смотрит зимнюю Олимпиаду в Гренобле. Я вот не смотрел, по малолетству, ту далёкую Олимпиаду. Но голландских конькобежцев Схенка и Феркерка хорошо помню, поскольку они выступали ещё долго после 1968 года, а один из них, Схенк (правильно Шенк), через четыре года стал абсолютным триумфатором следующей зимней Олимпиады в Саппоро. Мальчику не важно, кто выиграл. Он ещё не знает, что болеть лучше за своих, а не за представителей страны тюльпанов. Но музыка их имён звучит в сердце поэта и поныне. Никто уже не помнит имён старых чемпионов, конькобежный спорт мало кому интересен. Стихи Спарбера помогают нам задуматься о текучести не только мгновений, но и ценностей в жизни.

Жужжалки и ворчалки, бормоталки спарберовские — от них прямая дорога к энтомологии. Сперва жужжишь сам, и потом начинаешь прислушиваться и к другим. «Засекомых» проиллюстрировала графикой художник Анна Лукъянова. Иллюстраций невероятно много — проиллюстрировано почти каждое стихотворение! Повествуя о жизни засекомых, автор широко использует приём «остранения», открытый Виктором Шкловским. И, как мне кажется, преследует при этом цель выйти за пределы обычного «человеческого» мышления. «Я заблудился в тексте, как в лесу. / Точнее, в языке. Не в том ли дело, / что все мы рвёмся выйти за пределы, / куда-нибудь, на волю, на несу- / ществующее поле, где растут / нездешние растения и злаки? / И вот, чутью поверив, как собаки, / мы кружимся и ищем, ищем след...».

У Спарбера над стихией слов почти всегда витает, как дух, некий замысел. В нём берёт начало творимый космос. Во многих стихотворениях присутствует драматургия: зачин, развитие, кульминация и, наконец, развязка. Какая-нибудь история, сюжет. Автор десять лет почти профессионально занимался театром. Возникает ощущение, что у Спарбера нет ничего лишнего, ему, как правило, хватает для реализации замысла нескольких строф. Всё схвачено невидимой – и потому особенно чудесной! – гармонией. В авторском чтении это порой даже заметнее, нежели на бумаге, слышен симфонизм малых форм.

АС – стихотворец высококультурный и эрудированный, глубокая, разносторонняя личность. Порой мне кажется, что ему вообще не интересны сюжеты без двойного дна. Сюжеты, которые нельзя было бы перетолковать. «Книжное» в лирике Спарбера мирно уживается с актуальным на почве жизненности. Вместе с тем, можно говорить о пессимистическом мировоззрении Спарбера. Конечно, это – философский пессимизм вполне жизнерадостного человека. Многие стихотворения Александра построены на контрасте философии и жизни. Почему человек становится пессимистом? Не потому, что он много думает и тем самым «умножает скорбь». А потому, что у него по каким-то внутренним причинам не всегда получается утопить себя в радости бытия, отвлечься от предчувствия неизбежности финала.

«Ночь, улица, фонарь, аптека» – эти блоковские строки стали хрестоматийными. А вот у Спарбера тема дежавю идёт через образ... поливальной машины. Поэт часто путешествует по эпохам. Данте у него превращается в Дантеса (удивительное сходство фамилий!). «Как можно поставить рядом величайшего поэта эпохи Возрождения и хладнокровного убийцу Пушкина?» – может резонно возразить читатель. Но, на мой взгляд, это стихотворение Александра Спарбера – вне морали. Оно – о том, насколько причудливыми могут оказаться пути реинкарнации души человека. Стихи АСа сдобрены изрядной дозой иронии и самоиронии. А ещё его стихи способны вызвать катарсис. Как, например, вот в этом стихотворении:

 $\Theta \Theta \Theta$

Я иду дворами и бульварами, где гоняют кошки голубей, и торчат — поодиночке, парами — голые болванки тополей.

Это слабо сказано, что голые: ранним летом (пух — нельзя, нельзя!) отрезают руки им и головы, чтобы не разбрасывались зря,

не дотрагивались чтоб, не мыслили... В августе я вижу, между тем: каждый ствол опять покрылся листьями, что растут ладонями из тел.

...II когда мы побредем дорогами в осыпающейся тишине, дай нам всё, чего мы не дотрогали, не коснулись, не познали, не...

Вместо того, чтобы искать лекарство от аллергии, жестокосердные люди решили рубить тополя. Глупость заразна. История эта внутренне трагична, она изобличает в человеке жестокого «царя природы». Александр Спарбер выстраивает мысленную иерархию: если мы так поступаем с деревьями, найдутся и те, кто схожим образом захочет поступить с нами. Всё в природе взаимосвязано. Стихотворение классицистично, в лучших традициях русской поэзии. Жизнь побеждает. Её не остановить, и в конце лета квадратные тела тополей обрастают новыми зелёными побегами. Многие поэты сейчас обрывают речь на полуслове, не договаривают слова. Это стало модным. У Александра Спарбера, на мой взгляд, это — не просто литературный приём. Это один из элементов эстетики. Недоговоренное слово (или целое предложение) имеет у него те же права, что и слово полновесное, произнесённое без «глотания» суффиксов и окончаний. Например, в другом стихотворении у него «исчислено, отмерено и взве...». Понятно, что дальше идёт тот самый «упарсин». Зато появляются свежая рифма, новое звучание. Языковая недоговорённость не оставляет у поэта смысловых лакун в тексте.

Просто хороший поэт закончил бы стихотворение о тополях «ладонями из тел», возрождением жизни в искалеченных калибанами деревьях. Но поэт очень хороший (а АС, без сомнения, таковым является) продолжает. Свежие побеги мышления прорастают у Спарбера в универсальное «мы»: мы, деревья, мы, люди (другие, не те, которые рубят деревья). Что-то мешает нам расти выше – глухие современники, неблагоприятные условия, эпидемии, наши собственные страхи... Но будет ещё (мы верим!) «жизнь после жизни» – в этом ли мире, в том – «по ту сторону» уродства и боли. И автор молит Всевышнего дать нам всем «допеть» в новой жизни всё, что мы по тем или иным причинам не допели жизнью раньше. И здесь частица «не» без сопутствующего глагола даёт максимально глубокое прочтение этой мысли. В заключение, хочется сказать вот о чём. Лирика Спарбера амбивалентна. Поэт умеет и грустить, и радоваться жизни. Всё это создаёт объём бытия и здоровую эмоциональную атмосферу. На мой взгляд, «Засекомые» Спарбера будут интересны и детям. Конечно, выборочно, не всё. Но, в сущности, «Засекомые» – это книга пограничного сознания, близкого к детскому.

«ИЗНУРЯЯ ДУХ И ПЛОТЬ...»

(Света Литвак, Агынстр. Стихотворения. – М., Вест-Консалтинг, 2020. – 150 с.)

Света Литвак продолжает в своём творчестве «хлебниковскую» линию русской поэзии, которую ярко представляют в современной поэзии Сергей Бирюков, Константин Кедров, а также ушедшие от нас Елена Кацюба, Вилли Мельников и Владимир Климов. Я двумя руками голосую за экспериментальное творчество. Во-первых, таких авторов «адски мало». Во вторых, поэты-авангардисты постоянно рискуют качеством, поскольку ходят нехожеными, необъезженными творческими тропами. Но зато у авангардиста больше «прав на ошибку», поскольку он вторгается в область неведомого и непознанного.

Светлана Литвак не замыкает себя в единственном направлении. Наряду с футуристическими произведениями, она пишет и традиционные стихи, не теряя при этом яркой и узнаваемой индивидуальности. Часто у неё это гибридная «смешанная техника». Уже самим названием книги Светлана вызывает огонь на себя и одновременно очерчивает ареал своего обитания. «Агынстр»! Вполне в духе «дыр бул щыл

убеш щур». Думаю, Алексей Кручёных гордился бы Светой Литвак как лучшей своей ученицей. Что меня удивляет больше всего в новой книге? Литвак умудряется в «заумный» текст вводить лирическое волнение. То, чего не было у Кручёных. Сочиняя новаторские стихи, Литвак хорошо владеет традиционным инструментарием. Ученица Ковальджи часто публикуется у Кедрова и Кацюбы в «Журнале Поэтов». Мне кажется, творчество Елены Кацюбы тоже повлияло на её поэтику. В частности, её «Нить Ариадны»:

замагнить, замагнить, замагнить мне сердца нить этот приступ несвободы должен был меня казнить нет, слова не могут сами быть свободными частями страшной речи между нами со стальными челюстями

На обложке «Агынстра» выведено «Света Литвак». Именно Света, а не Светлана. То есть имя Света не следует считать детским или уменьшительно-ласкательным. Это вполне себе «взрослое» имя. И оно... выступает как псевдоним поэта. И причина такого предпочтения – наверное, прежде всего, фонетическая. А ещё — Света короче, чем Светлана, и краткость здесь тоже «сестра таланта». Света Литвак — лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Для неё характерно «перформансное поведение», она — «акционистка», и это в большой степени влияет на её тексты.

Кошка полундра вода катастрофа вода катастрофа вода

Всю книгу пронизывает утонченная эротика. «Платья разбросаны по траве». «Ванька-встанька спозаранец». «Лиф влезал на гульфик за поля». Ввиду такой направленности текстов начинаешь слышать эротический подтекст даже в посторонних текстах, где его нет. «Увлечься и ввинтить шурупчик за шурупом». Или вот: «Дпож в сажени косой».

Надо сказать, что и в рамках авангарда существует своя «традиция»: часто кто-то уже делал это прежде. Но даже с учётом таких соображений, книга Светланы Литвак поражает разнообразием форм. Надо заметить, что текущая действительность современного мира нелинейна и авангардна.

бедное сердце, терпи свою долю по факту умозаключаемую исподволь словотворю, своеволю мудрствую, бедствую, безумствую

некуда деваться, облюбуй любую дорогу то ли умилять, а то ли умирать или растрогать или расторгнуть как бы слукавить, чтоб не выбирать

если уж хочешь втемяшить что-то кому-то вроде абстрактной репризы в конце комедии выложи как последнюю улику и валюту буквари да словари да энциклопедии

Я бы погрешил против истины, если бы заявил, что все без исключения стихотворные эксперименты Литвак легли мне на душу и вызвали восторг. Но в случае со Светой важен, прежде всего, сам поиск и размах этого поиска. Широта стилистических фигур у Литвак впечатляет. Тут и чисто звуковые эксперименты «а ля Хлебников», и таблички в духе Льва Рубинштейна, и видеомы, и заумь, и слова, написанные от руки, и палиндромы, и многое, многое другое. Есть и пародии на иноязычную речь. Фактически, Литвак собрала в своём творчестве все актуальные формы современного авангарда. Светлана не так часто издаёт книги. Однако именно книга, на мой взгляд, идеальная площадка для экспериментов: слишком смелые тексты журналы просто могут не взять.

В авангардных текстах поэтесса часто использует тот же инструментарий, что и в традиционных стихах. Вот, например, аллитерации. «Чванливое человековедение чуждо чесоточному четвероногому. Чистота

чревата чепухой, чумой, чушью, чёрт-те чем». Сарказм в аллитерациях! Чуткость к звучащему слову позволяет Светлане талантливо переиначивать слова, произвольно сокращая их или убирая из них гласные. Норма объявлена аномалией, вдохновляя контринициацию. Свете Литвак нельзя отказать в оригинальности и тотальной непохожести на других. В её стихах есть самобытность. Так же был непохож на других Василий Розанов. Непохожесть льнёт к непохожести. В новой книге Светланы есть стихи, посвящённые Розанову.

Если стандартный писатель часто хочет потрафить читателю, написав «о приятном», то Света Литвак, наоборот, подобно Алине Витухновской, часто возбуждает читателя «неприятным». Ей свойствен эпатаж. Порой это у неё — «навьи чары», ведьмачество. В этом она — последовательница символистов Серебряного века. Те тоже хотели во всём дойти до предела, неважно, со знаком плюс или со знаком минус. Поэтесса искренна, гуманна и нестыдлива.

повседневный надеваю костюм бодро бренчу рублями подражаниям подверженный ум брезжит в ответ рекламе

только если вертикально стоишь мыслишь вслух популярно а когда горизонтально лежишь лжёшь перпендикулярно

я запираюсь от себя изнутри ветреная гордячка изнуряя дух и плоть до зари похотью и горячкой

я внедряюсь в продолжительный сон клейкий, нелепый, сложный смутно догадываясь, что он худший из всех возможных

«Изнуряя дух и плоть» – это такой спорт отважных, которые надеются, изменяя свои состояния, добиться новизны восприятия мира. Этим путём шли в своё время Шарль Бодлер и Эдгар По. Стихи Светы Литвак вызывают споры о критериях восприятия поэзии. Она играет со шрифтами. В новой книге много визуальной поэзии. Эротики не просто много – она в книге вездесуща. Замечу, что поклонников де Сада или Захера-Мазоха среди читателей немного. Поэтому обращение поэта к странному и вызывающему контенту неизбежно уменьшает аудиторию. Но это нисколько не пугает Светлану. Муж-поэт поддерживает её начинания, а в паре и противостоять миру не страшно. Язык позволяет ей идти любым путём.

В београде — сладолёд, в новограде — гладослёз в новисаде — стихослад, в петрограде — ветр-и-град в москваграде — снегопад, младостар и ретроград

Вот уж ретроградство Свете точно не грозит. Она вся – поиск и движение. Вперёд? Иногда важно просто идти. Даже если ты уже состоявшийся поэт.

ДВОЕ НА КАЧЕЛЯХ

(Олег Бажанов, «Не кончается синее море...». Роман. — М., ІІП ЛысенкоA. Д. PRESS-BOOK. RU, 2018. — 263 с.)

«Не кончается синее море...» – роман психологический. Олег Бажанов выбрал невероятный по движению вверх-вниз сюжет. Виктор Гриднев влюбляется в свою начальницу и... не помнит, что несколько лет тому назад у него уже был роман с этой женщиной. Неузнавание удивляет до глубины души: как такое вообще возможно? Амнезия? Как Джемма у Этель Войнич в «Оводе» могла не узнать своего Артура? Ведь голос-то никак не подделаешь! Но у Олега Бажанова в этом аспекте – полная достоверность. Девушка стала женщиной и из брюнетки стала блондинкой. Сложнее было бы, наверное, наоборот, узнать её с первого раза. Ведь они встречались прежде в другом городе и всего два дня. Что-то в нас неуловимо меняется с годами, и даже любящие колеблются: тот это человек или не тот? Подобные ситуации часто

встречаются, например, в древнегреческих трагедиях. А название книге Олега Бажанова дала строчка Ильи Резника из популярной песни в исполнении Татьяны Булановой.

Действие романа начинается... после пяти лет ухаживаний главного героя над дамой сердца. Это достаточно странно, учитывая тот факт, что прежде Виктор был бабником и ловеласом. Вопиющая неспешность при сегодняшних темпах жизни. Но роман правдив, потому что биографичен. Это автобиография с элементами вымысла. Автор углубляется не только в мужскую, но и в женскую психологию. Тонкий психологизм, прекрасный язык и захватывающий сюжет — три кита, на которых держится произведение. Но книга интересна не только поэтому. Герои романа — духовно богатые люди. Читателю интересно познакомиться с их мыслями даже просто так, безотносительно к сюжету. Вот, например, что думает главная героиня о счастье. «Человек счастлив, когда не задаёт вопросов о степени своего счастья, не пытается докопаться до истины, а просто живёт в гармонии с собой и окружающим миром. Когда же возникают всевозможные "а вдруг", "если бы", "может быть", окружающий мир сужается до потери личной свободы, и человек загоняет себя этими "если" в какой-нибудь дальний угол, становясь рабом обстоятельств и всяческих условностей, и шансы выбраться из него в нашем информационно перенасыщенном пространстве ничтожны. А жизнь день за днём проносится мимо, не давая никому из нас ни одного шанса прожить вчерашний день заново».

Счастье у Олега Бажанова появляется порой из ниоткуда, как подарок судьбы. «Не кончается синее море» – книга-ловушка. Читатель, вместе с главным героем, первую половину романа даже не догадывается о причине странного поведения главной героини. О том, что она помнит прошлое.

Настоящее в романе Олега Бажанова вырастает из живого прошлого. Прошлое, казалось бы, безвозвратно ушло, но неожиданно воскресает, в реалиях уже «новой» жизни. Вчера не умирает никогда. Роман Бажанова одновременно прост и сложен. С одной стороны, произведение мало насыщено второстепенными персонажами, это, в сущности, двухголосая фуга в объёмом в двести шестьдесят страниц. Но чувства главных героев так насыщенны, претерпевают столько метаморфоз, что нам этого вполне достаточно. История любви напоминает двойной ход амфисбены: чувства героев мечутся между двумя полюсами, любовью и ненавистью. Мимолётный курортный роман перерождается у героев в глубокое чувство. Бажанову присуще редкое для современного писателя качество: умение доводить читателя до катарсиса, до слёз. Герои романа не сжигают мосты, потому что не сжигает мосты сама любовь.

Роман Олега Бажанова похож на шкатулку с эмоциями. Шутки, доверительный тон, афоризмы житейской мудрости рассыпанные, подобно перлам, по пространству романа, заставляют читателя время от времени останавливаться и задумываться. И, когда ты просто наслаждаешься неторопливым течением романа, писатель уже готовит новый вброс адреналина. Месть перерастает в любовь, ведь их питает одно и то же переживание. Встряхнёшь шкатулку с эмоциями – из неё выпорхнет одно. Ещё раз встряхнёшь – а там уже другое. Ведь всё это тоже находилось там, внутри! Богата душа человека! У Бажанова это своего рода «крещение» любовью, исчерпывание её ликов – от ситуационной ненависти до предметного обожания.

Любовь творит человека. На протяжении романа Виктор из циника превращается в романтика. Героиня «превратила внутреннее "я" мужчины в вечный двигатель». Книга Бажанова – кладезь крылатых изречений. «Каким неуклюжим становится человек, когда любит». «Для женщины нежность, не требующая последствий, намного ценнее нежности – прелюдии к интимной близости». «Как писатель, понимаю, что моя любовь потому и хороша, что невозможна». «Женщина от любви умнеет, а мужчина – наоборот». «Мы любим друзей за время, проведённое с ними». «Самая хрупкая вещь на свете – это репутация». «Я был бы не против, предложи она мне сейчас взойти вместе на инквизиторский костёр». «Правда заключается не в том, что время проходит, а в том, что мы бесследно проходим сквозь время». В силу незаурядной афористичности роман читается внимательно. Можно пропустить что-то важное! Но в книге Бажанова меня больше удивляет даже не философия. Автор умеет насытить повествование тогда, когда, казалось бы, ничего в жизни героев не происходит. Это действительно «длинное дыхание», как в поэзии!

Аюбовный роман Бажанова — ещё и приключенческий. Правда, любовные приключения героям не всегда в радость. Кто бы мог подумать, что дорога жизни для героев закольцована, подобно МКАДу или Садовому кольцу. Это, в сущности, «двое на качелях», как в пьесе Мэла Гибсона. Но вот парадокс: чем длиннее дорога, тем больше энергии вкладываем мы в её преодоление. Слишком легко давшееся нам не по карману. И получается — извилистый, тернистый путь для души плодотворнее, нежели прямой. До такой степени, что на новом витке пути ты входишь в ту же гераклитовскую реку, которая, как известно, к тому времени уже — принципиально другая.

Река любви только по названию – та же. Теперь это уже совершенно другие мужчина и женщина. И великое чудо, что любовь у них не проходит. Этому, конечно, поспособствовало и преображение героя, Виктора Гриднева. Сильное чувство дисциплинирует героя, побуждает к самосовершенствованию. Надежда умирает последней. Чтобы жизнь не казалась Виктору мёдом. Бажанов даёт ему ещё одно испытание. Женщина, обиженная любимым мужчиной, может кратковременно вступить даже в лесбийские

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

отношения, чтобы заглушить боль. Но она не может быть счастлива с женщиной, если её природа – другая. Как, должно быть, несчастны женщины в стране, где мало настоящих мужчин! Но в итоге традиционная любовь побеждает нетрадиционную. И в этом есть высшая справедливость.

«Не кончается синее море» – чтение не на один раз. Это психологическая энциклопедия любви. Книга духовного восхождения. А ещё это «роман в романе». Виктор Гриднев – писатель, который пишет роман о своей любви. В книге есть даже «литературоведение» – герои обмениваются мыслями о прочитанной классике. Вот, например: «Некомпетентность и инфантилизм Ромео становятся причиной смерти Джульетты». Бажанову удалось создать полифонный роман. Книга учит не ставить крест ни на самом себе, ни на другом человеке. Даже тогда, когда всё на свете ополчилось против тебя.

Олег Бажанов – самобытная личность. Лирик по своей душевной сути, в каком бы жанре он ни выступал. Жизнь его персонажей полна надежд, упований, таинственных соответствий, света и добра. Герой произведений Бажанова – романтик с предчувствием Встречи. Бажанов известен и своими историческими романами. Тщательно работая с архивами, он открывает неизвестные пласты русской истории. А ещё он автор-исполнитель своих песен. Прозаик и бард – редко встретишь такое необычное сочетание талантов. А ведь он ещё – ветеран одной из локальных войн. А ещё Бажанов, как и Сент-Экзюпери, в прошлом лётчик. Из богатства жизненного опыта и рождаются его незаурядные произведения.

ПИРАМИДА, УПАВШАЯ НА КОЛЕНИ

(Олег Никоф, Кардиограмма молитвы. Верлибры. Серия TEXTUM&RANEUM. – Киев, Друкарский двор Олега Фёдорова, 2019. – 168 с.)

На мой взгляд, ось русского лиризма избыточно накренена в сторону рифмованных стихотворений. И происходит это по вполне объективной причине: отсутствию среди классиков русской поэзии выдающихся верлибристов. Верлибр – истов, но классиков масштаба Унтмена или Сен-Жон Перса у нас никогда не было. «Александрийские песни» Кузмина нисколько не убеждают поэтическое сообщество в том, что это перспективное направление для творчества. Тем не менее, мне всегда интересно наблюдать за опытами в неклассических жанрах русской поэзии. С книгой Олега Никофа, которая первоначально называлась «Герменевтика», произошла удивительная метаморфоза. Книга стала разрастаться лингвистически, превратившись сначала в билингву, а затем и в триязычие. Славянский вариант: русский, украинский и белорусский языки. Потом подключились художники, и всё обросло иллюстративным рядом. Изменение качества привело к потере прежнего имени: «Герменевтика» превратилась в «Кардиограмму молитвы»: «Пальцы мои / Вывели на бумаге / Кардиограмму молитвы». Новая книга Никофа представляет собой философские верлибры символистского толка. Верлибры Олега приятно порадовали меня густотой письма и качеством изложения. «Кардиограмма» – книга самопознания: автор задаёт себе «неудобные» вопросы, пытается на них ответить, ищет в душе гармонию.

> Виляя Маленькими хвостами Головастики Человеческих мыслей Быстрее света *Устремляются* В аквариум вечности и Косяками кармы Передразнивают Своё предыдущее Я Немым вопросом: Зачем ты пытаешься Заглянуть в будущее Предвосхищая Ещё незаслуженную Боль?

Олег Никоф пишет короткими строками, словно бы высекая статую из мрамора. Причём, в отличие от многих верлибристов, отказавшихся от прописной буквы в начале каждой строки, он, наоборот, «частит» именно большими, заглавными буквами.

Я видел вечность
Бездомный старик
Сидел на фанерном ящике
II глядя
На сломанные часы
Себя совмещал
С минутной стрелкой

Мы видим, что в самой короткой форме стихи Никофа близки к хокку и танкам, кратким изречениям Николая Рериха и Рабиндраната Тагора. Но ведь можно не замыкать пространство стиха несколькими строчками! Удлинившись, «восток» неожиданно становится «западом», приноравливаясь к европейской традиции верлибра.

Память Удачная попытка природы Обмануть время Когда даже вкус карамели Тождествен любви

Стихи Олега – как часто бывает, ещё и самотерапия. В «Кардиограмме молитвы» автор даёт целую психологическую энциклопедию состояний души человека. Главные темы – становление личности через страдание, духовный рост через усекновение хвоста из прошлой жизни. Прежняя жизнь, по мере «взросления», неожиданно становится рудиментом, и это причиняет человеку боль.

 Π ытаясь влиять на реальность Сдвигаю Угрожающе Надбровные дуги страданий Боль разметав В разводе Стремящихся Упасть безвольно рук Угол стремления пасть Y каждой руки Произвольный II от этого я кажусь восходящим На эшафот Начала разумной жизни Неандертальцем Который придя к жилищу Безмольно взирает На след бушевавшей стихии

Почему же «молитва» раньше, в прошлой жизни,была «герменевтикой»? Изначально герменевт – это толкователь текстов. Поэт толкует самого себя, как некий Текст. В душе накапливается много такого, что хочется навсегда спрятать в своём сердце. Но как с этим жить? Как вынести давление изнутри? Поэту приходит подсказка: спрятанное в себе нужно выпустить! Молитва – первый шаг к освобождению. Это превращение внутреннего монолога в диалог с Богом. Молитва, сохраняя черты герметичности, одновременно «развязывает гордиев узел», даёт выход наболевшему. Символично даже само изменение названия книги. Но и новое название заставляет читателя задуматься. Человеческое – кардиограмма – обручается с божественным (молитвой) в мистическом порыве. Такой стиль письма внутренне раскрепощает.

Отец, дочь и мать — Любовались израненным Сфинксом II рикошеты их мыслей Оставили новые раны На теле уставшего камня Тысячи лет $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Он не позволял себе

Откровения

С неразумными лилипутами

Им оставляя самим

Догадаться

Что пирамида

Упавшая на колени

Одной из своих граней

Всегда устремляет

Вершину свою

В бесконечность

Существует непоколебимое величие во времени. Даже если перевернуть или опрокинуть пирамиду, её визуальная мощь нисколько не пострадает. Об этом и говорит в своём стихотворении Олег Никоф. Многие его стихи представляет собой развёрнутую метафору. «Пирамида, упавшая на колени» – яркий образ. Он запоминается читателям сразу и надолго. Интересны и другие стихи Олега.

Осколок гранита

Упал

На зеркало

Самообмана

11 серебряные сабли

Вдруг разбежались

От эпицентра обиды

Каждая жалом

Отточенным

Соприкасаясь с обидой

Каждая правду

Свою

Осколочную отражая

Вот и с тобою

Мы не успели

Закрыться

От камешка непониманья

Терпеньем

Конфликт между инь и ян провоцирует героя стихотворений Олега Никофа на философские открытия. Поэзия служит своеобразным мостиком между личной драмой поэта и обретённой философией. «Кардиограмма молитвы» – книга хорошо организованная. Как я уже говорил, изначально она разделена на русский, украинский и белорусский разделы. У каждого раздела есть свой художник и свой переводчик. Перевод текстов Никофа на украинский осуществила Надежда Черноморец. На белорусский язык стихи перевела Ирина Мацкевич. Проиллюстрировали книгу Артём Сенчило и Наталья Алымова. Но у книги есть и вертикальная драматургия. Существует ещё и духовная соотнесённость того или иного текста с более широкими, обобщающими понятиями. Эти понятия соответствуют разным фазам внутренней жизни. Вот некоторые такие «метки»: «Гармония», «Одиночество», «Бесконечность», «Непонимание», «Свет», «Возвращение», «Счастье». В этом есть соотнесённость с эзотерической литературой. Хотя одновременно существует риск сузить смысл стихов таким объединяющим понятием. Как говорится, это палка о двух концах. Хочу поздравить Олега Никофа с интересной книгой. Мне кажется, именно в верлибрах его талант проявляется наиболее ярко и оригинально.

«ОБЫДЕННОСТЬ ПРЕОБРАЖАЯ В СЛОВО...»

(Прина Денисова, Стихопричастное. – М., У Никитских ворот, 2021. – 116 с.)

Новая книга Ирины Денисовой подтверждает её духовный и человеческий рост. Она говорит о самом важном: о ценности жизни, о невозвратности прожитого мгновения. Её тяготит обыденность, она – романтик, который, вслушиваясь и всматриваясь в мир, ищет на земле волшебство.

Я шла по улице, и лаяли собаки, II ветки прикасались к голове. II снова жизнь мне подавала знаки, Рассыпанные в небе и траве.

Поэзия – повсюду, надо только пристальнее всмотреться в окружающий мир. У Ирины Денисовой – тёплый лирический дар. Иногда ей, на мой взгляд, не хватает «школы» – умения зряче, дотошно работать над своими строчками. Но она старается компенсировать это своими сильными сторонами: искренностью и, в широком смысле слова, культурой. Стихи ведь тоже «творят» человека: делают его лучше и чище.

Стихотворенья, словно облака, Опустятся на плечи. II туманом Являются к тебе издалека Таинственным прозрачным караваном.

...Тебя проймут до мозга, до костей, Обнимут крепче преданного друга, II ты замрёшь в предчувствии вестей, Как будто поле в ожиданьи плуга.

Раньше многие наши писатели хорошо знали латынь и древнегреческий. Это было само собой разумеющееся. Древние языки изучали в школе. Меня поразило, что Ирина Денисова любит латынь! В начале каждого раздела книги у неё идут латинские изречения. Например, вот это: «VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT» (Слова улетают, написанное остаётся). Русским эквивалентом может быть пословица «Что написано пером, не вырубишь топором». А дальше у Денисовой идёт ещё и древнегреческий язык: «Молчание – начало всех начал. / Всегда беззвучен христианский ихтис. / Господь тебе молчание послал, / II не слышна работа белой кисти». Ихтис – это символическая рыба в христианстве. Одной этой детали достаточно, чтобы понять: перед нами стихи человека верующего. Что ещё важно знать о творчестве Ирины Денисовой? Она коренная москвичка и патриот своего города. Всё это находит отражение и в стихах. Божедомка, Плющиха, Васильевский спуск, улица Молчанова, Новая Слобода (Новослободская) опоэтизированы в книге Ирины. Порой в её стихах появляется парадоксальное мышление («Стареть не страшно. Страшно не стареть»). Нестареющий Дориан Грей производит среди пожилых сверстников дьявольское впечатление. Ирина Денисова пишет высоким штилем. Но так же говорит она и в повседневной жизни. В этом плане автор и лирическая героиня стихов – едины. Ирина ведёт в Лермонтовке музыкально-поэтический просветительский салон «Velum», и здесь мы тоже видим латинский след. «Velum» – это парус. Помните, «а он, мятежный, жаждет бури, как будто в бурях есть покой». Денисова – человек «ахматовского» склада. Ей свойственны стиль, бесстрашие и интеллигентность.

IIз старого муранского стекла Я бусы нанижу, как дни, на нитку. Подумаю о том, что жизнь светла, Подобна втайне золотому слитку.

… II, ожерелье положив на стол, Полюбовавшись на творенье снова, Постигну: этот миг не зря пришёл, Обыденность преображая в слово.

«Стихопричастное» – название интересное и нестандартное. Причастие – это ведь и часть речи, и церковное таинство. Хотя, мне кажется, ещё интереснее было бы назвать книгу «Стихопричастная». Но у Ирины в стихах прослеживается желание абстрагироваться от чисто «женского». Если говорить о её мировоззрении, Ирина верит, что мир спасёт умение видеть красоту. В какой-то степени она наследует традицию символизма. У неё – «бокал, листок и роза на столе». Среди близких ей современных поэтов Денисова выделяет Ольгу Олгерт.

Укрывшись бабушкиным пледом II взяв искрящийся бокал, Забудешь всё: невзгоды, беды, Придёшь к началу всех начал.

Хоть за окном то дождь, то слякоть, II снова снег сошёл в поля, Горяч пирог, и пахнет мякоть, Святою кажется земля.

Образ идёт у Денисовой через зрение и слух. Ей хорошо удаётся пейзажная лирика: «Сколько мне осталось этих зим? / Сколько мне осталось дней морозных? / Путь снежинок неисповедим — / На щеках оставят след свой слёзный». Одна из главных тем стихов Ирины — переформатирование собственной судьбы. Извлечение уроков из опыта прошлых лет. Счастливое умение! Ирина во всём старается искать позитив. Становиться лучше — замечательная цель в жизни. Она не зависит от сопутствующих обстоятельств.

Дни идут. II стискивают стрелки Те часы, что Богом мне даны. То, что было крупным — стало мелким. Что ничтожным — ныне знак судьбы.

Сутки прочь. Мелькают светотени, Становясь всё мельче и бледней. Будто их какой-то скорбный гений Поднял с затонувших кораблей.

Маятник всё медленнее ходит, Замыкая жизни полный круг. II меня печальней, тише водит Кукловод, не покладая рук.

II дышать становится труднее, II летать уже невмоготу!.. Но живу счастливей и мудрее, Удалив из будней суету.

«УВИДЕТЬ В ПОДЛИННИКЕ РОССИЮ...»

(Валерий Прокошин, Тяжелей чернозёма. Стихи. Составление и предисловие Андрея Коровина. — М., ArsisBooks, 2019. — 168 с.)

Собранная Андреем Коровиным книга стихотворений Валерия Прокошина производит сильнейшее впечатление. Мы уже почти отвыкли от такого сочетания поэтической мощи, техники и содержания, от предельной боли, преобразованной в поэзию. Я, конечно, знал, что Прокошин – поэт классный. И даже написал на его крымские стихи песню. Но что поэт он настолько потрясающий, «по гамбургскому счёту» – явилось для меня откровением. И в этом, конечно, огромная заслуга составителя, Андрея Коровина, который правильно, логически последовательно скомпоновал эту книгу. Уровень поэзии вызывает, в хорошем смысле слова, шок. Несмотря на дух тяжести, стихи Прокошина целебны. Убогая провинциальная жизнь превращена поэтом в чудо бытия. Не хочется бежать впереди паровоза, но, на мой взгляд, многие из стихов Валерия – уже классика.

По Ленинграду... граду... аду, Ногами загребая снег, Как окровавленную вату, Повешенный шёл человек.

Чужой закат пылал над городом, II пеплом наполнялся след. II жутко кожу жгло за воротом Рубахи. Боже, восемь лет.

Тогда ещё никто на свете Не понимал, в каком бреду Его приговорили к смерти Уже в семнадуатом году. Со всеми братьями и сёстрами Прощаясь и, почти незрим, Он шаг за шагом жизнь навёрстывал, Но прошлое ползло за ним.

Какую страшную награду Ему всучил позорный век: По Ленинграду... граду... аду Повешенный шёл человек.

Он долго шёл бы по заснеженной Стране — без мер, стране — без вер, Но этот человек повешенный Зашёл зачем-то в «Англетер».

Потрясающие стихи! Я не совсем разделяю эти мысли о судьбе Есенина. На мой взгляд, он всё равно бы погиб, при белых ли, при красных, при царе ли. Не может Ван Гог дожить до глубокой старости, по самой природе своей души. Но сила прокошинского художественного слова так велика, что, когда я читаю эти строки, я верю, вместе с автором, что именно большевики и ЧК погубили великого русского поэта. Прокошин верно передаёт главное: обречённость поэта на гибель. Конечно, в этом стихотворении очень сильна эмоциональная составляющая. Однако обратите внимание на мастерство автора. В первой и третьей строке каждого катрена он чередует женские рифмы с дактилическими, и это дополнительно передаёт ощущение тяжело бредущего человека. Особенно остро Валерий реагирует на несправедливости, происходящие с поэтами.

ёлки московские послевоенные волки тамбовские обыкновенные то ли турусами то ли колёсами вместе с тарусами за папиросами герцеговинами нет не мессиями просто маринами с анастасиями серые здания вырваны клочьями воспоминания всхлипами волчьими вместо сусанина новые лабухи церковь сусальная возле елабуги птичьими криками облако низкое кладбище дикое общероссийское сгинули в босхе и в заросли сорные волки тамбовские волки позорные

Мы видим, насколько стилистически разнообразны его тексты. И название книги – «Тяжелей чернозёма» – очень хорошее. Но у Прокошина есть в изобилии не только тяжесть, но и нежность. Помните, у Мандельштама: «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...». В книге много любовной лирики, написанной страстно и призывно. Поэт любил и был любим.

 $\bigcirc$ $\bigcirc$ $\bigcirc$

Волны лижут песок, словно шенчут: «I Lo-o-ove you...» и «So-o-orri...» Мы с тобой возле самого-самого Чёрного моря.

Ялта, Сочи, Гурзуф, Коктебель... здесь кончается лето, II качается вечер, как вечность, на краешке света.

Мы на ощупь находим друг друга, мы первые с краю, Mы срастаемся кожей - и море уносит нас κ раю.

Путешествие вдаль, там, где волк догоняет собаку: - Ты куда? - Я домой. - Я с тобою. - Куда? - На Итаку.

 $\it A$ не знаю, чем кончится наше с тобой двоеборье В эту ночь возле самого чёрного-чёрного моря.

Губы шепчүт: «Люблю...» и «Прости...». Здесь кончается Лета, И качается чайка, как ангел, на краешке света.

Книгу Валерия Прокошина можно читать бесконечно, начиная с любой страницы. Хайку, хокку, танкетки Прокошина, включённые в книгу, дают нам представление о масштабности творческих поисков мастера. «Бой часов с вечностью», «без секса как без рук», «в раю бес попутал», «лягушек пруд пруди» и другие миниатюры говорят ещё и о том, что у Валерия было хорошее чувство юмора. Но, как мне кажется, убедительнее всего стихи Прокошина существуют в звукописи. Он – яркий последователь Мандельштама, причём не только в эстетике, но и в оппозиционности существующей власти. Это была чисто стихотворная оппозиционность. Мне трудно представить себе поэта митингующим на площади. Из наших современников Валерию очень нравились стихи Александра Кабанова. Прокошин жил и умер верующим человеком. Не зря бабушка огородами водила мальчика в церковь. Поэт убеждён в единстве всего Божьего мира.

> Мне с печалью земной не сладить, Но на краешке бытия Бог одною рукою гладит Человека и муравья.

В посмертной книге Прокошина – много стихов о детстве и отрочестве. Они детальны, лиричны и цельны по впечатлениям. Вот мальчик наблюдает за выходящими из речки голыми влюблёнными. Вот бабушка выводит его огородами из церкви, чтобы никто не настучал в партком. Вот стихи о его детских влюблённостях. Вот он, четырнадцатилетний, смотрит кино, и «титры ползут муравьями на юг». У Валерия был редкий дар – говорить не отдельными строчками, а всем стихотворением. По моим ощущениям, его детство было не таким уж бедовым. Он с удовольствием заныривает ретроспективно в эти ранние годы. Поэтическое восприятие мира нивелировало всё плохое. Душа поэта перенастраивалась на тонкие энергии. Он всей кожей чувствовал, что его место – там, в русской глубинке.

> Π ровинция — убогие места: Тысячелетье варварства и чуда. Кто здесь живёт? – Наверное, Иуда. Сады... церквушка... кладбище... Верста.

 Π ровинция — библейские места: Здесь век пройдёт, пока воскреснет слово. Сады... церквушка... кладбище... Голгофа. – Кого распяли? – Кажется, Христа.

Тем не менее, поэт считал свою провинцию «подлинником России» и не хотел её покидать. И даже призывал других творческих людей тоже ехать в глубинку:

Приезжай из горьких своих столиц, чтоб увидеть в подлиннике Россию. Я вчера приручил трёх певчих птиц — Ариадну, Анну, Анастасию.

Поэт рано познал нищету и неустроенность быта. Но, если обобщать – это типичная «нестоличная» жизнь. Вот, скажем, у Виталия Кальпиди тоже от пьянства и наркотиков умерли многие одноклассники и друзья. Прокошин, как и Кальпиди – тоже «поэт-дикоросс», по выражению Юрия Беликова. Состоявшийся вопреки всему.

Лирика Прокошина исповедальна. Но не только. Он – боец. Он человек, который не боится выйти один против целого мира. Когда я читаю Прокошина, буквально на уровне инстинкта ощущаю разность между ним и мною. Я вырос в благополучной семье, и, конечно, не знаю и десятой доли того, через что довелось пройти Валерию. Стихи у Прокошина достаточно жёсткие, но обычно «в рамках правил». Только изредка в его стихах прорываются не совсем цензурные слова. Вот что мне запомнилось и понравилось: «С красным допингом в сердце, не в силах на месте стоять, / По кремлёвской панели прошлась олимпийская блядь». Как будто вчера написано! А ведь поэт пять лет не дожил до скандалов в области спорта, инспирированных беглым химиком Родченковым!

Подытожу. Разностороннее творчество Валерия нуждается в пристальном и глубоком изучении. Хочется, чтобы томик Прокошина был в каждом культурном доме, наряду с Пушкиным и другими нашими большими поэтами.

> Косарями пастбища прокошены, II душой до срока опыт нажит. Горький стих Валерия Прокошина Русскую поэзию пропашет.

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45 Ю 195 УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

> Підписано до друку 22.02.2021 р. Формат 60х70/8. Гарнітура Garamond Narrow. Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 22,33 Зам. 1448. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.) Надруковано в КП «Одеська міська друкарня» 65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17